ЖЗЛ

Жизнь Запрещенных Людей

Гейдар Джемаль, исламский философ сбросил вызов не Москве, а всему миропорядку, существующему... Сегодня ислам безусловно стал главной политической "ересью" – не случайно и преследуется в цивилизованном мире. Жир нагуливать, подкапливать богатство. До Джохара гениальным террористом в мусульманском мире был Че Гевара – преданный герой, отдавший за дело Свободы, чтобы взойти на нелегкое поприще "Героя".

Чеченскому лидеру не стоит учить предпочтения к брендам. Слабые нервы терпилам не выдержать этого. Штопаные кофты с тонкой ниточкой уголовников из лагерей и тюрем и гвардейцы-полуночники в воинской касте добровольцев, которой нет на Кавказе. Поверьте мне, что свобода и смерть – близнецы-сестры.

Джохар ДУДАЕВ

...Когда уезжали из Дворца, увидели растерянного чеченского спасень стоящего посередине дороги. Все машины с огромной скоростью проскакивали мимо него, ради приносились очереди. Джохар крикнул: «Назад! Немедленно вернуться!» Через часа назад старика посадили рядом. Джохар похлопал его по спине: «Молодец ты, молодец бора (не испугался, молодец)». Старик молчал, только кивал головой, читая «Биссмиллях» (молитву), от страха не видя ничего вокруг. Еще

одного старика, только русского, расстреляли они или в тот вечер. После заявления Ельцина, что штурма города не будет, русские, преимущественно старики и пожилые люди, потянулись по подвалам. Большая часть из них спряталась во дворе бывшего горкома партии, в бомбоубежище. К ним подошел молодой парнишка, радиотелеграфист и комендантский, что случайно поймал чеченскую волну, сказал, как танкисты по рации сказали: «Сейчас войдем в город, погромим». Они не поверили его словам, но по окнам домов начали бить очереди танков. Дома начали гореть. Один из танков ударил со второго этажа фугасом обгоревшего старика. Где, как и многие другие, отнесли в подвал Президентского дворца. Рядом на полу лежала пожилая раненая женщина – генерал. Зажатый бинтами старик завопил: «Бабку убили, "освободители"! Я б тебе сломал руки!» – посмотрел на культяпки, потом на свои забинтованные руки...

МИЛЛИОН ПЕРВЫЙ

Алла Дудаева

www.ultraculture.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге повествуется о жизненном пути первого президента Чечни, раскрываются особенности чеченского народа, его стремление к независимости. Она позволяет понять характер Джохара Дудаева, его взгляды на жизнь. Название книги — «Миллион первый» — связано с известным высказыванием покойного президента: «Как-то у него спросили: «А сколько у чеченцев генералов?», на что Джохар Дудаев ответил: «Каждый чеченец — генерал, я же только миллион первый!»». В издании широко представлены документы последних лет жизни, речи и интервью Джохара Дудаева, его переписка. Книга также содержит стихи Аллы Дудаевой, которые она посвятила чеченскому народу.

- Алла Дудаева
  - ОТ АВТОРА
  - ЧАСТЬ I
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава б
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - ЧАСТЬ 2
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
  - ЧАСТЬ 3
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 23
    - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

- ЧАСТЬ IV
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
- Приложения

Алла Дудаева
Миллион первый

ОТ АВТОРА

Если бы много лет назад мне сказали, что я напишу эту книгу, я бы не поверила. Как не поверила бы и в то, что выйду замуж за чеченца, которому суждено будет стать первым мятежным президентом независимой и непокорной Ичкерии, и в то, какие жесточайшие испытания выпадут на мою долю, на долю народа, который я полюбила всем сердцем, всей душой.

Я благодарна судьбе за то, что на своем пути я встретила столько мужественных и благородных людей. Вместе с ними я пережила героические события Новейшей Истории Ичкерии. У них я черпаю свои силы и вдохновение, что бы жить и творить.

И хотя моя книга и посвящена Джохару Дудаеву, она так же является посвящением всему бесстрашному чеченскому народу и благодатной земле Ичкерии, которой жил и за которую погиб миллион первый ее гражданин.

Я от всей души благодарю всех, кто оказал мне большую помощь в работе над этой книгой, и пусть не обижается на меня тот, кто не найдет своей фамилии на ее страницах. Помните, что без вашей любви и поддержки этой книги просто не было бы.

Да хранит вас Аллах!

МИЛЛИОН ПЕРВЫЙ

(краткое содержание)

ДЖОХАР ДУДАЕВ

МИЛЛИОН ПЕРВЫЙ

Грудным ребенком по сталинскому указу он был выслан вместе со своим многострадальным народом в заснеженный Казахстан. В семь лет потерявший горячо любимого отца, мальчик-изгой из «генерала песчаных карьеров» пройдя через жесточайшие испытания, становится первым чеченским генералом элитных частей Военно-воздушных сил СССР. Только неустанным, напряженным трудом, потеряв практически всякий страх перед смертью, чудовищным усилием воли ему удалось прорваться сквозь запретные «для чеченцев» кордоны. И вся жизнь его стала преодолением. Всенародно избранный президент мятежной республики, превосходный политик-реформатор и, наконец, главнокомандующий, в русско-чеченской войне с превосходящим в стократ по силе противником — полководец, военному искусству которого и сейчас поражается мир, генералиссимус. Рядом с Джокером лучшие сыны и дочери чеченского народа, восставшие против огромной империи зла. Это добровольные жертвы и не только они — все, погибшие под бомбами в разрушенной обугленной столице, растерзанные и замученные, умершие от голода и холода, все униженные и незаслуженно оскорбленные, тысячи раз расстрелянные и

распятые — своими телами проложили, а кровью омыли долгожданную свободу Ичкерии. И убивать их дальше не только бесчеловечно, но и бессмысленно, ведь убить идею не удавалось еще никому и никогда. Только способные на смерть ради других могут сдвинуть сонные души, занятых только самими собой в мире, который сам является подсудимым у самого строго судьи — истории, потому что всегда убивал наиболее неудобных ему людей. Учителей и пророков. Вспомним Джордано Бруно, Жанну д'Арк, Шейха Мансура, Мартина Лютера Кинга и множество других мучеников и героев. И каждый раз. Когда «возмутитель спокойствия» проверяет наши законы на прочность весь мир держит экзамен, и мы с ним тоже, потому что это касается всех нас…

ЧАСТЬ I

Джохар Мусаевич, сколько у чеченцев генералов?

Джохар заразительно смеется.

— Каждый чеченец генерал, если не верите, подойдите к любому чеченцу и скажите: «Ты не генерал» — тогда увидите, что будет. Я только миллион первый!

Он смеется все громче, и его искренний, выходящий, кажется из глубины самого сердца смех, подхватывают зеленые скалистые горы, вторя ему, переполняются, грохочут синие ущелья, смеется само голубое небо с белыми пушистыми облаками, весело искрятся прозрачные живые ручьи, стремительно бегущие с непокорных снежных вершин гордых, как вся земля Ичкерия и… замирает на мгновение удивленный мир.

Джохару Дудаеву

Первому Президенту непокоренной Чеченской Республики Ичкерия Посвящается…

О мой прекрасный бедуин!
Каких песков, каких равнин
Летит горячий суховей
И заметает Лету дней.
Томленье губ, память ночей
И страстный звук твоих речей,
И кожи бронзовый загар,
И запах роз — Кавказа дар,
Печаль твоих восточных глаз.
Шуршит песок за часом час.
И жизнь на острие клинка

Уносит времени река…
Свободы яростный призыв,
Огонь и страсть речей твоих,
И взрыва черная волна.
Твои последние слова
Услышал ветер и несет,
Свободе, солнцу песнь поет.
Трубит о ней горный поток,
Молитвами звенит восток.
Народный клич «Аллах Акбар»
Зовет тебя: «Вернись, Джохар!»
И мертвый, прислонясь к скале,
России страшен ты вдвойне.
Благоговейно пред тобой
Склонил главу Кавказ седой.
Встают из пламени войны,
Ичкерия, твои сыны
В бой, предначертанный судьбой
За Грозный, самый грозный бой,
«Победа!» — долгожданный крик,
И горы дрогнули на миг…
Звенят хрустальные ручьи,
Взмывая ввысь, парят орлы,
Но охраняет твой покой
Долина детства — Ялхарой.
Вершины, ветер, облака
И тихо шепчутся века,
А возле башни родовой
Расцвел шиповник молодой…

Глава 1

Ялхорой… Долина, зеленой чашей раскинувшаяся между высокими горами, — колыбель первого президента Ичкерии Джохара Дудаева. Ехать от центра Грозного до нее — полдня. И только оказавшись в этом бескрайнем царстве и окунувшись в ослепительно сверкающий голубой простор на огромной высоте между бесконечными цепями вершин, вдруг чувствуешь: здесь все — история… Родовая башня на склоне горы, взорванная в 1944 году во время депортации чеченцев, еще сохранила фундамент и начало стен. Огромные полутораметровые тесаные камни не сумели разрушить ни человек, ни время. На одном из них — отпечаток мастера, построившего эту башню. Вокруг — непроходимые заросли чертополоха и репейника такой высоты, что в них легко заблудиться. Таких разрушенных башен-крепостей — сотни в Ичкерии. Каждая из них строилась всем родом, и если ее не успевали возвести в течение года, то она так и оставалась недостроенной, молчаливым свидетельством того, что род еще недостаточно силен.

Удивительное и волшебное место эта долина. Утес над дорогой, как огромный горец в папахе и бурке, застыл, охраняя вход в нее. Сторожем назвали его местные чабаны, пасущие в долине отары овец. Блестит, переливается на дне долины ручеек, из расщелин пробиваются заросли дикой малины и смородины. Если посмотреть на развалины башни сверху, то можно ясно увидеть очертания лежащей девушки; россыпи камней, отходящие во все стороны от «головы», кажутся распущенными волосами. Зеленое царство огромных растений: листья мать-и-мачехи — с зонтик величиной, а дудник, в изобилии растущий в России по берегам речек и прудов, здесь достигает четырехметровой высоты. «Обмельчал, — жалуется старик, местный чабан. — Раньше охотник, влезая на его ветви, издалека видел зверя».

Воздух напоен запахом медоносных цветов, гудят пчелы. Местные пчеловоды не успевают откачивать в огромные бидоны мед из переполненных ульев и до самой поздней осени кочуют по цветущим склонам. Все тут дышит легендами древней земли вайнахов — скотоводов, землепашцев, тружеников и… воинов.

Впервые этот народ упоминается в исторических памятниках на рубеже VI века до н. э. Название чеченцев — «нохчи» — произошло, как толкуют одни, от имени пророка Ноха (Ноя), другие считают, что в его основе — слово «нох» (плуг), третьи — «нах» (люди, народ). В XIX веке грузинский миссионер Евфипит

еще в XIV веке переводил самоназвание чеченцев «нахчуо» как люди, народ. Вайнахи — общее название чеченцев и ингушей, что значит наш народ (свои люди). Вайнахи имели свою государственность более трех тысяч лет назад.

Некогда здесь, в родовой башне Ялхороя, нашел приют знаменитый абрек Зелимхан Харачоевский. Если глядеть на противоположную от башни сторону долины, слева, меж гор, можно увидеть тропу Зелимхана Харачоевского, по которой он уходил в Грузию.

А дальше — зеленое плато, окруженное кольцевым ущельем, по дну которого бежит прозрачная горная речка. Солнечные лучи едва пробиваются сквозь почти смыкающиеся скалы со множеством ниш и пещер. Дикие звери находят здесь прибежище, и часто на твой, еще не успевший наполниться водой след в песке наступает лапа рыси или медведя.

Справа, на неприступной скале, на высоте 200 метров, — Домик мертвой девушки, построенный, по преданию, отцом, который заточил сюда дочь перед рождением незаконного ребенка. Это каменное строение стало могильником для многих. Сквозь ниши видны скелеты и чьи-то длинные волосы. Языческие знаки-символы на стенах; ветер, несущийся с плато; шорох песка — все шепчет о грустной тайне ушедших времен и поколений. Дальше, если идти 10 часов пешком, перед вами откроется голубое хрустальное чудо невиданной красоты — высокогорное озеро Галанчож.

Солнце, склоняясь к закату и опускаясь за утес Сторож, делает долину оранжевой и почти прозрачной. Фиолетовые, сиреневые, черные тени в ущельях. Мягко и печально светятся «бурка» и «папаха» Сторожа, и, кажется, каменный горец поднимается, большая тень его оживает, и он снова выходит в свой извечный дозор. Здесь охранял он когда-то маленького мальчика по имени Джохар (что на чеченском языке означает «жемчуг»), пришедшего в мир в вековой башне, мечтавшего жить и умереть, прижавшись к этой земле, «обняв родные горы»… Так заканчивается его единственная, ненапечатанная поэма.

В долине, похожей при закате солнца на розовую перламутровую раковину, он родился, подобно жемчужине, и сюда должен вернуться. Это было его самым заветным желанием. Отсюда, с вершины высокой горы, Джохар будет смотреть на свою родную непокорную Ичкерию, а старый каменный утес вновь станет оберегать его покой и хранить вековое молчание…

Теплое лето 1967 года

После июньского студенческого пленэра я собиралась первый раз на танцы в наш гарнизонный Дом офицеров в новом, только что сшитом мамой бордовом бархатном платье, безуспешно пытаясь причесать щеткой непокорные короткие каштановые волосы. Месяц этюдов в одном из сел Смоленщины, полуденное солнце и речной песок превратили благопристойную девушку с длинными волосами в загорелого мальчишку с вихрами на затылке. «Я там просто не успевала отмывать от краски волосы, пальцы и коленки, вот и постриглась», — оправдывалась я перед мамой. «Ты бы еще все остальное тоже отрезала, — рассерженно отвечала она, — а поаккуратнее нельзя рисовать?» «Нет, конечно, я же не чертежник!»

В глубине души я очень гордилась тем, что когда писала картины, забывала обо всем на свете — это было явной приметой вдохновения, а без него, как известно, не рождается на свет ни одно настоящее произведение искусства. И судя по количеству пятен краски на мне, вдохновение было совсем близко.

Да, на аккуратного чертежника я определенно не походила. Считая себя вольными художниками, мы снисходительно именовали чертежниками некоторых наших сокурсников, в поте лица вырисовывающих и раскрашивающих на своих грунтованных холстах и картонках каждую вылинявшую доску в сизых деревенских заборах. Они, как правило, имели отличные оценки по черчению, примерно посещали все лекции, но полетом фантазии явно не отличались.

«В одном из этюдов у меня очень хорошо получилось золотистое речное дно с просвечивающимися под водой камнями. Эту акварель забрали в художественный фонд нашего института. А у Галки Даниловой, моей подружки, взяли этюд, на котором она написала зеленый холм с колыщущейся под ветром выгоревшей травой и белыми от солнца ветками ив», — взахлеб делилась я впечатлениями, пока мы срочно «подгоняли платье». Я похудела и чувствовала себя такой легкой, что ветер, казалось, мог унести меня, словно прокаленную на солнце былинку. Густой запах соснового бора, озерной воды и зеленого камыша еще бродил во мне, отдавая свежей, глубинной чистотой, и казался самым первобытным запахом на свете. Он надолго сохранился во мне и потом, зимой, когда я вспоминала озеро, вызывал те же острые чувства.

Каждую субботу после просмотра очередного нового художественного фильма в Доме офицеров были танцы, на которые приходила не только молодежь. Семейные пары, часто довольно пожилые, тоже оставались после просмотра, рассаживались вдоль стен и смотрели, смотрели… Иногда

танцевали популярное в те годы танго, но чаще с упоением медленно кружились в вальсе, почти совсем вышедшем из моды. Другого развлечения, кроме субботних танцев, в нашем заросшем березами летном военном городке Шайковка Калужской области просто не было. После службы военным комендантом на острове Врангеля мой отец, майор авиации, обеспечивая взлет и посадку самолетов, служил здесь уже второй год.

Военный патруль с красной повязкой на рукаве прохаживался вдоль стен Дома офицеров. Нежно благоухали ночные фиалки и душистый табак на клумбах. Белые стрелы граммофонов табака, казалось, светились в ночной темноте, обволакивающей парк, а прохлада, залетая в открытые окна и раздувая тяжелые зеленые шторы, приятно освежала разгоряченные лица танцующих.

Как только я вошла, изящный молодой человек с черными усиками и красивыми карими глазами быстро пересек большой зал Дома офицеров и пригласил меня на танец. «Джохар Дудаев», — представился он, произнеся, кроме того, еще семь восточных, странно звучащих имен. «У нас на Кавказе принято знать всех своих предков до седьмого колена», — пояснил, поймав мой удивленный взгляд. Началась обычная, ничего не значащая беседа двух впервые встретившихся молодых людей. Оказалось, что наши увлечения и пристрастия во многом схожи. Нам обоим очень нравилась модная в ту пору мелодия «Маленький цветок». Потом Джохар прочитал мне строчки из «Мцыри» Лермонтова, многие его стихи он знал наизусть. Выправка и манеры Джохара напоминали выправку офицера — дворянина XIX века, в то время в нем что-то было от Печорина: возможно, разочарование в жизни и байроновская отрешенность.

Звучала музыка, пары танцевали танго, томно прижимаясь друг к другу, а он, отчужденно глядя на них, рассказывал мне про свою родину, Кавказ: «Когда танцуют Лезгинку, нельзя даже прикоснуться к девушке. Это оскорбление, нанесенное всему роду».

Его бледное лицо и печаль в глазах вызвали из глубины памяти слова, которые часто вспоминались мне потом, когда я думала о нем: «Под чужую песню и смеюсь, и плачу…» Эти строчки из известных стихов Сергея Есенина как нельзя лучше подходили к нему. Он постоянно тосковал по своим горам и ущельям, как птица в неволе по ослепительно синему небу и белым облакам.

Некоторые темы мы обсуждали так, словно были обитателями разных планет. «Твой народ утратил мораль и честь, которые были свойственны когда-то дворянам», — заявлял он. Я возмущалась, спорила, не понимала. «В каждой семье у вас

собственные мораль и воспитание». «А как это может быть общественным у чеченцев?» — не сдавалась я, выросшая в семье, где была единственным ребенком. Меня очень любили папа, мама и бабушка, и, наверное, поэтому я была довольно-таки высокого мнения о своих достоинствах.

Особого значения я его словам тогда не придавала. Танцы окончились, он проводил меня до дома и попросил, чтобы завтра утром (это было воскресенье) в 10 утра я пришла на речку — излюбленное место отдыха всего военного городка в выходные дни. Туда приходили семьями с детьми и парами, там играли в волейбол, купались и загорали на пляже с раннего утра и до захода солнца. Я обещала прийти на свидание не задумываясь, как делала это всегда и никогда не приходила.

На следующее утро я была у подруги и рассказала ей про нового знакомого. Ее мать, имея двух дочерей на выданье, знала все про всех молодых людей в гарнизоне, заинтересовалась, услышав имя Джохар. Я приехала в военный городок Шайковка только в июне, после окончания 2-го курса художественно-графического факультета института в Смоленске, меня не было дома целый год и я ничего не знала об этом «странном» молодом человеке. «Он с тобой танцевал целый вечер? — удивлялась она. — Странно, обычно он никогда никого не приглашает… Танцует только «белый» танец, когда девушки сами приглашают, хотя многим очень нравится».

Был уже полдень, когда мы с подружкой пришли на пляж. Отойдя подальше, я прилегла с книжкой. Про нового знакомого уже и не думала, как вдруг… на книгу упала тень Джохара. Он стоял под ярким солнцем бледный от негодования, огненные глаза его, казалось, прожигали меня насквозь. «Мы говорили вчера об отсутствии долга чести — ваше поведение это подтверждает!» Я растерялась — никогда не видела такого взрыва возмущения. Все мои поклонники терпеливо несли ярмо беспрекословной покорности, и повысить голос в моем присутствии было для них равносильно подписанию себе приговора. «Ну, я всегда обещаю прийти на свидание, чтобы не обидеть, и считаю, что не приходить на свидание — мое право…»

— У нас с вами разные понятия об этих вещах, — сказал он грустно и уже без возмущения. — Я ждал вас столько времени только для того, чтобы сказать об этом.

Странное дело, именно эта вспышка гнева заинтриговала меня. Все, кто окружал меня в ту пору, казались мне однообразными, похожими друг на друга. Тот, кого я могла бы полюбить, представлялся мне воплощенным в жизнь образом Артура из «Овода» Лилиан Войнич. Юноша, нервно обрывающий

тонкими пальцами лепестки цветов, с бледным лицом, печальными глазами и незаживающей раной в душе, был моей мечтой с шестого класса. Книгу я выучила почти наизусть и только с сожалением думала иногда о том, что мой идеал — всего лишь плод воображения такой же женщины, как и я, поэтому он так и волнует меня. Подобный необычайный сплав тонкости восприятия, обнаженных нервов и несгибаемого мужества просто не существует в природе!..

Но этот юноша меня заинтересовал. Его возмущение было таким искренним… и, самое главное, он был прав — нельзя унижать людей. Мы быстро помирились.

Я поднялась с травы и весь воскресный день мы провели на реке вместе, гуляя по ее зеленым берегам. Совершенно неожиданно набрели на золотистое поле озимой пшеницы, то здесь, то там среди тяжелых колосьев синели васильки. Мы начали их собирать. Как ни странно, его букет оказался гораздо красивее моего, посмотрев на мои торчащие «горбыли» среди синих цветов, он искренне рассмеялся. Его ослепительная улыбка и веселые, сказочно красивые карие глаза, которые золотились на солнце, как речное песчаное дно, поразили меня. «Как они похожи на мой этюд-в таких глазах можно утонуть», — успела подумать я, а он, глядя на мой растерянный вид, смеялся все громче и громче. Потом взял мой букет и начал осторожно обрывать сухие головки цветов, аккуратно складывая один цветок к одному. Оказывается, вот как просто это делается!

Вольный ветер с полей овевал наши лица, мы перескакивали с одного предмета на другой и никак не могли наговориться, понимая иногда друг друга мгновенно, с полуслова, как будто были знакомы тысячу лет, и эта простота в общении никогда больше не покидала нас.

На прощание мы обменялись букетами, не зная еще тогда, каким колдовским знаком это станет для всей нашей дальнейшей жизни. Ведь букет васильков означает в великой книге судеб первое любовное свидание.

Мы встречались с Джокером каждый вечер все лето и, к моему величайшему стыду, хотя я прочитала тысячи прекраснейших книг о том, что происходило совсем рядом, буквально у меня под носом, я не знала ничего. Я не имела ни малейшего понятия о том, что в нашей стране, где все равны, существовали (именно существовали, а не жили) лишенные человеческих прав люди (так называемые лишенцы). Не знала об уничтожении десятков сотен тысяч совершенно ни в чем не повинных чеченцев и ингушей и о последующей сталинской депортации их в Казахстан, куда также были высланы немцы с

Поволжья, крымские татары и греки, о высылке из Прибалтики в холодную Сибирь литовцев, латышей и эстонцев (а ведь наша семья 7 лет жила совсем рядом с ними в Забайкалье). О реальной жизни я узнавала только изредка, слушая рассказы отца о его страшном детстве, заливалась каждый раз горючими слезами. Прошли годы, и он вспоминал все реже и реже, время вылечивает самые тяжелые раны.

1933 год. Много писали о голоде в Поволжье, на Украине, а вот о голоде в Подмосковье ни слова. А ведь он был, да еще какой! Словно сговорились разорять села, кормившие не только Россию (за рубеж зерно вывозили), тяжелейшими налогами. Брали дань со всех подряд: мясо, молоко — даже если не было коровы; яйца — даже если не было кур. Сено косить не разрешали, огород 6 соток — и крутись как хочешь. Люди, хоронясь объездчика, выкашивали потихоньку поляны в лесу, обочины дорог, по ночам рубили лес на дрова. Денег не было, за трудодень ставили «палочки», обещая отдать осенью с «урожая». Надумали издать еще один указ: сеять в одном колхозе только морковь, в другом сажать картошку, в третьем — лук, в четвертом — еще что-то. Раньше сеяли всего понемногу, хоть что-нибудь, да уродилось бы, а тут… Лето выдалось дождливое, лук и картошка большей частью вымокли. Колхозники не получили ничего. Сначала перебивались кое-как на грибах, а потом… начали вымирать целыми семьями.

В ста километрах от Москвы (как видите, совсем рядом с нашей гордой столицей) в деревне Пожинское Егорьевского района жила большая семья: отец, мать и одиннадцать детей. Дети тянули исхудавшие ручонки и норовили украдкой стянуть у матери муку, которую толкла она из листьев липы. Та горько улыбалась сквозь слезы: «Глупые, этой липы на улице сколько хочешь!» Была осень, самое богатое время года. От голода умерло семь человек вместе с матерью. Одним из выживших был мой отец. Поздней осенью и зимой хоронили умерших по очереди, мои дедушка с бабушкой отвозили на санках маленькие гробики. Мать умерла последней. Дед, бывало, вспоминал: «Одного я больше всех любил, тоже, как и меня, Василием звали. Глаза синие, ох и пел!.. Жалко», — и плакал. Последних он посадил на телегу и повез в город — спасать. Там на карточки хоть что-то выдавали. Отец до сих пор вспоминает добрым словом мужчину, который, увидев их голодные глаза на синих личиках, подумал немного и протянул им буханку, которую нес в руках. Всю жизнь потом он мечтал встретить этого человека.

Однажды, когда мы жили уже совсем в другом месте, эти воспоминания нахлынули на отца с новой силой. В год

празднования пятидесятипятилетия Советской власти, летом 1972-го, мы поехали за клубникой, много ее выросло тогда в опустевших селах Калужской области. Был полдень. Солнце высоко стояло над головой, и оттого, наверное, особенно давила на нас оглушающая пустота вокруг. Одно село, другое… Окна забиты крест-накрест, ни души вокруг, даже собаки не лаяли, да, видно, их там и не было. Мы ехали очень медленно по слепящей солнцем улице, как во сне… И вдруг отец бросил руль, выскочил из машины и пошел куда-то, сжимая голову руками. Я догнала — по его лицу катились слезы: «Смотри, дочь, Советской власти — 50 лет». Вот она, бескрайняя Россия…

Наш худграф отличался свободомыслием. Некоторые студенты бродили по Смоленску в немыслимых для тех лет брезентовых джинсах, сшитых из военных плащ-палаток и разрисованных контурами континентов земного шара с политическими призывами по частям света. Соломенные шляпы, ожерелья из ракушек и бороды довершали вызывающий вид. Мы ездили на этюды, увлекались импрессионистами и, подражая им, величали себя барбизонцами. Тогда я впервые услышала о Солженицыне, и, видимо, витавший дух свободы и навлек беду на некоторых вольнодумцев. За нами началась слежка, искали компромат, несколько человек отчислили за какие-то мелкие оплошности. Рассказывали, что им предлагали выбор: слежка за однокурсниками или отчисление. Но «стукачи» появились потом сами собой, на каждом курсе это было чуть ли не официальной должностью. Они и сами этого не скрывали.

Джохар сразу понравился нашим студентам, особенно он подружился с преподавателем живописи Фаридом Фаттаховичем. Когда он приезжал ко мне в Смоленск, они подолгу беседовали на самые разные темы. Джохара можно было назвать блестящим молодым человеком в буквальном смысле этого слова. Волосы у него были цвета воронова крыла и блестели на солнце, и что бы он ни делал, все получалось блестяще, легко и с каким-то неуловимым изяществом. Когда, играя в волейбол, он отбивал мяч не только руками, но и головой, мы смотрели на это, как на цирковое представление, а он придумывал все новые и новые трюки, мяч оживал в его руках. Апогеем игры однажды был момент, когда Джохар вдруг быстро упал на обе руки и отбил мяч, почти уже упавший на центр площадки… спиной, очевидно, в знак полного пренебрежения к игрокам нашего «класса», а затем, глубоко о чем-то задумавшись, опустил голову и ушел…

Он часто шутил, но все его шутки казались мне волнами, играющими на блестящей поверхности моря, под которой скрывается постоянная неизбывная печаль.

Глава 2

В большой семье Джохар был тринадцатым, самым младшим и самым любимым ребенком. От первой старшей жены Даны у его отца Мусы было четверо сыновей — Бексолт, Бекмурза, Мурзабек и Рустам и две дочери — Альбика и Нурбика. От второй, Рабиат (или, как ее коротко называли, Лаби) — семеро: Махарби, Басхан, Халмурз, Джохар и три сестры — Базу, Басира и Хазу. Маленькими, дети от второй жены Лаби часто бегали к Дане, которая встречала их с неизменной лаской и нежностью, и сохранили любовь и уважение к ней до самой ее смерти.

Басхан, старший брат Джохара, рассказывал, что когда бы они к ней ни приходили, даже очень больная, она вставала с постели и, опираясь на колени, готовила им еду. Когда у нас родилась дочь, Джохар, в память о ней, предложил назвать ее Даной. Видимо, эта женщина отличалась истинным благородством. К сожалению, она рано ушла из жизни и увидеть ее мне не довелось.

Джохар, как и многие в Чечне, не знал точной даты своего рождения. Документы во время высылки потерялись, а детей было так много, что никто точно не помнил, кто когда родился. Говорят, в 1943 году, когда убирали пшеницу, более точной даты никто назвать не может.

Однажды Лаби с трехмесячным Джокером на руках пешком отправилась в соседнее село к родственникам, а на полпути к дому дорогу ей преградили трое волков. Они возникли совершенно неожиданно. В немом ужасе она застыла на месте, с безнадежным отчаянием глядя на сверкающие глаза и острые клыки окруживших ее со всех сторон голодных хищников. Некоторое время женщина стояла как вкопанная, уже почти смирившись с неизбежной судьбой, как вдруг раздался пронзительный плач младенца, все это время мирно спавшего у нее на руках. И… волки отступили, то и дело оглядываясь, нехотя ушли.

Накануне выселения Лаби осталась дома одна с детьми. Муса работал ветеринаром и в это время занимался отправкой овец в Грузию. По дьявольскому плану, разработанному до мельчайших подробностей, в домах чеченцев расселили российских солдат, прибывших якобы на учения. К ним, по неписаному чеченскому закону, относились как к гостям, жалели оторванных войной от родного дома людей. Где-то через месяц пожилой солдат-сверхсрочник, живший в доме, сообщил ей, что поступил приказ выселить их из селения за 24 часа. Молодая женщина заметалась

в слезах, не зная, что предпринять. Солдат пригнал телегу и помог собрать все самое ценное, подсказал, что делать, — у самого была такая же семья в России. Погрузил на подводу швейную машинку, мешки с мукой, домотканые паласы, медные кувшины, теплую одежду. Вот так, на этой телеге, с грудным ребенком на руках, окруженная многочисленными детьми, зарывшимися в заснеженные паласы, через обледенелые горные перевалы спускалась Лаби с гор к поезду в Грозный.

Два дня, в оцеплении вооруженных солдат, ждали они на станции погрузки в товарные вагоны. Многие из тех, кого наспех, без вещей, запихнули в промерзшие грузовики, скончались. Русские, жившие у станции, слышали нескончаемые стоны.

А потом — мучительный путь…

Поезд шел почти месяц, и на каждом полустанке выносили из него и закапывали в снег мертвые тела. Сначала ходили слухи, что состав утопят в море, потому что все они — «враги народа». Кто? Женщины с малыми детьми, подростки и старики? Мужчины были на фронте, жизнь свою отдавая за советскую родину.

> *«В самом начале 1944 года спецслужбы некоторых мусульманских государств получили агентурные сведения из советской России о том, что чеченцев и ингушей собираются выселять из отчего края. Согласно информации, чеченцев и ингушей планировали вывезти в Баку в товарных вагонах, затем погрузить на старые паромы, перевезти через Каспийское море в Красноводск. Во время перевозки намечалось советскими самолетами без опознавательных знаков разбомбить и утопить большую часть переселенцев и обвинить в этом немецкую авиацию. Баржи, уцелевшие от бомбовых ударов, должны были причалить к Красноводску, где тяжелейший климат, эпидемии, голод должны были добить всех чеченцев и ингушей.*
>
> *После получения таких секретных сведений спецслужбы мусульманских государств поручили своим четырем агентам-азербайджанцам пробраться в Чечню, сообщить чеченцам и ингушам о готовящейся коммунистами во главе со Сталиным античеловеческой акции против чеченского и ингушского народов. Четверо азербайджанцев приехали в Чечню, начали встречаться с пожилыми людьми, алимами. Они рассказывали им, что готовится очередной этап геноцида над чеченцами и ингушами. Многие не хотели верить, что всех их до единого могут выслать, тем более — что могут*

потопить целый народ. Азербайджанцев заметили. О них пошли слухи. Работники НКВД заинтересовались ими. Установили за ними слежку. Вскоре всех четверых азербайджанцев арестовали. Осудили закрытым судом по ст. 58 и отправили этапом в лагерь для политзаключенных в г. Карлаг, оттуда — в г. Балхаш. Один из них умер в тюрьме. Остальные выехали на родину после смерти Сталина. Действительно, среди чеченцев и ингушей до самого выселения ходили слухи о том, что их собираются утопить в Каспийском море. До сих пор остается тайной причина провала этого изуверского плана Кремля. Возможно, четверо азербайджанцев и стали одной из причин провала этого бесчеловечного плана. Как бы там ни было, они заслуживают того, чтобы их помнили и уважали».

Гобацу Локаев «Кавказская Конфедерация» ЧРИ

В первое время людей выводили из вагонов в чистое поле оправляться на глазах у измывающейся солдатни. Некоторые, не выдержав стыда, шли на цепь и падали под очередями автоматов. Позже в вагоне отгородили занавеской угол. Но все равно, только те, кто хорошо знает чеченцев, поймут, чего им это стоило. Это было позором более страшным, чем смерть. Многие не ели и не пили, решив умереть, но не идти в этот скотский угол. В одном из вагонов повесилась на собственной косе юная красавица, предпочитая такой конец унижению.

В архивах памяти каждой чеченской семьи десятки подобных человеческих трагедий.

Поезд медленно двигался от полустанка к полустанку. На больших станциях не останавливались, загоняли вагоны в тупик, подальше от любопытных глаз. Матери поднимали детей, и из высоко расположенных маленьких зарешеченных окошек высовывались детские руки, прося хлеба, воды.

Трупы не успевали выносить.

Поезд смерти качало и трясло, стучали колеса, содрогались вагоны, дул сквозь щели леденящий ветер с песком и снегом. В Казахстане начали кое-где выгружать людей. Никто не знал, где их выселяют.

Казахи боялись приезжих. Местное население предупредили: никаких контактов с приезжими, у которых общего с людьми — только внешний облик. Так было до тех пор, пока дети, любопытные, как все дети на свете, не поведали ошарашенным родителям: «Эти звери делают то же самое, что и вы!» Стоя на коленях на белом снегу, они молились Всевышнему.

Селиться приходилось в сараях, рыли землянки. Лаби с семьей повезло. Их высадили в чистом поле, но через несколько километров они набрели на заброшенный кирпичный завод. Там, в одном из углов, и устроились. Было холодно и голодно. Выручали подростки, подкармливающие стариков и женщин с детьми, выходя «на промысел». Угоняли овец, отбившихся от стада, и делили на всех. Кое-как дожили до весны. А потом приехал отец со старшей дочерью Базу. Они обошли пол-Казахстана в поисках Лаби с детьми.

Снова были все вместе, казалось, на какой-то миг к детям вернулось детство. Отец снял полдома у одного из казахов и, договорившись с председателем, вспахал трактором большое поле в степи. Посадил на нем кукурузу, картошку, тыкву и овощи, в то время никто не верил, что что-нибудь уродится в этой голой степи. Потом всю зиму по четвергам дети разносили людям долю, которой каждый мусульманин обязан поделиться с ближним. Старшие дети, бывало, ленились идти в стужу с ведром овощей, а Джохар всегда с радостью вызывался, потому что знал, как его ждут.

Отец был идеалом настоящего мужчины — труженика и воина. Одну из угловых комнат Муса отделил от остальных, подвел снизу и сверху трубы для вентиляции, превратив ее в хранилище того самого урожая, который спас потом не их одних в ту суровую пору. Зимой отец устроился на хлебозавод, и когда он шел домой с рюкзаком, полным горячего хлеба, чужие ребятишки встречали его уже на окраине села. Они ждали его, сбившись в стайку, как ждут спасения голодные пичужки зимой, а взрослые стеснялись и, завидя его, отворачивались. Но отец никого не обделял. Когда кому-то приходилось особенно туго, он узнавал об этом каким-то шестым чувством и посылал детей с едой. Никто не умер в их селе в тот голодный год.

Джохар часто перебирал газыри и рассматривал старинный кинжал, сделанный из сабли, настоящей гурды. Клеймо уникального мастера — 26 насечек, расположенных дугами, по 13 в каждой, с двумя маленькими коронами меж них — мы увидели случайно в одном из номеров журнала «Вокруг света». С этой саблей не расставался отец Джохара. Ею, незадолго до своей кончины, он едва не пригвоздил к двери старого кровного врага, когда тот, воспользовавшись отсутствием домашних, просунулся наполовину в дверной проем и стал, наслаждаясь безнаказанностью, издеваться над бессилием грозного когда-то врага, уже полгода прикованного к постели тяжелой болезнью. Сабля пронзила дверь насквозь и сломалась, но кинжал из нее получился отменный, с тяжелой чеканной рукоятью, залитой

серебром, и раздвоенный на конце.

Джохар потерял отца, когда ему было всего шесть лет. Каждый день приходил он к одинокому песчаному холмику в казахской степи, ставшему последним пристанищем тому, кого он любил больше всех на свете. Он старательно выравнивал его края своими детскими руками и говорил, говорил с отцом, с ним единственным деля свои беды. Но поднимался ветер, и песок вновь осыпался, прямо на его глазах. Иногда он находил могилу уже выровненной и понимал, что здесь побывала мать. Они таили свое горе друг от друга, плакать вместе было еще тяжелее. А потом сизые сумерки вечеров и рассветов — все смешалось в безысходности отчаяния: синий снег, закаменевший от мороза, жесткий колючий ветер и маленькая фигурка, бредущая с тяжелым ранцем на спине на противоположный конец города — в школу.

В первый класс Джохар записался сам. Его старшие братья и сестры часто пропускали занятия, некоторые так и не закончили среднюю школу, а он своей твердой решимостью отлично учиться всех удивлял. Рано познав настоящее горе, Джохар всю жизнь помогал тем, кто оказался в несчастье. После смерти отца все в семье пошло наперекосяк, мальчики носились по городу, поздно приходили домой, не слушались мать. Деньги скоро закончились, зарабатывать их никто не умел.

Лаби, родившая семерых детей, как большинство чеченских женщин, знала только работу по дому. Но семью надо кормить, и она бралась за любое дело. Ей предложили копать землю, Лаби была рада и этому. Руки покрылись мозолями, потрескались, а она (и откуда только брались силы!), обвязав их тряпками, все рыла и рыла эту закаменевшую почву, так не похожую на благодатную плодородную землю Кавказа… Кавказ Лаби видела только во сне, а наяву ее прозвали Мать-земля, так почернела она под палящим казахстанским солнцем. Лицо покрылось ранними морщинами, горе сквозило в каждой черте, и иногда, когда она считала скудные гроши, заработанные тяжким трудом, по ее коричневой щеке скатывались одна за другой крупные слезы.

Перебирая четки, Лаби повторяла имена родных, заживо сожженных в ходе депортации в феврале 1944 года в высокогорном селении Хайбах. Был уничтожен почти весь ее род, там погибли 700 человек. В Казахстане к ним однажды пришел человек, который в тот черный день случайно оказался в горах и поэтому не был сожжен в огромном сарае вместе с остальными, но издалека все видел. Он принес сережки бабушки Джохара, найденные им в остывшей золе. Он рассказал, как долго искал свою сестру в Казахстане, пока не нашел ее в землянке в далеком

степном селении. Она лежала, обняв прижавшихся к ней детей. Так вместе они и замерзли. Их похоронили в одной могиле.

В целом за годы высылки погибли 310 000 человек (по архивным данным, более 60 % выселенных, не говоря о смертности среди рожденных в выселении). Тех, кого вывезти не удалось, уничтожали на месте. В течение только одного дня были убиты до 12 000 человек. В селении Шарой зимой в горный поток с обрыва сбрасывали толпы людей, не жалея даже женщин с грудными детьми, с трудом бредущих по горным тропам. И делали это только потому, что машины не могли туда подняться.

Одна за другой были распроданы те немногие ценные вещи, что привезли они из дому. Сердце Джохара сжалось, когда уносили медный кувшин, последнюю память о доме. Радовала его только школа, учеба давалась легко. Молодая учительница старалась изо всех сил, но у нее был грудной ребенок, которого нужно было кормить, отлучаясь с уроков, и тогда в классе поднимался невообразимый шум. Был поставлен вопрос о ее увольнении. Узнав об этом, она заплакала. И тогда маленький Джохар вышел из-за парты и отправился в кабинет директора. Он пообещал, что шума больше не будет, и храбро взял всю ответственность на себя. Увольнение отложили, а Джохару пришлось заменять учительницу во время ее отлучек. Джохара выбрали старостой класса. Каждый день, готовясь к урокам, он планировал, чем занять ребят. Но однажды, вернувшись из школы, Джохар узнал новость: всех высланных с Кавказа перевозят в город Чимкент. Грустный, он пришел в последний раз в класс — проститься. Учительница догнала его в коридоре: «Женя, — так ласково русская учительница называла Джохара, — кто же теперь будет мне помогать? Уезжает мой маленький помощник. Прощай, Женя». Нагнулась и поцеловала его.

Глава 3

В Чимкенте у Джохара появились новые друзья. Когда он учился в шестом классе, прошел слух, что их возвращают на родину. На год раньше всех, один, на крышах вагонов, пересаживаясь с поезда на поезд, Джохар приехал в Грозный.

Слово «чеченец» тогда звучало как «преступник». Кругом были одни чужие, жившие в домах чеченцев и вовсе не ждавшие возвращения хозяев. Но чеченцы возвращались… Заново строились на участках бросовой земли, которые им выделяли за чертой их столицы.

Я, широко раскрыв глаза, слушала, как он рассказывал, что, учась в седьмом классе, сам начал строить дом для себя и матери, а старшие братья твердили, что это невозможно, и целыми днями пропадали где-то в городе. Крошечное строение из двух комнат можно было назвать гордым именем «дом» лишь весьма приблизительно. Он учился у взрослых. Смотрел, как соседи закладывают фундамент, и на своем участке делал то же самое, только в гораздо меньших масштабах. Целый месяц, засучив до колен штаны, вместе с матерью и старшей сестрой Хазу, месил глину с соломой и сушил на горячем солнце большие, ровные, аккуратно сложенные саманные кирпичи. Когда были сложены стены, стали помогать старшие, и к зиме домик был готов. Я видела его потом, он долго еще стоял во дворе старшего брата Басхана, служа сразу и кухней, и детской.

В школе его приняли в штыки, в седьмом классе всем заправляли здоровенные второгодники, сидевшие на галерке и никому не подчинявшиеся. Когда учительница представила нового ученика, по партам пронесся шепот: «Чеченец, чеченец…» Он был в числе «первых ласточек», вернувшихся из ссылки.

В классе было несколько свободных парт, но преподавательница, вероятно, решив проверить смелость новичка, указала ему на место рядом с верзилой, развалившимся на задней парте среднего ряда. Маленького роста, выпрямившись от гнева в струнку, он стоял перед рослым парнем, с вызывающей наглостью занявшим своими внушительными конечностями всю парту и проход. «Твое место вместе с девочками!» — небрежно бросил верзила. Все вокруг подобострастно захихикали. Джохар неожиданно резко схватил его руку, на которую тот опирался щекой и, перегнув ее о парту, нажал так, что противник застонал. «Двигайся, а то сломаю». Скривившись от боли, парень нехотя отодвинулся от края. Учительница наблюдала за этой сценой молча и, казалось, была довольна: в классе появился наконец

человек, который поможет ей справиться с второгодниками.

Закончив учебный год на «отлично», Джохар должен был как лучший ученик поехать в Венгрию. Всего на школу выделили две путевки. Матери пришлось купить для него новые курточку, брюки и рубашку, урезав и без того скромный бюджет семьи. Для всех родственников и знакомых это было событием почти фантастическим. Им гордились и восхищались. Но директор школы рассудила, что неблагонадежному чеченцу нечего делать за границей, и вместо Джохара поехала ее дочь, не отличавшаяся успехами в учебе. Это было большим ударом для него, особенно мучил стыд перед знакомыми, которые, встречая его, с простодушным любопытством принимались расспрашивать о поездке. Самым обидным стало то, что кто-то мог усомниться в его действительных успехах, но большинство воспринимало произошедшее как нечто само собой разумеющееся: «Да никогда никого из нас за рубеж не выпустят. Нам все дороги перекрыты, запомни это раз и навсегда!»

Джохар вообще перестал посещать уроки, которые вела директрисса, но в конце года сдал ее предмет экзаменационной комиссии на отлично и получил аттестат.

После первого курса физико-математического факультета Владикавказского университета решил, наперекор всему, поступить туда, куда чеченцев не брали вообще, — в летное училище. «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», — отговаривали его умудренные опытом, но так и не сумевшие «взлететь» прагматичные однокурсники, а он мечтал… И ощущал в себе такие силы, что, казалось, мог бы взбежать вверх по стенке. Забрав документы, тайно поехал в Тамбов — не хотел слышать уговоры и видеть слезы матери. Лучше пусть узнает потом, когда пути назад уже не будет…

Но не так-то просто было осуществить задуманное ему, чеченцу, сыну народа-парии, пусть и с отличным аттестатом. Пришлось назваться осетином. Медицинская комиссия забраковывала всех неугодных режиму. Он обращался в другие медицинские учреждения и начал было уже сомневаться в себе, когда, еще не веря охватившему его чувству упоительного счастья, услышал от светловолосой женщины-доктора с умным и добрым взглядом твердое: «Вы, молодой человек, рождены летать».

Джохар выбирал для себя самое трудное и не знал непреодолимого.

Когда-то, мальчишкой приехав в Грозный, он уходил в парк имени Кирова и час за часом, день за днем бродил в бушующем великолепии цветов в поисках Черной Розы. Джохар слышал где-

то, что если хорошо постараться, то ее можно найти… Он видел много прекрасных роз, часто — бордовых до черноты, но той, единственной, с черными лепестками, отыскать не мог. Однако возвращался сюда вновь и вновь в трепетном предчувствии, что вот сегодня, сейчас неприступная откроет, наконец, свой лик…

Наверное, с тем же упорством искал Джохар свою необычную судьбу. «Ищите и обрящете». И случается, что ищущий с такой отчаянной решимостью сам становится тем, что ищет, как случилось это с ним, превратившимся в символ Свободы.

Очень много друзей появилось у Джохара в училище. Предметы он осваивал с легкостью. Летной подготовкой мог заниматься до изнеможения. Ощущение счастья не покидало его — ведь он, наконец, обрел себя. После окончания высшего авиационного училища, при получении диплома с отличием, разразился скандал. Джохар настаивал на том, чтобы в его личное дело была вписана подлинная национальность — чеченец… и добился своего.

Лучшие его друзья, Виктор Перфильев и Вадим Конов, к сожалению, еще раньше были отчислены за какие-то мелкие оплошности — дисциплина там была строгая, но дружбу они сохранили на всю жизнь. Каждый раз, когда мы приезжали в Москву в отпуск из Сибири, обязательно встречались с ними в одном из ресторанов и никак не могли наговориться. Жена Виктора Перфильева Лариса, прелестная женщина и добрейший человек, была свидетелем на нашей свадьбе. Зарегистрировались мы с их помощью в Октябрьском районе Москвы, что было тогда очень непростым делом. Джохару заказали костюм в ателье, я сама сшила себе платье. А 12 сентября 1969 года, отпраздновав в ресторане с самыми близкими друзьями Джохара свадьбу, поехали в город Коломну, где я родилась. Там нас уже ждали мои родственники и гости.

Потом — свадебное путешествие в Ленинград в вагоне СВ. За эти десять дней мы побывали только в Эрмитаже и посетили некоторые достопримечательности, но в следующий наш приезд решили осмотреть все более досконально. Старик, продававший билеты на вокзале, узнал Джохара через пятнадцать лет, когда ему снова пришлось ехать в командировку в этот город. «А как та милая девушка, с которой вы ехали в прошлый раз в свадебное путешествие?» — как ни в чем не бывало осведомился он, словно все это было вчера. Узнав, что у нас уже трое детей, пошутил, что специально продал нам счастливый билет.

Закончив пятый курс художественно-графического факультета и защитив диплом, я поехала в Сибирь в поселок Средний, станция Белая Иркутской области. Такова судьба жен

военных, и я не была исключением. А будучи дочерью военнослужащего, с детства привыкла кочевать с одного края необъятной страны в другой. После Забайкалья, мыса Шмидта и острова Врангеля Сибирь меня не пугала. И думала я не о занесенном снегом маленьком военном городке в глуши, а о любимом человеке, глаза которого вспыхивали от радости, когда он смотрел на меня. Я ехала к нему волнуясь, сердце учащенно билось, когда я представляла нашу встречу.

Мы начали совместную жизнь в трехкомнатной коммунальной квартире, в которой занимали одну комнату. Там, в ожидании очереди на квартиру, жили еще две молодые семьи. Окна замерзали, нижняя часть стен покрывалась инеем. Кроме кровати, раскладушки и маленького столика ничего не было. В окно смотрела кочегарка, дымившая круглые сутки. Снег вокруг нее был серым от угля.

На раскладушке до моего приезда спал земляк Джохара, Руслан Шахабов. Все наши семейные вечера мы проводили вместе. Часто ходили в Дом офицеров смотреть новые кинофильмы, читали книги (в библиотеке был неплохой выбор), играли в шахматы или карты. Я с удовольствием готовила ужин на троих, скучно нам никогда не было. У Руслана был превосходный музыкальный слух, и он часто пел чеченские песни, иногда по моей просьбе наигрывал на аккордеоне мотивы, которые мне особенно нравились. Очень часто я просила его исполнить мою любимую мелодию «Караван». Под звуки волнующей восточной музыки я грезила наяву, представляя мерно покачивающиеся спины верблюдов, персидские ковры, балдахины, прекрасных невольниц.

«А что видишь ты?» — поинтересовалась я как-то у Джохара. «Я вижу себя бедным одиноким монахом с черным дырявым зонтиком, бредущим по бесконечной пустыне навстречу ветру», — ответил он, и перед моими глазами мгновенно возникла ожившая японская миниатюра. Вместо восточной неги — образ мужества, упорства, аскетизма и… печаль. Резкие тени, и никого вокруг. «А какие твои любимые цвета?» Он немного подумал и сказал: «Белый, черный и желтый…» Необычный выбор. Белый — чистая страница жизни, на которой история еще будет написана. Черный на втором месте означает бунт против судьбы во имя первого цвета. Желтый, цвет солнца, символизирует неистощимую энергию, устремленность вперед и в то же время счастье, славу, бодрость духа. Плохо только, что рядом черный. Бунт и отречение в золотом сиянии солнца.

Трагедия чеченского народа всегда оставалась черной пропастью в его сердце, я не видела дна безграничному отчаянию,

которое вспыхивало иногда в нем. Он вспоминал, как мальчиком собирал летом в запущенных садах фрукты и сдавал их на приемный пункт, что-бы на вырученные деньги купить себе школьную форму. Никто не догадывался, каких трудов ему стоило появляться в школе одетым не только не хуже других детей, а даже с каким-то подчеркнутым изяществом. Многие из его ровесников, не имея иного выбора кроме голодной смерти, начавшие красть в Казахстане, продолжали заниматься воровством и в Грозном. Малолетние воришки этим просто бравировали. Они гоняли по крышам голубей и по нескольку раз смотрели индийские фильмы «Бродяга» и «Господин 420», где героями были такие же беспризорные и отчаянные, но неунывающие персонажи. Они не обращали никакого внимания на милицию и весело распевали песенку «Цыпленок жареный». Одного из них как-то особенно допекла милиция, и он, убегая, залез на крышу трехэтажного дома. Десятилетний мальчишка носился от одного края к другому с криком «я враг народа!», каждый миг рискуя сорваться и сломать себе шею.

«Хочешь увидеть мое детство?» — как-то спросил меня Джохар и повел в гарнизонный Дом офицеров на просмотр обошедшего всю страну американского фильма «Генералы песчаных карьеров».

Дети Чечни были не Просто сиротами, каких много оказалось в стране после недавней войны, но и маленькими изгоями, отмеченными, как разбойничьим клеймом, крамольным словом «чеченец». Один из старших братьев Джохара и самый любимый, Халмурз, в 16 лет попал за решетку, когда вступился за тщедушного подростка, озверело избиваемого здоровенным кряжистым мужиком, владельцем большого дома с садом, за несколько украденных яблок, и в пылу драки убил обидчика ножом. Халмурз вышел из тюрьмы только перед смертью, в 40 лет. Ему постоянно набавляли срок: этот неисправимый смутьян не признавал воровских законов, в одиночку сражаясь с окружавшим его враждебным миром. И он выиграл эту неравную и бесчеловечную по своей жестокости схватку! В конце концов ему подчинилась вся тюрьма, по просьбе начальника он навел в ней порядок, всеми силами стремясь установить столь желанную его сердцу справедливость.

Джохар часто навещал Халмурза и как мог старался облегчить его участь. Его выпустили досрочно, но через год он скончался. Я видела лишь фотографии Халмурза и была поражена неукротимым мужеством, светившимся в его глазах. Наверное, таким был абрек Зелимхан Харачоевский, отважный отшельник, десятки лет скитавшийся в горах ради одной неугасимой страсти

— увидеть родину свободной. Легенды о них, рыцарях-одиночках, благородных защитниках обездоленного народа, бережно передаются вайнахами из поколения в поколение. Вместо сказок детям рассказывают были о подвигах дедов и прадедов, называя род героя, село, в котором он рос. Во многих старинных башнях, между почерневшими от пороха стенами, белеют человеческие кости. Сколько лет омывают их дожди, овевают ветры. Кто знает, быть может, это и есть останки великих титанов — народных заступников из чеченских сказаний…

Перед своей смертью Халмурз очень хотел увидеть Джохара, но так и умер, не дождавшись его. Три дня потом Джохар лежал на его кровати, отвернувшись к стене и отказываясь от пищи. Он очень переживал, что не застал брата в живых. Что Халмурз хотел сказать ему на прощание, осталось тайной для всех.

Глава 4

Наш брак стал для меня постижением огромного духовного мира древнего народа, незаслуженно униженного И угнетаемого. Вместо, казалось бы, вполне понятной ненависти к себе я почувствовала понимание и увидела грусть в глазах тех, кто встречал меня в Грозном в первый мой приезд.

Мы торжественно готовились к этой поездке. Заранее были куплены хорошие подарки всем сестрам и племянницам Джохара, насколько это позволяла скромная зарплата старшего лейтенанта. Я сама сшила себе пастельных оттенков шелковое платье с пелериной и маленьким воротником-стоечкой, отделанным белым кантом. Джохар подобрал мне ослепительно белую кружевную шляпку, белые перчатки, и неожиданно я превратилась в изысканную светскую даму. Мне было немного неловко появляться на людях в таком виде, но Джохар уверенно вел меня под руку, а рядом с ним я ничего не боялась.

Теплым июньским вечером мы приехали в Грозный. Пока добрались до поселка Катаямы, где находился дом старшего брата Басхана, уже стемнело. Дом был таким же, как у всех соседей: из красного кирпича, обнесенный длинным кирпичным забором и окруженный садом. Напротив темнел навес.

Меня торжественно усадили на стул в центре двора. Я сидела, словно экзотическая заморская птица в своем экстравагантном наряде, при виде которого у каждого входящего внезапно отнимался язык. Тонкий расчет Джохара я поняла лишь значительно позже. Посмотреть на невесту сбежалась чуть ли не вся улица.

Тогда жениться на русской было большой смелостью, и подобный шаг вызвал всеобщее негодование. Но я об этом ничего не знала!

Двор быстро заполнялся людьми, мужчины проходили в дом, девушки стояли около входа, застенчиво прижимаясь к стенам. Ах, сколько здесь было детей! Полуголые, уже успевшие загореть, они выскакивали из темноты и убегали обратно в сад, оглашая окрестности гортанными криками. «Дети природы, — подумала я. — И как же их много!»

Никто не знал, как со мной обращаться, как и я, разумеется, не понимала, как себя вести. Но уже на другой день я освоилась, познакомившись поближе с родственницами Дуки, так звали Джохара домашние. Здесь почти у каждого было второе имя, которое давала человеку родня. И мне, как выяснилось, нельзя было называть настоящими именами братьев и сестер Дуки.

Особое почтение оказывалось старикам и вообще старшим по возрасту. Их всегда встречали стоя, не смея сесть до тех пор, пока не получат разрешения. А так как людей приходило очень много, вскакивать приходилось то и дело. Легче было стоять, как, впрочем, и поступали молодые люди во дворе, встречавшие и провожавшие гостей.

Я удивлялась про себя этим прямо-таки китайским церемониям. Впрочем, потом мне стало многое ясно, и чем глубже я погружалась в новый для меня мир, чем больше усваивала чеченские обычаи, тем лучше понимала связь между излишне, как поначалу казалось, сложной системой бытовых ритуалов и поистине удивительными моральными ценностями, составляющими менталитет чеченского народа. Воспитание детей с младенчества в духе самоотверженности и послушания старшим приносило удивительные плоды. Любой сельский мальчишка-родственник, увидев меня впервые в жизни, вежливо осведомлялся, как мое здоровье и здоровье моих родителей (которых он в глаза не видел), живы ли они, не нуждаюсь ли я в чем-либо и нужна ли ого помощь. Я с уважением и благодарностью смотрела на этих маленьких мужчин.

Никогда раньше не ощущала, как много значат род и его поддержка. Две племянницы, семнадцатилетняя Марет и шестнадцатилетняя Асет, не отходили от меня ни на минуту, стоя у меня за спиной как два ангела-хранителя и потихоньку подсказывая, что мне делать и говорить. Это имело очень большое значение.

В первую очередь они сняли с меня шляпку и накинули на волосы белую шифоновую накидку. В общий ритуал входили примерно одни и те же вопросы и ответы на чеченском, которые я довольно скоро выучила. Но впереди еще была свадьба.

В самой красивой комнате для гостей в доме старшего брата от другой матери, Даны, нас ждали двое мулл. Стоя рядом напротив них, мы с Дуки сначала очень долго слушали, а потом повторяли за ними арабские слова диковинной для меня мусульманской молитвы. Все было очень торжественно, и временами меня охватывала нервная дрожь от страха сказать что-нибудь невпопад. Длилась церемония невыносимо долго.

Накануне ночью я не могла сомкнуть глаз, а утром не успела позавтракать — гости шли почти с самого рассвета, и мы едва успевали встречать и провожать их.

Наконец, почувствовав, что силы меня покидают, я еле успела повернуться к Дуки и, умоляюще взглянув на него, с последним словом «аминь» начала падать.

Все было как в кинофильме с замедленной съемкой. Он

поддержал меня, потом несколько человек несли меня куда-то, а потом все провалилось в черноту.

Очнулась я в другой комнате на диване. Постепенно приходя в себя, услышала чей-то приглушенный плач и шепот: «Она умерла, смотрите, какая бледная. И сердце, кажется, уже не бьется». Когда до меня дошел смысл сказанного, я едва вновь не потеряла сознание: больше всего на свете я с детства боялась быть похороненной заживо. Открыв глаза, увидела заплаканные лица женщин.

Обрадованные, они заговорили наперебой, потом позвали старшего брата Дуки. Объясняя внезапный обморок, он, осторожно подбирая слова, дал понять, что все мое существо было столь глубоко поражено силой мусульманской молитвы, что я не выдержала потрясения. Мне вспомнилась дрожь, охватившая меня в решающий момент моей жизни. Старший брат был так несокрушимо в этом убежден, что я сочла за благо согласиться. «А теперь — чего ты хочешь больше всего на свете?» — торжественно спросил он. «Есть хочу», — ответила я довольно прозаично, но это была чистая правда. Женщины радостно засуетились и принесли мне горячий бульон и мясо с галушками. Я уже пробовала это национальное блюдо, и оно мне очень понравилось. Чудесное исцеление состоялось.

Весь июнь мы провели в Грозном, в доме Басхана, где жила мать Дуки. Ей было уже около 70 лет. Большие черные глаза и черные волосы под цветным платком, удлиненный нос с горбинкой, смуглая кожа и стройная фигура — типичный облик горянки. Значительно позже я узнала, что высоко в горах издревле считались типичными для горцев белый цвет кожи, светлые, вьющиеся волосы, тонкие черты лица и стройность фигуры. Много таких чеченцев я увидела потом на улицах Грозного.

Горцы — красивый народ.

Дуки очень походил на мать. Но Басхан, брат Дуки, старше его на 4 года, был единственным в своем роде и неповторимым. Лысина на его голове сияла, а морщины на лице лучились от постоянной широкой, сверкающей золотом коронок, улыбки. Еще ярче горели глаза. Опушенные густыми ресницами, они, казалось, жили отдельной жизнью, ярко отражая ту неистощимую энергию, которой все его существо было переполнено так, что даже ходил он, приплясывая, на ходу подкидывая и тормоша своих многочисленных детей, визжащих от удовольствия, изобретая на каждом шагу что-нибудь удивительно веселое и лукавое. Обаяние, которым он обладал, было редким и неотразимым. Его неистощимые шутки пробовали повторять друзья, но в них сразу

пропадала вся соль. Он был душой улицы Шекспира, улицы, прокаленной до белизны ярким солнцем, с вишнями, засыхающими на деревьях по обочинам мостовой и черными горошинами падающими в кювет; улицы, заполненной загорелыми детьми, не знающими, куда себя деть от жары. В садах ветки сгибались под тяжестью перезревших плодов. Россыпи фруктов краснели и желтели в траве. Изобилие, неведомое жителям Севера и средней полосы России, меня поражало.

Каждый год мы приезжали в отпуск в Грозный на один месяц в дом к Басхану (Борису, как многие его называли), и в каждый наш приезд его жена Раиса, качая в чеченском ага (люльке) малыша, ожидала следующего. Казалось, она совсем не отдыхала. Эта полная добродушная молодая женщина была под стать своему никогда не унывающему мужу. С утра до поздней ночи она сновала между газовой плитой и столом под навесом, покрытым клеенкой, угощая чаем с брынзой всех, кто заходил. Вся улица, их многочисленные знакомые из Грозного, из сел в любое время могли прийти в этот двор, и все их радости и печали принимали близко к сердцу.

Эта открытость и жизнь в согласии со всем миром, проявление радости по отношению к любому, кого пошлет Всевышний, удивляла и притягивала меня. Они жили просто, никому не навязывая своих убеждений и взглядов, благодаря Всевышнего за каждый новый день, за хлеб насущный, солнце над головой. Их дети совсем не болели, смуглые, на удивление красивые, они были вольными, как воздух, каждый чувствовал любовь к себе и каждый с нетерпением и любопытством ждал появления в их дружной веселой семье нового ребенка. После первой дочки и трех мальчиков пошли одни девочки. Четыре дочки подряд редко какая чеченская семья выдержит, не возроптав. Кто-то другой обязательно назвал бы «внеплановую» дочку Сацита или Тоита, что значит «перестань», «хватит», после чего, в соответствии с народным поверьем, Всевышний должен был послать сына — защитника, кормильца, воина. Но в этой семье каждую дочку встречали как невиданный дар. Они и вправду были очень хорошенькими.

Долгое время Басхан работал шофером, потом стал по совместительству еще и экспедитором. Он развозил в ящиках цыплят по самой низкой тогда цене — 1 рубль 17 копеек — по грозненским магазинам. Это внесло существенные изменения в рацион всей семьи. Тощая «синяя птица» превращалась в умелых руках Раисы в райское блюдо. Огромная сковорода шипела и благоухала на огне весь день, а жареные цыплята хрустели, как

семечки, на зубах у всей улицы Шекспира. Она вместе со всеми своими обитателями, включая и бродячих кошек, можно сказать, выросла на них.

Глава 5

Каждый отпуск меня возили знакомить с бесчисленными родственниками по селам — в Грозном я уже знала всех.

И всякий раз женщины, внимательно осматривая меня с ног до головы, повторяли одно и то же: «Хаза ю» (красивая), как принято говорить невесте, когда видишь ее в первый раз. В следующий приезд полагалось навещать всех заново, и снова, уже в который раз, придирчиво оглядывали меня и повторяли те же слова, как бы соглашаясь с выбором. «Я, наверное, стану уже старушкой, — шутила я, — а вы по-прежнему будете прикидывать, подхожу ли я Дуки и стоило ли брать меня в жены». Оставаться вечной невестой, имея уже трех детей, было смешно, но родственники очень любили Дуки и гордились им.

Каждый вечер в доме Басхана собирались старые друзья, новые знакомые, родственники — все хотели увидеть его, сумевшего вырваться за красные флажки в «охоте на волков». Вместе пережившие тяготы изгнания, чудом выжившие там, они вспоминали только хорошее и рассказывали друг о друге веселые истории, которым не было конца. «А помнишь?..» — звучало то и дело, и снова слышались рассказы то про одного, то про другого смущенного присутствующего.

Подначивали, бывало, и нани, мать Дуки. Она немного умела шить, и вот однажды в Казахстане знакомая попросила сшить для мужа брюки из куска принесенной ею ткани. «Надо бы его обмерить», — нерешительно заметила нани. «Да необязательно, можно и на глаз, он уже старый и стесняется грыжи», — отклонила эту идею заказчица. Они вместе разложили материю на полу и принялись за кройку. «Вот здесь посвободнее сделай», — велела клиентка. «Штаны и так широкие будут», — попыталась возразить Нани. «Чем «там» больше места, тем лучше, ему все штаны жмут», — уверенно заявила та, отметая последние сомнения. Через несколько дней за обновкой пришли. Нани вынесла брюки на улицу. «Почему впереди мешок?» — возмутилась женщина. «Так ты же сама говорила, что чем «там» больше, тем лучше, и отмеряла сама», — оправдывалась смущенная швея. Вокруг собрались соседки, они растягивали штаны итак и эдак, громко обсуждая их размеры. Полемика была уже в полном разгаре, когда в центр растущей как снежный ком толпы с трудом пробился красный от негодования пожилой человек, который и оказался злосчастным героем горячей дискуссии. Привлеченный шумом, он подошел незамеченным и стал свидетелем захватывающего обсуждения. Разъяренный, он

повернулся к женщинам и рявкнул: «Ну, кто еще не видел мои штаны, подходи сюда!» И, схватив за руку, потащил опешившую жену домой.

Теплыми летними вечерами народ высыпал на улицу. Сходились небольшими компаниями, состав то и дело менялся — соседи переходили от одной группы к другой, и допоздна сидели на скамейках, ведя неспешные, часто перемежающиеся взрывами хохота, беседы, счастливые чувством принадлежности к большой сплоченной семье жителей улицы Шекспира. Мальчишки носились неподалеку, на поляне подростки играли в футбол. Их крики то отдалялись, то приближались в мягком трепещущем воздухе, что подобно крыльям огромной бабочки бесшумно овевал лица.

В один из таких вечеров к нам подошли знакомые девушки с крошечной девчушкой на руках. «Племяшка, — сказали они. — Послушайте ее первые слова». «Нани хаза ю («мама красивая»)», — тоненьким голоском запела вдруг малышка. «Нани хаза ю», — эти трогательные звуки напоминали птичий щебет в кустах ранним весенним утром. «Нани хаза ю», — пела она, а сердце обрывалось у меня от непонятного волнения и страха за беззащитность ее маленького детского мира…

Сиреневая аллея, опускающаяся с вершины холма до самой трассы, была посажена в школьные годы Джохара. По ней вечерами прогуливались парочки, она была любимым местом для всех, особенно когда ветки кустарников начинали сгибаться под тяжестью махровых лиловых и белых гроздьев сирени, а воздух насыщался ее ароматом. Здесь прошли его первые свидания, сюда ходил он с друзьями. Одного из них звали Дарвин Велибеков, этот талантливый юноша прекрасно рисовал и стал впоследствии художником-профессионалом. Они дружили тогда втроем: Джохар, Дарвин и Лора Левина — серьезная вдумчивая девочка, отличница. Ее отец, бывший военнослужащий, демобилизовался в Грозный из Забайкалья, военного городка Укурей, где — «неисповедимы пути Господни!» — служил вместе с моим отцом.

Мы с Лорой были подружками до 6 класса. Она даже оставила мне, уезжая, своего щенка Тюльпана, отпечатком лапы которого я сопровождала свои письма к ней. Кто бы мог подумать, что в таком большом городе Джохар будет дружить именно с ней! После избрания президентом Джохар увидел Лору всего однажды, в банке, но жаль, не успел подойти — она быстро ушла. А Дарвин приезжал к нам в 1993 году из Баку с огромной энциклопедией («Красная книга Азербайджана»), красочные репродукции исчезающих видов флоры и фауны были им исполнены мастерски.

Семьи чеченцев поражали меня своей многочисленностью, а дома (у всех кирпичные) — порядком и чистотой. Самая красивая комната — для гостей. Потолки и стены украшены лепными, гипсовыми барельефами. За домом — фруктовый сад, огород с высокими рядами больших красных помидоров, огуречными плетями, баклажанами. Иногда здесь же — небольшой загон для домашнего скота и птицы. Настоящее натуральное хозяйство в городских условиях.

Центр Грозного кольцом охватывался такими частными домами с высокими кирпичными стенами, протянувшимися далее по всей трассе. В центре жили, как правило, русские в старинных красивых зданиях или в зависимости от занимаемой на партийно-бюрократической лестнице ступени в «обкомовских», с высокими потолками просторных квартирах, а также во второклассных, «хрущевках».

Чеченцев и ингушей на работу на предприятия союзного подчинения не принимали. На нефтеперерабатывающих предприятиях и заводе машиностроения «Красный молот» рабочие получали хорошую зарплату, но трудились там, как правило, русские. Только в 70-е годы начали принимать коренное население, и то в качестве чернорабочих. Для того чтобы поддержать большие семьи, чеченские парни были вынуждены уезжать в Казахстан на сезонную стройку хозяйственных помещений в совхозах. Работали там бригадами на строительстве коровников от зари до зари, возвращаясь зачастую с безнадежно подорванным здоровьем, зато за один сезон получали иногда до 20 тысяч рублей и больше (для сравнения, автомобиль «Волга» стоил в то время 15 тысяч рублей). Некоторые из них зарабатывали себе таким образом на свадьбу.

Свадьба (ловзар) всегда была пышным праздником для всей улицы, а также для многочисленных родственников, друзей, знакомых. Дома напоминали пчелиные улья. Каждый, помимо своей, проживал, казалось, еще десятки жизней, зарождавшихся и угасавших на его глазах, подчиняясь раз и навсегда заведенному общему порядку. Ребенка с самого рождения окружали и нянчили бесчисленные дядюшки и тетушки, братья и сестры, двоюродные, троюродные. Его воспитывал целый род, и каждому из его членов он должен был безоговорочно подчиняться по праву старшинства. Зато и защита была в случае необходимости внушительной. За убитого мужчину — кровная месть убийце, за удар ножом — такой же удар, но не более. Пустяковый шрам на лице превращался в оскорбление всего рода и был предметом долгих обсуждений старейшин этих семей, и мог быть прощен только с их согласия. Судить старались как можно справедливее, и если

была хотя бы малейшая возможность, улаживали дело миром.

Одна такая история — пример мудрости суда старейшин — случилась при мне.

С утра в доме поднялся переполох: женщины плакали, мужчины спешно уехали в село. Выяснилось, что один из родственников сбил ночью в тумане на проселочной дороге старую женщину. Пока довез до больницы, та скончалась. Это грозило виновнику страшной карой. Во-первых, погиб пожилой человек (в Чечне старики окружены особым почетом); во-вторых, женщина, за гибель женщины по неписаным законам кровной мести полагалось убить двух мужчин; в-третьих, на попечении ее находились двое малолетних внуков. По бывшим советским законам, сбивший женщину водитель отделался бы несколькими годами тюрьмы. Но старики приняли иное решение: водителя обязали содержать сирот вплоть до достижения ими совершеннолетия. Односельчане же должны были приглядывать за выполнением приговора. От кровной мести он был освобожден ввиду непреднамеренности наезда.

Несколько раз мы ездили в Ялхорой. Выезжали обычно на нескольких легковых машинах, а в селе Шалажи пересаживались на уазики и ехали дальше. Солнечные могильники вверху, на высоких кряжах, пчелиными сотами чернели на фоне синего неба. Туда уходили в древности во время вспышек эпидемий больные — умирать. Солнце либо излечивало их, либо довершало работу недуга, превращая тела несчастных в груду высушенных костей.

Ребята, перекликаясь, медленно поднимались на позолоченные закатом вершины холмов, окружающих долину, и стремительно съезжали вниз. Маленькие живые точки неслись, как на санках, по сухой осенней траве. Свежие блестящие полосы смятого ковыля радиусами со всех сторон тянулись к центру долины, отражая заходящее солнце. Обратно мы возвращались, привязав к крыше машины одно из гигантских высохших растений, сорванных возле развалин родовой башни, — четырехметровый «дудник». Его зонтик в полтора метра диаметром свешивался на два метра позади полого стебля, вызывая удивление прохожих в Грозном.

А летом наши поездки были еще более интересны. Один из стариков рода Дуки, семидесятилетний скотовод Амаци, жил в долине Ялхорой, в маленьком домике возле прозрачного ручья. У него было несколько коров и отара овец, которые паслись летом на этих склонах. Издалека завидев нас, он зачем-то быстро зашел в дом и уже через минуту ехал верхом нам навстречу, но, не доезжая 50 метров, спешился и пошел пешком, держа коня на поводу. Розово-смуглую, продубленную ветром и солнцем кожу

лица оттенял ослепительно белый воротничок рубашки, выглядывающий из-под френча защитного цвета. «Обрати внимание, — сказал Джохар, — насколько наши старики верны обычаям и умеют встречать гостей. Он зашел в дом, чтобы надеть чистую рубашку, и спешился, как подобает, за пятьдесят метров, в знак особого уважения».

Целыми днями Амаци не покидал седла и выглядел молодцом. Его легкая поджарая фигура возникала то на одном, то на другом склоне. Рано утром, когда мы еще спали в палатках, он принес зарезанного ягненка, развел костер. Проснулись мы от запаха дыма и аромата шипящего на углях шашлыка. Каждый день на тракторе он привозил нам на вершину склона огромные бидоны с водой из ручья, парное молоко, свежий овечий сыр и сметану, в которой стояла ложка. Все было удивительно вкусным и свежим.

Заросли малины были густо усыпаны ягодами, и однажды из кустов стремглав выскочил один из наших сладкоежек, а следом — большой черный медведь! Увидев нас, он разочарованно заворчал, потоптался на месте, потом повернулся и медленно скрылся в зарослях. «А я-то думал, кто так громко чавкает и хрустит ветками!» — сокрушался, медленно приходя в себя после встречи с разъяренным конкурентом, смущенный любитель малинки.

Из-за смены воды и еды у некоторых из нас начались желудочные проблемы. Когда пришел Амаци, я попросила у него лекарство от расстройства желудка. А оно тут, под ногами, — улыбнулся он и провел рукой по одному из зеленых растений, обрывая маленькие шишечки вместе с листьями. — Вот вам лучшее лекарство на свете! Шесть-семь шишек — и все как рукой снимет.

Тут это с каждым случается с непривычки к нашей свежей пище и горному воздуху. Зато когда я спускаюсь в Грозный, кажется, что на плечи мне навалили огромную тяжесть, такой чугунный воздух внизу. Если бы не эти горы, я бы уже умер».

Мы прошли между гор на следующую долину. Большое плато в ее центре было окружено руслом горной речки, огромной подковой огибающей ущелье. Спустились в ущелье и долго шли по песку, камням и прозрачной воде, стремительно бегущей в узком пространстве между скалами, кое-где смыкающимися над головой. В сумраке виднелись ниши в скалах, дно которых было устлано ветками и травой. Кто же тут жил? Подростки оторвались далеко вперед. За ними, переговариваясь, двигался Джохар с группой мужчин, следом дети, замыкали цепочку женщины. Мы поднялись на утес к Домику мертвой девушки. Какие-то древние

языческие символы, высеченные в верхней части стен, привлекли наше внимание. «Круг, переходящий в бесконечную спираль, — возможно, символ развития Вселенной, жизни, Солнца, — задумчиво произнес Джохар, бережно касаясь одного из знаков. — Жаль, что среди нас нет археолога». Когда возвращались обратно, увидели отпечатки лап большой рыси на наших следах, оказывается, все это время она кралась за нами… Так вот кто жил в этих сумрачных пещерах!

Каждый раз после наших путешествий за пределы Ялхороя живущая у выхода из долины семья скотоводов встречала и кормила нас, еле живых от усталости. Они были совершенно незнакомыми нам людьми, просто исполняли священный для всех чеченцев, и кавказцев вообще, долг гостеприимства. Хозяйка снимала с огня большую кастрюлю с картошкой и тушеным мясом, подавала горячие лепешки. Их малолетние дети с любопытством разглядывали диковинных, «городских», гостей, затаив дыхание, слушали наши рассказы. Овцы вольно паслись на зеленых склонах долины — дикие звери избегали открытых мест. А в то ущелье, по которому мы столь беспечно путешествовали, как оказалось, даже охотники не рисковали спускаться.

Возвращались мы по дороге, петляющей среди бесконечных вершин, ярко розовеющих на фоне ослепительно сапфирового неба с правой стороны и постепенно темнеющих кряжей — с левой. Переливы красок, сопровождавшие наступление темноты, очаровали меня. Нежные, размытые, почти прозрачные контуры вершин окрашивались в сиреневый, затем лиловый и, наконец, обретали чернильно-фиолетовый оттенок, окончательно слившись с глубокими черными впадинами ущелий. А мимо окон нашей машины проносились заросли кустарника, пламеневшего по обочинам дорог, которые перемежались островками густой изумрудно-зеленой травы. Расположившись у разгорающегося костра, отдыхали после трудового дня, оставив неподалеку свои передвижные улья, пчеловоды. Мы остановились купить меду, который нам налили прямо в подставленный эмалированный тазик, не взяв ни рубля. А узнав фамилию и имена предков, принялись настойчиво приглашать к костру.

Для Джохара это была не просто родина, земля предков. Это было место, где он черпал силы. Несколько раз мы выезжали в Ялхорой, и всегда он брал меня с собой. В ответ на недоумевающие взгляды и плохо скрываемое недовольство остающихся родственников Джохар с легкой улыбкой говорил: «Она будет рисовать и рассказывать…»

Все братья и сестры Дуки жили примерно одинаково, С правой стороны от Басхана, через забор, жил старший брат от

другой матери, Даны, Мурзабек, женатый на ингушке Малике. Малика умела готовить, как никто другой, ее вкусные чепилгаш (лепешки с соленым творогом) и хингал (с тыквой), облитые свежим растопленным сливочным маслом, таяли во рту. Она, как челнок, сновала по двору целыми днями, успевая все по хозяйству. Четыре дочери и три сына тоже отличались большим трудолюбием и аккуратностью. В небогатом доме с цветными портьерами всегда было уютно и тепло. За что бы Малика ни принималась, во все она вкладывала душу и все получалось как-то по-особенному. Она работала на кондитерской фабрике и возвращалась с работы с полными сумками горячих булочек и ватрушек для своего большого семейства. На две небольшие зарплаты прокормить детей было трудно.

Мурзабек, сколько я его помню, был уже пожилым и больным, но очень добрым человеком. Он долго работал сторожем, а потом стал получать небольшую пенсию. Обычно Мурзабек сидел, греясь на солнышке, около дома, а девочки наливали ему то и дело горячий чай. За это Джохар шутя называл его министром. Однажды, посмотрев против света на его голову, я поразилась тому, как редкие стриженные волосы, просвечивая на солнце, напоминают иголки кактуса, и сказала ему об этом. «Кактус и есть, — сердито бросила Малика. — Сидит у окна и пьет воду целыми днями». Но ее энергии хватало на двоих, она по-своему любила его, гордилась званием хорошей хозяйки, а прозвище Кактус осталось на долгие годы. Мурзабек никогда на меня не обижался. С его дочками — Асет, Марет, Аминат и Минат — я дружила долгие годы, а мальчики не спускали моих детей с рук и очень их любили.

Напротив был дом № 1, там жил самый старший брат Дуки от другой матери — Бекмурза, или Вати (дядя), как его называли все. Он работал заведующим металлоскладом и поэтому жил немного богаче остальных. Вати всегда шутил, но за его непростыми шутками чувствовались недомолвки, и я никак не могла понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Его жена Хамила работала на грозненском рынке и была немного моложе его и выше ростом. В молодости, видимо, она была красавицей. От ее красоты остались серо-голубые глаза с густыми ресницами и гордая прямая осанка. Все, что Хамила думала о человеке, она выпаливала не задумываясь. «Пулемет» — шутя называл ее Вати, наблюдая за реакцией собеседника на тираду своей воинственной половины. А мне она своей мужественностью иногда напоминала вождя краснокожих, и я часто, смеясь, говорила ей о том, что вполне могла бы нарисовать ее строгий профиль с качающимися на голове перьями на фоне пламени костра.

На улице Ялтинской жил еще один старший брат Дуки — Махарби. Все называли его «друг», потому ли, что он работал шофером такси («друг, подвези»), или из-за простоты и безотказности нрава. У него было шестеро детей.

Еще на несколько улиц ниже жила их сестра Басира, тоже с многочисленным семейством.

Каждый вечер Дуки делал «обход» родственников, которые обижались, что мы всегда останавливаемся у Басхана, но ведь там жила его мать. Зато этот «обход» сглаживал все обиды: Дуки шел впереди, за ним — ватага племянников. Переступая с сияющей улыбкой порог, он вскидывал в приветствии руку и произносил громогласно, как заклинание, слова древнего чеченского приветствия: «Марша айла!» («Живите свободными!») Ото-всюду сыпались ребятишки, радостно выкрикивая: — Марша вог ийла!» («Приходи свободным!») Начиналась кутерьма, он подкидывал их в воздух, тормошил, они скакали вокруг и карабкались на него, как на дерево… «Идут слоны султана!» — восклицал Дуки, неся по ребенку на каждой руке и целую ватагу на спине.

Сестру Дуки от другой матери — Альбику, пожилую женщину с густыми бровями, я особенно любила. Она делала суровый вид, когда приходила к нам, и говорила басом, чтобы я хорошо себя вела, не то Дуки уйдет к Розочке, которая давно его ждет и у которой ножки, как бутылки шампанского, что выражало, вероятно, ее представления об идеальной красоте. Я со смехом обнимала ее полные плечи: «Завянет твоя Розочка, пока Дуки дождется!» «Почему не боишься?» — хмурилась она. У нее тоже было семеро детей. Жила она неподалеку, на Карпинском кургане.

Еще две сестры Дуки — Базу и Хазу (красивая) — жили в селах Аршты и Самашки. С той, что жила в Самашках, Джохар постоянно дрался в детстве. Она была старше него всего на два года, но значительно выше, полнее и с очень независимым характером.

Часто, едва отдышавшись на стульях в противоположных углах комнаты, как два боксера на ринге, они опять сходились в центре в «смертельной схватке». Ее хитрости было невозможно предугадать. Порой, почти уложенная на лопатки, она вдруг начинала кричать, что он сломал ей ногу. Дуки отпускал ее, а она с гримасой жестокой боли делала, хромая, круг по комнате и, проходя мимо, вдруг наносила молниеносный удар в живот «сломанной» ногой. Или, разметавшись, притворялась умершей (даже лицо ее бледнело), но стоило Джохару повернуться спиной, словно тигрица бросалась ему на плечи. Она изводила его насмешками, над которыми смеялись даже взрослые, а он каждый

день клялся отомстить сестре страшной местью. Хазу вечно отлынивала от работы, над всеми подтрунивала.

Впрочем, характер ее не изменился и тогда, когда она стала матерью многочисленного семейства. Время от времени Хазу ложилась в больницу «отдохнуть». По традиции, ее должны были навещать все родственники. А она, возлегая, как царица, на высоких подушках, принимала дары от посетителей и командовала: «Курица у меня уже есть, принеси апельсины!»

Однажды, помогая медсестре разносить лекарства, она заменила все таблетки в мужской палате на слабительное. А потом, пообещав женщинам «устроить представление», заняла вместе с ними позиции на единственной скамейке у дорожки, ведущей в туалет. Коварно останавливая очередного спешащего мимо мужчину, она с лицемерным участием расспрашивала «го о здоровье, здоровье его детей и родителей, ближних и дальних родственников до тех пор, пока несчастный не срывался с места.

Свободолюбивая насмешница Хазу всегда и везде оставалась истинной дочерью своего непокорного народа, природный веселый нрав которого, его тонкий и)мор по достоинству оценил французский романист Александр Дюма, живший среди них некоторое время и назвавший чеченцев «французами Кавказа».

Глава 6

Ни тимерийцы, ни хазары, ни арабы не могли покорить этих горцев. Всех завоевателей чеченцы встречали с мечом — яростные в бою, презирающие смерть, благородные во взаимоотношениях, крепкие здоровьем, неприхотливые.

По преданиям, и Чингисхан со своей двухсоттысячной армией не смог одолеть предков этих загадочных чеченцев. После 10 лет безуспешных сражений Чингисхан, сняв осаду, ушел. До сих пор в Чечне есть районный центр с названием Иттум-Кала (Вечная крепость — перевод с протокавказского языка). Та же участь постигла и великого Тамерлана. Утвердив господство на Кавказе, он запретил своим сарбазам соваться к чеченцам, сказав: «Этот народ достоин восхищения». Вскоре В Ханкальском ущелье была разбита восьмидесятитысячная армия крымского султана Гирея.

Жизнь, заставлявшая постоянно отражать все новых и новых завоевателей, превратила этот веселый и покладистый народ в самое воинственное племя на Кавказе, а их скромные непритязательные жилища — в суровые башни с окнами-бойницами. И встали, как высокие каменные воины, эти башни на белоснежных вершинах ичкерийских гор, оглядывая с орлиной высоты, не идет ли враг полонить родную землю. А когда появлялись завоеватели, в горах загорались сигнальные костры, спускались горцы и спешили на клич «Орцдала!» («На помощь!») к вайнахам, живущим в предгорьях, чтобы вместе отбить общего врага. Такими их застали русские. «И дики тех ущелий племена, им бог — свобода, их закон — война» (М.Ю. Лермонтов).

«Собственно военные возможности народа невелики (ибо невелик по численности был сам народ), но этот недостаток с лихвой вознаграждался у него необыкновенной личной храбростью, доходившей до полного забвения опасности» (Зиссерман).

При Петре I произошло первое значительное столкновение с русскими, которыми командовал Апраксин на реке Сунжа. Чеченцы наголову разбили там шесть русских полков. Российское самодержавие по невежеству снисходительно именовало их тогда туземцами, разбойниками, гололобыми татаринами. (Перед боем чеченцы наголо брили головы. Это вошло в обычай после древних сражений с татаро-монголами, чтобы, отрубив саблей голову, враг не мог поднять ее за волосы и, привязав к седлу, хвастаться этим трофеем перед своим и чужим войском.)

Не только самоотверженность в бою, но достоинство и

гордость были главными отличительными признаками этого народа. Но о необходимости уважать историю и обычаи других племен и народов никто в России никогда не задумывался. Речь шла только о завоевании, присоединении или уничтожении непокорных. При Екатерине I! была укреплена Терская линия. На левый берег Терека насильно перемещались казаки с Дона и Яика (Урала). В 1875 году чеченцам было запрещено пасти скот на Терско-Кумской низменности, местах их зимних пастбищ. Одновременно русские войска совершали набеги на чеченские аулы к югу от Терека. Села сжигали, а оставшееся в живых население заставляли подписывать «Договор о признании подданства России».

В 1859 году Чечня была присоединена к России.

Шейх Мансур… Он был одним из первых лидеров борьбы с российскими завоевателями. Имя его в переводе с арабского означает «победа». Легендарный шейх Мансур поднял под свои знамена все северокавказские народы. Екатерине II потребовалось много усилий, чтобы подавить народное сопротивление под его началом. Уроженец древнего чеченского аула Алды, предводитель войны 1785–1791 годов, провозглашенный имамом Чечни и Абхазии, он одержал немало славных побед в военных баталиях тех лет. Чтобы смирить непокорный народ, туда был направлен отряд под руководством опытного командира, полковника де Пиери. На маленький аул двинулся отряд из двух тысяч человек. Предчувствуя трагический исход, сельчане предложили мир, но полковник был категоричен в своем суровом решении. Аул Алды был взят штурмом, полностью разграблен и сожжен дотла. После этого кровавого побоища по пути своего следования, в лесной чаще на другой стороне Сунжи, отряд карателей был окружен шейхом Мансуром и полностью разгромлен. В той самой стычке в плен попал двадцатилетний адъютант де Пиери, унтер-офицер князь Багратион — будущий великий русский полководец, герой войны 1812 года, уроженец Кизляра. По личному распоряжению шейха Мансура юный князь был освобожден из плена. Шейх Мансур обратился к народам Кабарды, Черкессии и Адыгеи с призывом присоединиться к сопротивлению. В 1791 (оду возле Анапы в военной стычке с превосходящими силами царских войск Мансур попал в плен. Ему было тогда всего 30. Его привезли в далекий северный Петербург и представили на суд императрице Екатерине.

По преданию, молодой красавец Мансур пришелся ей по сердцу. Любовь и поместья были им с пренебрежением отвергнуты. И тогда после нечеловеческих пыток он был приговорен к пожизненному заточению и брошен в каменный

мешок печально знаменитой Шлиссельбургской крепости. Оттуда Мансур попытался бежать. Он убил часового, ударив его медным чайником по голове, но попытка не удалась. Мансура заточили в подвальную камеру, которая затапливалась во время весеннего разлива Невы; там и настигла его смерть.

Во время нашего свадебного путешествия мы с Джокером побывали там, чтобы почтить память великого Мансура. Джохар взял с каменного пола крепости маленький камешек и бережно завернул его в носовой платок.

«Издревле велось: если хотели узнать обстановку на Кавказе, поднимались на самую высокую гору и смотрели в сторону Чечни. Если там не пылают огни, на Кавказе все спокойно» (А. Микоян).

К этому времени с российской стороны в боевые действия было вовлечено до 360 тысяч штыков, столько же участвовало в войне с Наполеоном.

Будущая столица — крепость Грозный — начала строиться как тюрьма для строптивцев. Сотни сел сжигались, вырубались густые леса, в которых «могли спрятаться абреки». Я увидела бесконечную холмистую равнину там, где прошли русские войска.

Недалеко от села Дады-Юрт есть переправа через Терек, у которой даже казаки снимают шапки. 15 сентября 1819 года, когда село было сожжено, а все население, включая женщин и детей перебито, 40 чудом уцелевших после резни девушек пытались вывезти в Россию. На середине реки все они, прикованные к конвоирам, бросились в бурные воды, унося с собой жизни убийц своих братьев, отцов, любимых.

Каждый ребенок в Чечне знает имя Байсангура.

Шамиль!» — кричал он вслед имаму, когда тот, уставший от нескончаемой войны, шел сдаваться в почетный плен к русским. «Шамиль, обернись!» — стонал он, скрипя зубами. Был взведен кремневый пистолет, курок обжигал пальцы… Но Шамиль не оглянулся.

Встречавшие его офицеры, потрясенные этой сценой, спросили, отчего же не откликнулся он на зов ближайшего своего соратника, спутника всех этих долгих и страшных лет. — Чеченцы не стреляют в спину», — прозвучало в ответ.

Байсангур, имя твое как песня… Потерявший в сражениях ногу, руку и глаз, он, привязанный к седлу лошади, вырвался с тремястами всадниками из окружения и еще два года продолжал сражаться.

Был момент, когда к Байсангуру пришли старейшины из тейпа Беной и предложили покориться власти Белого Царя: «Ты молод, вся жизнь впереди — будешь богатым, обеспеченным и

проживешь до глубокой старости…» Но Байсангур ответил: «А что будет со мной после того, как я покорюсь? Съем я сапетку (плетеный амбар) кукурузы и заполню дерьмом отхожее место…» Когда стоял под виселицей, сам, единственной ногой выбил из-под себя табурет, чтобы кровная месть не пала на род дагестанца, который за большие деньги согласился на этот позорный шаг.

Кроме имама Шамиля, воевавшего против России 27 лет, и шейха Мансура, известных всему миру, были десятки тысяч безвестных героев, продолжавших войну с империей даже в период советской власти. Последний абрек по имени Хасуха спустился с гор, чтобы умереть дома, в 1976 году.

• *Байсангур Беноевский — выходец из аула Беной. С 1839 г. — наиб беноевского общества, с мая 1860 г. — имам Чечни, руководитель восстания 1860–1861 годов. Повешен в Хасавюрте в 1861 г. Похоронен в селе Аух. Автор утерянной летописи на арабском языке.*

Продолжая наши путешествия по земле вайнахов, мы посетили неоднократно воспетую крепость Ведено, стоявшую высоко на отвесном берегу реки. Сверху река казалась маленькой серебристой змейкой, петляющей далеко внизу. Огромных размеров забетонированный туннель воронкой спускался от самой крепости к речке. По нему легко могла проехать запряженная четверка лошадей.

К тому времени я уже освоилась с традициями чеченцев и перестала удивляться подаркам хозяев, когда приходила в дом впервые; не шарахалась, когда за меня платили везде и всюду, вплоть до билетов на автобус, совершенно незнакомые люди. Только остерегалась показать, что мне понравилась какая-нибудь вещь, когда бывала в гостях или со спутниками в магазинах, потому как ее немедленно дарили. Если же ты слишком упорно отказывался, подкладывали потихоньку в машину или в сумку.

Мы переезжали из селения в селение по страшным следам генерала Ермолова, бывшего царского наместника Чечни, который так и не сумел покорить ее тогда, более сотни лет назад. Его излюбленный метод выжженной земли вошел в историю России еще одной позорной страницей.

В 1947 году в центре чеченской столицы был установлен бюст генерала. Именно ему принадлежат слова: «Я не успокоюсь до тех пор, пока не увижу бритую голову последнего чеченца. Этот народ не подлежит воспитанию, а только уничтожению».

Памятник был отгорожен со стороны улицы каменной стеной, из-за которой виднелись лишь голова и шея усмирителя Чечни. Кроме того, он был обнесен железными столбами и колючей проволокой с пропущенным через нее электрическим током. А в

многоэтажном доме напротив, в окне квартиры, переоборудованной в милицейский пункт, торчала еще одна голова, только в милицейской фуражке. И все же каждые полгода бюст взрывали!

«Ермоловы» были предусмотрительно припасены впрок и периодически извлекались, по мере необходимости, из подвала Чечено-Ингушского обкома партии. Через день после каждого взрыва новая голова опять робко выглядывала из-за стены… видно, в надежде устрашить, наконец, непокорных.

Я не верила рассказам до тех пор, пока не увидела это уникальное сооружение своими глазами, зайдя за стену. Россия в миниатюре? Ревностно поглядывая на бюст генерала, дежурный тут же поднял телефонную трубку, а второй милиционер встревоженно заспешил ко мне…

> «…Селение Урус-Мартан приказано истребить, великолепные сады вырублены. На обратном пути сожжено селение Рошничу.
>
> …Второго числа мая войска перешли через реку Аргун у селения Беглекой (ныне Белгатой). Село сожжено, сады вырублены.
>
> … Таким образом кончилась экспедиция против чеченцев. Люди, живущие по реке Мичиг, остались непокоренными, но они, кроме воровства и разбоев, ничего более сделать не в состоянии. Потух мятеж во всех прочих местах»
>
> *(Записки Ермолова).*

Но мятеж продолжался.

> «В Чечне только то место наше (русское), где стоит отряд, а сдвинулся он — и это место тотчас же занимают чеченцы. Наш отряд, как корабль, прорезывал волны везде, но никогда не оставлял после себя ни следа, ни воспоминания»
>
> *(Л. Н. Толстой).*

Российский корабль, идущий по морю крови, оставлял после себя страшный след: вырубленные сады и леса, истребленный скот, потравленные посевы, со-жженную и засеянную мертвыми телами «туземцев» землю и незаживающие раны в душах оставшихся в живых на века.

Именем генерала Ермолова — Ярмол — чеченцы

презрительно стали называть собак.

В целом горцы воевали, соблюдая определенные нормы морали, например, не глумились над трупами, обращались достаточно гуманно с военнопленными, почему и не боялись русские солдаты сдаваться в плен, не истребляли мирное население.

Бестужев-Марлинский, сам много лет воевавший на Кавказе и погибший в схватке с горцами, писал о них: «Вторгались в дома, уносили все, что поценнее или что второпях попадало под руку, но не жгли домов, не топтали умышленно нив, не ломали виноградников».

«Зачем трогать дар божий и труд человека», — говорили — и это правило горского разбойника, не ужасающегося никаким злодейством, есть доблесть, которой могли бы гордиться народы самые образованные, если ее имели».

Глава 7

Заканчивался очередной отпуск — экскурс в историю чеченского народа и начиналась обычная гарнизонная жизнь. Морозным декабрьским вечером 1970 года в районном роддоме города Усолье-Сибирское появился наш первенец, которого назвали Овлуром, именем одного из предков. Джохар приехал навестить меня, но его не пустили. Я услышала только, как внизу, на первом этаже, сестра кричит ему вслед: «Подождите, у вас родился мальчик!» Он так давно желал это услышать! Взволнованный, не видя ничего вокруг, Джохар пошел не в ту сторону, а когда опомнился, понял, что заблудился. С трудом нашел вокзал, но поезд уже ушел. Зал ожидания и кассы были закрыты, а поездов, судя по расписанию, до трех часов не предвиделось.

Джохар быстро шагал по перрону, растирая уши и щеки, но сибирский мороз все крепчал. Постепенно он Перестал чувствовать руки и ноги и, поняв, что замерзает, решил постучаться в ближайший к станции дом. Подошел к занесенной снегом двери, постучал — никто не откликался. Постучал в замерзшее окно — ни звука.

Тогда он толкнул дверь, подавшуюся с легким скрипом.

Вошел в прихожую и… едва успел отклонить голову от занесенного топора! Его появление «подтвердило» многолетние подозрения старого хозяина относительно неверности жены. Красивый молодой офицер с франтовскими усиками, кавказец, типичный опереточный герой-любовник — именно таким, вероятно, и рисовался старому ревнивцу разоритель семейных очагов и покоритель женских сердец. И вот он сам, из плоти и крови, стучит в его дверь!..

До утра Джохар мирил хозяина с женой, а уж потом, выяснив едва не ставшее роковым недоразумение, хозяева поздравили его с новорожденным и накрыли на стол.

Джохар, как, впрочем, и все чеченцы, с большой нежностью относился к нашим детям, но бывал с ними предельно сдержан и строг, когда к нам приходили гости. Он объяснил мне, что обычай скрывать свои чувства к близким сложился в результате постоянных войн, на которые был обречен его народ на протяжении всей истории. Мужчина-чеченец должен быть готов в любой момент оставить семью, все самое дорогое и идти сражаться за Родину. «Я не принадлежу себе», — с грустью говорил иногда он.

Перед рождением сына мы получили однокомнатную

квартиру в трехэтажном доме. Расставили новую полированную мебель, присланную моими родителями: трехстворчатый платяной шкаф, раскладной диван, стол со стульями, голубой кухонный гарнитур и холодильник. Паласом нам служил отрез толстого серого материала, выданного Дуки на шинель. Голые стены в комнате я украсила фресками в духе мифических подвигов Геракла. На центральном панно гуашью был изображен облаченный в звериную шкуру Джохар, душивший огромного пятнистого удава. Всем своим видом — открытая пасть, высунутый язык и вытаращенные глаза — несчастное пресмыкающееся демонстрировало, что находится при последнем издыхании. На боковых панно — дикие козочки, пантеры, высокие кувшины и другая восточная атрибутика.

Два раза в неделю, как правило, вечером Джохар уходил на полеты. В такие морозные ночи, когда пальцы пристывали к железной дверной ручке и военный аэродром продувался всеми ветрами, заиндевевшие самолеты казались мне огромными холодильниками. Я молилась Богу, чтобы с ним не случилось ничего плохого, и не могла сомкнуть глаз до тех пор, пока он не возвращался. Едва заслышав на лестнице шаги, я бежала к двери и, обняв его, задавала один и тот же вопрос: «Ну как?» Он отвечал, смеясь, всегда одной и той же шуткой: «Как птичка, как птичка!»

Командиром полка был полковник Питкин. Распекая подчиненных, он никогда не повышал голоса, а его изречения немедленно становились афоризмами. В полку его очень любили, и нередко Дуки, подражая тонкому голосу старого командира, выдавал его очередную шутку на построении. «Ну что ж ты, сам с рюмку, а пьешь с ведро?» — укорял Питкин перед всем строем маленького тщедушного прапорщика, «перебравшего» накануне Джохара он любил и направил его как лучшего летчика в Военно-воздушную академию имени Гагарина в город Монино, под Москвой.

Дуки успешно сдал экзамены, и вскоре мы переехали туда всей семьей. Два больших четырехэтажных дома были семейными общежитиями для слушателей академии. Мы жили на втором этаже в одной из комнат, двери которой выходили в длинный коридор с общими кухней, умывальником и туалетом. Одиннадцать семей жили в нашем отсеке. Праздники отмечали всегда вместе одной дружной семьей. Три года пролетели незаметно. Там же родилась наша дочь Дана, и мы вернулись домой уже с двумя детьми.

Поселок Средний снова поразил нас своим унынием и заброшенностью. Казалось, с годами в нем ничего не изменилось.

Радовали только книги, которые вначале мы брали для чтения в гарнизонной библиотеке, а потом стали понемногу покупать сами, да еще березовая роща на окраине, где мы гуляли с детьми с ранней весны до поздней осени по выходным дням.

Однажды мальчишки принесли нам из этой рощи гнездо с неоперившимися птенцами воробьев. Ребята с нашего двора носили для них гусениц и насекомых, а я по очереди совала все это в открытые клювики. Но выжил лишь один… Чирик, оперившись, он устроил себе теплое жилище в моторе нашего холодильника. Каждый день будил Джохара ровно в 7 часов утра. Тот спал обычно на боку, и между его щекой, шеей и плечом получалась уютная пещерка, в которую воробей с удовольствием нырял, трепеща крылышками и чирикая. Встав, Джохар наливал ему в блюдечко воду и насыпал хлебных крошек. Даже зарядку они делали вместе. Когда Джохар поднимал гантели, наш питомец любил пристроиться на одной из них, а когда сгибался, прыгал по его спине. При виде гостей он срывался с дверной притолоки, где сидел обычно, и начинал чирикать и описывать над их головами фигуры «высшего пилотажа». Мы так привыкли, что он принимает в нашей жизни самое деятельное участие, что уже не обращали на него никакого внимания. Зато прохожие замирали, видя воробья, спокойно чистящего перышки или радостно чирикающего на голове у невозмутимо читающего на балконе газету мужчины. Стоило любому из нас позвать его и протянуть руку, как, сделав пируэт в воздухе, Чирик слетал на ладонь с крыши или с соседнего балкона. Его любила детвора, и часто это представление превращалось в цирк для всего двора.

Старого, любимого всеми, командира полка давно уже не было, начальники гарнизона менялись один за другим. За семь лет сменилось семь командиров, в результате упала дисциплина, офицеры часто уходили в самоволку, разбивались самолеты. Я работала в то время в Доме офицеров художником-оформителем. Ранним утром после каждой катастрофы в актовый зал привозили гробы, обычно семь — весь экипаж. И каждый месяц, как в замкнутом круге, плач и слезы родни. Траурняя церемония с венками и цветами в Доме офицеров переходила в горестное шествие через весь городок к кладбищу. Я не успевала надписывать бронзовой краской черные ленты на венках: «От друзей», «От сына», «От жены», «От сослуживцев»…

Бомбардировщики дальней авиации ТУ-16 разбивались где угодно: в Иркутской области, в бассейнах Лены или Енисея, на Крайнем Севере. В старых самолетах, которые давно пора было списать, отказывал то один, то другой мотор, та или другая система выходили из строя. Наши летчики с мрачным юмором

называли их «гробами». Если место катастрофы удавалось обнаружить, то по «черному ящику» с магнитофонной записью полета обычно выяснялась причина аварии. Но, бывало, проходили дни, недели складывались в месяцы, и надежда найти пропавший самолет постепенно угасала. Лютый холод, бескрайность сибирских лесов, жуткое безмолвие Крайнего Севера приводили в отчяние. Кровь стыла в жилах только от одной мысли о страшной участи людей, затерявшихся в огромной снежной пустыне. За двадцать лет из числа летчиков, погибших в авиакатастрофах, чудом спасся только один. Катапультировавшись где-то в верховьях Лены, он шел все лето и осень вниз по течению реки, перезимовав в пещере, снова шел, и добрался, наконец, до жилья лишь через год. Ему спасло жизнь то, что он был биологом, вырос в тайге, знал повадки птиц и зверей, умел охотиться.

Как только начинались учения и наши летчики улетали, иногда на две недели, весь городок замирал в тревожном ожидании вестей.

Помню, как однажды, проводив поздно вечером близких, мы узнали, что один самолет не долетел до места назначения. С раннего утра оттуда начались бесконечные звонки — выясняли, все ли экипажи поднялись в воздух. «Там» еще надеялись, что, может, один из самолетов из-за неполадок остался на аэродроме. Весть мгновенно облетела городок.

Входя в наш магазин, я случайно услышала фразу, оброненную одной из продавщиц, глядевшей на меня: «Ну вот, еще одна заплачет…» Все оборвалось внутри: «Неужели Джохар?» Оглушенная, я вышла из магазина и, не помня себя, побрела домой по ослепительно сверкающему белому снегу, который, казалось, вдруг сделался черным.

Только поздно вечером мы узнали фамилии тех, кто разбился. Мужчины продолжали учения, а нам выпало вызывать срочными телеграммами родственников и обходить со скорбной вестью семьи погибших. Одна из овдовевших, совсем молодая хрупкая женщина, отвернувшись к окну, застыла, прижав к груди годовалую дочку, билась только синяя жилка на ее тонкой шее.

Наш старший сын Овлур иногда, проводив отца, ждал его, сидя в машине вместе с шофером недалеко от взлетной полосы. Однажды он вошел в дверь, непохожий на себя. На его глазах разбился самолет, только начавший набирать высоту. Самолет упал плашмя и тут же вспыхнул, как факел. Голубым пламенем, с треском и шипением горит алюминий, и обычно самолет в считанные минуты сгорает дотла. Летчики так и остались сидеть в кабине, как две черные мумии. Останки других, разбросанные

вокруг, с трудом удалось собрать, переворачивая сильной струей из брандспойта.

Один из погибших был совсем юношей, любимцем всего городка. Высокий, белокурый, с тонкими чертами лица, он виртуозно играл на фортепиано и пел, обычно на нем держалась вся программа полковой художественной самодеятельности.

«Источником повышенной опасности» называлась армия на юридическом языке регрессных исков, отправлявшихся вдовами в суд для получения ничтожной прибавки к той жалкой пенсии, которая выдавалась семьям погибших кормильцев. Там мы потеряли половину наших друзей…

В городке я работала поначалу художником-оформителем в домоуправлении. На домах висели написанные моей рукой большие черные номера домов и красочные плакаты вроде «Берегите спички от детей». За неимением другой натуры приходилось позировать моим подругам. От того, что со стен домов на тебя глядели знакомые лица, городок казался немного уютнее. Потом работала в школе, оформляла вестибюль и актовый зал, в Доме офицеров — стенды и, наконец, витрины в магазинах.

Поскольку оформлять в городке было больше нечего, я принялась за стихотворчество.

Увлечение поэзией не было неожиданностью. С раннего детства, сколько себя помню, мой отец писал стихи и читал их нам с мамой. Нередко это бывали даже целые поэмы. Когда умер Владимир Высоцкий, я проплакала у экрана телевизора весь этот печальный день, ставший Днем его памяти. Неотрывно глядела на экран, слушая воспоминания друзей и артистов, но больше всего меня поразили его стихи. Особенно те, которых я раньше не слышала, потому что тогда цензура безжалостно отвергала и кромсала все, что не вписывалось в рамки так называемого социалистического реализма. Его замечательные стихи были струей свежего воздуха. Он задохнулся в атмосфере лицемерия и лжи, с которой мы уже смирились. Засыпая, поздно ночью я подумала: «От нас ушел огромный талант, никто больше не сможет написать таких стихов. Мне бы хоть десятую часть его дара».

Прошел месяц. Я проснулась где-то в два-три часа ночи, все чувства мои утончились, в мозгу вспыхивали яркие, полные горечи фразы, вставали невиданные картины. Это не давало мне покоя. Я села за стол и стала просто записывать то, что приходило в голову. За ночь я написала свою первую небольшую поэму (к сожалению, утерянную позднее) и одно совсем маленькое стихотворение. Значительно позже я прочитала:

«Талант — настолько драгоценная субстанция, что мало кому он отпускается полной мерой. Но когда из нашего мира уходит одаренный самим небом человек, его талант не исчезает бесследно. Его или передают целиком другому такому же счастливчику, или делят между несколькими людьми». Видимо, от блестящего самородка поэзии Владимира Высоцкого в ту далекую сибирскую волшебную ночь и мне перепала крупица.

Появление стихов все преобразило, началось нечто удивительное. Как будто пробудилась долго спящая арфа, и любой ветерок, трогая ее струны, рождал упоительную музыку души. Мне и раньше приходилось, рисуя к очередному дню рождения или другому событию плакат с поздравлениями, спешно придумывать несколько четверостиший, а тут я увлеклась этим глубоко и всерьез, заодно развлекая по праздникам наших друзей. Джохару очень понравились мои стихи, и он тут же подхватил мое хобби. Теперь наши мелкие ссоры, неизбежные в любой семье, превратились в поэтические сражения, причем его эпиграммы часто оказывались более меткими и остроумными, а конфликт обращался в азартную игру, сопровождавшуюся взрывами смеха после очередной удачной шутки. Джохар даже написал большую поэму об освободительной борьбе чеченцев, которая заканчивалась словами-мечтой: «И умереть, припав к родной земле, обняв родные горы».

Мы оба не знали еще тогда, насколько пророческими могут стать стихи, если они рождаются из сердца. И может быть, заглянув в него, на один короткий миг, любой из нас способен предсказать судьбу свою и своих близких. Одно из последних пророческих стихотворений Владимира Высоцкого определило срок его ухода из жизни:

Жизнь — алфавит, я где-то уже в его конце,
Там, где мелькают буквы: Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ,
Уйду я этим летом, в малиновом плаще.

И он ушел… через несколько месяцев, летом, когда поспела малина.

* * *

На службе дела шли хорошо. После должности командира корабля Джохар довольно быстро стал командиром отряда, потом начальником штаба полка, заместителем командира по боевой и летной подготовке, но стать командиром полка надежды не было.

Для чеченца это была слишком высокая должность, и, будь человек хоть семи пядей во лбу, сей лоб можно было только разбить о каменную стену негласных инструкций и установлений, шедших «сверху». Командиров полка присылали по протекции из Москвы в полк с хорошо налаженной работой и трудягой замом.

Прослужив пару лет, они, отметившись в Сибири, вновь переводились (с повышением в должности) в лучшие военные городки — на запад, куда простым смертным попасть было нелегко.

Наш старый друг Руслан Шахабов так и состарился в замах и потом, потеряв надежду, перешел в стратегическую авиацию, 24 летных часа с дозаправкой в воздухе вокруг земного шара! Он выходил из самолета выжатый как лимон, с лицом, обросшим щетиной.

Несколько лет Джохара переводили с должности начальника штаба на должность заместителя командира, из одного полка в другой. В полку, в котором он оказывался, сразу заметно поднимался уровень летной подготовки, прекращались ЧП. Но документы, посылавшиеся на рассмотрение в Москву для повышения в должности, упорно возвращали обратно.

Командующим воздушной армии был в то время Герой Советского Союза генерал Безбоков, который почти всю свою жизнь «пропахал» на Дальнем Востоке, Крайнем Севере и в Сибири. В молодые годы он прославился своей неустрашимостью на фронтах Отечественной войны. Летчики рассказывали о нем легенды. Говорили, что, спасая экипаж, совершивший вынужденную посадку, он приземлился на пшеничном поле рядом с подбитым самолетом, и, перенеся раненых, взлетел подогнем немецких автоматчиков. Его держали подальше от столицы из-за нелицеприятной откровенности высказываний. Упрямый генерал поручился за Джохара и прямо так и сказал на военном совете в Иркутске: «Если не поставите командиром полка Джохара Дудаева, порядка в гарнизоне не будет».

Я была благодарна ему вдвойне. Много лет назад он заступился за моего отца, служившего на Крайнем Севере комендантом острова Врангеля. Генерал Безбоков был одним из тех, кто помог ему, майору, отстоять справедливость в неравной схватке с вышестоящим начальством. Скольких еще уберег он от окончательного разочарования в армейской службе…

Может быть, на окончательное решение подействовал и еще один случай. Как-то ночью я проснулась от шума, похожего на отдаленный морской прибой. Он то нарастал волнами, то затихал. Слышались треск, крики и звук лопающегося стекла. Я разбудила Джохара. Он сразу понял, в чем дело («Это

строители!»), быстро оделся и ушел. Их казарма стояла за два дома от нашего. Она напоминала клокочущий котел. Солдаты дрались насмерть. Время от времени то из одного, то из другого окна вылетали стекла или табуретка вместе со сломанной рамой. Военные окружили казарму в ожидании приказа. Неподалеку нерешительно переминалось начальство, не зная, что предпринять. Несколько патрульных топтались у запертой двери. Джохар быстрым решительным шагом приблизился к ним и приказал: «Выбивайте». После нескольких ударов дверь распахнулась, и он шагнул внутрь. Внезапно, перекрывая неописуемый шум и крики дерущихся, раздался такой оглушительной силы приказ «Отставить!», что у всех присутствующих едва не лопнули барабанные перепонки. Этот чудовищной мощи крик разбудил и тех немногих в соседних домах, кто еще продолжал мирно спать. Строители же, узнав голос Джохара, бросились, давя друг друга, выскакивать из окон прямо в руки поджидавшего их патруля.

После того как Джохара в 1980 году назначили командиром полка, он автоматически становился начальником гарнизона. И, конечно, старался изо всех сил оправдать доверие шестидесятилетнего генерала Безбокова, человека, которого он безмерно уважал, впрочем, как и все военнослужащие в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере.

Прежде всего, чтобы прекратить несчастные случаи из-за самовольных отлучек солдат и офицеров, Джохар сделал гарнизон закрытым. Не знаю, где он раздобыл огромные бетонные плиты, но ими был обнесен весь военный городок, а у ворот построен контрольно-пропускной пункт. Теперь без его личного разрешения ни один человек не мог покинуть место службы. Из таких же бетонных плит он начал строить плац около аэродрома для строевой подготовки. Заново отремонтировал столовые для солдат и летчиков, причем не просто отремонтировал, а привлекая к этой работе гарнизонных умельцев, оформил их так, что результатам мог позавидовать любой современный дизайнер.

Столовые стали походить на городские кафе. Земля вокруг них была выровнена, и на ней разбиты зеленые газоны, какие мы видели во время отпуска в Сочи. Среди газонов была установлена подсветка из списанных больших цветных ламп со взлетной полосы. Сверху их украсили толстой проволокой, согнутой и спаянной в виде ажурных шаров и окрашенных белой масляной краской. Когда они горели ночью яркими разноцветными светлячками в изумрудной бархатной траве, казалось, что звезды упали на землю. Солдаты после маршировки на плацу ходили чеканным шагом, с песней, мимо наших окон в свою новую

столовую. А чтобы они по привычке не толпились у раздаточных столов, Джохар приказал установить там металлические поручни, ограничивающие проход строго по одному.

Пустое времяпрепровождение закончилось. Воспитание шло с азов. Офицеры занимались летной подготовкой, а солдаты несли патрульную службу и украшали военный городок. Буквально в первые же месяцы Джохар договорился с бригадой строителей-армян, которые заново заасфальтировали весь городок, и не только шоссейные дороги, но даже тропинки, протоптанные в траве среди домов. Парковый день был в субботу, а каждое воскресенье солдаты, получившие взыскание, посыпали желтым песком обочины асфальтированных дорог и аккуратно подновляли белой краской разделительную полосу в центре.

Самое убийственное в закрытом военном гарнизоне — скука… Для молодых офицеров и солдат в березовой роще за Домом офицеров была построена танцплощадка, обнесенная высокой (настоящей панцирной) сеткой, которая была в то время страшным дефицитом.

Уму непостижимо, как Джохар умел договариваться с соседями — усольским и ангарским начальством, чтобы достать все эти плиты, сетки, семена и т. д. Впрочем, нашлись-таки и злопыхатели и настрочили анонимный донос «в верха» с сообщением о том, что земляки-армяне неспроста заасфальтировали весь гарнизон, а двухметровые бетонные плиты и сетку Дудаев ворует в Усолье, лично участвуя в хищениях.

Теперь никто не бегал в самоволку, по субботам и воскресеньям возле Дома офицеров звучала музыка, девушки сами съезжались на танцы со всего района и из близлежащих деревень. Не имевшие приглашений пытались, говорят, даже перелезать через бетонную стену.

Самым удивительным для маленького захолустного городка были праздники, о которых Джохар думал загодя.

Подготовка начиналась за целый месяц. Спортсмены двух полков, предвкушая приближающиеся соревнования и будущие призы, на тренировках старались изо всех сил. Одним из самых радостных праздников был День Победы — 9 мая. В 9 часов весь городок собирался вдоль главной улицы, откуда отправлялся праздничный кортеж: девять мотоциклистов в белых перчатках, парадной форме, блестящих черных шлемах торжественно проезжали мимо, а за ними бежала цепочка лучших бегунов в белых спортивных майках, трусах и кроссовках с факельщиком впереди. Им предстояло преодолеть 20 км до районного города Усолье-Сибирское, зажечь священный огонь у памятника Неизвестному солдату и вернуться обратно. После этого праздник

продолжался в весенней березовой роще. Там, собравшись вокруг спортивного поля, обнесенного древками с развевающимися на ветру огромными шелковыми знаменами союзных республик, встречали мы своих посланцев.

Торжественно зажигался священный огонь, и… открывался Праздник.

Он начинался с шествия спортсменов перед сгорающими от нетерпения зрителями, которые уже за несколько дней заключали пари на победителей. Футбольные матчи между двумя полками, участниками которых были отцы и мужья болельщиков, привлекали всеобщее внимание, и долго еще потом обсуждались соревнования по бегу, волейболу, теннису, городкам, шахматам.

Дети уплетали мороженое, тут же с машин торговали шашлыками и пивом. Но самые интересные соревнования были еще впереди: борьба дзюдоистов, вольная, спортивная, самбо вызывали особое восхищение мальчишек.

Заканчивался праздник обычно показательными выступлениями школьников. Планеры долго кружили над спортивным полем, высоко поднимаясь над березовой рощей и отражая крыльями заходящее оранжевое солнце, а затем опускаясь к темной траве. В золотых просветах между деревьями расходились по домам потоки людей.

В 9 вечера праздник возобновлялся с новой силой. В Доме офицеров — концерт художественной самодеятельности, подготовленный совместными силами двух полков, и торжественное вручение спортивных кубков победителям соревнований. А потом — фейерверк на площади, музыка и танцы до упаду в лучах прожекторов, перевезенных, в нарушение всех инструкций, с военного аэродрома. Они высвечивали высоко меж звезд в темно-синем небе римскую цифру IX в День Победы или, если это было празднование Дня полка, число лет, XXVII или XXVIII.

Лучи прожекторов, говорят, были видны не только в Ангарске и Усолье, но даже в Иркутске, и оттуда к нам ехали друзья «на огонек». В Доме офицеров расставляли столы с угощением для старших по званию и гостей, а молодежь до поздней ночи не уходила с танцплощадки. Дети же больше всего радовались фейерверку, пытаясь поймать рассыпающиеся светлячками огни ракетниц.

Из пыльного унылого захолустья наш поселок превратился в образцовый гарнизон. Покрашенные дома белели на фоне голубого неба, а немытые раньше улицы встречали утро радужным сверканием брызг, разлетающихся веером из поливальной машины. Ватага малышей бежала в струях воды до

тех пор, пока она не иссякала. И как ни ругали их, мокрых и посиневших, счастья им это не убавляло.

Но самое главное — со-всем прекратились ЧП. За три года ни одной разбившейся машины и ни одного летного происшествия, Только неустанной летной подготовкой и строгой дисциплиной можно было изменить рок, нависший над городком. Мне рассказывали, как Джохар огромными шагами гнался по главной улице через весь военный городок за солдатом-самовольщиком, словно Медный всадник за несчастным Евгением. Ему не удавалось настичь более молодого и, разумеется, более резвого нарушителя дисциплины, но Джохар отвел-таки душу, успев в последний момент отвесить беглецу увесистый пинок.

А три черные от угля кочегарки, которые зимой жутко дымили и по очереди ломались… При 35–40 градусах мороза трубы в домах мгновенно замерзали и лопались. После первого же телефонного звонка Джохар вставал, часто еще не отдохнувший от полетов, и шел поднимать людей к месту прорыва, чтобы устранять аварию. Наши друзья, замполиты обоих полков Виталий Чугунов и Николай Объедков, тоже неотлучно находились там, возвращаясь домой с почерневшими от угля лицами и руками. Джохар шутил, что теперь он больше кочегар, чем летчик. Если из авиации выгонят, вторая профессия уже есть.

Пришло к нам и горе. Умерла мать Джохара. В тот же день Джохар срочно выехал на похороны. Он безмерно любил ее и очень тяжело пережил ее смерть. Годами она ждала его, сидя на скамеечке рядом с воротами и провожая каждый пролетающий самолет долгим взглядом. «Вот, опять Джохар полетел!» — обычно говорила она соседям и следила за самолетом до тех пор, пока он не исчезал.

Следующим летом, как обычно перед отпуском, Джохару выдали двойной оклад. Разложив деньги на диване, мы стали прикидывать, как нам уложиться. Билеты до Кавказа и обратно стоили очень дорого. Отложив часть денег, Джохар сказал: «Я хочу купить в Грозном барана, чтобы зарезать его для поминовения матери. Ты согласна?» Исполнялся как раз год со дня ее смерти. Для меня это было совершенно естественным решением, и я просто автоматически кивнула.

А ночью мне приснился странный сон. Я увидела нани в красивом цветном платье с платком на голове, сидящей на кровати у моих ног. Она снова спрашивала меня, согласна ли я выделить эти деньги на ее поминки. Может быть, мой ответ Дуки показался ей не совсем ясным? Я, конечно, подтвердила, удивившись про себя тому, что мой ответ для нее столь важен. А в Грозном, когда я рассказала об этом родственникам, узнала, что

по мусульманским обычаям перед совершением такого обряда необходимо получить одобрение всех членов семьи.

Отпуск пролетел незаметно, и опять потянулись серые гарнизонные будни.

Когда родился наш третий, долгожданный ребенок, Джохар даже не смог приехать за нами в роддом, встречал очередную летную комиссию. Я уже привыкла, что ему постоянно не хватает времени для семьи, и справлялась сама. Очень помогал старший сын Овлур. Приученный к суровым условиям с раннего детства, он брал все на себя.

Его друзьями были шоферы, которые возили Джохара на уазике. Они и научили его водить машину. В гости на выходной к нам в дом часто приходили солдаты, земляки Дуки. Мои подружки, забегая к нам и в очередной раз увидев в маленьком коридоре ряд солдатских сапог, поворачивали обратно — не до них.

А водитель Дуки, Саша, невысокий скромный парнишка из многодетной семьи, запомнился мне тем, что на его руках шестимесячный Деги мгновенно затихал. Они могли часами сидеть молча, влюбленно глядя друг на друга. Когда мы уезжали в Полтаву к новому месту службы, сажая нас на поезд и с трудом отрывая ребенка от себя, Саша умоляюще прошептал: — Не обижайте Деги».

Часто к нам приезжали гости с Кавказа. Однажды один из них спросил меня: «Сколько лет ты живешь вместе с Джокером?» «Уже больше двенадцати», — отвечала я. «Ну, за это время ты должна была составить свое собственное суждение о нашем народе. Назови мне теперь главную черту в характере чеченцев». Я вспомнила все, что происходило со мной в Чечне, когда я туда приезжала, об отношении чеченцев друг к другу, к детям и старикам и впервые осознала то, о чем говорил Джохар при нашей первой встрече. Общее воспитание, в полном соответствии с чеченскими обычаями, приносило удивительные плоды нравственности.

«Самоотверженность», — сказала я и увидела радость в его гордых глазах. «Чтобы нас понять, нужно стать такой же, как мы. Ты проживешь в Чечне много лет… — задумчиво пояснил наш гость. — Я тревожился напрасно».

После огромной работы, проведенной Джокером в поселке Средний, так назывался наш городок, его должны были перевести на генеральскую должность на запад и дать под командование дивизию. Но клеймо «чеченец» перечеркивало все заслуги и права. С Джокером теперь просто не знали, что делать, он перескочил дозволенную планку, а придраться было не к чему.

Из Полтавы прислали нового начальника гарнизона полковника Трезнюка. Его жена, приятная женщина, была дочерью высокопоставленного московского генерала Плохова, служащего в главном управлении дальней авиации. Она этого не скрывала и откровенно всем говорила, что, послужив два года в этом медвежьем углу и «получив генерала», они быстро уедут обратно. Они привезли с собой своего замполита полковника Агеева, а замполита нашего полка Виталия Чугунова перевели в захолустный гарнизон Серышево, еще дальше на восток. Джохар стал теперь просто командиром соседнего полка.

Еще год мы провели в поселке Средний, который снова тускнел на наших глазах. Сломалась поливальная машина, и улицы перестали сверкать чистотой. На праздниках новый начальник гарнизона отменил лучи прожекторов (из-за нарушения инструкций) и фейерверк — детскую радость (из-за перестраховки на случай пожара). Но в конце года разбился на учениях самолет с новым замполитом полка Агеевым. Будущему генералу Трезнюку в Сибири явно не везло.

Весной 1984 года, в апреле, Джохар простудился и заболел. Его положили в Иркутский военный госпиталь с диагнозом «бронхит», но он скоро перешел в воспаление легких и начали поговаривать о туберкулезе. Врачи показывали рентгеновский снимок, где какая-то тень закрывала часть легкого. «Возможен даже летальный исход», — утверждали они. Антибиотики, пенициллин не помогали. Его кололи по четыре раза в сутки, пичкали какими-то лекарствами, но Джохар слабел день ото дня.

Я приезжала к нему дважды в неделю с маленьким Деги, но даже держать малыша на руках у него уже не хватало сил.

Однажды во сне ему явился умерший брат Халмурз. Стоя на изумительно красивой, залитой солнцем поляне, он стал звать его перейти глубокий черный овраг, бесконечной чертой разделяющий их. Джохар сказал, что придет позже, у него еще есть здесь дела. Брат грустно посмотрел на него и, отвернувшись, медленно пошел прочь.

После этого сна, начиная с субботы, Джохар принялся за свое лечение сам. Он уговорил молоденькую медсестру не делать ему назначенных инъекций, воспользовавшись отсутствием в выходные дни врачей, перестал пить лекарства, и через два дня ему стало значительно лучше. Появился даже аппетит. Полностью отказавшись от больничной кухни, он стал заказывать еду в соседнем ресторане. И «чудесным образом» излечившись, покинул военный госпиталь.

Врачи говорили потом, оправдываясь, что тень от ребра на легком приняли за какую-то непонятную болезнь.

Это было очень тяжелое время для всех нас.

Деги сильно заболел одновременно с Джокером, хотя ему не исполнилось еще даже года. Врачи боялись, что у него дизентерия, и назначали всевозможные лекарства, но безрезультатно, он слабел на глазах, тихо угасая, как свечка. Я была поставлена перед выбором — уехать в Москву для спасения младшего сына или остаться с больным Джокером. Обоим грозила смерть.

И ровно через двенадцать лет эта ситуация повторилась один к одному. Только в апреле 1984 года я уехала с сыном, оставив Джохара, а в апреле 1996 года отправила одного Деги. Те, кто увлекается астрологией, хорошо знают, как судьбоносны подобные повторения в жизни каждого из нас, особенно через кармические 12 лет.

Глава 8

В 1985 году после пятнадцатилетнего «заключения» в Сибири мы ехали в благодатную Полтаву на новое место службы. Джохар был снова назначен начальником штаба дивизии. На этой должности он мог «просидеть» до самой пенсии, дальнейшего продвижения не предполагалось. Жаль было покидать сибирских друзей. Слишком многое нас связывало. И все же перед нами открывался огромный мир!

Мимо окон поезда проносились прекрасные города и белые украинские хатки с сиреневыми мальвами под окнами. Плакучие ивы распластывались на ветру. Высоко на крыше, раскрыв красный клюв, стоял белоснежный аист, впервые увиденный нами. Изобилие плодов, румяных яблок, огромных янтарных груш, сизых слив подавляло. Много ягод осыпалось с веток и валялось под ногами у прохожих.

Бедные наши дети! В Сибири годовалый Деги часами безуспешно пытался оторвать нарисованную красную клубничку с кастрюли, лепеча: «Яга, яга».

Два года жизни в Полтаве в новом многоэтажном доме рядом с обширным колхозным садом показались нам волшебным яблочным сном. Душистый аромат фруктов пропитывал все улицы и золотые поля вокруг. Сорочинская ярмарка два раза в год — с пышными караваями, мягким украинским говором и живыми гоголевскими персонажами — история этого края была совсем рядом. Казалось, протяни руку и дотронешься до ее живой сути, такой же реальной, как глиняные горшки махотки на деревенских плетнях или криницы со студеной водой. Такого разнообразия всех земных плодов, как в полтавских магазинах, я никогда прежде не видела: кавуны (арбузы), дыни, тыквы — соленые, моченые, сушеные; огромные щуки и карпы из Днепра; и, наконец, всевозможные бублики, крендели, булочки и высокие пышные хлеба.

Но почему при таких богатых колхозах в Полтаве не было творога, сметаны, мяса и колбасы? Как-то раз, взглянув на витрины, заваленные большими говяжьими ушами и хвостами, я спросила у продавца: «А кто съел то, что посередине?» Опасливо оглядевшись по сторонам, он поднял указательный палец кверху: «Москва». Ее жадная рука брала все, что хотела, и в этом богатейшем краю людям приходилось подходить к вагонам-ресторанам проходящих мимо поездов, чтобы купить детям колбасы.

Джохар, назначенный начальником штаба сформированной

им в Сибири дивизии, был переведен в Полтаву на равноценную должность, где опять пришлось налаживать службу войск дивизии, доставшейся ему в «наследство». Он проработал в Полтаве два года, подняв на высшую ступень боеготовность дивизии. Но о назначении его командиром дивизии (генеральская должность) в «верхах» речи не было, так как клеймо происхождения «чеченец» продолжало, как тень, сопровождать его.

В это время в авиационной дивизии, дислоцированной в эстонском городке Тарту, боеготовность упала до такой низкой отметки, что в Москве серьезно встал вопрос о ее полном расформировании. Два полковника, назначенные туда поочередно командирами, за два года не смогли улучшить положение и были уволены из армии как несправившиеся с возложенными на них обязанностями. Из-за плохой организации учебной подготовки летный состав имел мало часов налета, утратил профессиональное мастерство. На низком уровне были такие элементы боевой подготовки, как бомбометание с больших высот по невидимым с воздуха целям, не отработаны многие элементы пуска боевых ракет и дозаправка самолетов в воздухе. Плюс ко всему этому в частях была расшатана воинская дисциплина. Многие предпосылки летных происшествий в воздухе рождались на земле. (Пишу так подробно о состоянии дел в Тартуской дивизии для непосвященных в воинскую службу читателей, которым нелегко будет понять, с какими трудностями пришлось в который раз столкнуться Джохару.)

Итак, вопрос о расформировании Тартуской дивизии был уже решен в Москве в главном штабе дальней авиации. Но вдруг у кого-то из генералов мелькнула мысль «попробовать чеченца». Это разумное предложение поддержали генералы в Москве: дивизию расформировать успеем, а Дудаева, хорошо известного как отличного командира, первоклассного летчика и организатора порядка в гарнизонах, назначить командиром разваливающейся дивизии.

Боевых дивизий стратегических бомбардировщиков ТУ-22 в Союзе было не так много, а Джохар одним из первых освоил и начал летать на самолетах высшего класса, называемых «бигфайерами». Назначение состоялось, о национальности нового комдива временно забыли.

Глава 9

Мы ехали в Прибалтику, с сожалением покидая благодатные земли Украины. «Украины, ридны», как любовно называли ее местные жители. И вот город Тарту, бывший Дерпт, знаменитый старинным, чуть ли не трехсотлетним Дерптским университетом, известным всей Европе, городок студентов. Узкие улочки теснили дома с красными черепичными крышами и готическими окнами, увитыми розами.

Со священным трепетом ходили мы по древнему булыжнику небольшой площади при городской ратуше, думая о поколениях людей, топтавших этот булыжник, и с благодарностью об их потомках, сумевших сохранить в первозданном виде старые дома. Некоторые из них до сих пор отапливались углем. На высоких трубах не хватало только маленького черного трубочиста с лесенкой, сказки Андерсена оживали перед нашими глазами.

Самобытность виделась в каждом древнем камне, увитом многолетним плющом. Все передавалось из поколения в поколение и бережно хранилось с любовью к старому-престарому миру. И снова с радостью, как друга, мы увидели аиста на колесе на высоком шесте в одном из сел возле древнего замка.

Радовал глаз блестящий асфальт без единой трещины. Широкая, вполне европейская дорога несла нас от одного села к другому, мелькали цветники перед каждым аккуратно покрашенным домиком и… зеленые стриженые газоны. Все освещалось золотым заходящим солнцем, высоко в розовом небе плыли прозрачные облака. Тишина и покой, благоденствие, казалось, разлито в самом воздухе, которым мы дышали. Каждый клочок земли был тщательно возделан.

Высокие гряды больших камней отделяли одно поле от другого. «Что это?» — не поняли мы. «Этими камнями, — объяснял наш провожатый, — «засеяли» нашу землю огромные глыбы льда, которые ползли с Севера во время ледникового периода. Теперь каждую весну трактора, выпахивая их из земли, ломают лемехи плугов. Раньше из этих камней дома строили. Вся Эстония на таких камнях стоит. Если «Калевалу» читали, то наш богатырь тоже из камня родился. Лета почти нет, дожди и постоянные холодные ветра с моря, поля рожью засеяны, пшеница не созревает».

А в Эстонии той весной зарождался первый народный фронт. Мы попали как раз в эпицентр событий, которые разворачивались с неумолимой быстротой. После оглушительных откровений начала перестройки народный фронт Эстонии стал политической

школой для каждого народа, мечтающего о самоопределении. Газеты раскупались молниеносно и «проглатывались» целиком. «Саюдис» — литовская газета на русском языке тех лет — нам нравилась больше других.

Я работала в это время в библиотеке военного госпиталя и зачитывалась Ахматовой, Пастернаком, Мандельштамом, Гумилевым, Цветаевой. Конечно, лучшие стихотворения по вечерам читала Джохару. Часто он, после знакомства с политическими статьями из газет, сам отдыхал с поэтической книжкой в руках.

Стихи бередили душу, живопись тоже. Видимо, любое вдохновение черпает живую воду из одного и того же источника, главное напоить, а как — не все ли равно…

У нас появились новые знакомые — главный редактор местной газеты «Вперед» эстонец Вальтер Тоотс с женой Натальей. Наше знакомство состоялось после того, как я, прочитав новую рубрику стихов о перестройке студентов и преподавателей Тартуского университета, за ночь написала на все стихи эпиграммы, причем сама не ожидала от себя ничего подобного. Кстати, первое из этих стихотворений принадлежало заезжей московской знаменитости, поэту-концептуалисту Юрию Пригову.

Утром очень удивила своими эпиграммами Джохара. Такой резкий переход от лирической аква-рельности к сатире поразил бы кого угодно. Но самое удивительное ждало меня в редакции, куда я робко, затаив дыхание, зашла впервые в жизни. Перед этой заветной дверью я целый час слонялась, долго собираясь с духом. Прочитав эпиграммы, сотрудники быстро отвели меня в кабинет к «главному», как к особому знатоку поэзии. «За одну ночь? — удивился он. — А где вы раньше печатались?»

На собрании редколлегии было решено следующую подборку назвать «Поэтическая дуэль», напечатать мои эпиграммы и вызвать на ответный поединок любого из местных стихотворцев.

Карикатурист тут же изобразил гарцующую амазонку в тунике верхом на вздыбленном коне, посылающую стрелы в разбегающихся в панике поэтов.

Дома Джохар смеялся, любой поединок его радовал, он всегда приветствовал смелость. «Посмотрим, кто из них примет бой», — говорил он, потирая от удовольствия руки.

Кто-то из сотрудников показал гранки профессорам университета. Те посмеялись эпиграммам, но никто из них не пробовал себя в этом жанре, поэтому поединок, к сожалению, не состоялся. Зато была напечатана целая подборка моих лирических стихов с фотографией и очень лестной аннотацией.

Мне было предложено работать в редакции. Я летела домой, как на крыльях, неся целую пачку остро пахнущих типографской краской свежих газет. Тут же отправила по почте этот номер всем своим знакомым и родителям. Первый шаг к признанию был сделан! Оставалось только трудиться.

Каким же все это смешным и наивным кажется мне сейчас. Но в то время я не спала ночи. Волны поэзии уносили в такие пространства, из которых я с трудом возвращалась в повседневный мир. Даже днем я ходила как лунатик, существуя для своих домашних только наполовину, вторая половина была где-то недосягаемо далеко.

Моими стихами заинтересовались местные поэты и прислали приглашение на выступление в Тартуском поэтическом обществе. Счастьем было для меня встретить собратьев по духу! Они читали по очереди свои стихи и удивительно, как мгновенно, только по одному стихотворению, я постигала душу каждого из них, они все были «из моей стаи»…

В библиотеке тоже как-то сами собой появились любители поэзии, небольшая группа из старшеклассников и военных. Лучшие их стихотворения я отнесла в редакцию. После напечатания они испытали точно такой же восторг, и, кроме того, отношение окружающих с этим талантливым ребятам очень изменилось. Одного молоденького «салагу» наконец-то перестали бить «старики». Заступники говорили: «Поэт как-никак, вдруг знаменитостью станет». Отец Юрия Волкова, очень одаренного шестнадцатилетнего подростка, на которого школьные учителя давно махнули рукой, растрогался до слез, увидев стихи своего сына в газете, и на прощанье долго тряс мне руку. Много ли надо человеку для счастья? Мы воспряли духом, стихи и споры о последних наимоднейших течениях поэзии не умолкали в библиотеке дотемна.

Иногда я приносила холсты и писала в библиотеке картины.

А на весенних улицах не умолкали политические дебаты.

Кабинет Джохара находился в одном из исторических зданий в центре города, в бывшем кабинете полководца Барклая-де-Толли.

Вступив в должность командира дивизии и начальника гарнизона, Джохар начал работу с детального изучения положения дел, знакомства с личным составом. Особое значение он придавал работе штаба, организации службы войск, повышению дисциплины. Всю деятельность дивизии Джохар взял под свой личный контроль.

Основное правило в его работе — жить по одной дисциплине самому и всему руководящему звену, как в штабе дивизии, так и в

трех полках, дислоцированных в разных гарнизонах. То и дело он посещал эти полки, летая то в Белоруссию, то в Ленинградскую область.

Целый год мы жили в гостинице, дожидаясь квартиры, а Джохар, как всегда, занимался устройством быта военнослужащих. Точно так же, как и в сибирском гарнизоне, были отремонтированы летная и солдатская столовые, между газонами сияли новые заасфальтированные дорожки. На должный уровень были подняты и общевойсковые проблемы, поднялся уровень физической подготовки, строго соблюдались правила распорядка дня в подразделениях.

Число часов налета у Джохара было больше всех, он постоянно контролировал инструкторов летной подготовки, часто сам инструктировал молодых летчиков во время полета. В итоге — отличные оценки во время военных учений. Тартуская дивизия ровно через год стала лучшей в дальней авиации. На ее базе главнокомандующим авиации было проведено показательное учение, на это мероприятие пригласили всех командиров дивизий дальней авиации, чтобы наглядно продемонстрировать, «как правильно организовать работу по всем вопросам боевой подготовки, быта личного состава, повышения их воинского мастерства».

Учение прошло успешно. Главком ВВС Джохара наградил ценным подарком. В 1990 году планировалось перевести его на вышестоящую должность в Московский штаб ВВС.

Однажды Джохара пригласили в Вильнюс, из этой поездки он вернулся явно не в духе. Ничего не рассказывал, но в его радостном отношении к революционным прибалтам появилась новая нотка сострадания. «Так просто Россия их не отпустит», — нередко говорил он.

Настроения военных кем-то неустанно «подогревались».

Джохар очень тонко чувствовал это и всячески подчеркивал дружелюбное отношение к местному населению. По его инициативе полк взял шефство над эстонской школой. Во время очередного спортивного праздника в День Победы для тартусцев был устроен День открытых дверей. Всех желающих пригласили посетить военный аэродром и даже посидеть за штурвалом бомбардировщиков. В летной столовой были накрыты столы для эстонских гостей Высоко в голубом небе, демонстрируя высший пилотаж, проносились серебристые самолеты, разноцветные парашютисты плавно приземлялись в центре спортивного поля. Апогеем стала заключительная церемония — поднятие национального эстонского флага. Первый огромный черно-сине-белый трепещущий флаг взмыл над городом Тарту на военном

самолете еще до признания независимости Эстонии. Эстонцы не верили своим глазам, ошеломленные, они пожимали друг другу руки и неотрывно смотрели вверх. Был весенний солнечный день, цвели деревья, все вокруг обещало счастье.

15 мая, в день рождения (по документам) Джохара, его завалили цветами. А у нас в доме было настоящее столпотворение соседей-эстонцев, преимущественно очень пожилых людей. Очень трогательное зрелище — старичок или старушка, несущая только один цветок, красную розу, — похоже на признание в любви.

Я не встречала другого народа, так сильно любящего цветы. Начиная с самой ранней весны, на всех улицах города появлялись цветочницы с какими-то удивительными маленькими цветами в крошечных корзиночках и просто распускающимися зелеными ветками. Их можно было купить за копейки, но сколько они приносили радости! Голубые и сиреневые сугробы в парках, в проталинах — черный сверкающий асфальт, мокрый порывистый ветер с моря и… цветы, изумительно пахнущие весной.

В нашем новом доме жили почти одни эстонцы. И даже самые старые из них хотя бы раз в неделю, облачившись в строгие костюмы, торжественно ходили на какие-то собрания, что-то вроде политзанятий.

А однажды в ответ на одно из резких заявлений Москвы жители всех прибалтийских республик, от мала до велика, взялись за руки и встали одной цепью, отделившей их от России. Они пели, передавали по цепи какие-то слова.

Все было ново, радостно и удивительно хорошо. Жаль, что мы не принимали в этом участия, это был чужой праздник всеобщего единения и отделения. Название «Поющая революция» было у всех на устах. Оно вызывало удивленные улыбки и… тайный гнев у некоторых. Но глупо протестовать против такого упоительного, радостного, мирного отделения.

В октябре 1989 года Джохару дали очередное звание — генерал-майор. Это было очень радостным, долгожданным событием для всех нас. Я тут же попросила его надеть новенькую генеральскую форму и быстро написала его портрет.

Снова пришли соседи с розами в руках. Я рисовала их портреты и очень с ними дружила. Их судьбы были отражением горькой судьбы всей России.

Эстонец Ян Сикк просидел 8 лет в магаданских лагерях только зато, что во время Второй мировой войны за кружкой пива поделился своими сомнениями. Сказал, что «у немцев техника лучше». Вернулся на костылях. Но неослабевающая вера в хороших людей все еще светилась в его младенчески чистых

голубых глазах. «Там» много было таких, как он. Позируя для картины, уходя в прошлое, он рассказывал о пережитом. Кроме него часто заходили Мария и Хильда, пожилые эстонки, их внимательное и бережное отношение друг к другу и взаимопомощь меня просто покоряли. Где же та пресловутая холодность и высокомерие, о которых я была так наслышана?

Джохару нравилось, когда я писала картины. Он очень тонко чувствовал живопись, еще в Сибири хотел устроить выставку моих картин в Доме офицеров. Нередко сам подсказывал темы, а иногда, когда я, чрезмерно увлекаясь, начинала их «записывать», вовремя меня останавливал. Каждый наш отпуск мы непременно посещали картинные галереи и музеи в Москве, нередко брали с собой и наших детей. Однажды, войдя в дом, он взволнованно сказал: «Если бы ты могла написать то, что я сейчас увидел на нашей улице. Две очень старые эстонские женщины шли, поддерживая одна другую, из магазина с пустой сумкой». Я узнала о них у наших соседей, это были две сестры. Они очень редко выходили из соседнего дома, одной было 90, другой 95 лет. Но как-то раз мне повезло и я их увидела, они действительно производили сильное впечатление. У каждого прохожего при одном взгляде на них, на их седые, развевающиеся под дождем волосы и тусклые лица сжималось сердце. Я написала их по памяти за одну ночь, утром хотела продолжить, но Джохар не дал: «И так очень хорошо». «Сестры» стали его любимой картиной.

Эйфория в надежде на новую российскую политику во взаимоотношениях с соседними республиками быстро угасла, сраженная насмерть саперными лопатками в Тбилиси, Сумгаите и последними событиями в Литве. Японское телевидение случайно оказалось в Вильнюсе 12 января, и вся Прибалтика с гневом и возмущением увидела, как уничтожается пресловутая российская демократия и гаснет надежда на свободу. Танки давили безоружных людей на центральной площади, перед литовским сеймом. Мужчины пытались голыми руками удержать, не пропустить российские танки дальше, ведь площадь была заполнена беззащитными людьми, но, лязгая окровавленными гусеницами, они шли, устилая январский снег раздавленными телами.

Проклятье, плач, крики — все слилось в общий стон. Подъезжали автобусы, из них выскакивали мужчины, искали на бегу камни и бросали в танки… Что толку? Камни отскакивали от брони, не причиняя ей никакого вреда. Какой-то литовец, прижимая белокурую головку пятилетней девочки к груди, трясущимися руками пытался закрыть ей лицо, глаза, чтобы она

не видела того, что творят люди. «Фашисты, фашисты», — почти беззвучно шептали его губы.

И мы вместе с Марией, замерев в ужасе перед экраном телевизора и не веря своим глазам, на одном дыхании твердили то же.

Поздно вечером Джохар, придя домой, мерил квартиру большими шагами; он принимал какое-то решение. Какое? Об этом не знал никто… Литовская кровь беззащитных людей послужила для него хорошим уроком. Мечта о «Поющей революции» была раздавлена на январском снегу.

Я думаю, именно в те минуты он понял, что самое страшное в подобной ситуации — оказаться беспомощным. Перед зверем нужно представать с оружием в руках…

Во время зимнего отпуска огромное количество гостей посетило скромный дом Басхана, старшего брата Джохара. Первый чеченский генерал — это было большой радостью не только для родственников и знакомых, но и для всех чеченцев. Столы стояли накрытыми целый месяц, а незнакомые люди все шли и шли. Мы с Раисой сбились с ног, принимая гостей, особенно после статьи о первом чеченском генерале в газете «Голос Чечено-Ингушетии».

Имам Алимсултанов впервые пел нам свои героические песни под аккомпанемент гитары. Они разжигали кровь и будили память… Люди окружили дом, стояли под окнами, слушали пение и вытирали слезы. И какие удивительные слова…

«Прощай, Гуниб, и каменный, и нежный.
Прощай, суровость неприступных стен.
На ярком полотне имам мятежный,
Потупив взор, идет в почетный плен…»

Это о Шамиле, непокорном Шамиле, 27 лет устрашавшем Россию.

А вот пронизывающие душу строчки о возвращении чеченцев на родину из высылки:

«Седой старик в поношенном бешмете,
став на колени, землю целовал».

Люди окружавшие меня, все побывали там, в Казахстане. Слушая его песни, потупив головы, они, казалось, заново переживали долгие годы унижения и незаслуженных оскорблений.

Имам стал другом нашей семьи и приезжал несколько раз в Тарту. Красивый тридцатипятилетний мужчина, с горячими карими глазами и густой шевелюрой, сам писал стихи, музыку и потом, подыгрывая на гитаре, пел. Слова песен, которые мне особенно понравились, были из сборника стихов известного чеченского поэта Умара Яричева, который однажды приезжал к нам в Тарту вместе с Имамом. Мы устроили домашний концерт. Имам пел свои песни, читал стихи. (Позднее этот горячо любимый всеми певец, которого по праву можно назвать народным, был расстрелян после выступления на концерте в Одессе в 1996 году четырьмя неизвестными. Автоматными очередями были убиты и два его друга, случайно оказавшиеся рядом.)

Нередко из Чечни приезжали гости, я к ним привыкла еще в Сибири. В самые первые годы замужества я научилась делать жижиг-галныш — национальное блюдо чеченцев, которому они были всегда очень рады.

Это неприхотливое отношение к пище, видимо, шло от постоянных войн. Наверно, абреки варили мясо себе сами (его много бегает в горах), потом бросали туда кусочки теста, смешав кукурузную муку с ключевой водой, и, сорвав рядом растущий дикий чеснок или выкопав зимой из-под снега черемшу, делали берам, то есть растолченный и залитый бульоном чеснок. Это простое блюдо давало им силы, а его вкус очень нравился всем нашим знакомым. Гости из Чечни отличались скромностью, вежливостью и неприхотливостью.

В том же году умерла моя обожаемая бабушка Леля. Джохар был ее любимцем, она ласково называла его «Захарушка, зятек» и всегда очень ждала нашего приезда. Каждый раз, шутя, он набавлял ей годы и обещал выдать замуж за генерала. «Ну, вот, теперь еще пяток лет проживу, Захарушка, зятек набавил», — весело говорила бабушка соседям после его отъезда. Она умерла 3 июня, девяноста пяти лет, немного не дожив до своего дня рождения.

Бабушка Леля очень нас ждала той весной, но отпуск Джохару не дали, и приехать мы не смогли. Она, как ребенок, завидовала пышным похоронам — последнее важное событие, которое должно было свершиться в ее жизни. Такие же старушки, как она, собирались кучками и, провожая траурное шествие заинтересованными глазами, считали венки. «Хорошо похоронили», — удовлетворенно вздыхали они, если на похороны приезжало много родственников и венков было много.

Получив телеграмму о смерти бабушки, я срочно выехала в Коломну с детьми. Джохар попросил, чтобы кроме венков от всех

нас был еще отдельный, от него. С глубокой печалью мы вернулись домой, а на шестой день я услышала во сне голос: «Бабушка зовет тебя» — и побежала вверх по какой-то кирпичной старой лестнице навстречу свету. В нем стояла бабушка, завернувшись в свой любимый черный плащ. Подбежав к ней, я обняла ее и стала целовать лицо, которое вдруг начало оживать и молодеть на глазах. Плечи ее распрямились, и она стала как будто выше ростом. Передо мной стояла красивая тридцатипятилетняя женщина, в которой я с трудом узнавала дорогие черты моей бабушки, но веяло от нее все той же любовью и родным теплом. «Бабушка, ну как, есть «там» что-нибудь?» — спросила я. «Да, есть», — ответила она, протягивая мне отрез розового атласа, завернутого в серую оберточную бумагу. «А как туда попасть?» В то же мгновение я полетела вниз головой с огромной скоростью и оглушительным свистом в бесконечный черный туннель, который, казалось, пересекал всю землю. Я долго падала, а шум был точно такой же, как в московском метрополитене. Потом я вдруг оказалась парящей под потолком больницы с выкрашенными зеленой масляной краской стенами. Прямо перед собой я увидела трех санитаров в зеленых клеенчатых передниках, перекладывающих мое распростертое обнаженное тело с медицинского стола на колесиках на носилки. Отрешенно я взирала на свое тело, равнодушно думая о том, что они со мной делают. «Видимо, после операции», — спокойно констатировала я и — проснулась в своей кровати. «Какой странный сон, все было как наяву!» — подумала я. Только через полтора года, увидев в газете «Аргументы и факты» фотографию рисунка туннеля с летящими по нему маленькими человеческими фигурками, я почувствовала толчок в груди, я его узнала! Еще чуть позже узнала об исследованиях американским профессором доктором Моуди случаев клинической смерти и памяти о ней. Эзотерическая литература заинтересовала меня, книг было очень много, я читала наиболее интересные места Джохару. Стройная система мироздания начала все четче вырисовываться, непонятное раньше становилось ясным, и, казалось, сам Всевышний открывал мне свои объятья. Его мир был прекрасен!

Джохар был очень верующим человеком, он говорил, что человек, не верующий в Бога, ничем не отличается от животного. И был прав. На Кавказе детей приучают к религии с раннего детства. Молитва — ламаз — является обязанностью каждого мусульманина с семилетнего возраста. Часто совсем маленькие дети уже умеют делать намаз по всем строгим правилам Корана. Я удивлялась терпимому отношению мусульманской религии к христианской религии, более того, она перечисляла среди многих

пророков имена пророка Моисея и предпоследнего — Исы (Иисуса).

Коран приучал к почитанию священных книг Евангелия и Библии.

Я заметила, что мои картины стали получаться значительно лучше. Иногда совершенно неожиданно по ночам находило нечто необъяснимое, я начинала писать так, как никогда раньше. Какую бы ни брала краску, она ложилась так, как вроде бы было задумано, но не мной, потому что получалось гораздо лучше, чем я умела. Стихи, рождавшиеся сами, тоже стали намного глубже, а их концовки порой становились полной неожиданностью.

Жрицы Египта чтили священными часы от двух до трех ночи, они проводили их под звездами и считали, что в это время само небо распахивает свои тайны. Иногда я могла писать картину всю ночь. Рано утром просыпался Джохар, заходил в зал, смотрел на картину и удивлялся: «Как ты смогла?»

Меня пригласили в город Грозный принять участие в юбилейной выставке Союза художников. В картине «Изгнание» в абреке многие узнали Джохара, на самом деле, я изо всех сил старалась, чтобы он не получился похожим на него, но в каждом мужском портрете чеченца поневоле начинали вырисовываться его черты. Эту картину грозненский Союз художников предложил купить у меня. Вторая картина, в которой Джохар узнал свое детство, называлась «Выселение в Казахстан». Ночь, уходит товарный поезд, оставляя на снегу обездоленную группу людей со скудными пожитками рядом. Над умершим стариком читают «Ясин», дети в страхе прижимаются к материнским рукам. И только один из них, совсем маленький мальчик в огромной отцовской папахе, оторвался ото всех, засмотревшись на бесконечное белое пространство. Снежная поземка пригибает к земле заиндевевшую высохшую траву, будет метель…

ЧАСТЬ 2

Глава 10

Близилась пора перемен. Первое же свежее дуновение этого ветра всколыхнуло и пробудило в душах чеченцев неугасимый дух свободы их предков. Он никогда не исчезал, а только дремал, скрываясь до поры до времени, как спящий кавказский богатырь под белой буркой облаков. И был везде — в сизых расщелинах диких скал, в глубоких ущельях стремительных рек, в складках зеленых гор, где вечным укором стояли разрушенные стены вайнахских башен.

И звенели горные ручьи, чистые и прозрачные, как память о защитниках Кавказа, отдавших свои жизни за родные горы.

Развал СССР маячил на горизонте… Первый толчок пробудил надежды, нарастал могучий поток народного движения.

Призыв нового председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина в 1990 году к автономиям «брать суверенитета столько, сколько смогут», чеченцы восприняли с огромной радостью. Под их давлением прежнее руководство было вынуждено использовать конституционное право народов на самоопределение (хотя Чечня никогда добровольно и не входила в состав России).

В октябре 1990 года по приглашению организационного комитета Джохар приехал в Грозный, взяв командировку на несколько дней, и принял участие в первом общенациональном съезде чеченского народа, где был сформирован исполнительный комитет. Была принята декларация о провозглашении независимости Чеченской Республики «Нохчийчоъ», ее принятие вылилось во всеобщее ликование и возгласы «Акбар Аллах!». Завершающим аккордом прозвучало пламенное выступление Джохара Дудаева, которого мало кто знал до этого, но после съезда о нем заговорила вся республика.

«Его блестящая речь, решительность и напор, прямота и резкость высказываний — внутренний огонь, не ощутить который было невозможно, — все это создавало притягательный образ человека, способного справиться с хаосом смутного времени. Это был сгусток энергии, копившейся именно для такого часа; пружина, до поры до времени сжатая, но готовая в нужный момент распрямиться, высвобождая накопленную кинетическую энергию для выполнения поставленной благородной задачи» (Муса Гешаев).

Вся предшествующая жизнь Джохара была подготовкой к тому, что предстояло совершить…

Предложение ВДП (Вайнахской демократической партии) дать согласие выдвинуть его кандидатуру на пост председателя

ИКОКЧН (Исполнительного конгресса общенационального конгресса чеченского народа) Джохар принял не сразу. Договорились, что он за ночь подумает, а утром перед заседанием даст ответ. 6 декабря 1990 года на Бороновке, в здании строительного РСУ, Джохар был избран председателем ОКЧН, 93 членами ОКЧН (заместителем председателя был избран Зелимхан Яндарбиев, также Умхаев и Сосламбеков).

Джохару нужно было уезжать к месту службы в Тарту и добиваться там возвращения на родину для работы в исполкоме ОКЧН.

С трудом отправили ходатайство в Верховный Совет, но не дремали «завгаевцы». В верховные органы власти полетели секретные донесения о том, как генерал Дудаев в сговоре с Вайнахской демократической партией организует свержение советской власти. Зелимхан Яндарбиев вместе с Умхаевым прилетел в Тарту уговаривать Джохара оставить службу ради деятельности в исполкоме. Зелимхан, молодой парень лет тридцати, производил впечатление скромного человека. Прочитав мои стихи, он предложил включить их в альманах, который должен был вскоре выйти в республике.

Джохару предоставлялся выбор. Он был профессиональным летчиком, а не политиком, налетал в общей сложности свыше трех тысяч часов, испытал почти все типы военных самолетов, обучил искусству пилотажа не одну сотню летчиков, за ратный труд получил ордена Красного Знамени, Красной Звезды, более двадцати медалей, звание генерал-майора и должность командира 326-й авиадивизии тяжелых бомбардировщиков 46-й воздушной армии ВВС. Он отдал службе неполных двадцать девять лет, долгие годы служил в далеком сибирском военном городке, теперь его приглашали с повышением в Москву на соответствующую должность, скорее всего штабную.

Возвращение в Чечню в качестве национального лидера — его осознанный выбор после долгой ночи раздумий в Грозном. Он глубоко переживал события на родине. Сейчас самой историей его многострадальному народу предоставлялся, возможно, единственный шанс стать свободным.

В Тарту Джохар был членом Тартуского бюро горкома партии. Свобода и независимость эстонского народа воспринималась им так же горячо, как и свобода и независимость собственного народа. Сейчас в его помощи нуждался чеченский народ, и выбор был сделан. Как он мог, имея генеральское звание и должность, пойти на такой рискованный шаг? Ответ только один — Джохар готовил себя к этому всю жизнь. «Я не могу служить ангелу и дьяволу одновременно», — говорил он.

Ангелом, конечно, была его многострадальная родина, где время рождало героев…

В Эстонии в 1990 году Джохар познакомился с Линартом Мялем, возглавляющим Организацию непредставленных народов в Голландии. В будущем он станет большим другом нашей семьи. Этот добродушный, высокий, полный мужчина, великан с крупными, выразительными чертами лица, часто бывая у нас гостях, очень много говорил о политике: «Организация непредставленных народов должна являться противовесом политики ООН, защищающей права только семи входящих в нее сильных государств». Прибалтийские государства были членами ОНИ, и это могло помочь их признанию. Джохар радовался как ребенок, когда спустя некоторое время Линарт Мяль пригласил его на внеочередной съезд организации в Голландию, и Чечено-Ингушскую республику тоже приняли в ряды членов ОНН. Одним из непременных условий нашего признания должна была стать атрибутика будущего государства. С любовью поглаживая руками и в очередной раз рассматривая маленький чеченский зеленый флажок с красной и белыми полосами, он просил меня получше нарисовать волка на эмблеме. Я только немного его подправила, и получился волк Акела из «Маугли».

Фронт борьбы против исполкома ОКЧН усиливался, Москва делала все, чтобы уменьшить его влияние. Ни одна из автономных республик так и не приняла подобной чеченскому варианту декларации о государственном суверенитете, лидерство было налицо.

Кавказ принял Джохара сразу и безоговорочно.

1991 год выдался в Чеченской Республике насыщенным, шли митинги ВДП и других общественных организаций. Нужно было собрать съезд, работа которого прервалась. Место его проведения было засекречено вплоть до предыдущего дня. Съезд проходил в ДК имени Кирова. Милиция могла ночью занять здание, ею уже были блокированы все ранее засекреченные здания для проведения съезда в ночь с 7 на 8 июня. Главный вопрос — за генералом Дудаевым или за Верховным Советом ЧИАССР, явно не способным реализовать провозглашенный им же самим суверенитет? Наша жизнь превратилась в кипящий общественный котел!

Когда началось противостояние между народом и правительством, Джохар пришел с делегацией от ОКЧН к Доке Завгаеву и предложил ему: «Доку, ты чеченец, с какой помпой праздновалось твое избрание секретарем обкома партии ЧИАССР, как этому радовались я и весь народ. У нас нет вражды, возглавь родное движение за независимость, и ты будешь руководителем

государства. Я даю слово, что весь чеченский народ будет тебя поддерживать…» На что Доку сказал: «Мне надо подумать, я отвечу через три дня», — и не ответил. Народ после этого вынес свой вердикт — закончилась эпоха правления Завгаева.

В это насыщенное событиями знойное лето мы жили сначала, как всегда, в доме у брата Басхана на нашей любимой улице Шекспира. Название этой улице дал Джохар, когда одним из первых построил маленький домик для себя и своей матери. Потом, значительно позже, напротив построил свой большой дом Бекмурза, его старший брат от матери Даны. Когда встал вопрос о названии, Джохар, учившийся в девятом классе, предложил назвать улицу именем полюбившегося ему английского драматурга и поэта Уильяма Шекспира.

Поселок тогда находился на значительном расстоянии от центра Грозного и назывался Катаяма.

Участок у Басхана был совсем маленьким, на нем помещалось только два абрикосовых дерева, еще в юности посаженных Джокером, сейчас они превратились в двух великанов, усыпанных бархатистыми оранжевыми плодами. Дети залезали на их ветви и пропадали в гуще зеленых листьев. Иногда, падая, мягко ударялся о землю переспелый абрикос. Из собранных плодов удаляли косточки и раскладывали их на крыше низкой времянки. Солнце сушило абрикосы, превращая их в изысканное восточное лакомство.

После успешной выставки в Грозном я воспряла духом. Мой «Абрек» занял на конкурсе второе место, и его даже хотел купить музей изобразительного искусства имени П. Захарова за 25 тысяч рублей. Но Джохар сказал, что не стоит заниматься торгашеством, после всех моих будущих экспозиций мы эту картину обязательно подарим историческому музею! Деньги нам, конечно, были нужны, но этот кавказский широкий жест мне понравился, а особенно его слова о моих будущих экспозициях. Итак, в надежде на будущую мировую славу я трудилась днем и ночью. Тем более, что чувствовала, как расту не только в своих собственных глазах, но и в глазах окружающих. С интересом и подолгу Джохар наблюдал за моими стараниями, иногда что-то подсказывал: «Не записывай свои полотна, тебе нужно просто вовремя остановиться». Часто советовал он так, как будто сам был профессионалом. А я рисовала все, что подворачивалось под руку: забор, кошек, палящее южное солнце на мостовой, сиреневые тени под навесом.

Однажды я попросила Басхана позировать мне. Он торжественно уселся на стул, поставленный в центр двора, закинув ногу на ногу, и замер, как перед фотографом. «Чувствуй

себя свободнее», — умоляла я его, но ничего не получалось. «Тогда расскажи что-нибудь о себе». И это было как раз то, что надо. Басхан был большим юмористом и неутомимым рассказчиком. Солнце ослепительно сияло на его лысине, веселые зайчики скакали в живых карих глазах, в широкой улыбке сверкали золотые коронки, а он все говорил и говорил и весь светился юмором и смехом. Он жил на этом портрете так же, как в своих уморительных рассказах. «Завтра я допишу твой костюм, и портрет будет закончен», — сказала я и пошла отдыхать. Басхан тоже ушел довольный, но то, что случилось потом, не поддается никакому описанию.

Его многочисленные дочки побежали с портретом по всем соседям, спрашивая, на кого он похож. «Конечно, на Басхана, — отвечали те, улыбаясь, — какой есть, очень веселый». Этого им показалось мало. Проказницы провели несколько линий по белому полотну холста и пририсовали к шее Басхана вместо будущего костюма огромное белое яйцо с разбитой сверху скорлупой. В итоге Басхан, как только что вылупившийся цыпленок, вытянув шею и высунув голову из яйца, с прилипшими к блестящей макушке волосками, ослепительно улыбался радости дня и миру, открывшемуся перед ним. Вдоволь насмеявшись, они легли спать.

Утром я проснулась оттого, что Аслан, старший восемнадцатилетний сын Басхана, изо всех сил тряс и жал мне руку: «Спасибо тебе, Алла! Большое тебе спасибо!» Ничего не понимая, я вышла во двор и услышала не просто смех — гомерический хохот! Казалось, что смеялась вся улица Шекспира. Выяснилось, что ночью пришел Аслан, обиженный на Басхана за то, что тот недавно наказал его, вытащил этот злополучный портрет и по повесил его на воротах. С самого раннего утра все, кто шел на работу, останавливались и начинали смеяться. Услышав смех, подходили новые прохожие и подзывали знакомых. И так продолжалось бы до бесконечности…

Борис все еще работал шофером и экспедитором, развозя на своем грузовике по магазинам дешевых кур и яйца, иногда умудрялся «налево» торговать ими. «Это реклама твоей фирмы, — хохотали его покупатели, потому что все они принимали участие в его торговле.

С мрачным лицом Борис, повернувшись спиной к соседям, снял портрет. «А ты почему раньше не сняла?» — накинулся он на жену, которая смеялась вместе со всеми. Чтобы срочно исправить нашу ошибку, в этот день Басхан снова уселся в центр двора, но уже в черном выходном костюме и черной шляпе, которую он обычно, как принято у чеченцев, надевал во время похорон. До

максимума сведя к переносице брови и горестно поджав губы, он сделал очень важное и значительное лицо. На меня он теперь пытался вообще не смотреть, и как я ни старалась его рассмешить, он не поддавался. На портрете получилось скорбное лицо, которое никто не узнавал, потому что в жизни он таким никогда не был! Он весь был соткан из лукавства и веселых шуточек. Улетела его душа, куда-то пропала вместе со смехом, растаяла вместе с солнцем, раньше сиявшем на лысине, прикрытой теперь черной шляпой. Да и что такое наша форма? Нечто непостоянное и изменчивое, как вода в реке или песок в пустыне. Только душа остается вечной и неизменной.

В дом к Басхану в это лето приходило из-за нас столько гостей, что он вместить всех был просто не в состоянии. Бекмурза предложил переехать к нему. Мы так и сделали, тем более что для этого надо было всего лишь перейти улицу. Его дом был значительно просторнее. За домом находился большой зеленый сад, примыкавший к дачным участкам, густо заросший высокими фруктовыми деревьями, среди которых то там, то тут виднелись красивые дачные домики. Южное изобилие плодов не переставало меня поражать. В зеленой листве краснели гранаты, золотилась мохнатая айва, великолепные розы белоснежными шапками свисали через изгородь, не помещаясь в этом зеленом раю. «Пошли мне сад на склоне лет», — вспомнилась строчка из любимых стихов Марины Цветаевой.

19 августа 1991 года — день выступления гэкачепистов — мы встретили уже в доме Бекмурзы. Объявление о введении чрезвычайного положения на всей территории СССР было неожиданным. Коммунисты решили взять реванш. «Что с Горбачевым?» — спрашивали люди друг друга и не находили ответа, никто не знал, где он и жив ли вообще.

Ранним утром пришли представители Рамзана Гойтемирова, предводителя партии «зеленых», с предложением немедленно выступить в защиту демократии. Джохар срочно созвал исполком ОКЧН к 12 часам дня. Зелимхан предложил собрать митинг, чем и занялся лично.

Площадь Свободы была заполнена милицией и сотрудниками КГБ, слышались угрозы. Народ призывал дать отпор гэкачепистам, совершившим государственный переворот. Говорили, что Ельцин арестован. Выстроившись в длинную синюю колонну, милиция двинулась к митингу, оттеснила и арестовала Зелимхана Яндарбиева и Салавди Яхьяева. Слух об этом молниеносно разнесся по городу…

Затаив дыхание, я смотрела по российскому телевидению известное всей стране выступление Бориса Ельцина: «Демократия

в опасности! Исполкомы должны взять власть в свои руки…» Я поняла, что демократию не будут защищать правительства союзных республик, все они — ставленники коммунистов. Когда Джохар приехал с площади Свободы, я встретила его на ступеньках высокого крыльца и там, взволнованно, слово в слово передала этот призыв. Он был председателем исполкома, значит он и должен был встать во главе борьбы с коммунистами и спасти нашу демократию и свободу! Джохар весело улыбался. «Но тебя ведь они могут убить…» Он резко выпрямился, карие глаза его вспыхнули и загорелись: «Это мы еще посмотрим!» А я вспомнила строчки из его мало кем прочитанной и ненапечатанной поэмы, которую он написал еще в Сибири: «Схватить всю нечисть из Кремля и бросить оземь, так, плашмя!» Поэма была несовершенна поэтически, но какой силой духа веяло от каждой ее строчки…

В этот же день, 19 августа, чеченцы срочно проводили Доку Завгаева — руководителя республики — с московского аэропорта в Грозный. Но 21 и 22 августа на заседании Верховного Совета и Кабинета министров ЧИАССР было принято решение поддержать ГКЧП. Кассету, на которой заснято это заседание, выкрали и продемонстрировали на площади Ленина по телевизору. Возмутившийся народ выгнал всех представителей власти во главе с Завгаевым (это было главной ошибкой, которую Б. Ельцин очень долго не смог ему простить). Перед зданием Совета Министров в Грозном начался бессрочный митинг. Взбудораженные толпы заполнили площади: на улицах, на предприятиях шли горячие споры. В Москву летели тревожные телеграммы, партократы умоляли ввести чрезвычайное положение. Но это было уже невозможно — времена изменились.

Политикой Горбачева «в союзном вопросе» было очень недовольно его крайне правое консервативное окружение, названное народом «ястребами» за свою агрессивность и склонность к силовым, диктаторским методам правления. Непокорных чеченцев, надеявшихся подписать предложенный в августе Горбачевым союзный договор, решили вновь наказать. Несколько месяцев в абсолютно секретной обстановке готовился план под условным кодовым названием «Миграция» — план «частичного переселения» чеченцев в другие регионы страны (материалы следствия по делу о ГКЧП).

На первоначальном этапе новой депортации планировалось выселить около 70 % нелояльного населения ЧИР. В скором времени следом поехали бы и оставшиеся 30 % лояльного населения. Для многострадальной нации были уготованы очередной геноцид, русификация с массированным вовлечением вооруженных сил.

План начал осуществляться в конце июля-начале августа 1991 года, как раз накануне августовского путча ГКЧП. В республику нагнали несколько сот КамаЗов-длиномерок и несколько десятков тысяч солдат десантных и других элитных частей Советской Армии, расквартировавшихся почти во всех населенных пунктах, якобы «для организации помощи в сборе урожая сельхозпродуктов». С 1944 года республика не видела такого количества грузовиков и такого количества солдат. Все чего-то ждали. Заключительную часть плана — погрузку людей и их транспортировку — намечалось завершить после удачного осуществления путча. О депортации были извещены шифротелеграммой только Доку Завгаев, Громов — второй секретарь обкома КПСС, Кочубей — председатель КГБ ЧИР и шифровальщик из комнаты 606 бывшего завгаевского рескома, ставшего затем Президентским дворцом Ичкерии, в котором и нашли среди партийного архива неуничтоженные шифровки. Тогда и выяснилось, что Завгаев документально подтвердил свою поддержку ГКЧП.

В ночь с 19 на 20 августа 1991 года Джохар несколько раз говорил с Хасбулатовым и другими людьми из Верховного Совета Российской Федерации, которые паниковали, опасаясь штурма путчистов. Джохар спросил, есть ли у них оружие. Они ответили, что есть. Джохар сказал, что нужно раздать оружие и организовать оборону.

24 августа с постамента сбросили памятник Ленину. Монумент в две с лишним тонны лежал поверженным, по нему ходили и на нем сидели радостные люди, некоторые даже фотографировались, запечатлевая на память детям и внукам этот исторический момент. Над зданием Совета Министров взвилось зеленое знамя ислама.

Джохар не торопил события, пусть народ еще раз подумает и решит, за кем пойти, он слишком хорошо его знал, чтобы сомневаться в выборе, ведь ничего нового коммунисты предложить ему уже не могли. Этот день стал последним в завершившейся эпохе социализма. Предстояла великая борьба за Свободу…

Митинги не прекращались. Народ, пропитавшийся ненавистью к империи, трудно было удержать. Раздавались призывы штурмовать здание Верховного Совета, чтобы потребовать ответа на свои требования. Главное требование — немедленная отставка председателя и Президиума Верховного Совета ЧИР. Все улицы были заполнены транспарантами демократов. Через несколько дней народ начал требовать отставки уже всего Верховного Совета. Митинг стал всенародным,

движение через прилегающие улицы и мосту через Сунжу почти прекратилось. Люди жгли костры по ночам и жили на площади, из сел везли скот для забоя, приносили хлеб из магазинов. На площади Свободы политические выступления перемежались танцами, зажигательная лезгинка шла по кругу под одобрительное хлопанье в ладоши уважаемых стариков, сидящих в первых рядах. Они представляли собой гарант спокойствия митинга, никто в их присутствии не посмел бы ввязаться в драку или позволить себе недостойное поведение. Всегда в первых рядах, невзирая на любую погоду, в дождь и слякоть охлаждали старики горячие головы молодых, неизвестно, сколько из них слегло и умерло впоследствии.

Там, на площади, шел чеченский зикр, который с интересом всегда снимали иностранные журналисты. Несколько десятков мужчин начинали, ритмично притоптывая, бегать по кругу, глядя в затылок друг другу, к ним примыкали все новые и новые люди с возгласами «Ла иллаха иллала», они все убыстряли свой бег, их дыхание учащалось, а возгласы сливались в «Оллиях-ула-лах». Зикр обычно делался перед любой опасностью для народа и три дня после похорон. Зикристы принадлежат к определенным вирдам, но не все вирды совершают зикр. Вирды — это определенная часть людей, почитающих одного из святых учителей — устазов. Например, Кунта-Хаджи — вирд Джохара. Зикр может быть даже с барабанами. Многие при совершении зикра впадают в транс. Захватывающее зрелище этот бег по кругу. Все существо начинает вибрировать в такт круговороту движения. Пророк Иса также заставлял бегать своих учеников, повторяя за ним слова молитвы, сам оставался в центре круга. А мевлеви — турецкие крутящиеся дервиши… Вращение — общее правило для всех.

Третий этап общенационального чеченского съезда начался 1 сентября 1991 года в помещении кинотеатра «Юбилейный». Съезд одобрил действия исполкома и наметил провести выборы президента и парламента республики 27 октября 1991 года. Также он образовал Республиканский комитет, на который возложил обязанности контроля для проведения будущих выборов в высшие органы власти. На заседание Верховного Совета ЧИАССР в Доме политпросвещения во время требования самороспуска Верховного Совета пришла телеграмма из Москвы от Руслана Хасбулатова, спикера российского парламента. Но Верховный Совет не хотел сдаваться и принял контрмеры, некоторые депутаты были отправлены в Москву за подкреплением. Им даже были обещаны войска для подавления восставшего чеченского народа. 6 сентября 1991 года возмущение

митингующих на площади Свободы достигло предела, чеченский народ двинулся на штурм здания Дома политпросвещения и разогнал заседающий там Верховный Совет, призывающий Россию на помощь для того, чтобы удержаться у власти.

По свидетельству очевидцев, все произошло очень быстро и просто чудом удалось избежать жертв. Но кто видел девятый вал народного гнева, тот знает — сопротивляться ему бесполезно, сметет.

В это время Зелимхан Яндарбиев вместе с Джокером находились на втором этаже здания исполкома ОКЧН, принимая заместителей Генерального прокурора РСФСР и Министра ВД РСФСР, находящихся в республике якобы для расследования причастности руководителя ЧИР к ГКЧП. Узнав о взятии Дома политпросвещения, гости тут же удалились, разумно решив лишний раз не рисковать. Завгаев публично, принародно отрекся ото всех своих полномочий, но Россия еще пыталась удержать Чечню в своих руках. Хасбулатов приехал в республику 14 сентября. Было достигнуто соглашение, что Хасбулатову будет предоставлена возможность организовать самороспуск Верховного Совета, чтобы этому примеру не последовали другие республики. Этого Москва боялась больше всего и сейчас, и впоследствии. Вечером Хасбулатов выступил на площади Шейха Мансура, бывшей площади Ленина, где проходил непрерывный митинг. Он рассказал о своих действиях в событиях 19 августа, о самороспуске Верховного Совета и создании им в республике нового Высшего Временного Совета. Речь Хасбулатова заканчивалась примерно так: «Если прольется хоть одна капля крови у чеченцев, я его (Доку Завгаева) посажу в железную клетку и увезу в Москву».

На это Джохар ответил: «Он такой же чеченец, как я и ты, больше никогда и никого из нас в Москву в железной клетке не повезут!»

В начале октября в Грозный приехал на переговоры с делегацией вице-президент России Александр Руцкой. За несколько дней он тайно подготовил в республике «побег», была выпущена группа заключенных из СИЗО, тридцать человек. А в большой газете «Кавказ» на всю первую страницу в начале сентября был опубликован приказ о награждении денежными премиями и присвоении высших воинских званий всем грозненским работникам милиции «за предотвращения кровопролития на митингах». Но милиция там не показывалась, это была заслуга только чеченских стариков. Зато этим приказом заранее подкупалась вся чеченская милиция.

Здание КГБ было давно уже в руках восставших, все архивы

опечатаны и, со слов Баранникова, министра МВД, оно вмешиваться в политические процессы, происходящие в республике, не собиралось. Но как всегда, одно было на словах, другое на деле. Всеми путями российские спецслужбы пытались оттянуть законные выборы президента и парламента и продлить время «безвластия» в республике. Время, очень выгодное для хапуг народного хозяйства. Усиленно начали муссироваться слухи об отделении Ингушетии, Россия, как всегда, не хотела отпускать республику на свободу, не оторвав себе большой кусок. Поступали требования перенести выборы и заняться решением проблемы разделения или сохранения единства Чечни и Ингушетии

Глава 11

Несмотря на все трудности, время выборов приближалось.

27 октября 1991 года предварительный общий результат подтвердил победу независимости. К моменту истечения 24 часов срока голосования Джохар Дудаев стал первым Президентом Чеченской Республики, что и было зафиксировано международными наблюдателями и многочисленными журналистами международных информационных агентств, при 91,9 % голосов. Был избран парламент.

Ночь возрождения государственности стала волшебной. Салют на площади, танцы и песни, молитвы стариков — все смешалось в общем, благодарственном гимне, гимне радости и надежды на свободную достойную жизнь, на светлое будущее детей и внуков. Никогда и никто не отнимет уже больше у чеченцев их благословенную родину! Свобода или смерть!

Площадь волновалась, как людское море, переполненное до краев их дыханием, мыслями и разговорами. Под лучами сияющих прожекторов показалась небольшая стройная фигура президента в черном, изящно сидевшем на нем костюме. Джохар вышел на трибуну, выпрямился, начал с подъемом говорить — ничего не было слышно, кто-то стащил микрофон. Еще одна очередная попытка помешать неуклонному движению республики вперед воспринималась уже как нечто обычное.

Энтузиасты срочно начали искать и уже через двадцать минут подогнали машину с рупором-микрофоном. Пламенная речь Джохара зазвучала над площадью. Сотни, тысячи глаз, загоревшихся надеждой, видел он перед собой, когда говорил о том, какой прекрасной будет свободная чеченская земля. «Труден путь, но надо его пройти, каким бы тяжелым он ни был. И пройдем! Я верю в вас, верю в свой народ!»

Потом начались вопросы. Старик с длинной белой бородой, в горском бешмете, сидящий в почетном первом ряду, подал голос: «Джохар, что мы будем делать, если Россия нас не признает, Америка не признает?» Джохар откинулся и пристально посмотрел на него. Его бледное лицо светилось в лучах прожекторов, глаза блистали: «А что нам от их признания? Тысячи лет наши предки жили в горах без их признания! Свободные люди на свободной земле! Кругом родные горы, леса и реки! Они жили без их признания, и мы проживем! Пусть скажут спасибо, если мы их признаем!» И начинает смеяться. Его заразительный смех несется над площадью, и ему радостно вторят люди. Действительно, чего им бояться на своей родной

земле, они ничего ни у кого не отнимали.

Раздается еще один неуверенный голос: «Джохар, а если мы все умрем с голоду?» «Ха-ха-ха, — окончательно развеселился Джохар. — На этой благодатной земле еще никто и никогда с голоду не умирал! К нам шли из России во время голода в Поволжье, к нам бежали крепостные от помещиков, и на всех хватало! Если мы и умрем, то только от гордости!

Наш дом в эти дни противостояния Верховному Совету походил на корабль во время качки. Как только «наши побеждали» и мы оказывались на гребне волны, дом был полон посетителями, которые приходили уже с семи утра. Незнакомые люди сидели не только во дворе, но и во всех комнатах, что было крайне неудобно для домашних. Ведь по неписаным кавказским законам гостеприимства каждого гостя надо было вежливо принять, узнать, в чем он нуждается, угостить хотя бы чаем. Один Бекмурза был на высоте. Он принимал, как старший, стариков, что ему, похоже, очень нравилось, сидел с ними за столом и мог вести часами неторопливую беседу. Каждый на Кавказе знает, что одно дело принять простого гостя и совсем другое — накрыть стол для уважаемых стариков. Тут учитывается каждая мелочь: в первую очередь нужно подать соль и хлеб, нарезанный крупными ломтями, потом обязательно должны быть большие куски мяса (вареного или жареного, все равно), к чаю — рафинированный сахар (сахарный песок ни в коем случае), желательно конфеты и фрукты. Само собой, чистые полотенца, салфетки для рук, кувшин с водой. Только вот в дни, когда противостояние усиливалось или из Кремля «грозили пальцем», наши гости куда-то исчезали, а у Бекмурзы сразу падало настроение.

В те же дни, когда мы оказывались на высоте, Вати (так полагалось по чеченским обычаям мне называть старшего брата Бекмурзу) ходил «гоголем» и часто шутил. Так как обстановка сиюминутно менялась, градусник настроения Вати точно так же перескакивал с «очень холодно» до сорокадвухградусной отметки. Я начала бояться, что он не выдержит и заболеет от этих политических потрясений. Когда никто не приходил и он пребывал в унынии, я отвлекала его расспросами о юности.

Он рассказал много интересного о высылке в Казахстан, поскольку был тогда восемнадцатилетним юношей и все хорошо запомнил. Вати был довольно образован для своего времени, и поэтому его даже взяли работать на почту, что было настоящей удачей для всей семьи.

Большинству ссыльных переселенцев устроиться куда-нибудь не удавалось. Во время возвращения ссыльных чеченцев на родину, учитывая грамотность, Вати назначили начальником

переселенческого пункта. Но после возвращения на родину у многих появилось огромное чувство разочарования. Их дома в Грозном были заняты приезжими русскими, которые и не собирались их оставлять, родовые башни взорваны и разграблены, а для чеченцев выделены бросовые участки земли по шесть соток далеко за городом, без канализации, электричества, воды и газа. Люди начали роптать, некоторые из недовольных даже накинулись на Вати: «Зачем ты нас сюда привез?» В отчаянии Вати был близок к самоубийству, однако ночью ему приснился Всевышний. «Он был похож на огромное слепящее солнце, на него было просто невозможно смотреть, но какое чувство успокоения и любви шло от него! Он сказал, чтобы я не расстраивался, все пройдет само собой. И прошло, люди постепенно начали обустраиваться и про меня забыли…»

А ходоки к нам все шли и шли, их контингент переменился, теперь это были уже руководители-хозяйственники, надеющиеся занять посты в новом Кабинете министров. За несколько месяцев борьбы народа за независимость, пользуясь бесконтрольностью, они уже успели разворовать многое. Самое интересное то, что даже внешне они совсем не походили на чеченцев, как правило, стройных и подтянутых и в старости, «трудовая мозоль» чревоугодия была их отличительным физическим признаком.

Тлетворное влияние России оборачивалось самым разрушительным образом среди высшего, так называемого «должностного слоя»; надо было буквально ежечасно «продавать родину и своих собратьев», чтобы занять хоть какой-нибудь значительный пост. Почти все были тайными сотрудниками КГБ. Предложения сыпались ежедневно и в массовом порядке, в ход пускались все изощренные способы: от родственных связей, которые в республике очень сильны, до подкупа и шантажа — отработанных методов советской системы. Разогнанные сотрудники спецслужб начали свою привычную тайную работу против молодой республики.

Здание МВД оставалось главным штабом подрывной деятельности, но бывший министр МВД Умар Алсултанов оказался нашим сторонником и уже успел найти единомышленников.

Именно в те дни и появилась злополучная фигура Бислана Гантемирова. Под видом ярого сторонника независимости он сумел втереться в доверие ко многим. В те дни были оставлены без всякого контроля архивы КГБ, их разграбили те, кто должен был их охранять, в основном люди Бислана. Оружие исчезло также незаметно. В этот переходный период был временно создан КОУНХ (Комитет управления народным хозяйством), Яраги

Мамодаев поставлен его председателем, Рамзан Гойтемиров — помощником президента по науке, Дауд Ахмадов — помощником президента. На очередном заседании ОКЧН («окоченелых», как прозвали их в народе) Джохар сказал: «Поднимитесь те, кто не хочет должность». Поднялось человек пятнадцать. Тогда он улыбнулся и сказал: «Работать не хотите?» И получил ответ: «Когда будет надо, мы встанем рядом в любое время, чтобы поддержать». Джохар поблагодарил всех своих старых соратников.

В сентябре я уехала в Эстонию забрать документы из Тартуского университета, где училась наша дочь Дана, и за вещами. За какой-то месяц я успела сделать многое: состоялась персональная выставка моих картин и первое выступление перед тартуским русским культурным обществом. По их просьбе я рассказала о событиях, происходящих в Чеченской Республике, читала стихи. Картины всем понравились и стихи тоже, я была счастлива, что сумела понятно объяснить все, чему была свидетелем. «Никто в нашей республике не собирается выселять или притеснять русских, столько лет они прожили вместе с соседями в мире и дружбе. Просто чеченцы стали хозяевами своей земли. И разве не неотъемлемое право каждой нации распоряжаться своей судьбой? До каких пор Россия в роли старшего брата будет выкачивать чеченскую нефть, оставляя народу только один процент от его национального богатства?» Одним из первых законов впоследствии стал закон о равных правах всех граждан вне зависимости от национальности и отдельный указ Джохара об особой защите нечеченского населения, граждан республики.

> *«Противостояние аппетитам хищного российского правительства не должно распространяться на беззащитных российских граждан. Раз они живут вместе с нами, они стали полноправными гражданами нашей республики, а мы в обиду своих людей не дадим!»*
>
> *Джохар Дудаев.*

Незадолго до моего отъезда в Тарту приехала журналистка Мариам Вахидова. Она сняла короткометражный фильм о службе Джохара в Тарту, собрала воспоминания и пожелания его друзей и сослуживцев. Потом рассказала о последних событиях в республике, в частности и о новом окружении Джохара. Я не спала всю ночь.

Сами собой начали слагаться слова и получались строчки нового стихотворения-басни «Лев и шакалы».

Я написала его за три часа и успела отдать Мариам, которая уезжала в восемь утра, попросив передать его Джохару. Мне хотелось предупредить Дуки. Но Мариам отдала его в редакцию, и в октябре в республиканской газете «Голос Чечено-Ингушетии» появилась басня «Лев и шакалы» под псевдонимом Алдэст. Псевдоним придумала сама редакция (Алла Дудаева, Эстония).

Лев и шакалы

По джунглям, месяц, не присев,
Идет-бредет усталый лев.
За ним услужливо шакалы
В его спасительной тени
И объясняются в любви…
«О как ты смел, о как ты прям!
Ты выше круч, ты тверже скал.
Мы все на смерть пойдем с тобой,
Лишь только клич издай — мы в бой!
Жаль, только голод подвел брюхо,
К души порывам оно глухо,
И пищи нет который день…»
Вдруг на тропу упала тень.
Там впереди стоял капкан…
И с новой силой:
«Как ты прям!
Как ты силен!
Как ты могуч!
Ты выше гор!
Ты выше туч!
Что для тебя этот капкан?
Станцуешь ты на нем канкан!
Ты лапой вмиг его собьешь
И прямо по тропе пройдешь!»
И гордо гривой лев повел,
и… Прямо по тропе пошел.
Так этот лев попал в капкан.
И был чудовищный канкан
На шкуре льва.
Мораль сей басни такова:
Если ты горд, силен и прям —
Не угоди в такой капкан.
Не верь тем, кто в любви клянется,
Прямой в поклоне не согнется,

Лишь у льстеца хребет кривой,
А ты заплатишь головой!

ПЕРВАЯ АГРЕССИЯ

Я приехала в Грозный за несколько дней до попытки ввести на территории республики чрезвычайное положение. 8 ноября 1991 года Россия сделала открытую попытку свержения законной власти штыками. Вечером того дня, в 20 часов, российское телевидение передало, что со следующего утра, с пяти часов, вступает в действие Указ Президента России о введении чрезвычайного положения. В здании МВД весь первый этаж был буквально забит вооруженными российскими спецназовцами в бронежилетах, они ждали приказа, который должен был поступить утром в пять часов. Кроме них там находились два российских генерала, Комиссаров и Гафаров. На Ханкальский аэродром начали прибывать военно-транспортные самолеты с новыми подразделениями спецназовцев.

После объявления ЧП народ поднялся как один, никто не спал в ту ночь. Люди шли и ехали из сел, сами организовываясь на месте в отряды, появился даже один женский батальон. Это вселяло надежду на будущее. Людей было много, но они все прибывали и прибывали, как будто забил неиссякаемый чистый источник народного духа, пробудился забытый родник в горах. Многие отряды ополченцев заняли рубежи в направлениях возможного вторжения российских войск, были заблокированы российские войсковые части, дислоцированные в Грозном и Шали. На Ханкальском аэродроме уже приземлилось несколько военно-транспортных самолетов. Их тут же заблокировали, приперев к выходу из салонов груженные тяжелым камнем КРАЗы. Хамзат Ханкаров вместе со своими ребятами бросали свои машины навстречу приземляющимся самолетам, и те, встретив идущие на таран КРАЗы, улетали обратно. Все железнодорожные пограничные объекты, станции, мосты и дороги были заполнены народом и взяты под контроль. Об этом докладывали по телефону с Веденского, Шелковского, Наурского, Надтеречного, Сунженского, Ачхой-Мартановского, Ножай-Юртовского, пограничных с Россией районов.

Ельциновское ЧП оказалось бесперспективным, выяснилось, что чеченский народ готов защищаться. Приказ Джохара транслировался не только по местному, но и по всем каналам российского телевидения: «Российских солдат — накормить,

пусть отдохнут, посадить на автобусы и… проводить!» Отличное расположение духа, военная выправка, улыбающееся во весь экран лицо и самое главное — юмор для правительства Ельцина были убийственными. Привычные к коленопреклонению и раболепству перед огромной сильной державой, всегда видевшие только страх, еле прикрываемый вынужденными лицемерными заверениями в бесконечной дружбе лидеров соседних маленьких государств, россияне с недоумением взирали на бесстрашную доброжелательность, сопровождаемую широким кавказским гостеприимством. Совершенно непонятым осталось заявление Джохара о предоставлении старому Президенту ГДР Эрику Хоннекеру политического убежища, когда ни одна страна мира не хотела приютить прежнего коммунистического ставленника России. Это противоречило новому курсу демократии, по которому теперь якобы шла Россия. Но то, что не мог усвоить ни один западный политик, отлично понимал простой чеченский мальчишка в селе. «У любого старика должны быть стол и кров, хотя бы из уважения к его сединам». И еще — «друзей не предают».

Как-то, давая интервью, я заикнулась о том, что наша маленькая республика перед лицом огромной России своим бесстрашием похожа на Кубу, а Джохар — на Фиделя Кастро. «У нас сейчас о нем не говорят», — дружески останавливая, шепнула мне журналистка. Но разве отчаянная смелость и сила духа зависят от чьего-либо признания или смены курса? Потрясала до глубины души неустойчивая шкала моральных ценностей в России. И настоящий клад этих ценностей в Чечне! Сколько веков и столетий поддерживается мораль обычаями, которые кристаллизовались годами постоянной борьбы за родную землю, чтобы, наконец, превратиться в сплав необычайной твердости, который сохранился в чистоте и по наши дни.

8 ноября было написано первое стихотворение — призыв к чеченскому народу, которое я потом прочитала по местному телевидению, им же заканчивался и первый документальный, очень правдивый фильм Виктора Перфильева (друга юности Джохара).

Клич предков
Мы слава ваших предков —
Потомки этих гор
Оружье не слагали
Бесславно с давних пор!
Опять горят зарницы
В заснеженных горах,

Настало время биться,
Опять кричим «Орцдакх!»
Всем дорога свобода.
Настал и ваш черед.
Столетняя дорога,
Вайнахская, вперед!
Наш пепел в каждом сердце
Пускай стучит в груди,
В ком сила есть сразиться,
На битву — выходи!
Три месяца терпенья,
Смиренья — позади,
Коль мира не хотите,
Отведайте войны!
За снежные вершины,
За честь, за дом, за род.
За славу наших предков
«Орцдакх!» Вставай народ!

ноября состоялась инаугурация первого президента в здании чеченского драматического театра. Мы боялись провокации со стороны России, но тем не менее здание было переполнено. Приехало много иностранных журналистов и гостей. Джохар стоял на сцене в генеральском парадном сером мундире, с голубой фуражкой на голове, под государственным знаменем Чеченской Республики. Коран, на котором он должен был поклясться, держал председатель Мехк-Кхэл (Совета старейшин). Проспекты Ленина и Победы с прилегающими улицами и площадями были переполнены людьми.

В 12 часов инаугурация началась. Когда она закончилась и Джохар вышел, воздух сотрясли залпы тысячи автоматных и пулеметных очередей. Это был военный салют всех принявших участие в отражении введения ЧП на чеченской земле, он звучал подтверждением политического и военного счета 1:0 в нашу пользу! Перчатка была брошена, первая дуэль состоялась, и мы победили!

Со страстной речью выступил Джохар на площади перед народом, как всегда его встретили оглушительными овациями и криками «АЛЛАХУ АКБАР!». Сотни тысяч голов, как подсолнухи к солнцу, повернулись к нему, глаза вспыхнули верой и надеждой. Отныне он стал их знаменем свободы. А в его сердце чеченский народ был всегда единственной и самой огромной любовью, рожденной в муках сострадания и унижения, в изгнании в

Казахстане. Бесконечно томимый любовью к своему народу, он страдал, как отбившаяся от стаи птица в далекой Сибири, и теперь она пылала неукротимой гордостью за всех чеченцев, вставших все, как один, на защиту свободы!

Россия поздно спохватилась, не рассчитав исторический поворотный момент, время было упущено, еще одна звезда сошла со старой орбиты и ярко засияла на политическом небосводе. «Чеченская Республика Ичкерия» звали ее. А на арену борьбы вышла действительно сильная, одаренная самим провидением личность, и запоздавшие телеграммы из Москвы со словами: «Поймать и арестовать генерала Дудаева», казались нелепыми даже самим отправителям. Законно избранного лидера теперь защищал сам народ!

В этот же день Сэйд-Али Сатуев, Шамиль Басаев и его односельчанин Лом-Али выехали в Минеральные Воды. Там они захватили пассажирский самолет, совершающий рейс в Россию, посадили его в Анкаре, послав ультиматум Б. Ельцину отменить ЧП в Чеченской Республике и убрать войска. На пресс-конференции в Анкаре Сэйд-Али Сатуев, проявив незаурядные ораторские способности, подробно объяснил всем иностранным журналистам, что происходит сейчас в Чечне. Вечером самолет вылетел в Грозный. Внимание мировой общественности было привлечено, цель достигнута. Пассажиров, прибывших в Грозный, встретили как гостей, накормили, обеспечили всем необходимым и проводили в пункт назначения. Занимался ими Зелимхан Яндарбиев.

Глава 12

На Верховном Совете 11 ноября 1991 года был отменен Указ Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушской Республики, надо было «сохранить лицо». Зато Доку Завгаев осел в кремлевских коридорах надолго. Как договорились «демократ» Б. Ельцин с бывшим председателем ВС ЧИР, поддержавшим ГКЧП, пока известно было только им одним. Старые партократы, как вороны, друг другу глаза выклюнуть никак не могли. В эти бурные, наполненные событиями дни была организована еще одна провокация. Возмутились заключенные Наурской исправительно-трудовой колонии, они заняли всю территорию и вырвались на свободу, несколько человек охраны были ранены и убиты. Сергей Степашин, руководитель Федеральной службы контрразведки, приоткрыл карты. В одном из своих интервью он поведал журналистам, что ФСБ проводит «ряд секретных операций против Чечни», также Степашин сообщил, что на последнем заседании Совета безопасности он «лично был против встречи Ельцина с Дудаевым». Органами ФСБ было также организовано похищение ректора университета В.А. Кан-Калика и убийство заступившегося за него ученого Абдулхамида Бислиева. Кстати, Кан-Калик был похищен после того, как высказал в своем выступлении по грозненскому телевидению негативное отношение к участию преподавателей и студентов университета в митингах «неповиновения» новой власти во время учебных занятий.

Тем временем к Джохару попали документы секретных сотрудников и информаторов (стукачей) из бывших архивов КГБ. Он взялся за голову. Около 80 процентов элиты: интеллигенция, обладатели ученых званий, самые уважаемые и известные люди республики — были в этих списках! Народ требовал их обличения и публикации фамилий на страницах газет. Страсти разгорались, некоторые требовали немедленного расстрела предателей. Джохару было очень тяжело, воочию он убедился, какое количество его соплеменников, вольно или невольно, попало в сети КГБ. За должности и звания нужно было платить дань не одними деньгами, а буквально продавать душу дьяволу. Но нужно ли было обнародовать их имена? Ведь за каждым стоит не только семья, но и многочисленные родственники, непричастные к тайной спецслужбе. По чеченским обычаям позор ляжет на весь род, им всем придется уехать, но в чем они виноваты? Кроме того, Джохар был уверен, что сейчас, после развала СССР и объявления независимости Чеченской Республики, большинство

«стукачей» порвет с советским прошлым. Джохар успокоил страсти, выступив перед народом: «Сожжены все архивы КГБ, все грехи остались в прошлом, мы начинаем новую жизнь, все вместе, с белой страницы». Перед этим все бывшие штатные сотрудники поклялись и дали расписку в том, что больше они на КГБ работать не будут.

На третий день после инаугурации, 12 ноября, было проведено заседание военного совета. Джохар поставил вопрос о доукомплектовании дивизии, на базе которой в дальнейшем будут созданы вооруженные силы Чеченской Республики. Поднимал с места одного, другого, никто не владел ситуацией. Джохар потемнел лицом, начал разносить присутствующих: «Как вы собирались защищать республику. если не знаете, что у вас происходит? Надеялись на народ? Здесь есть кто-нибудь, кто способен доложить обстановку?» Встал Гелани Ахмадов, офицер в отставке, бывший ранее четыре года начальником мобилизационного отдела.

— Доложи обстановку!

— На данный момент в Чеченской Республике имеется 30 000 человек народного ополчения. В каждом районе при сельсоветах созданы военные штабы, избраны командиры, перед каждым поставлена своя задача, организована связь через посыльных на случай отключения телефонов. Части располагаются там-то и там-то. Призывной ресурс — 10 000 человек, на каждого подготовлены документы.

Джохар посветлел:

— Са воша (брат мой), после совещания зайдешь ко мне.

Позже Гелани зашел в Совмин и как ни отказывался, Джохар назначил его на должность начальника мобилизационного отдела. «Ты должен провести призыв. Мой первый указ: отныне чеченцы будут служить на территории Чеченской Республики». Как только был объявлен призыв, народу повалило — отбоя не было, в отличие от прошлых лет. Первые 120 человек прибыли в Бароновскую часть, российские офицеры отказались впустить их, закрыв ворота: «Есть приказ генерала Соколова, командующего этой частью, — не запускать!» Гелани, взяв с собой 10 крепких ребят, подъехал к штабу генерала Соколова:

— На каком основании не запускаете призывников?

— Министр обороны запретил. Чеченцы будут служить, как и раньше по плану призыва, в России.

— Ты отказываешься выполнять приказ нашего президента?

— Да, отказываюсь.

Гелани скрутил с ребятами генерала и привез в кабинет к президенту. Джохар подошел к Соколову, сузил глаза: «Так это ты

отказываешься выполнять приказ главнокомандующего Чеченской Республики?» Гроза собиралась, и лавина гнева могла обрушиться и затопить генерала Соколова, не ожидавшего такого поворота дел. Он счел за лучшее благоразумно подчиниться и вытянулся по стойке смирно: «Никак нет, товарищ главнокомандующий!» В дальнейшем на все распоряжения Джохара генерал Соколов вытягивался, отдавал честь и отвечал кратко: «Так точно, товарищ президент!» Большое дело — привычка. Инцидент был исчерпан.

После этого все приказы Джохара выполнялись беспрекословно. Полным ходом пошел набор. Каждый день Гелани должен был докладывать о количестве призывников и состоянии вооруженных сил на этот день. Через три дня из Бароновской части сбежали 15 российских солдат срочной службы, не выдержав давления новоприбывших «салаг». Где бы чеченцы ни служили, никогда они не подчинялись законам «дедовщины», царившим в частях Советской Армии, и Джохар хорошо это знал. Потом ежедневно начали убегать по 30–40 человек. Через месяц срочной службы в частях не осталось ни одного российского солдата. Затем начали уходить офицеры. Приехали генералы Грачев, Шапошников, Громов, Аушев. Провели совещание — что делать с вооруженными российскими силами? Основной вопрос, который их интересовал: куда пойдет оружие, находящееся на территории Чечни? Сама вооруженная единица ни кого уже не интересовала. Тогда Джохар сказал: «Ни одного автомата вы отсюда не увезете!» Генералы покинули Чечню.

После этих переговоров был назначен день выезда из Чеченской Республики оставшихся офицеров и членов их семей. На заранее подготовленные автобусы семьям военнослужащих помогли погрузиться чеченские призывники. И за один день, под бдительной их охраной, российские офицеры покинули Чечню вместе со всеми своими домочадцами и вещами. Одной из первых республик, освободившихся от российских войск, стала Чеченская Республика.

Итак, 26 мая 1992 года Россия подписала с Чеченской Республикой соглашение о выводе войск, а 7 июля 1992 года последний российский солдат покинул территорию Чечни.

Мы переехали в дом к еще одному, второму по старшинству, брату Джохара от другой матери — Мурзабеку. Его дом стоял с правой стороны при въезде на улицу Шекспира, почти напротив дома Бекмурзы, через забор с Басханом.

Посетители одолевали Джохара на работе так же, как и дома. Сразу после его избрания в кабинет потянулась длинная очередь, конца которой не было видно. Каждый хотел лично обнять,

поздравить и рассказать обо всех своих бедах, которых накопилось бесконечно много за годы советской власти. Все эти проблемы, в их понимании, президент мог разрешить одним росчерком пера. С некоторыми просителями Джохар беседовал по нескольку часов, в итоге основную свою работу ему приходилось делать по ночам, возвращался он лишь под утро. Но утром его уже ожидали другие гости, которые каждый день с семи утра сидели во всех комнатах нашего дома, непоместившиеся стояли вдоль забора. Джохар никому не отказывал, делал для них все, что было в его силах, но долго так продолжаться не могло. Бесконечные беседы с ходоками и работа на износ выматывали президента. Через месяц товарищи Джохара постановили ограничить часы приема и организовать предварительную запись. Мовлена Саламова, помощника президента, дружно возненавидела вся республика, потому что все ограничения шли через него.

Чеченскую Республику наводнили российские и иностранные журналисты со всех стран мира, для них светофор был всегда зеленым. Джохар, выступая на совещании РОВД республики, предупредил: «Приезжий человек настолько слаб и беспомощен в чужой стране, что нуждается в защите, а не в преследовании. Если мне станет известен хоть один случай притеснения со стороны кого угодно, в том числе и правоохранительных структур, — предупреждаю!!! — поднял палец и обвел всех присутствующих начальников строгим взглядом. — Лично будете отвечать!» Эти слова стали всем известны, и приезжие чувствовали себя спокойно, более того, к ним нередко прикрепляли даже охрану. Именно этим журналистам, бесстрашно приезжавшим к нам во время ведения боевых действий, мы потом были обязаны правдой о войне.

В селах старики выбирали на Совете старейшин самых лучших и красивых юношей в охрану Джохара, президентскую гвардию. Во главе гвардии стал Мовлади Джабраилов, мастер спорта по каратэ, обладатель «черного пояса». Джохар и сам был спортивным, дома у нас всегда имелись небольшие гантели, и где бы мы ни жили, в Сибири или в Прибалтике, вернувшись со службы, поужинав и немного отдохнув, он начинал играть ими. Поэтому всегда был подтянут и в хорошей спортивной форме, его фигуре мог позавидовать любой юноша. Четверо выбранных гвардейцев — Максуд, Муса, Магомед и Руслан, неотлучно бывшие рядом с президентом, — стали его телохранителями и членами нашей семьи. С ними у меня была большая дружба, впрочем, точно такая же, как и с остальными. Эти молодые ребята отчаянно рисковали своей жизнью и могли умереть в любой

момент очередного покушения на президента, мечтая только об одном — спасти президента, закрыв его своим телом. Кто из нас в детстве не мечтал о героических подвигах, но для них любой миг мог стать действительно последним, а мечта — реальностью.

Двое гвардейцев всегда стояли возле дома на улице, они менялись через сутки, и мне хотелось их накормить. Они вежливо отказывались и, голодные, упорно продолжали стоять на своем посту в дождь, ветер, снег, весь день и всю ночь. Сменялись они только рано утром. «Ну почему вы все-таки не заходите?» — продолжала упрашивать я. Наконец один из них ответил: «Я даже у своего дяди ни разу не ел из уважения к нему, а тут — президент… ничего, потерпим», — и отвернул порозовевшее от смущения лицо. Видимо, недаром Джохар подчеркивал, что настоящий мужчина — не раб своего желудка. И как бы любой из них ни был голоден, обязательно оставлял после себя на блюде самый большой и лучший кусок. Эта деликатность в еде и самоотречение были для них привычным делом. Все они прибыли из разных сел, но сделаны словно по одной добротной мерке. Их ничему не приходилось учить, настолько все они были прирожденными воинами. Спустя неделю, по строгому приказу Джохара, к нам в дом на трапезу стали заходить все гвардейцы, но все-таки они очень стеснялись. Им легче было оставаться голодными, чем нарушать традиции.

К тому времени мы уже переехали на улицу Ялтинскую, несколькими улицами ниже улицы Шекспира. Джохар продал свои новые белые «Жигули», и мы купили на эти деньги половину коттеджа с небольшим садовым участком. Высокое абрикосовое дерево опиралось одной большой веткой о крышу дома. Старая айва, две черешни, в центре молодая яблоня и персиковое дерево в глубине сада… Через железный крашеный забор на улицу перекинулся высокий розовый куст, усыпанный, словно огоньками, алыми бутонами и расцветшими цветами. Этот куст начинал цвести ранней весной и отцветал только поздней осенью. По этим розовым огонькам издалека и узнавали наш дом.

Мы уже в который раз начинали нашу жизнь с нуля. Только на этот раз наше семейство значительно увеличилось из-за охраны. В Тарту осталась вся старая мебель, но Джохар не унывал, надеясь на родственников. И действительно, многие из них, приходя в гости и увидев, чего нам не хватает, в следующий раз обязательно приносили кто ковер, кто стол со стульями. В итоге все получилось разномастное, но очень уютное. И в довершение к этому неопределенному стилю я еще развесила на стенах все свои картины. Каждый, кто заходил в наш дом, сразу начинал разглядывать мои картины и делать критические

замечания, к счастью, не по поводу обстановки. А я каждый день ломала голову, чем же мне накормить семью, гостей, личную охрану Джохара и постовых, стоявших на улице. Было совершено непонятно, кто должен об этом заботиться и привозить нам хоть какие-нибудь продукты. Старые министры работать уже не хотели, новый Кабинет министров еще не был утвержден парламентом, а КОУНХ (временный Комитет народного управления хозяйством), во главе которого восседал Яраги Мамодаев, народ уже успел прозвать «комитетом по оперативному разворовыванию народного хозяйства». Басню «Лев и шакалы» я написала о таких, как он, не зря у меня сразу к нему сердцене лежало! Я все рвалась прочитать ему басню вместе с посвящением, но Джохар не разрешал: «Не будем обижать человека». На самом деле он просто не хотел, чтобы я наживала себе лишних врагов.

После того как прошли выборы в парламент, Кабинет министров был сформирован и утвержден парламентом, Яраги снят и КОУНХ распущен. Чтобы поднять свой вес, Яраги начал ездить по разным странам, заключая неактуальные для республики договоры. После поездки в Японию он целый час, торжественно выступая по местному телевидению, демонстрировал две черные сабли: одну большую — для того чтобы сделать харакири, то есть распороть себе живот, и маленькую — по японским традициям, чтобы друг смог перерезать горло неудачливому самураю. К этому убийственному набору прилагалось белое полотняное полотенце, все в пятнах крови. Яраги передал этот национальный подарок Джохару якобы от японского правительства, хотя в его правдивости я часто сомневалась. Однако успех был ошеломляющим. «Такой дорогой подарок — оружие — могли подарить только истинные друзья», — считали потрясенные зрители. «Недалек час и за признанием нас Японией», — переговаривались меж собой, покачивая головами, довольные старики. Яраги хорошо знал кавказский менталитет. Но, в отличие от других, самураем в своих мечтах представлял, конечно, Джохара, а «другом», держащим за спиной наготове маленькую саблю, — наверняка себя.

Находясь во главе КОУНХ, Яраги уже успел осуществить частичную приватизацию и приготовить обширную программу по приватизации всех государственных предприятий, фабрик и заводов, договорился с заинтересованными людьми, которые сразу стали его поддерживать. Джохар, вначале заявив о необходимости приватизации, вскоре сказал, что с решением этого вопроса торопиться не следует, что достояние народа он

разграбить не даст. Затем издал Указ, запрещающий приватизацию нерентабельных предприятий, и определил меры наказания для тех руководителей, которые «заморозили» производство. В действительности многие из них, выполняя негласный приказ российского правительства об экономической блокаде молодой республики, тайно работали на себя. Ходили упорные слухи о том, что «эта власть больше трех месяцев не продержится», а партократы считали дни…

Сразу сократилось производство товаров, в магазинах опустели полки, на рынке подскочили цены. Народ возмутился: куда мгновенно могли исчезнуть продукты? Взяв с собой несколько человек милиционеров, доброволец Иса Ахъядов срочно навел «ревизию» на колбасном заводе. Сбили замки. На складе с потолка гирляндами свисали колбасные ряды уже портящейся пыльной колбасы, несколько заплесневелых тонн лежало в мусоросборнике. Иса заснял эту мрачную картину и показал голодным телезрителям.

К нам в дом пошли родственники «оскорбленного» начальника этого предприятия. Слезно уверяя, что он тут совсем не при чем, они даже хотели объявить храброму Исе кровную месть и подали на него в суд. Но он, не боясь преследования целого рода «колбасников», успел вскрыть и другие преступления против чеченского народа, обнаружив колонну машин с многотонными залежами драгоценного сахарного песка.

Благодарный народ дал быстрому Исе, который был совсем небольшого роста (но ведь «храбрость от размера не зависит»), ласковую кличку Щекар-Иса (Сахар-Иса) и навек занес Ису в страницы своей памяти. Особенно его любили старики, как истинные мусульмане колбасу они не ели, опасаясь наличия в ней свинины, а вот без сахара пить чай совсем не могли! Созданные затем комиссии, кинувшиеся проверять другие предприятия, ничего не нашли — опоздали! Слух о готовящейся проверке мгновенно разносился по маленькой республике, тем более что все вокруг — знакомые и родственники. В итоге желающих проверять и контролировать оказалось так много, что пришлось издать особый указ, защищающий права предприятий.

У нас в доме было точно такое же положение, как и у всех, особенно неудобно было перед гостями, которые приходили ежедневно. Выручали меня блины и пирожки, которые я могла печь с чем угодно: картошкой, капустой, яблоками. Их можно было подать к чаю, и стол уже казался не таким пустым.

Однажды средь бела дня в машине, груженой ящиками, приехал радостный охранник Максуд. Я не верила своим глазам: печенье и конфеты, фруктовая карамель. «Где ты все это взял?» —

спросила я его. «У меня друг — завскладом, он узнал, что у нас к чаю нет ничего, и прислал», — отвечал сияющий Максуд. Он был одним из четырех личных телохранителей Джохара, красивый, высокий, атлетически сложенный, очень верующий парень из села. Когда приходило время намаза, он делал его где угодно. Иностранные журналисты один раз так и засняли Максуда: в Президентском дворце, преклонив колени, он молился на расстеленном на полу газетном листе, положив по углам для защиты от сквозняка две гранаты.

Максуд был большим любителем тяжелого рока и у себя в комнате, в простом сельском доме, сделал светомузыку. Переливаясь в ее лучах, лениво качались в прозрачном аквариуме вуалехвостки и золотые рыбки. Аквариум тоже был его увлечением, и за любимыми рыбками он ухаживал сам. На день рождения нашей дочери Даны Максуд привез большой круглый аквариум и зыбок в полиэтиленовом пакете с водой и установил его в зале. Кроме того, он был еще и мастером спорта по дзюдо.

Приехавшие из Франции журналистки, впервые увидев наших гвардейцев и охрану Джохара, были приятно удивлены: «Где вы таких Аполлонов набрали, они с успехом могли бы позировать для обложек модных журналов, все, как один, — Алены Делоны». Джохар с улыбкой гордо отвечал: «Это простые ребята из наших сел, а вот если бы вы в горы поднялись, там действительно есть на что посмотреть!»

С легкой руки Максуда наше положение значительно поправилось. Теперь не только гостям и соседям, но даже нашим охранникам, когда они ехали домой, я давала пакеты с конфетами и печеньем — детям. Совершенно неожиданно из сел начали передавать мне творог, сметану и молоко в стеклянных трехлитровых банках родственники наших гвардейцев. Наверное, дома они рассказывали, как мне приходится вертеться, чтобы всех накормить. И помогать стала вся Чечня. То, чего не делали министры, взяли на себя простые люди.

С большим трудом прошло формирование Кабинета министров. Устоявшаяся за долгие годы СССР система властных кланов принадлежала известным всем в республике фамилиям — Завгаевым, Хаджиевым, Арсановым, давно завербованным КГБ. Сетью многочисленных поборов и взяток они, как пауки, опутали и не хотели отпускать свою многолетнюю жертву. Незадолго до горбачевской перестройки один отчаявшийся молодой чеченец прямо в кабинете расстрелял министра лесного хозяйства. Об этом еще долго все говорили, и большинство было на его стороне, против только «пираты», засевшие в кабинетах. Этот чеченец был арестован, осужден и расстрелян как примерное назидание всем

не смирившимся со своей участью и для полного спокойствия растревоженных министров. Но сейчас Москва их больше не защищала, а ее спецслужбы подталкивали к самым изощренным методам.

Мэром города стал Бислан Гантемиров, и совершенно неожиданно из кранов потекла вода, заработала стоявшая доныне канализация. «Откуда ты взял деньги на ремонт?» — спросила я его, когда он пришел к нам. «Я оставил всех работников на старых местах и сказал им: «Если хотите работать — вложите то, что наворовали раньше, потом еще наворуете»». Его вступительная речь на первом собрании всех работников городской мэрии поистине отличалась оригинальностью. Но самое удивительное было в том, что сам он не усматривал в ней ничего особенного.

Одним из первых состоялось и назначение министра иностранных дел, выходца из Иордании, Шамиля Бено. Генеральным прокурором была назначена Эльза Шерипова, бывшая ранее членом ОКЧН, мужественно показавшая себя в последний период. Начальником Службы национальной безопасности стал известный борец, спортсмен, чемпион мира Салман Хасимиков. Джохар надеялся, что он сможет справиться, даже не обладая специальными познаниями в этой области, хотя бы потому, что не увяз в общей для бывших профессиональных кадров коррупции. Сам Джохар совмещал пост главы государства и председателя Кабинета министров — это было необходимым требованием сложного переходного периода.

Поэт и писатель Зелимхан Яндарбиев, возглавляя Комитет парламента по печати и информации, все еще оставался председателем Вайнахской демократической партии. Его называли главным идеологом чеченской независимости, и российские СМИ обливали его грязью наравне с Джохаром. Блестящие статьи Зелимхана, регулярно появляющиеся на страницах газет, разъясняли истинную сущность всех процессов, происходящих в России и у нас в республике. Одна из них под названием «Пришествие Иуды» о наших будущих колаборационистах — предателях собственного народа («Козел — Иуда, приученный своими хозяевами уводить стадо баранов на бойню и незаметно выскальзывающий в самый последний момент в спасительную маленькую дверцу») оказалась пророческой. А Джохар не обращал никакого внимания на самые нелепые и провокационные слухи и, когда я рассказывала или читала ему очередную газетную «утку», только смеялся: «Собаки лают — караван идет!» Эта фраза стала крылатой, она объясняла все, и многие повторяли ее вслед за ним.

Глава 13

1992 год — год путча в Грузии, год свержения российскими спецслужбами неугодного Москве грузинского президента Гамсахурдиа, завершился быстро. Звиад не хотел крови и ушел сам. Никто на всем Кавказе не предоставлял ему и его семье политического убежища, все боялись могущественного северного соседа. Приняла его только Чеченская Республика. Семье Гамсахурдия была предоставлена Президентская резиденция на улице Чехова, в которую мы собирались перед этим переехать. Убитая горем Манана, жена Гамсахурдиа, завернувшись в большой серый платок, лежала на диване и называла трусами всех грузинских мужчин. Подошел Гамсахурдиа, высокий, представительный мужчина с благородными красивыми чертами лица. Заметив мое невольное удивление, мягко объяснил: «У нее просто нервный срыв, она больна». Своими непринужденными светскими манерами он напоминал мне дворянина.

Это был большой и очень умный человек, впрочем, никогда без нужды не афиширующий своих познаний. Но было еще что-то необъяснимое в каждом его движении, в грустном молчании, в печальных карих глазах — во всем чувствовалось что-то нездешнее, очень далекое от нашей грешной земли. Мужественно, без всяких громких слов, он приносил себя в жертву, спасая свой народ. «Вы правильно выбрали цвета национального флага, — сказал он, когда мы заговорили о знаках, теме, интересующей меня уже давно. — У вас все хорошо закончится. Большое зеленое поле ислама и жизни наверху, поэтому вы победите. Наш флаг вишневого цвета крови, наверху заканчивается черной полосой — это цвет траура. Я сожалею, что раньше не знал об этом». Джохар подолгу беседовал с ним и многому учился. Гамсахурдиа был старше его и в политической борьбе был далеко не новичком.

12 марта 1992 года в Грозном открылась сессия грузинского парламента, которую открыл президент Звиад Гамсахурдиа, гостем парламентариев стал Джохар Дудаев. На следующий день, 13 марта, парламент Грузии, помимо прочего, принял постановление о признании независимости Чеченской Республики. Неустанно Джохар торопил законотворческую деятельность, и 12 марта 1992 года парламентом Чеченской Республики была принята Конституция ЧИР. Россия в то время свою конституцию еще не создала.

Указ о назначении министром МВД Салмана Албакова вызвал бурю в официальном собрании МВД. Лица, которые претендовали на эту должность, заранее не собирались подчиняться ни

президенту, ни парламенту. Настроения милиции усиленно «подогревались» Москвой — слишком долго чеченская милиция подчинялась ей. На следующий день, 29 марта, оказалось, что парламент отменил Указ президента. Зелимхан выступил по телевидению и объяснил ситуацию: «На завтра вооруженные группы оппозиции готовятся произвести путч… и Москва надеется, что это будет сделать так же легко, как в Грузии».

Колонна автобусов с «путчистами» прибыла из Надтеречного района и попыталась захватить телевидение и радио. Москва, организовавшая эту колонну, уже передала дезинформацию о захвате «оппозицией» власти в Грозном и предстоящем подписанием Доки Завгаевым Федеративного договора от имени Чеченской Республики.

Гвардейцы быстро освободили Дом Радио, депутаты парламента Иса Арсемиков, Ю. Хантиев, Ю. Сосламбеков отправились с делегацией на телевидение. Старики, совершавшие зикры, пошли туда же. Прозвучали выстрелы, первым упал окровавленный старик, затем двое молодых людей. Возмущенный народ смел засевших на телевидении «горе-путчистов», некоторые из них выскочили в окна, другие убегали к реке, выбрасывая оружие.

На многотысячном митинге 1 и 2 апреля на площади Свободы народ принял Обращение к президенту и парламенту, требуя провести расследование преступлений, совершенных против чеченского народа реакционными силами, агентами Российской империи, принятия чрезвычайных мер по пресечению разгула преступности. «Требуем проведения аттестации всех должностных лиц, где назначение или выборы ранее согласовывались с партийными органами, особенно в судебно-следственных органах». Обращение выражало поддержку президенту и парламенту. А Манана, с грустью посмотрев на меня, сказала, что в Грузии «так же начиналось».

Ночью Джохару приснился сон: его умершая мать, взяв его за руку, подвела к какой-то черной дыре в земле, рядом стояли российские солдаты. Вместе с нани (так мы называли мать Джохара) он спустился вниз и увидел груду ржавого оружия. По нему ползали змеи, одна из них подползла к его ноге и хотела укусить, но нани незаметно наступила на змею ногой и раздавила. «Даже после смерти она оберегает меня», — сказал Джохар, когда проснулся.

Россия, наконец спохватившись, поняла, что сама вооружила чеченский народ. Провокации ее спецслужб не заставили себя ждать. Начались массовые грабежи воинских складов с оружием. Мы просыпались от перестрелок. Звонил телефон, Джохару

докладывали: опять нападение на очередной склад. Срочно поднимали президентскую гвардию, самых верных народу и президенту людей. Срывались с постов и мчались на помощь гвардейцы. И как бы тщательно воинские склады ни охранялись, толпы безоружных людей, подстрекаемые провокаторами, шли во весь рост, прямо под огонь автоматов. Они хорошо знали, что охрана не будет стрелять в свой народ, и не ошибались. Пули, пролетая над их головами, огненными, трассирующими лентами прошивали ночное небо, не причиняя нападающим вреда. Оружие увозили и тщательно перепрятывали, пока его не находили снова. И опять нападение, драка, часть оружия исчезала. Пришлось Джохару самому заняться этим делом.

В республике объявился новоявленный «святой» Адам Дениев, владеющий гипнозом. Был случай, когда он настолько убедил наивных верующих людей в своей животворной силе, что один из них, шестнадцатилетний подросток, выстрелил в себя, твердо веря в то, что Адам потом его оживит. Когда родственники начали просить Адама вернуть мальчика к жизни, Адам подошел к трупу и что-то пошептал ему на ухо. Потом приложил ухо к его губам и произнес: «Он сказал, что попал прямо в рай, где ему так хорошо, что он не хочет возвращаться на эту грязную землю…»

Люди Адама работали на ФСБ, и говорят, что они по его приказу расстреляли впоследствии «Красный крест» в селе Новые Атаги. В 1998 году руководство Службы национальной безопасности ЧРИ официально обратилось к руководству силовых структур России выдать Адама Дениева, подозреваемого в причастности к целому ряду преступлений, убийств и похищений людей на территории ЧРИ с 1991 года, в том числе и в Новых Атагах в 1996 году, а также к похищению и убийству В. Кан-Калика и А. Бислиева. Кстати, осенью 1998 года у людей Адама Дениева была захвачена отснятая ими видеокассета, которую В. Путин демонстрировал в 1999–2000 годах на Западе как доказательство преступлений (похищения и убийства людей) боевиками.

А пока республику раскачивали три кита, на которых должно опираться всякое уважающее себя государство. И больше всего в этом преуспела законодательная власть, исполнительная явно за ней не успевала, а судебная вообще плелась где-то в хвосте. Парламент принял закон о местном самоуправлении, были проведены выборы в органы местной власти, но закон оказался слишком поспешным и потому провокационным. Каждый местный руководитель сразу стал считать свой район своей вотчиной и перестал подчиняться президенту. Они заявили, что президент и они имеют одни и те же права, так как они тоже

избраны народом. Парламент тоже почти по каждому вопросу конфликтовал с президентом, иногда принимая законы так быстро, что можно было подумать, делал это специально, чтобы поставить президента перед свершившимся фактом. Никто не возражал, когда Ингушетия выразила желание отделиться. Не хотите быть вместе, пожалуйста! «Полная свобода, никакого насилия!» — известная фраза Джохара. Все понимали, что ингуши надеются вернуть свои земли, Пригородный район, который косвенно пообещала им отдать Москва. Парламент начал делить границу с Ингушетией. Дебаты переходили в прения, споры — в ссоры, ведь в парламенте тоже были ингуши, которые не хотели уступать ни метра своей родной земли. Но где заканчивалась законная ингушская и начиналась законная чеченская земля, толком никто не знал. И обиженные ингуши срочно начали рыть ямы под пулеметные гнезда перед предполагаемой ими границей, чтобы кровью защитить свою землю, но Джохар помирил всех яростно спорящих парламентариев, просто сказав: «Нам с нашими братьями ингушами делить нечего, граница будет прозрачной, а еще лучше, чтобы ее вообще не было!»

Москва перестала выплачивать деньги республике; не получали зарплату врачи, учителя, пенсию — пенсионеры. Чтобы хоть как-то облегчить жизнь в этот переходный период, была приостановлена плата за газ и электричество. Хлеб был тоже почти бесплатным, чисто символическая цена 1 рубль в 140 раз была меньше российской. Эта цена держалась больше года, пока хлеб не стали вывозить в Россию, Дагестан и брать на корм скоту. И почти каждый раз на очередном заседании парламент поднимал вопрос о повышении цены на хлеб, а Джохар снимал этот вопрос с повестки дня. Вместо денег были введены талоны на бензин, 40–50 литров на одного человека, даже на новорожденного. Семьи у чеченцев, как правило, большие, в среднем 5–8 детей, поэтому бензина получалось много. Народ обрадовался, тот, у кого не было машины, мог продать или обменять талоны на продукты. Утопический коммунизм, о котором так много говорили во Франции, начинался в Чечне.

Понимая, что надо воспользоваться моментом, пока наши структуры еще не сформированы, Россия попыталась развязать военные баталии, поссорив нас с донскими и кубанскими казаками, но и тут им не удалось превзойти стратегию Джохара. Он приехал в станицу на казацкий съезд атаманов и заявил буквально следующее: «Мы наших казаков в обиду никому не дадим! Будем добрыми соседями…» Настороженные казаки заулыбались. Одной фразой он превратил возможных врагов, которых Россия мечтала использовать как буфер в будущей войне,

в друзей. Перед русско-чеченской войной Джохар успел заключить договор о ненападении с выборным общевойсковым атаманом Козици-ным самого большого войска Донского. А остальные атаманы без его войска выступить не отважились. В 1996 году в конце кампании, все-таки надумав, наконец, принять участие, уже без опального Козицина, атаманы мудро решили всем кругом: «Лучше будем делить гуманитарную помощь», — и правильно сделали…

У президента в кабинете собралось несколько человек, разговор уже в который раз шел о финансовых отношениях с Россией, о ее дебиторских задолженностях. Джохар бросил ручку: «Дальше так продолжаться не может. Свои деньги нам нужны, как воздух! И чем быстрее, тем лучше!» К его словам присутствующие сначала отнеслись скептически, но потом подумали: «А почему бы и нет?» До поздней ночи обсуждали эту тему и поехали по домам. На следующий день началась работа по созданию эскизов будущих денег. Через месяц художник Муса Акмедмерзаев подготовил первые эскизы. К работе над текстом подключились чеченские специалисты. Одновременно парламент работал над паспортом Чеченской Республики. В конце августа государственные атрибуты — первая денежная единица «сом» с портретом Шейха Мансура и новый чеченский паспорт — были готовы к выпуску.

В Лондон вылетели Руслан Уциев вместе с младшим братом Мурадом. Помимо главного дела по печатанию денег и паспортов, они должны были заняться подготовкой системы компьютеризации всей Чеченской Республики. Через полгода, в феврале, во время заседания Кабинета министров, Джохара срочно вызвали к телефону. Плохая весть.

В Лондоне убиты братья Уциевы. На следующий день Джохар создал комиссию по возврату тел братьев на родину, председателем назначил Гелани Ахмадова.

Преодолев огромные препятствия, начиная с получения визы и кончая оскорбительным досмотром в английском аэропорту Хитроу, Гелани прилетел в Лондон. После встречи и разговора с офицерами Скотланд-Ярда, ведущими это дело, сомнений не оставалось, убийцы — работники КГБ. Исполнители этого убийства — двое армян. Один из них повесился у себя в камере, другой приговорен к пожизненному заключению в лондонской тюрьме.

Фирма «Томас де Лабю», исполняющая контракт, категорически отказалась печатать чеченские купюры и паспорта, мотивируя отказ угрозами со стороны Министра иностранных дел России. Понеся убытки, фирма вернула деньги и заплатила

штрафные санкции Чеченской Республике.

Цель этого убийства ясна. Россия не могла допустить введения чеченских денег и паспортов, являющихся одним из самых главных атрибутов независимой государственности.

ВТОРАЯ АГРЕССИЯ

В октябре 1992 года, организовав очередную бойню, Россия вторглась в Ингушетию. За российскими танками шли осетинские роты автоматчиков, забрасывали гранатами дома и расстреливали мирных людей. Россия торопилась: пока этот чеченский птенец не оперился и не превратился в горного орла, имеющего железные когти и клюв, его надо уничтожить! При выходе российских войск из Чечни российскими командирами были лично сняты все приборы наведения в подразделениях боевой техники, то есть вся боевая техника была приведена в негодность. И при вторжении России в Ингушетию из сорока танков на ходу не было ни одного, из восемнадцати установок «Град» — ни одной целой. Все прицельное и навесное оборудование было украдено и вывезено с территории Чечни или спрятано у агентов КГБ.

Джохар каждый вечер выезжал в Шалинский танковый полк, где располагалась основная база военной техники, и «рвал на куски» командира Сайфутдина за его бездействие по восстановлению техники, неукомплектованные экипажи, отсутствие запасных частей и боекомплектов. Не добившись положительных результатов, Джохар вызвал к себе Гелани Ахмадова и распорядился выполнить эту работу. Гелани попросил дать ему письменный приказ от главнокомандующего с соответствующими полномочиями. Через три дня Гелани нашел агента, посадил его на гауптвахту. Очень скоро тот показал, где находится оборудование и запасные части к технике Шалинского полка. В ЧИСНАБ добыли часть аккумуляторов, недостающие сняли с КРАЗов цементного завода. С автобаз были привезены необходимые запчасти на машины «Урал» для установок «Град». Гелани днем и ночью не спал вместе со своими подопечными, все трудились, не покладая рук. За три дня техника была восстановлена и укомплектована экипажами.

Бывший военком республики Ибрагим Дениев начал было саботировать призыв военных специалистов, уволенных в запас, подсовывая совсем пожилых, не владеющих современной техникой людей. Но Гелани предупредил, что поставит вопрос перед президентом об упразднении всех военных комиссариатов в

Чеченской Республике. Специалисты сразу нашлись.

Смотр техники прошел отлично, Джохар сиял и не находил себе места от радости. Вся техника немедленно была поставлена на границу с Ингушетией. Две российские танковые колонны, расположившиеся слева и справа от дороги, ведущей на территорию Чечни, находились под прицельным огнем установок «Град» Чеченской Республики, а все выезды и отходы танков в любом другом направлении заминировали.

Был интересный момент, когда российская и чеченская стороны достигли согласия о разводе войск, и чеченская сторона доложила о ситуации, в которой находятся российские отдельные части в данное время, руководству группировке войск. Они посмеялись, и только, но когда чеченские саперы начали вытаскивать и показывать противотанковые мины, они не поверили собственным глазам, когда же им показали установки «Град» и предъявили координаты ведения огня, в глазах российского командования отразился ужас: «Да, это не Азербайджан, не Грузия и даже не Афганистан…»

По приглашению Джохара приехал друг юности, летчик стратегической авиации Руслан Шахабов, уже полковник. Джохар надеялся, что Руслан поможет создать чеченскую армию, и поставил его командующим. Парламент присвоил новые воинские звания: Джохару, бывшему генерал-майором, звание генерал-лейтенанта, Руслану — звание генерал-майора. Джохар отказался от нового звания: «Я его еще не заслужил».

Первый военный инцидент не заставил себя долго ждать, российские войска, стоящие на границе с Ингушетией, «прихватив» несколько лишних километров, продвинулись до станиц Ассиновская и Серноводск, где были остановлены нашими вооруженными силами. Джохар объезжал границу, когда случайно напоролся на такой выдвинувшийся российский блокпост. Увидев самого президента, солдаты растерялись и передернули автоматы. Разгневанный Джохар вышел из машины, его лицо пылало, глаза метали искры и молнии, большими шагами он подошел к ним и громовым голосом отдал приказ: «Немедленно сдать оружие! Отойти на свою границу!» Президентская охрана быстро разоружила блокпост, и Джохар уехал.

В этот же день Джохар, Умалт Алсултанов (министр МВД) и Гелани Ахмадов проверяли блокпосты в сопровождении трех машин и восьми человек. Проехав последний чеченский пост, они оказались между российскими и чеченскими постами. Гелани пошутил: «Акела промахнулся. Давай махнем в Назрань, уже немного осталось!» На Джохара, любящего пошутить, каждая

шутка действовала своеобразно: «Отличная мысль, главное, что вовремя!» Осторожный Умалт, главный «страж правопорядка» завопил: «Ты, сиди, не подстегивай, я и так не могу его остановить!»

Несмотря на протестующие возгласы министра МВД, три машины понеслись в Назрань. Вдоль всей дороги стояли российские войска, на территории Ингушетии было введено чрезвычайное положение, и тем не менее они все-таки ехали. Вдобавок Джохар и Гелани начали во все горло распевать чеченские песни. При подъезде к резиденции Руслана Аушева их встретили удивленные ингуши: «Джохар приехал! Джохар! Джохар!» Вышел ингушский полковники начал выражать свой протест на «внеплановый» визит. Джохар в привычной ему в таких случаях манере послал его подальше. Ребята из охраны провели Джохара в кабинет Президента Ингушетии. Через десять минут появился сам Руслан, завязалась дружеская беседа. В начале Аушев выразил свои претензии, которые заключались в том, что чеченцы не помогли ингушам. На что Джохар ответил: «Эта ситуация, дорогой мой Руслан, создана руками ваших депутатов, сидящих в российском парламенте, именно для того, чтобы бравый генерал Джохар Дудаев на лихом белом коне врезался в гущу событий и втянул бы Чечню в войну. Для ваших депутатов я этого делать не буду, но если ингушский народ попросит помощи у чеченцев и даже если ни один чеченец не приедет в Ингушетию, я буду стоять рядом с тобой! Тем не менее хочу заметить, что продвижение осетинских боевиков за российскими танками было остановлено моими добровольцами в количестве двухсот человек. Они прибыли в полном боевом вооружении и с оружием для вас, которое ваши же ребята продали на базаре осетинам!»

После этой речи Джохара Руслан замолчал. Зазвонил телефон, Руслан подошел, поднял трубку: «Да, Сергей Михайлович! Да! Да!» Джохар грустно пошутил: «Что, хозяева звонят?» Руслан ушел от ответа. Звонил Шахрай, которому уже доложили о приезде Джохара. «Что-то, мне кажется, ты не рад нашему приезду». — «Да нет, Джохар, как-то вы без предупреждения». — «А скажи мне, когда вайнахи ходили в гости, предупреждая об этом?» Руслан совсем растерялся, не зная, что ответить. Через полтора часа дружеской беседы, в первом часу ночи поехали обратно, так же распевая песни. Гелани сказал Джохару: «Джохар, завтра по этой дороге в Чечню даже мышь не проскочит».

На другой день, вечером, возвращались «самоделегированные» Яраги Мамодаев, Русбек Бисултанов и Руслан Шахабов. Яраги ездил вести переговоры с российским

командованием, чтобы потом выступить в роли «спасителя нации». Они припозднились и, возвращаясь, были задержаны на других российских постах рассерженными пограничниками. Целый день шел дождь, дорога была в больших грязных лужах. Их разоружили, заставили выйти из машины и лечь на землю. Продержав в таком положении целый час, их «делегацию» отпустили. И в тот же вечер униженный Яраги, выступая по телевидению, заявил, что Джохар чуть не погубил их «важную» миссию. Джохар отреагировал мгновенно: «Сапожник должен шить сапоги, а пирожник печь пироги! На ведение переговоров вас никто не уполномочивал, для этого есть политическое руководство. А я как Президент Чеченской Республики обязан инспектировать ситуацию на линии военного противостояния. В чем и заключалась моя поездка! Враг внедрился на нашу территорию, поставил свой блокпост, а они там переговорами занимаются! Значит, такие вы мужчины, если легли в лужу!»

После этого обратился к населению: «Для беспокойства нет никакого основания. Ваш покой надежноохраняется. Что касается российских солдат, то я скажу: «Молодец среди овец, против молодца — сам овца!» На наших полях растетхлеб. Поля не предназначены для того, чтобы вы там окапывались. Не поганьте! И советую немедленно убираться, пока не поздно!» — тут Джохар разгневанно постучал пальцем по столу. Люди после его выступления облегченно вздохнули.

Грозный был переполнен беженцами, почти в каждой квартире помещалось по несколько ингушских семей, большей частью беспомощные женщины, плачущие маленькие дети и старики. Все мужчины остались в Ингушетии. На экранах телевизоров последовательно транслировались документальные кадры: страшные, обезображенные трупы, вывезенные из Пригородного и сложенные на большой поляне, по которой потерянно бродили люди, пытавшиеся опознать родственников. Через Джейрахское ущелье, обрываясь на горных обледеневших тропах, шли из Пригородного беженцы, вынося стариков и детей. Мужчина, поскользнувшись, выпустил одного из двух детей, сидевших на его руках. Его горестный крик повторило эхо и далекий всплеск реки, посыпались мелкие камушки, и все стихло. В скорбном молчании вереница людей шла дальше. Ингуши срочно искали оружие, бронежилеты, патроны у знакомых, одалживая или покупая на «черном рынке».

В инспирированном Россией осетино-ингушском конфликте погибли лучшие сыны ингушского народа, первыми храбро бросившиеся на защиту своих братьев, жертвами стали сотни мирных граждан, около 60 тысяч ингушей насильно были

депортированы из Северной Осетии. Руководство всей операцией и контроль за устранением следов геноцида «партия войны» вновь поручила одному из самых активных своих членов Сергею Шахраю.

Началось «бабье лето». В нашем маленьком садике под яблоней я писала свои картины. Однажды я усадила в саду племянницу Джохара, семилетнюю Элинку, отец ее был ингушом, и мы все очень переживали по поводу произошедших в Ингушетии событий. В глазах маленькой девочки, казалось, застыла вся трагедия ее народа. Худенькие ручки с синеватой голубизной, загорелые щечки, тонкая шейка, розовое, невинное, веселое платьице с трепещущими оборками, соломенная шляпка на волнистых смоляных кудряшках — и ничего детского в ее задумчивом взгляде.

В том же месяце парламенты Чеченской Республики и Российской Федерации провели переговоры и подписали протокол, вновь де-факто признающий Чеченскую Республику независимым государством. Осталось только договориться на уровне правительств и подписать договор о взаимном признании. Джохар форсировал события, к лету 1992 года обстановка все усложнялась. Россия блокировала осуществление денежных переводов в Ичкерию и постепенно начала осуществлять все виды блокад, надеясь задушить республику.

Джохар собрал правительство и спросил, что предпринять. Надо было искать выход. На одном из совещаний предпринимателей решили попробовать пробить воздушную блокаду, у республики были самолеты и пилоты, главная проблема — воздушные коридоры. В самой России было всего 4–5 аэропортов, из которых самолеты летали за рубеж. Авторы предложения Э. Хачукаев и Р. Алиев попросили месяц на подготовку самого первого и ответственного полета. Джохар хотел первым проложить дорогу. Ровно через 30 дней, 22 августа 1992 года, в обстановке большой секретности, Джохар поднялся с чеченского аэропорта имени шейха Мансура на самолете ТУ-134 и приземлился через несколько часов полета в Джидде, международном аэропорту Саудовской Аравии. Чеченскую делегацию встречали коврами, официальным протоколом, эскортом и так далее. Они побывали в трех странах Аравийского полуострова, посетили священные для мусульман места, Мекку и Медину, удостоились высшей почести войти внутрь Каабы. Первыми словами Джохара, когда он вернулся, были: «Путь проложен. Теперь свободный чеченский народ будет свободно летать куда захочет!» Через несколько дней были проложены авиадороги во многие страны мира.

Началась конкретная работа по налаживанию международных контактов Чеченского государства. За сравнительно короткое время Джохар посетил с официальными визитами Кувейт, Турцию, Кипр, Прибалтику, США. Чеченская Республика начала потихоньку расцветать благодаря торговле, челночные чартерные рейсы делали свое дело. На грозненском рынке можно было купить все, что душе угодно, и по ценам гораздо ниже, чем в окружающих республику регионах. Тот, кто начал с двух тысяч долларов США и тяжелых сумок, через год имел в свободном обороте уже сто тысяч и продавал товары оптом, целыми машинами на специально отведенном для этой цели Петропавловском рынке. В республику потянулись челноки из Дагестана, Ставрополя, Ингушетии и других соседних регионов России. Не зря еще Петр Первый говорил: «Государство богатеет торговлей». В Грозненском аэропорту стали садиться на дозаправку дешевым и качественным керосином лайнеры из России и других стран СНГ. Документальные, короткометражные фильмы, заснятые в странах, где побывали представители чеченского народа, как встречали наши делегации во главе с Джохаром, транслировались по местному телевидению, наполняя гордостью сердца жителей республики. После очередного такого визита личная охрана Джохара еще несколько дней пребывала в эйфории, мечтательно глядя куда-то за облака.

В Москве начали возмущаться тем, что президент непризнанной ею республики летает на своем самолете, как президент суверенной страны, куда хочет. В ответ на протесты Джохар ответил кратко: «Небо не может принадлежать одной России».

Однажды самолет Джохара взял курс на Ирак. Только взлетели, как получили приказ командования российского ПВО немедленно идти на посадку. Командир корабля забеспокоился: «Угрожают поднять в воздух перехватчиков. Могут сбить, если не выполним приказ…» Реакция Джохара была совершенно невозмутимой: «В Грозном есть российские самолеты?» Запросили по рации, получили ответ: «Есть два самолета». «Передайте военным мое предупреждение: если они заставят нас сесть или собьют, эти два самолета будут взорваны, а вся ответственность за происшедшее полностью ляжет на них». Больше таких приказов не поступало.

В сентябре 1992 года Джохар и Рамзан Алиев, постоянно сопровождающий его, прилетели в Анкару. По вине Министерства иностранных дел Турции встречающие опоздали на 15 минут. Джохар побледнел, это оскорбление было нанесено не ему, а чеченскому народу. Он сидел и ждал, не выходя из самолета,

потом принял решение улететь, сам сел за штурвал. Но разрешения на вылет не давали. После очередного отказа предоставить вылет Джохар запустил двигатели, и самолет начал движение. В это время приехали встречающие, в том числе и заместитель премьер-министра Турции, и начали уговаривать не улетать. Самолет двигался прямо на здание \/iP. Напуганные службы дали «добро» на взлет, и самолет улетел на Северо-Кипрскую Турецкую Республику. Там чеченскую делегацию встречали с цветами ичеченским знаменем. Сулейман Демирель позвонил Джохару и попросил прилететь в Анкару на обратном пути. После этого его встречали уже так, как положено встречать президента суверенного государства. Он умел заставить уважать себя и республику. Зато обратно в Грозный Джохар прилетел в битком набитом мешками самолете. Узнав, что чеченские женщины застряли с грузом товаров в аэропорту, он приказал им помочь и загрузил свой самолет их товаром.

За рубежом у Джохара появилось много друзей. Но с особенным уважением и любовью он относился к Алпарслану Тюркешу, председателю партии Национального движения Турции, который около 40 лет оставался бессменным лидером всемирного движения «Бозкуртов» — «серых волков». Тюркеш выглядел отлично, был полон сил и энергии даже в 70 лет. Взаимная дружба длилась до самой смерти Тюркеша. Джохар летал не только за рубеж, но и в бывшие союзные республики для развития дружеских отношений. На центральной площади столицы Кыргызстана в юрте его приняла старая женщина в национальном платье, символ киргизской земли — Мать киргизского народа. На прощание киргизские друзья подарили Джохару белого коня лучшей кипчакской породы. Но в самолете не перевезти коня, поэтому его оставили в Киргизии. До сих пор белый скакун ждет своего хозяина.

Сувениры, подаренные президенту в этих поездках, бережно хранились в специально отведенной для них комнате во дворце. В будущем они должны были украсить музей.

Летом 1993 года в Париже проходил авиасалон. Президент Чеченской Республики был приглашен туда, ему предложили испытать самолет новейшего образца «Мираж» на секретной военно-воздушной базе «Оранж». После тридцатиминутного ознакомления с устройством самолета на земле Джохар уверенно сел в кабину и вместе со вторым пилотом, тоже генералом, но французским, совершил тренировочный полет. «Бой» строился по схеме «двое против трех», то есть двум «красным» самолетам, одним из которых управлял Джохар, противостояли три «синих», которые пилотировали лучшие французские асы. Послеполетный

разбор «боя» на компьютерном мониторе показал, что из пяти самолетов «целым» остался только один, четыре были «сбиты». Победителем стал Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев! Его пилотаж получил высшую оценку среди французского летного генералитета. В тот же вечер был организован пышный приемом в честь Джохара в Центральном доме офицеров ВС Франции в Париже. Его летное мастерство поразило всех приехавших в те дни на традиционный салон в Ле Бурже. Отрывок из книги Мусы Гешаева, посвященной Джохару Дудаеву: «Исполнен дерзости безумной и гордого сознания бессмертия».

Грандиозные планы строил непокорный Москве президент. Когда, выступая по телевидению, Джохар делился ими со зрителями, то многим он казался одержимым мечтателем, оторванным от земли. Его мечты были прекрасны, но вряд ли исполнимы. В горной маленькой Ичкерии, то и дело сотрясающейся от гнева великой Самодержицы, он рассказывал, как вольно живут люди вдали от России, как процветают другие страны, имеющие нефть. Притчей во языцех стали его слова «о золотых кранах и верблюжьем молоке» Кувейта.

Он мечтал построить новую, экологически чистую столицу Чеченской Республики вдали от нефтеперерабатывающих заводов. Была найдена красивая ровная местность недалеко от гор, ее проверили сейсмологи. Архитекторы подготовили проект будущего административно-политического центра, участие в его подготовке принимал и Джохар. Город был рассечен на девять секторов, расходящихся во все стороны улицами-лучами от круглой площади, в центре которой стояла высокая круглая башня с часами наверху и вращающимся глобусом. Время на часах должно было отсчитывать часы, минуты и секунды назад, обратно, к забытым предкам, вычеркивая все ужасы депортации, четырехсотлетней войны с Россией. Оно должно было приближать чеченцев к исторической черте — времени, когда они жили в мире и согласии со всем миром. (Как прекрасно звучит это удивительное сочетание двух знакомых слов, являющихся по своей сути одним словом — знаком, кодом всем нам, потому что наш мир и должен быть только миром на вечные времена, и ничем иным, иначе нам в нем просто не выжить!) Каждый сектор должна была строить страна, с которой заключен договор. Предполагалось, что в неповторимом национальном стиле девятью странами будут возводиться гостиницы, рестораны, административные здания и магазины. Причем договор о строительстве уже был заключен с тремя ведущими мировыми фирмами. Этот удивительный город стал бы чеченской столицей, городом всех национальностей, реальным, а не утопическим

городом Солнца и Мира! Это осуществимо…

Джохар хотел прорвать блокаду. В большой тайне прокладывалась через непроходимые горы дорога в Грузию, она должна была стать Дорогой жизни. Он считал километры…

Особое внимание Джохар уделял и созданию Академии наук Чеченской Республики, работая с колоссальным напряжением над этим проектом вместе с Рамзаном Гойтемировым (бывшим предводителем партии «зеленых», одним из первых откликнувшимся на призыв Ельцина во время ГКЧП) и Исой Арсамиковым.

В Германии была закуплена очень дорогая дорожная техника, агрегат, который, двигаясь по улицам, разбивал старый асфальт и тут же укладывал новый. Половина Грозного уже блестела сине-черным асфальтом. Машины не ехали, а неслись по ней так же, как по европейским широким дорогам. Деньги за нее должны были перечислить в течение года, долг еще не был до конца выплачен, и когда звонили из Германии, у Джохара сразу портилось настроение. Он тут же поднимал трубку и начинал «разносить» министров, тянущих с оплатой.

Был открыт военный колледж. Большое внимание Джохар уделял школам-интернатам и ПТУ. Ремонтировались старые больницы, строились детские поликлиники, большое здание было выделено под стоматологический центр.

Перед новым Кабинетом министров Джохар поставил задачу принять бездефицитный бюджет, создать принципиально новую систему налогообложения и формирования бюджета. Джохар собирался перевести нефтеперерабатывающую отрасль на новую технологию. Благодаря его стараниям родился проект освоения нефтедобычи в Судане нашими специалистами, но, к сожалению, он так и остался незавершенным. Разрабатывалась новая методика преподавания в средних школах. Историю чеченского народа надо было переписать заново, в соответствии с исторической правдой. Письменность на кириллице не соответствовала некоторым гортанным звукам чеченского языка. После продолжительных научных дебатов было решено перевести язык на латиницу. Новый букварь на латинице готовился Зулай Хамидовой, советником президента. Этот букварь был не просто красивой книжкой. С первых страниц яркими иллюстрациями он открывал детям неповторимый мир чеченских обычаев.

Для особо одаренных мальчиков с семилетнего возраста был открыт президентский лицей. Красивая серая форма, золоченые аксельбанты, ниспадающие с плеч, строевой шаг делали маленьких лицеистов неотразимыми. Особенно хорошо они смотрелись на параде. Был проведен отборочный конкурс.

Родители обивали пороги, прося принять их детей, но всех желающих лицей вместить просто не мог.

Капитальный ремонт был сделан в гостинице «Кавказ», стоящей на проспекте Абдурахмана Авторханова, напротив Президентского дворца, в ней обычно останавливались наши гости и журналисты.

На Первомайской улице создавался мемориальный комплекс жертвам геноцида 1944 года. Этот комплекс был задуман Джохаром еще в Сибири, когда он рассказывал, как кощунственно чеченскими надгробиями выкладывала советская власть стены коровников и свинарников или мостила улицы. Выточенные каменные белые чурты, украшенные причудливой арабской вязью, — единственное, что осталось у чеченцев от их предков. Почти все родовые башни во время высылки были взорваны, породистые кони уничтожены, дорогое оружие с серебряной насечкой, тонкогорлые медные кувшины разграблены. Несколько сот человек поехали за прахом погибших в Казахстане родственников, исполняя их последнее желание быть захороненными на родной земле. Джохар сожалел, что не мог исполнить завещание своего отца, его могилу он так и не сумел отыскать, когда ездил во время одного из своих отпусков в Сибирь. Вернулся он очень печальным. На заброшенном кладбище занесло песком сломанные надгробия и одинокие могилы, лучший школьный друг, фотографию которого Джохар бережно хранил в семейном альбоме, умер еще в молодости, осталась только его старая мать.

Строительство мемориала вызвало в республике большое оживление. Поисками чуртов занимались взрослые, старики, дети. Многие хотели принять участие в создании этого уникального памятника, искали и выдалбливали надгробия из мостовых, в селах разбирали стены коровников, вытаскивая даже обломки чуртов. И, аккуратно отмыв многолетнюю пыль, уже белоснежными, их торжественно привозили и водружали на небольшой площади, где они и стояли ровными, белыми рядами на обозрение прохожих. Джохар по вечерам шелестел белыми листочками и все рисовал и рисовал, пристроившись дома где-нибудь на уголке стола. Меня он даже близко не подпускал: «Это я должен сделать сам, это мой долг». Ему не удалось исполнить последний завет своего отца, и поэтому он исполнял единственное и последнее желание многих других людей.

На Первомайке теперь останавливались прохожие и собирались оживленные старики. Некоторые из них еще знали арабский язык и, читая полустертые надписи на чуртах, даже вспоминали людей, лежавших под ними когда-то. Целые

надгробия поставили по диагонали, заполнив белыми стройными рядами всю небольшую площадку, между ними посадили шелковистую зеленую травку и выложили белыми плитками проходы, а в центре собрали в большую кучу все обломки чуртов, и из них, как будто из-под земли, выходила огромная белая каменная рука, крепко сжимающая кинжал, клинком устремленный в небо. Напротив — стена со словами-клятвой: «Не забудем, не простим, не оставим». Странное ощущение возникало у каждого, кто прогуливался по белым дорожкам мимо стоящих чуртов. Как будто и в самом деле ожили забытые предки и встали стройными белыми рядами воинов, оберегая нашу общую свободу. Где-то в глубине души тихое благоговение постепенно перерастало в уверенность, что так, видимо, и есть… Ничего не стоила бы эта выточенная из камня рука с кинжалом, если бы рядом с нами не было их душ. На каждое удачное действие тут же рождалось противодействие, активно поощряемое Москвой, и Джохару приходилось буквально продираться через все препоны, оставляя на пути клочки своего сердца. «Я политический бык, — с грустью иногда говорил он, — но главное — пробить дорогу. Каждые пятьдесят лет — высылка или уничтожение чеченского народа, пусть на нашем поколении этот трагический круг наконец замкнется».

В апреле — начале мая 1993 года часть парламента открыто перешла на сторону противников независимости. Председателем парламента они избрали Юсупа Сосланбекова. Этот парламент утвердил Яраги Мамодаева вице-премьером. Получив должность, Яраги тут же создал свои параллельные структуры исполнительной власти под видом комитетов управления отраслями народного хозяйства, в действительности антипрезидентский блок из глав местных администраций. Сразу стали ясны его дальнейшие планы…

Очень долго Джохар раздумывал, что делать с приватизацией. Через полтора года он твердо решил, что она должна коснуться только сферы обслуживания. Лечи Баталов, глава комиссии по инвентаризации, должен был переписать и поставить под контроль все государственное имущество. Но во время ревизии народного хозяйства он «забыл» о многих ценных государственных объектах. Под личным руководством Джохара была проведена вторичная инвентаризация.

В 1993 году Яраги вместе с Лечи Баталовым придет к нам в дом и начнет требовать полной приватизации. За его спиной будут стоять люди, успевшие по минимальной цене купить или дать задаток за какие-либо предприятия, фабрики или хозяйства, еще надеющиеся сломить упорного президента. А Джохар будет

спорить и доказывать и уже в который раз убеждать, что нельзя даром отдавать народное достояние. Он так и не распродаст то, что бездушно и легко в России давно ушло «с молотка». Через два часа разъяренный Яраги перейдет на повышенные тона, и тогда побледневший Джохар тихо скажет: «Ты превратил в ад два года моей жизни…» После своей отставки Яраги создал в Москве теневой кабинет чеченских министров, уволенных в свое время Джохаром.

Три раза Джохар менял Кабинет министров, искал новых профессионалов. Пользуясь переходным периодом, почти все пытались разворовать то, что долгие годы создавалось республикой с таким трудом. Только Господин Народ, как любил говорить Джохар, его поддерживал, и те немногие, которые были с ним в начале пути.

Глава 14

6 сентября 1992 года — первая годовщина Дня независимости. Торжественный концерт проходил на стадионе «Динамо» в центре Грозного. До отказа переполненный людьми, он гудел, как большой, полный разноцветных пчел улей. Рядом с Джохаром Дудаевым сидели приглашенные президенты, среди них — гости из Турции вместе с сыном турецкого президента Озала Тургута.

После небольшого парада и вступительной речи начался концерт. В национальных костюмах выплыл женский танцевальный ансамбль «Жовхар» (жемчуг). Розовые шифоновые платья, развевающиеся на длинных косах прозрачные шарфы, осиные талии и потупленные черные взоры — сама нежность, покорность и молодость, как неповторимая ускользающая мечта, зовуще реяла на сцене и уводила, и звала куда-то далеко-далеко. Но вот серебряный вихрь — чеченские юноши в блестящих доспехах с кинжалами и огненными глазами стремительно понеслись на кончиках пальцев в древнем вайнахском танце. Этот ансамбль так и назывался — «Вайнах». Каждый чеченский мальчишка умеет танцевать пламенную лезгинку, а на кончиках пальцев его приучают стоять уже с двухлетнего возраста. Этот танец является главным атрибутом всех ловзар (свадеб).

Больше всего поразил одинокий мужской танец с буркой. Танцора почти не было, из обычной черной бурки выглядывала только голова в каракулевой папахе и виднелись ноги в мягких кожаных ичигах (сапоги без подошвы). Закрывшись буркой, спиной к зрителям, он сделал по сцене три больших круга и растрогал всех присутствующих до слез. Как он это сделал, до сих пор остается для меня загадкой.

Затем выступал музыкальный ансамбль «Зама» (время) под руководством Али Димаева, пишущего музыку и исполняющего песни. Волнами наплывала грустная мелодия, рассказывающая о трагической судьбе маленького народа, о высоких зеленых горах, бурных ручьях, о слезах чеченских матерей. Эта песня посвящалась матерям, но все же самой печальной и самой любимой всегда оставалась чеченская земля.

Певцы и танцоры сменяли друг друга. Всеобщими любимицами были Тамара Дадашева, хрупкая изящная девушка с детским нежным голосом, и строгая, с какой-то мраморной красотой Марьям Ташаева. Тут уже не выдержали зрители, так долго мечтающие принять горячее участие во всем, что происходило перед их восхищенными глазами. Первыми, не

вытерпев, на сцену полезли дети и подростки, потом мужчины, одним прыжком заскакивая на сцену, начинали лихо танцевать лезгинку около особенно понравившейся певицы. Даже мирно стоящий возле эстрады толстый милиционер, которому полагалось следить за порядком, тоже пошел выделывать пируэты. Колыхался его большой, круглый живот, туго перетянутый портупеей, плясала на боку кобура, а он упоенно летал по сцене и походил на серый воздушный шарик на тоненьких ножках. Зрелище было так уморительно, что зрители, забыв про певицу, начали смеяться и хлопать только ему. Не выдержав такого позора перед высокими зарубежными гостями, багровый Министр МВД срочно распорядился поймать «летящего в танце» и вывести нарушителя порядка со сцены.

А потом в голубое сияющее небо поднялся наполненный газом огромный, изумрудного цвета воздушный шар с белыми и красными полосами по бокам. Зазвучал гимн Чеченской Республики Ичкерия. Запрокинув головы, мы провожали шар взглядом, и вдруг из его легкой плетеной корзины высунулся помощник президента Мавлен Саламов и начал размахивать большим национальным флагом Ичкерии. Легкий зеленый шелк надулся пузырем, трепетал и переливался и, казалось, вот-вот сорвется с древка под напором летящего воздуха и унесется в голубое небо. «Какой Мавлен молодец! Никто и предположить не мог, что он такой смелый», — только успела подумать я, как… «Эх, перерезать бы сейчас веревку, чтоб он совсем улетел! Тогда бы к Джохару любой смог пройти…» — с сожалением прозвучал у меня сзади, за ухом, чей-то грубый мужской голос.

Ночью был салют на площади Свободы и танцы до упаду. Танцевали все: молодцеватые старики в папахах и смущающиеся, как молодые девушки, старухи в больших платках, мужчины и женщины, красивые и некрасивые, — и каждый из них был неповторим и прекрасен. Вокруг весело и дружно плясали дети, большие и маленькие. Этот народ можно было по праву назвать танцующим так же, как поющей назвали революцию в Прибалтике. Вместе с ракетами небо пересекали трассирующие автоматные очереди, салютуя всему миру, что несмотря ни на что, сегодня молодой Чеченской Республике исполнился ровно год.

Форум «Кавказский дом», проходивший примерно в те же дни, 4 сентября, подтолкнул Россию к возобновлению диалога с Чеченской Республикой. В работе «круглого стола» принимали участие представители Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. Кавказ объединялся, и этот процесс обнадеживал,

гарантировал подъем экономики и стабилизацию будущей счастливой, мирной жизни всех кавказских народов. Ключ к решению всех проблем находился на Кавказе. Вице-президент Александр Руцкой принял в Москве представителей Чеченской Республики, и все надеялись, что конфронтация наконец закончится и политический климат потеплеет. Было принято решение открыть официальные представительства Чеченской Республики в Москве и Российской Федерации в Грозном — таков один из результатов переговоров с Александром Руцким.

В 1993 году благодаря Джохару стала возможной встреча в Баку трех президентов: Грузии — Э. Шеварднадзе, Азербайджана — А. Эльчибея и Чеченской Республики. Джохар сам летал в Ереван и провел переговоры с армянским президентом Петросяном, надеясь привлечь к участию в этом процессе и руководство Армении. Уже имелась договоренность о встрече президентов Армении и Азербайджана для приостановления военных действий в Карабахе. От имени «Кавказского дома» в районе Закаталы в Азербайджане был установлен памятник легендарному имаму Шамилю. Джохар, принимая участие в его открытии, сказал трогательную, проникновенную речь, посвященную борьбе Шамиля за освобождение Кавказа. Ночью 20 августа 2001 года памятник был подло взорван врагами объединения кавказцев, успевшими скрыться.

В октябре 1992 года чеченская правительственная делегация во главе с президентом совершает перелет в США и Великобританию по приглашению деловых кругов. И в Америке, и в Англии были открыты представительства Чеченской Республики Ичкерия, проведены переговоры и достигнута договоренность о торговом и экономическом сотрудничестве. По пути в Англию Джохар посетил Германию, пригород Мюнхена, в котором жил известный политолог, чеченец Абдурахман Авторханов. Если раньше Абдурахман, боровшийся с коммунистической идеологией на протяжении десятилетий, был убежден, что чеченский народ может получить подлинную свободу только через освобождение России, то попытка введения чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики и геноцид ингушского народа убедили его в обратном. Джохара Абдурахман сразу полюбил и называл не иначе, как «мой президент». Народ только и говорил об Авторханове, по телевидению показывали видео- и аудиозаписи его выступлений.

В 1992 году, в октябре, от инсульта слегла моя мама, ее положили в Пушкинскую больницу под Москвой. Я успела застать ее живой, приехав за день до смерти, но она была уже без сознания. Утром, когда нас привезли в больницу, она умирала.

Совершенно потерянный, отец сидел у изголовья кровати, я молча целовала ей руки и тихо плакала. Вдруг ее вишневые глаза потемнели от боли, превратились в черные большие зрачки, глядя в которые, я увидела, как пропасть, саму смерть. Хорошо, что этого не видел отец, он, наверное, не вынес бы. Похоронив маму, мы вместе приехали в Грозный. Я не находила себе места до тех пор, пока не увидела ее на рассвете сорокового дня. Мама, как цветная прозрачная картинка, проскользнув в дверь, остановилась надо мной. Я ясно видела ее красивое, улыбающееся, молодое лицо, каштановые волосы, грудь и плечи. Она сияла и вся светилась от счастья, как будто сдала какой-то очень трудный экзамен. Потом «оттуда» протянулась ее белая полная рука и шутливо потрепала меня за пальцы правой ноги, иногда так она делала в детстве, когда будила меня по утрам. Ее теплое ласковое прикосновение я еще долго ощущала после того, как она уже исчезла в форточке окна. Я усиленно терла сонные глаза, изо всех сил пыталась разглядеть маму за окном, среди деревьев, но ее не было. После ее прихода я сразу успокоилась. Она счастлива, ей хорошо и, самое главное, она не лежит в черной холодной земле…

А отец продолжал страдать, осунулся и слонялся целыми днями по дому, не зная, как жить дальше. Напрасно мы уговаривали его остаться в Грозном, он уехал в Подмосковье, где была могила. Он переживал и за Джохара, зная, какой нелегкий жребий ему выпал. Через месяц он, потрясенный, вернулся к нам рассказать о том, что услышал…

Он проснулся на рассвете… Нечто необъятное было перед ним, такое огромное и всезнающее, что он сам себе показался маленькой ничтожной песчинкой. Отец не видел «это» глазами, боясь их открыть, но ощущал его всем своим существом, и сам в этот момент чувствовал гораздо большее, чем могли выразить простые человеческие слова. «Это было нечто невыразимое, оно знало все». Удивительно то, что отец был твердо уверен: «оно» не причинит ему никакого вреда, и он начал задавать ему вопросы. Самым первым и важным для него был вопрос: «Что будет с Джохаром?» И получил ответ: «Он посетит много разных стран, а в мусульманском мире даже прикасаться к его одежде люди будут, как к одежде святого». «А как сложаться у него отношения с Россией?» — продолжал спрашивать отец. «От России ничего хорошего он не дождется».

Когда «это» появилось перед отцом в следующий раз, он уже знал, как себя вести, и задал вопросы обо всех нас. Все, что он услышал, потом сбылось и продолжает сбываться до сих пор. В том же декабре, в раннее морозное утро, отец взволнованно

попросил меня передать Джохару, чтобы сегодня он обязательно на- дел бронежилет. «Я услышал только конец фразы, когда проснулся, «жи-ле-е-т». Потом, улетая, голос вдалеке снова повторил это слово». Я тотчас пристала к Джохару: «Надень бронежилет, отец опять слышал «этот» голос». «Слушай, какой бронежилет! Ты знаешь, какой там холод? Я в нем сразу окоченею!» Президентский дворец все еще не отапливался, Джохар был прав. Он расхаживал по нашей маленькой спальне в моем черном пуховом жилете, который в спешке надел, когда ему позвонили, в нем умылся и сейчас, погладив рукой по пуху, продолжал:

— Какой теплый «ментик», не хочется его снимать.

— Давай я тебе шерстяной жилет куплю, — предложила я.

— Не люблю носить жилеты, но с этим жалко расставаться.

Джохар попробовал на него сверху натянуть рубашку, пуговицы не застегивались. Потом надел его сверху рубашки. Под костюмом тонкий пуховый жилет совершенно не был заметен. Джохар сиял: «Как тепло! Я теперь любой мороз вынесу».

Через несколько дней ко мне пришла наша дальняя родственница Патимат, сноха дедушки Амаци, она принесла связанные ею из тончайшего белого козьего пуха носки специально для Джохара и рассказала свой сон: «Пришел ко мне умерший в том году отец и говорит: срочно свяжи из самой лучшей шерсти белые носки и отнеси Джохару». Утром, обрадованный подарком, Джохар надел эти белоснежные вязаные носки под свои обычные тонкие черные — и, как это ни странно, ботинки ему не жали. В ту холодную зиму, когда все в Рескоме по очереди простуживались, кашляли и чихали, один Джохар, как всегда, был изящно подтянут, в строгом черном костюме и белоснежной рубашке. И только лукаво улыбался в ответ на удивленные возгласы закутанных журналистов. Карие глаза его смеялись. Не мог же он сказать им на самом деле, что на нем женский жилет, а здоровье его охраняют даже с того света. Все равно никто не поверил бы.

Глава 15

Наши министры, несмотря на постоянные ограничения и приказы об отставке очередного вора, находили все новые лазейки, чтобы обходить законы и тащить народное добро. На законы они мало обращали внимания и в советское время, а сейчас все рвались в «капиталисты», как к финишной заветной мечте, первой цифрой которой должен был стать миллион. Разгул дикого капитализма в России служил им наглядным примером. Как тайные болезни общества, вышли наружу спецы теневого капитала, новоиспеченные нувориши появлялись невесть откуда, поражая воображение россиян громадами миллионов. Наверху всей этой пирамиды стояли сильные мира сего, неподвластные никаким генеральным прокурорам. Появилось новое правило: «Чем больше украл, тем более неподсуден». Только деньги правили новым миром, к звериным законам которого некоторые уже успели приноровиться. Выживали только сильные…

На очередном заседании Кабинета министров, транслируемом, как всегда, по местному телевидению, Джохар снова распекал министров: «У вас нет денег, чтобы выдавать людям зарплату, но вам выделяются для этого нефтепродукты. Почему они их не получают? Если сами большой кусок едите, хоть маленький кусочек своим рабочим можете отдать?» С покрасневшим лицом, сжимая кулаки, он продолжал горячиться: «Крохоборы! Бессовестные люди! Мы выделяем 30 процентов от вашей же продукции на восстановление средств производства. Вы эти деньги кладете себе в карман… Выделяем нефтепродукты на зарплату — то же самое! Что остается делать бедным рабочим, воровать? Кто должен кормить их семьи?»

Ситуация была действительно сложная, то, что в любой другой стране можно было очень просто сделать, в нашей республике становилось неразрешимой проблемой из-за сложившегося менталитета: увольнение за воровство такого «большого» человека, как министр, по неписаным чеченским традициям, приравнивалось к нанесению оскорбления всему его роду. В советские времена назначение на подобную высокую должность было редким исключением и… на долгие годы. Род сразу становился в разряд привилегированных и очень гордился оказанной ему честью. За мужчин из этого рода любая девушка выходила с радостью… Теперь министры слетали со своих постов, как куры с насеста, не успев расправить крылышки и основательно расположиться. Но только снимали очередного, как родственники тут же начинали активные боевые действия.

Вооруженные до зубов автоматами, они занимали кабинет, даже ночевали в нем, не допуская туда нового хозяина. А к нам в дом приходили их сестры, матери, слезно упрашивая не снимать «дорогого» родственника. Они рассказывали исторические семейные предания о том, каким хорошим, добрым мальчиком он был в детстве, как «на отлично» учился в школе, и т. д. и т. п.

Первый, в спешке набранный, Кабинет министров работал вместе с Джохаром в бывшем здании Совета министров. Почти все министры были уже сняты, но упорно не хотели оставлять свои места. Окруженные многочисленными родственниками, они засели в своих кабинетах, как в крепостях, приготовившись к длительной осаде с запасом продуктов. Президент решил эту проблему весьма оригинальным способом. Когда закончился ремонт в новом Президентском дворце, он перебрался туда, забрав с собой только Министерство иностранных дел. Кабинеты Рескома, как теперь стали называть Президентский дворец, очень быстро заняли другие новоиспеченные министры, подбором которых заранее занимался парламент, учитывая прежде всего профессиональные возможности новых управленцев. К сожалению, кроме бывшихпартократов, других управленческих кадров, знающих свое дело и умело руководящих людьми, просто не было. Но они, как правило, были коррумпированы или связаны долговыми расписками с КГБ.

Дважды Джохар пробовал назначить непрофессионалов, рекомендуя парламенту столь любимых и уважаемых им спортсменов. Он делал ставку на их профессиональную честность и волевые качества характера. Но, попав в чужеродную среду, совершенно неискушенные в изощренных хитростях водивших их за нос «специалистов», непрофессионалы были обмануты, как малые дети. Над ними просто смеялись, и за их спиной продолжалось все так же, как и раньше. Надо было менять саму среду, приученную к взяткам и поборам. Это была система бывшей партхозноменклатуры, железные структуры которой переламывали каждого любопытного, сунувшего нос в ее скрипящие старые колеса.

Всеми силами своей души я переживала происходящие события. Джохар на своем высоком посту казался мне порой Иисусом, распятым на кресте. Его многострадальным телом была вся Чечня, которую рвали на части жаждущие отхватить кусок будущего капитала. А к нам в дом все шли люди и говорили одно и то же: «Сам-то президент неплохой, люди им довольны, вот только окружение у него…»-при этом многозначительно умолкали и тут же предлагали своего кандидата. Тяжелое было время…

Я написала стихотворение, его опубликовали…

Причащение республикой

Сжимая челюсти покрепче,
Побольше отрывай кусок,
Пусть отлетает тот, кто легче,
Пускай стекает с кровью сок!
Пролезть, урвать и растолкать.
Рычаньем, хрипом, всхлипом брать!
Рвать и хватать, брать без конца,
Не видя бледного лица,
Распятых рук, кричащих глаз,
Кровоточащего венца…
Терзать, и… сотворив намаз,
Выть из-за каждого куска.
Шакалья свора! Вот тоска…
Но сломан клык, одна доска.
И яма общая для всех…

Джохар смеялся: «Тебе только на коне скакать и головы сносить!» Он был добрее меня. «Это все временно, — говорил иногда, — вот выучим своих молодых специалистов, тогда посмотрим, что будет. 150 человек уже на учебу за границу отправили. Скоро они приедут. А «этих» пока приходится контролировать. Но они не виноваты. Такими их сделала система, которой десятки лет они платили дань. Это просто несчастные люди, больные деньгами. Они не слушают музыку, не знают, как прекрасны цветы в горах. Кроме этих грязных бумажек они ничего не видят. И пропускают жизнь».

В 1993 году, 31 декабря, один из таких ходоков, Яраги Мамодаев, уже успевший создать к тому времени в Москве свой теневой кабинет снятых министров — Комитет народного доверия (не уточняя, доверия у какого народа), в интервью радиостанции «Эхо Москвы» в очередной раз жаловался на «диктатора» Джохара Дудаева: «Притесняет, зажимает, извините, дышать (воровать) не дает». Журналистка спрашивает: «С этим все ясно! Но вы же так называемая независимая республика, а в Москву зачем приехали?» «По нужде», — грустно признался Яраги и прерывисто вздохнул.

31 декабря меня пригласили на «Голубой огонек» в честь Нового, 1993 года в бывшее здание Дворца пионеров.

Приглашенные почетные гости сидели вокруг за белыми столиками в большом, празднично убранном зале, в центре которого выступали известные всей республике артисты. Праздничный концерт транслировался по республиканскому телевидению вместе с выступлениями гостей. Попросили и меня сказать что-нибудь приятное нашим зрителям в связи с наступающим Новым годом. После короткого поздравления я прочиталанесколько своих последних стихотворений, они очень выручали меня в подобных случаях. Потом рядом за столиком оказался Лом-Али Бетильгериев, бывший комсомольский функционер, один из людей Беслана Гантамирова. Он, как «поэт поэту», показал мне свои напечатанные стихи, очень романтические и неплохие.

Меня беспокоили тревожащие слухи о Беслане. Он обзавелся личной вооруженной охраной в таком количестве, какого не было даже у президента, начал продавать здания. В городе росли, как грибы, базарчики, ларьки, торгующие водкой, налоговая инспекция Мэрии взимала с них дань, появились вооруженные отряды. В Грозном увеличилось число грабежей и убийств, на воинские части совершались налеты. Люди начали поговаривать, что этим занимается не кто иной, как Гантамиров, мэр столицы. Но он каждый раз, умело обманывая, выходил сухим из воды… Последней каплей стали восемь бронетранспортеров, которые он закупил и поставил на одну из баз, где должна была располагаться «пробирная палата». Вот про эти бронетранспортеры я и вспомнила, увидев его заместителя, и спросила его: «Лом-Али, а зачем Беслану бронетранспортеры, они ведь в городе могут новый асфальт испортить? Неужели ему его охраны мало?» Доверительным шепотом, наклонившись, Лом-Али мне «по секрету» сказал: «Беслан собирается их торжественно подарить Джохару на 23 февраля». Дома я поделилась с Джохаром радостной вестью: «Наверное, действительно он не так плох, как о нем говорят».

Но прошло и 23 февраля, и 8 марта, наступило 12 апреля 1993 года. Открыт заговор. Почти весь руководящий состав МВД ЧР (органы милиции) выступил с требованием снять с должности министра МВД Салмана Албакова, одним из первых, еще в сентябре 1991 года, поддержавшего курс на независимость. Джохар принял решение дипломатично отправить Салмана в отпуск. Это не случайно совпало по времени с оппозиционным митингом на площади, который называли «митингом обкома профсоюзов». Беслан Гантамиров потребовал сделать его министром МВД, — когда-то он работал в милиции в звании сержанта. И МВД его поддержало! В машинах, на которых

приехали к площади митингующие, были автоматы, пулеметы и даже гранатометы. Митинг выдвинул требования: отставка президента, роспуск парламента, передача всей власти комитету представителей общественно-политических организаций, которые организуют новые выборы.

На площади Свободы начались дискуссии и выступления. 16 апреля площадь переполняют уже сторонники независимости и президента Джохара Дудаева, а люди все идут и идут со всех сторон республики. Кое-где происходят стычки. На площади Свободы выступают президент, Зелимхан Яндарбиев, Иса Арсамиков, Сейд-Хасан Абумуслимов и многие другие. Джохар, идя на уступки, назначает на должность министра М ВД Лорсанова, который обещает показать, на что он способен, но через два дня даже не является на прием к Джохару. Митинг тем временем разделился на две противоборствующие стороны. Большая часть приняла сторону президента и осталась на площади Свободы перед Президентским дворцом, гораздо меньшая, оппозиционная, через три дня вынуждена была покинуть площадь и переместиться на небольшую Театральную площадь перед драмтеатром. Все бывшие недовольные «дудаевской властью» и еще надеявшиеся на возврат старых времен и своих кресел, собрались на ней: люди Завгаева и Саламбека Хаджиева (бывшего министра нефтяной промышленности), Беслана Гантамирова, Мамодаева. Провокации МВД продолжались, стало известно о раздаче митингу «оппозиции» и «городской полиции» Беслана Гантамирова более 1000 единиц оружия со складов МВД. Президент назначил нового министра МВД, Султана Гелисханова, начальника Гудермесского РОВД, не примкнувшего к заговорщикам. Кроме него был еще один — начальник ГАИ Шамсутдин Увайсаев, большой друг нашей семьи. В здании МВД забаррикадировались милиционеры, не желающие допускать к руководству дудаевского министра Гелисханова.

Обстановка накалялась, президент почти не отдыхал. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» он сказал:

«Сама организация оппозиционного митинга, поэтапное развитие акции и четкая работа штаба показывают, что мы имеем дело с хорошо спланированной кампанией. Совсем не случайно весеннее наступление оппозиции совпало по срокам с проведением апрельского референдума в России. От его результатов зависит многое. Конечно, в республике есть недовольство населения существующими трудностями. Этот фактор легко использовать в качестве прикрытия политических

целей митинга на Театральной площади. Одним словом, идет большая политическая игра, и в этой игре Чечне отводится далеко не второстепенная роль…»

К Джохару зашли и доложили: «Переговоры с теми, кто заперся в здании МВД, результатов не дают. Сторонники Гелисханова требуют решительных действий». Президент спокойно ответил: «Так. Без паники. Мы это уже проходили. У нас крепкие нервы, и глубоко ошибаются наши противники, если рассчитывают, что мы дрогнем. Решительные действия следовало предпринять до того, что случилось. Сейчас мы должны всеми способами исключить кровавую развязку. Многие из этих ребят сами не понимают, что по существу их хотят использовать в качестве пушечного мяса. Внимательно следите за ходом событий. Ни в коем случае не поддавайтесь на провокации. Там орудует кучка заговорщиков из вчерашних партократов, а большинство участников митинга — люди случайные, обманутые».

Президент приостановил на время деятельность парламента, назначил исполняющим обязанности вице-президента ЧР Зелимхана Яндарбиева.

Митинг на Театральной площади теперь не требовал роспуска незаконного парламента, он предложил объединиться против незаконного президента. Джохар «замкнул» их на себя. Путчисты были поражены и… начали раздавать водку. Кровопролитие на Театральнойбыло предрешено. К президенту приходили посыльные, приглашая выступить на «их» площади и ответить на все вопросы. Джохар пообещал прийти, но задержался допоздна в Рескоме на заседании, освободился только в двенадцатом часу ночи. Снова пришли с Театральной, там его все еще ждали. В сопровождении только личной охраны президент незаметно подошел к митингующим, вооруженные люди удивленно расступились, пропустили в середину разгоряченной спиртным толпы. Горячее, тяжелое дыхание туманило весенний воздух, в темноте поблескивали только глаза и торчащие за темными спинами стволы автоматов. Круг сжимался, стало совсем темно и тесно. Джохар начал говорить… Какая-то большая, черная фигура, пытаясь боком пробиться через толпу, загоготала: «Что вы его слушаете, давно кончать надо!» Раздался звук передернутого затвора, залязгали автоматы. Охрана начала оттеснять людей от президента, завязалась драка. Послышались первые выстрелы из толпы… Они, наконец, вырвались. Впереди стремительным шагом, опустив голову, шел Джохар, за ним, прикрывая его собой и держа автоматы наперевес, отступала охрана. Вслед, над их головами, звучали

автоматные очереди… У Арби, зятя Басхана, оказавшегося вместе с охраной, было прострелено плечо. «Мы еще легко отделались, могло быть и хуже», — сказал кто-то из них. «Будет еще хуже, — с сожалением сказал Джохар, — я не смог остановить этих людей, они обречены», — и глубоко задумался.

Дело шло ко всеобщей развязке. В ночь на 2 июня разоружили администрацию Ленинского района вместе с ее главой Бетильгериевым, один из его людей был ранен в ногу. В помещении нашли склад боеприпасов, продуктов, ящики с вином и пустые бутылки. Видимо, для Лом-Али Бетильгериева свобода, о которой он писал романтичные стихи, представлялась анархией. Все главы администраций и Гантамиров были сняты, временно исполняющим обязанности мэра назначили Сайд-Магомета Инаркаева. Переговоры правительства с «лидерами» Театральной длились три дня, но не привели к положительным результатам. Разоружаться они не собирались, выставив вооруженные посты на все улицы и переулки, прилегающие к Театральной площади. Умар Автурханов даже заявил, что Чеченская Республика будет в составе России! Они явно хотели прийти к власти на крови своих сограждан, для них было неважно, сколько человек погибнет, главное — развязать гражданскую войну, а потом Москва поможет!

У нас в доме из-за этих тревожных событий срывалось семейное мероприятие. Наша двадцатилетняя дочь собиралась выйти замуж за Мовсуда Дудаева, однофамильца Джохара. Его предками были эккхи из долины Ялхорой. Впоследствии оказалось, что Магомет, родной брат деда Мовсуда, высоко в горах Ялхороя учил арабской грамоте еще отца Джохара и лично знал достойного человека, в честь которого Джохара и назвали. Когда Джохар узнал об этом, то захотел с ним встретиться. Каково же было его удивление, когда он наконец его увидел. Высокий, стройный дед походил на английского лорда обходительностью и неуловимым изяществом. Оно проявлялось и в непринужденной речи, и в походке, и даже в том, как он держал чашку с чаем. Не зря раньше большое значение придавали светским манерам. Он имел три высших образования и, несмотря на свой почтенный, почти столетний возраст, был полон энергии и хорошо все помнил. Беседы с дедом доставляли Джохару истинное наслаждение. Перед его глазами, во плоти и крови, вставали персонажи многих исторических событий, а он был их свидетелем…

Этап сватовства уже закончился. По чеченским обычаям невесту забирают из родного дома, и эскорт машин торжественно везет ее в дом жениха, где их ожидают друзья и родственники.

Заранее приглашенные гости съехались со всей республики и из разных городов но старший брат Джохара из-за митинга на Театральной уперся и никак не хотел давать своего согласия Утром со слезами на глазах ушла Зухра, сестра Мовсуда, не зная, как сказать гостям, что свадьба, назначенная на завтра, откладывается неизвестно на сколько. Я снова пошла на переговоры к Бекмурзе. Он начал меня переубеждать. Я ушла ни с чем. Хотя остальные родственники не возражали, без разрешения старшего брата выходить Дане замуж было нельзя. Ночью приехал Джохар, которому было не до семейных дел. Годом раньше он даже не успел вовремя приехать на свадьбу к старшему сыну Овлуру, чем очень обидел гостей. Поэтому, совершенно не рассчитывая на успех, я рассказала об отказе Вати. Джохар улыбнулся: «Пусть выходит замуж, и не мучайте людей».

16 мая Дана вышла замуж, а 25… Рано на рассвете к нам во двор заехал на машине взбудораженный племянник Джохара, Леча Дудаев. Быстро разбудил личную охрану Джохара, и они вчетвером молниеносно исчезли, ничего мне не сказав. Джохару просили ничего не говорить, в последнее время он почти не спал. Часа через два они вернулись молчаливые и бледные. Лечи с ними не было. «Что случилось?» — спросила я их и услышала страшную весть. На Театральной площади убили Шамиля Дудаева, младшего брата Лечи. «Не может быть!» Только вчера утром Шамиль приходил ко мне и, склонив над столом красивую юную голову с густой копной кудрявых, блестящих, как смола, волос, рассказывал о своих злоключениях. Я посмеялась над ним и постаралась утешить: «Все у тебя впереди». Неужели первой жертвой путчистов действительно пал этот, совсем молодой и невинный юноша с розовым, как майский цвет, лицом, бархатными карими глазами? Он не имел врагов, все его любили.

Как это могло случиться? — наконец опомнилась я.

На рассвете Леча ехал мимо митинга на Театральной, его окружили, начали оскорблять. Он не выдержал, вылез из машины и подрался, но их было слишком много… Изрядно помятый и злой, он приехал к нам за подмогой, а потом из дома забрал младшего. Шамиль так не хотел просыпаться… «Потом мы подъе хали к митингу, и сразу началась драка. Огромная, разъяренная толпа, а в центре дерутся шесть человек. Шамиля убили сразу, одним выстрелом, но мы поду мали, что он ранен. Их было так много, что они сами мешали друг другу. Мы еле отбились и унесли Шамиля. Он лежит дома. Надо быть отчаянными безумцами, чтобы пойти на такое! Мы хотели только подраться, не думали, что они будут стрелять.»

Тезет Шамиля на улице Шекспира превратился в горестное

шествие народа и длился три дня. Бекмурза тихо жаловался и плакал, Хамила — мать Шамиля — будто окаменела, не проронила ни одной слезы. Совершенно убитый, Леча, крепко обняв Шамиля, пролежал с ним на полу всю последнюю ночь в родном доме. Когда я стала его утешать, сказал, что этой ноч'ью видел Шамиля… На одно мгновение, забывшись, он оказался вдруг перед сияющим миром. Синяя-синяя река текла между берегами, покрытыми шелковистой изумрудной травой. На краю ослепительно белого моста сидел совсем юный, семнадцатилетний Шамиль и болтал в прозрачной, струящейся воде босыми ногами. Он весело улыбался Лече и был совершенно счастлив. Леча очень хотел к нему, но чувствовал, что нельзя, еще рано. За день до своей смерти Шамиль, оказывается, обошел всех родственников, как будто прощаясь с ними, и первым домом был наш.

4 июня Театральная площадь снова обагрилась кровью. Джохар собирался поставить во главе Службы национальной безопасности Ису Арсамикова, о его назначении они говорили с Зелимханом Яндарбиевым в это утро. Через полчаса пришло известие, что он и Джалавди Экиев убиты… Вооруженные группы «оппозиции» стояли с четырех сторон перекрестка. Когда до машины в которой ехал Иса, оставалось 100 метров, кто-то из них крикнул: «Вот он! Огонь! Не упускайте его». И с трех сторон открыли перекрестный огонь. Машина наскочила на бордюр аллеи и остановилась. Раненый Иса тяжело вывалился на асфальт. Бандиты подошли и в упор расстреляли его. Это была огромная потеря.

Узнав об убийстве Исы и Джалавди, люди прибывали на площадь Свободы. Возмущенный народ требовал разоружить, арестовать и судить бандитов с Театральной. Но убийцы, испугавшись справедливого возмездия, дождались темноты и растаяли в июньском сумраке. К двенадцати часам на площади никого не было.

Следующим шагом правительства стало разоружение муниципальной незаконной полиции, созданной Бесланом Гантамировым, засевшей в здании Городского собрания. На предложение разойтись из окон застрочил пулемет. Бой длился полтора часа. Около сорока человек сдались, убитые и раненые были с обеих сторон. Похороны убитых гвардейцев сопровождались митингами и траурными шествиями по всему городу. Убитых бандитов хоронили тайно их родственники. Так закончилась очередная попытка государственного переворота, организованная российскими спецслужбами.

Был создан государственный комитет по расследованию всех обстоятельств произошедших событий, но силовые структуры МВД, ДГБ, как и прокуратура, оказались недееспособными, они сами были одним из «камней преткновения» на тернистом пути к свободе.

А у нас в доме появился новый охранник Джохара, Магомет Хачукаев. Сначала он просто ездил с гвардейцами в эскорте, сопровождая президента, а потом его перевели в личную охрану. Он успевал везде: дома и в Президентском дворце — и скоро стал незаменимым, добровольно взвалив на себя то, от чего другие отказывались. Первый год президентства я сама занималась с Деги — младшим сыном, вместе мы «прошли» 2-й класс. Ему не разрешали ходить в школу родственники, опасаясь возможного похищения и последующего шантажа спецслужб России. Даже играть и бегать с мальчиками на улице ему было нельзя. Бедный Деги томился в доме, как маленькая птичка в клетке, и Магомет его за это очень жалел.

Магомет был сиротой, восемнадцатилетняя мать умерла при его рождении, а отец, который был в три раза старше ее, умер еще раньше. Это был очень неравный и поэтому несчастный брак. Старшие братья, которые годились ему в отцы, не знали, что с ним делать, и отдали новорожденного в интернат. Заведующий интернатом и все его питомцы стали для Магомета одной большой семьей. Он вспоминал о них всегда с нежностью и любовью. Эта же братская любовь вспыхнула в его сердце и к нашему маленькому затворнику. Он сам взялся возить Деги в школу, терпеливо ждал, пока закончатся уроки и потом отвозил его обратно, набрав по дороге еще полную машину детворы. Деги ожил, в школе у него появились друзья и любимые предметы. Когда он приезжал с Магометом, глаза его блестели. За эту неблагодарную работу (ведь большую часть дня приходилось уделять нашему дому) охрана Джохара насмешливо прозвала Магомета «домовым». Но он не обижался, ведь у него никогда не было своего дома, и похоже, это прозвище ему даже нравилось. Он стал моим самым преданным помощником и третьим, старшим сыном. Когда Магомет приезжал из Рескома, Деги летел к нему навстречу, а потом они сидели, обнявшись, перед телевизором и, растягивая удовольствие, медленно ели два «Сникерса», которые всегда приносил Магомет, оба их одинаково любили. Как-то он рассказал мне, почему оказался у нас в охране: во сне ему приснилась его юная мать, которую он никогда не видел, но сразу узнал, и, с любовью взглянув на него, тихо сказала: «Иди, встань рядом с президентом и оставайся с ним до самого конца».

Еще один Магомет, Евлоев, был в нашем маленьком доме и в личной охране Джохара — худенький племянник, с большими голубыми веселыми глазами, бледным лицом и горбатым носом, сын его старшей сестры Хазу, известной насмешницы и шутницы, с которой Джохар столько «воевал» в детстве и которую теперь очень любил. Этот Магомет сразу взялся учить меня языку, но поскольку лингвистическими способностями я, увы, не обладала, каждое слово приходилось буквально вдалбливать. Магомет этим занимался с большим юмором, при каждом удобном случае и в любом месте. Например, волшебная ночь, умиротворяющим голубым сиянием окружена луна, серебрятся бархатистые листья айвы, заливаются трелью мои любимые цикады… Вдруг от столба рядом отделяется узкая черная тень и вкрадчивый голос спрашивает: «Могуш аи? (как здоровье?)». «Дик мог (очень хорошо)», — отвечаю я с досадой. И все очарование ночи исчезает. Или утром, в самое неподходящее время, среди больших, пышущих жаром кастрюль, некормленой еще охраны и уже сидящих вокруг стола многочисленных гостей раздается его издевательский и насмешливый голос: «Хо худеш ю? (ты что делаешь)». «Ху, ма деш яц! (ничего не делаю)», — отвечаю я, как полагается. Дворянские привычки у чеченского этикета!

Гостей в доме бывало так много, что мне начала помогать племянница Джохара по матери, черноокая, смуглая Зиночка (хотя ее настоящее имя Товсари мне нравилось гораздо больше). Утренние гости нередко оставались до самого обеда, затем один за другим шли родственники, часто со знакомыми, «давно мечтающими» встретиться с президентом. Чужих людей охрана не пропускала, а с родственниками не пропустить не могла. Нашим бедным охранникам приходилось нисколько не легче, чем многострадальному Мавлену.

Джохар всегда заседал в Президентском дворце до глубокой ночи и только после того, как уходил последний посетитель, мог работать над документами и подписывать приказы. Окно его кабинета на восьмом этаже светилось до 3–4 часов ночи. Потом кортеж из трех машин стремительно несся по спящему ночному городу, и он оказывался дома, где мог отдохнуть. Мы их уже ждали, встречали, кормили, разговаривали, а затем в нашем доме наконец-то наступала благословенная тишина…

Утро начиналось с племянника Магомета, приученного в своем сельском доме в Самашках подниматься с первыми лучами солнца. Он, как петушок, казалось, вообще не спал. Все утро Магомет долго, терпеливо ждал и маялся, когда же мы с Зиной проснемся, и встречал нас, сидя за кухонным столом. После обычного «могуш аи» он сразу начинал ко мне подлизываться,

чтобы я его одного побыстрей накормила. На строгую в этом вопросе Зиночку он не рассчитывал. Магомет говорил мне всегда одну, но тщательно продуманную фразу:

«Аллочка, как ты хорошо сегодня выглядишь!!!» — рассчитывая, конечно, не только меня задобрить, хитро сэкономив время на моей косметике, но и рассмешить. К тому же эта фраза имела двоякий смысл (с утра все выглядят, как правило, не очень), но Магомет умудрялся изобразить на своем бледном лице такой непреходящий восторг, закатывая к самому потолку голубые глаза и цокая языком, что мы вместе начинали смеяться. Правилами приходилось пренебречь: ему одному срочно готовили и его одного кормили. Но однажды я задержалась с Джохаром. Совсем проголодавшийся и обеспокоенный тем, что на кухне так долго никто не появляется, Магомет начал искать меня по комнатам. Потихоньку, боясь разбудить Джохара, приоткрыл дверь в зал, просунул в щель нос и, наконец, увидев меня спокойно сидящей в кресле, жалобно прошептал: «Аллочка, как ты хорошо сегодня выглядишь…» Потом приоткрыл дверь пошире и… увидел гневного, удивленного Джохара, медленно, как растревоженный лев, поднимающегося с дивана. Дверь тут же захлопнулась, Магомет зашелестел по коридору, словно летучая мышь, и испарился. «Что это с ним?» — недоуменно спросил Джохар. «Есть хочет», — коротко пояснила я. Джохар ничего не понял. А мы все долго еще смеялись над Магометом, вспоминая этот случай.

Неординарные события шли своим чередом, становясь, к сожалению, нормой.

Чеченское руководство хорошо знало, какое страшное зло принесла Россия Афганистану во время десятилетней оккупации, и не без основания полагало, что одной из первых стран, которые признают суверенитет республики, станет Афганистан. Но вместо этого прежнее руководство Афганистана, в лице его правителя Рабани, через надежного человека передало Джохару приглашение тайно посетить Кабул вместе с обещанием: «Мне есть что рассказать чеченскому президенту». Джохар не любил подобных вещей и ответил, что согласится поехать в Афганистан лишь в том случае, если Рабани пришлет ему официальное приглашение как президенту суверенного государства. Он считал унизительным подобное отношение со стороны президента мусульманской страны и отказался от приглашения.

На празднование второго года независимости к нам приехало много гостей из дальнего и ближнего Зарубежья и из различных регионов России. Утром был военный парад, а вечером — банкет в белом мраморном зале. На первом этаже Президентского

дворца все утопало в осенних цветах. Их запах, кроме ошеломляющей свежести, рождал в душе еще какую-то неясную грусть. Приезжие гости сидели за белыми накрытыми столиками, составленными в виде огромной буквы «П». Много было торжественных речей и поздравлений. Гостей, собравшихся в зале, представлял Зелимхан Яндарбиев, сидящий в самом центре, рядом с Джохаром. Потом с ответной речью выступали наши гости, иногда через переводчика. Всем очень понравились теплые слова приветствия Президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова, доброжелательно выступили гости из Прибалтики, удивил несколько грубоватый юмор одиозного Жириновского. Интересно было на него посмотреть, стоило его и послушать. Казалось странным, что он, в общем-то далеко неглупый человек, намеренно играет навязанную самому себе роль или… кем-то еще?

Наш банкет затянулся надолго и начинал напоминать партсобрание. Все повторялось… Представление, поздравления и так далее, сплошные радужные краски, все, как в старые советские времена, и никто не говорил о том, как нам действительно тяжело сейчас, когда провокации российских спецслужб следуют одна за другой.

Мы находились в состоянии тайной необъявленной войны уже два года и отбивались изо всех сил… Кроме наших грузинских друзей, депутатов парламента Са-Картавело и президента Звиада Гамсахурдиа, никто еще нас не признал, все боялись России. «Ну, раз вы нас не жалеете, — подумала я, — то хоть посмеемся…» В самом конце банкета я наспех накидала на бумажной салфетке несколько эпиграмм на присутствующих и попросила Зелимхана, чтобы он дал мне заключительное слово. Благодушный Зелим, не ожидая подвоха, объявил о моем выступлении. Далекие от совершенства эпиграммы произвели то самое впечатление, которого я добивалась. Зал хохотал… Особенно веселились, услышав две последние эпиграммы, посвященные Жириновскому и потрясенному Зелимхану. Такого «коварства» он от меня никак не ожидал и больше уже не предоставлял мне слова, боясь, наверное, что я еще что-нибудь «отмочу». Только строго хмурил брови, когда я начинала «подавать сигналы», и, наверное, если бы не сидел в президиуме, то погрозил бы мне пальцем. Джохар смеялся вместе со всеми, даже холодные мраморные стены, кажется, растаяли. Гости просили меня почитать другие стихи, потом начали вспоминать ослепительные пушкинские эпиграммы и поэтические дуэли прошлого столетия. Тогда никто не читал по бумажке заранее приготовленных речей.

Наш прибалтийский гость Витас Эйдукайтис, летчик, друг и сослуживец Джохара по Тартуской дивизии, подошел ко мне и сразу предложил издать сборник стихотворений в Вильнюсе. У нас дома он увидел мои картины, и мы договорились об издании стихов и картин в одной книге и будущей презентации в Литве. Осенью в Вильнюсе открывался информационный центр, на открытие которого мы были приглашены вместе с Зелимханом Яндарбиевым. Он возглавлял нашу делегацию, в ее состав входил ансамбль песни и танца. Три дня чеченской культуры и выставка моих картин в одном из концертных залов Вильнюса привлекли всеобщее внимание.

Самыми горячими и отчаянными парнями оказались наши верные друзья из Литвы: Витаутас Ландсбергис и его товарищи по борьбе Альгирдас Эндрюкайтис, Альгирдас Потацкас, Ромуальда Гофертине, лидер партии центристов Ромуальдас Озолас. Наша дружба крепла. В представлении Чеченской Республики на международной арене все три балтийских государства действовали вместе, особенно Литва и Эстония. В феврале 1995 года парламент Эстонии рассмотрел вопрос о праве чеченского народа на независимость и выработал документ, рекомендующий правительству Эстонии при первой возможности признать независимость Чеченской Республики.

Глава 16

Джохар уже не питал никаких иллюзий относительно того, что рано или поздно чеченцам, объявившим о своем желании стать свободными, придется или погибнуть депортированными в Сибири, или сойтись в неравной схватке с российской державностью. Все заявления Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете удержать», его обещание «лечь на рельсы», если он не сдержит свое слово, оказались просто обманом доверчивых простаков, еще одним средством борьбы за власть. А в этой борьбе Борис Николаевич не гнушался ничем. Подписание Беловежских соглашений, которые денонсировали договор о Союзе лишь тремя союзными республиками, было абсолютно нелегитимным. СССР продолжал существовать до тех пор, пока в нем оставались хотя бы две республики. Мировое сообщество приветствовало этот акт, так как распадалась ненавистная всем советская империя. Но проведенный 17 марта 1991 года Всесоюзный референдум четко обозначил — подавляющее большинство населения за сохранение СССР.

Чеченский народ никогда не признавал себя частью СССР. Еще 17 августа 1917 года, за два с лишним месяца до большевистской революции, чеченцы восстановили утраченную 58 лет назад независимость, твердо заявили о своем политическом выборе. Беловежский акт славянских государств, реалии которого признало мировое сообщество, согласно международному праву, автоматически подтверждал и чеченскую независимость.

31 марта 1992 года в Москве был подписан новый федеративный договор, закрепляющий новые колониальные статусы российских народов. Чеченская Республика этот федеративный договор не подписывала. Таким образом, и de facto, и de jure, Чеченская Республика не вошла и не входит в состав Российской Федерации.

1993 год, октябрь… По приказу президента Ельцина танками был расстрелян Белый дом и находящийся в нем легитимный Верховный Совет Российской Федерации. После незаконного разгона российского парламента диктатура Ельцина расцвела красным, махровым цветком чертополоха, многочисленными шипами которого была «партия войны». В России наступил тоталитаризм… За два месяца срочно избирается новый, удобный Ельцину парламент, принимающий нужные ему законы. 12 декабря 1993 года априори Чеченская Республика стала составной частью России. Вопиющее правовое нарушение,

имеющее единственный прецедент в мире, когда Ирак, не спрашивая кувейтцев, тоже лишь по своему личному желанию, включил Кувейт в свою конституцию как одну из девятнадцати иракских территориальных провинций. Когда затем под лозунгом «Восстановления конституционного порядка» Ирак напал на Кувейт, весь мир возмутился и встал на защиту Кувейта. Но то, что в одном случае считалось противозаконным, в другом — внутренним делом России. Выходит, страх перед Российской империей сильнее закона?

Тут же после разгона российского парламента в 1993 году, в октябре, Джохар пишет дружественное письмо В.С. Черномырдину. Он надеялся, что теперь, после ареста спикера парламента Руслана Хасбулатова (чеченца, имеющего свое особое мнение относительно независимости Чеченской Республики), с Россией можно будет договориться.

«Глубокоуважаемый Виктор Степанович!

Народ и правительство Чеченской Республики убеждены в необходимости скорейшего урегулирования отношений с Россией. С октября 1991 года мы неоднократно ставили этот вопрос перед российским руководством. С большой ответственностью участвовали в имевшем место переговорном процессе. Однако не по воле Чеченской Республики желаемого успеха эти переговоры не дали. Мы считаем, что в настоящее время сложились, наконец, все необходимые условия и предпосылки для возобновления и успешного ведения переговоров с правительством России по всему комплексу вопросов, затрагивающих наши отношения на основе принципов всестороннего сотрудничества.

С искренним уважением к Вам и правительству России.

Д. Дудаев». дружбы и взаимопомощи. При этом в стратегическом плане мы не видим места Чеченской Республики вне единого экономического, политического и правового пространства, охватываемого ныне Содружеством независимых государств. Наши проекты соответствующих документов, которые могли бы стать отправной точкой для ведения переговоров, а также предполагаемый состав правительственной делегации мы через представителя Чеченской Республики в Москве передали руководству России. Будучи сторонником ясной и честной политики, стремясь восстановить и закрепить добрые отношения с Россией, от имени Правительства Чеченской Республики предложил бы правительству России приступить в ближайшее время к переговорам, отвечающим высшим интересам наших стран и народов.

Глухое молчание было ответом на его письмо. Но барьеры могли тотчас пасть, если бы только он сказал желанные слова:

«Чечня — российская». Москва ежемесячно присылала в Грозный ходоков и увещевателей: от малоизвестных Цоголоева и Аржанникова до Шахрая с Абдулатиповым, от Егорова и Жириновского до Илюмжинова с Шапошниковым. Каких только обещаний не было! Джохар оставался непреклонен: «Я исполняю волю только господина Чеченского народа, решившего быть независимым и свободным!» Сам Ельцин в прямой диалог не вступал.

Глава 17

4 января прибежал плачущий Васо, преданный телохранитель Гамсахурдиа, еле выбравшийся из Грузии с печальной вестью — из жизни ушел его президент. Он не знал, как сказать об этом Манане. Черным вестником поневоле пришлось стать мне. Я собрала друзей Мананы, и мы поехали к ней. В гневе она сначала чуть не убила плачущего Васо, отказываясь верить в самоубийство Гамсахурдиа, но потом разум и горе взяли свое, и она горько заплакала. «Это не самоубийство», — уверяла я ее. Зажатый со всех сторон войсками, он просто в очередной раз принес себя в жертву, не только спасая жизни тем немногим, которые с ним еще оставались, но и самой многострадальной Грузии.

Старший сын Звиада, семнадцатилетний Цотне, подошел ко мне и ловил каждое слово. Увидев его бледное лицо, расширенные от ужаса глаза мне стало невыносимо жаль славного умного мальчика: «Он сейчас рядом с вами и будет приходить во сне, вот увидишь, — пообещала я, когда уходила. — Только не забудь, попроси, чтобы он показал тебе, где сейчас находится, и еще никому об этом, кроме самих близких, не рассказывай».

Мы часто навещали их в эти тяжелые дни, закончилось то счастливое время, когда нас встречал сам Звиад. С грустью мы с Мананой вспоминали встречу прошлого Нового года, когда она по старинному грузинскому рецепту сама приготовила и подала к столу удивительно вкусную индейку в ореховом соусе. Звиад встречал нас тогда в резиденции вместе со своими друзьями и референтками, специально приехавшими из Грузии к новогоднему празднику, оглушительно салютуя у крыльца выстрелами из ружей. Так недавно все было…

Манана рассказала сон, который увидела незадолго до смерти Звиада: «Прямую и широкую дорогу, по которой шел Звиад, преграждал большой деревянный черный крест. Ему вручили его как величайшую награду». «А я видела совсем другое, — сказала двоюродная сестра Мзия. — Звиад метался под землей по белому холодному мраморному залу и никак не мог найти выход, а снаружи к двери зала тянулась бесконечная очередь людей, все хотели увидеть его, но не могли…» Правительственная делегация во главе с Зелимханом вылетела в Тбилиси. Начался поиск тела покойного президента…

А я снова с правительственной делегацией срочно летела в Литву, причем случилось это совершенно неожиданно для меня.

Вылетели мы рано утром 11 января, прилетев в Вильнюс, сразу попали с корабля на бал. Но все шло по заранее намеченной программе наших друзей. Сначала встреча в сейме, потом персональная выставка картин в Каунасе и презентация сборника стихов. Надо отдать должное мастерству искусствоведов Каунасского музея искусств: они очень строго отобрали картины и организовали изумительную экспозицию в небольшом круглом зале имени Чюрлениса. Это стало для меня отличным уроком на будущее. Прибалтика всегда отличалась хорошим вкусом. Презентация первого сборника стихов была организована тоже в этом же зале и прошла очень красиво. Я устала писать пожелания и автографы на раздаваемых книгах. А какие интересные там были люди! Но самое главное было потом…

В одиннадцатом часу мы вернулись в Вильнюс и вместе с делегацией пошли на площадь перед литовским сеймом. Она была переполнена народом, люди жгли большие костры прямо на мостовой. Эта ночь стала трагической годовщиной другой ночи. Ровно три года назад российские танки давили на площади безоружных, возомнивших себя свободными литовцев. Потоки крови текли по этой мостовой и, смешавшись с белым январским снегом, превращались в кровавую кашу под гусеницами танков. Они лязгали и скрежетали, как скрежетала и лязгала, стремясь перемолоть твердый прибалтийский орешек, вся проржавевшая кремлевская система… На стене, наспех составленной из бетонных вывороченных плит и опутанной колючей проволокой, навечно остались фотографии погибших защитников сейма, свободного сердца Литвы. Чеченскую делегацию огромная толпа встретила овациями. «Чечения! Свобода!» — скандировал народ. Мы прошли к большому пылающему костру, огромные красные языки пламени, отражаясь на мокром асфальте, напоминали мне потоки пролившейся крови. Закончилось выступление еще неизвестного нам литовского поэта. Когда очередь дошла до нас, я прочитала совсем короткое стихотворение, написанное мною в Эстонии сразу после той кровавой январской ночи, годовщину которой,'отмечали сейчас.

Тяжелая десница…

Были! Лица, лица — цепь сердец. И цепь рук —
Из края в край и из конца в конец.
Сиянье глаз и губ дыхание одно —
Свободы сладкий миг забыть не всем дано.
Кровавых революций страшен след

Поющей, только в сердце, но навек!
А теперь где эти песни? Позади!
Тяжела десница — танком по груди.
Грозный царь в Кремле —
Как ворон на часах,
Тишь… и мальчики кровавые в глазах.

РЕКВИЕМ

Первому президенту Грузии, благородному Звиаду Гамсахурдиа посвящается…

Как наши речи многословны,
Деянья наши так легки,
Застыли белые колонны
И черный шелк из-под руки
Течет на бледный лоб Звиада,
Лоб гуманиста и творца,
Какая жалкая награда
В конце — улыбка подлеца!
Ваш агнец, первый президент,
Его конец — святой венец
Всей жизни, в ссылках и изгнаньи,
Что есть завистники страданью,
Мученьям, смерти… Тоже есть!
На свете подлецов не счесть,
Когда защита — только честь!
Да, только честь ему порукой,
Честь не отнять, не запятнать,
И Богу свечка не поможет,
И на свою не обменять.
В чем грех? России непокорство,
Любовь к Свободе. Ах, Звиад!
Не знал, не ведал ты притворства
И от людей не ждал наград.
А Грузия, любовь твоя,
Вернулась на круги своя.
Он заколдован, этот круг,
Им правит много грязных рук
И не уйти вам никуда,
Пока по вкусу та еда,
Которой кормят вас сейчас.
Но верю, что наступит час,

Когда мать Грузия с лица
Сотрет улыбку подлеца.

В литовских школах был объявлен конкурс на лучший рисунок, посвященный этому событию. И, к несказанному удивлению, дети нарисовали мое стихотворение. Волшебный круг любви и дружбы из маленьких красных сердечек, крепко взявшихся за руки, опоясывал все Прибалтийские республики, отделяя их от ощетинившейся черными стволами танков России. Память президента Гамсахурдиа вся Литва почтила минутой молчания. Потом я прочитала «Реквием», посвященный памяти трагически погибшего первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа. Наша делегация уходила, окруженная всеобщей любовью, кто-то из толпы протянул мне яблоко, еловую веточку, какая-то женщина погладила по спине и сказала: «Держитесь! Мы с вами!» В Грузии, наконец, нашлись люди, взявшиеся показать тщательно скрываемое место последнего прибежища президента Гамсахурдиа. Надо было исполнить последний долг перед его памятью и перевезти тело для официальных торжественных похорон в Ичкерию. Но никто, кроме наших верных друзей из Литвы, не отважился на такое опасное путешествие.

В середине февраля чеченская делегация во главе с Зелимханом Яндарбиевым и представителями Литвы Ромуальдой Гофертене, А. Патацкаса, В. Эйдукайтиса вылетела в Тбилиси. Там к ним присоединилась грузинская делегация, в состав которой входили академики, близко знавшие Звиада Гамсахурдиа. Потом уже все вместе вылетели в Зугдиди и, пересев на вертолет, прилетели в село, название которого проводник не говорил, а показывал маршрут полета к нему. В простом сельском доме, под большим навесом крестьянина Зарандия, в углу, делегация зафиксировала место временного захоронения Звиада Гамсахурдиа. Выкопали гроб, президента опознали, сомнений больше не оставалось. Похороны были назначены на 24 февраля 1994 года.

23 февраля исполнялось ровно 50 лет депортации чеченцев и ингушей, эту трагическую годовщину Джохар хотел сделать Днем национального возрождения. К этому дню полностью завершили мемориальный комплекс из чеченских белоснежных чуртов. Это был незабываемый, грустный день. Люди нескончаемым потоком шли и шли из разных уголков Чечни, приехали почтить память павших и Звиада иностранные делегации и гости с Кавказа и из России. Со слезами огромная толпа слушала речь Джохара, а он в этот печальный день говорил такие удивительные слова:

«Десятилетиями нас заставляли плакать и скорбеть над преступлениями, которых мы не совершали. До каких пор мы будем плакать и хоронить, хоронить и плакать! Когда же, наконец, наступит тот счастливый день, когда мы будем жить и радоваться всему, что нас окружает, — смеху детей, синему небу, солнцу над головой? Когда мы будем радоваться самой жизни? Хватит траура и печали, его на долю наших отцов и нашу долю и так выпало немало! Пусть 23 февраля, день скорби, отныне станет Днем национального возрождения. Мы построим дворцы, посадим деревья и превратим нашу родную землю в один цветущий сад, в котором будут жить только счастливые люди!»

В два часа дня на военном лафете торжественный почетный караул сопроводил тело первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа в холодный белый мраморный зал Президентского дворца. Там состоялась гражданская панихида и прощание. И напрасно недовольные, тайно подстрекаемые ФСК за спинами собравшихся тихо говорили о том, что священная мусульманская земля не должна принимать тело неверного, христианина. Люди хорошо знали этот северный ветер с российских равнин, который, кроме горя, ничего и никогда не приносил чеченскому народу. И эта священная земля, с которой ровно 50 лет назад один грузин, гений зла, выслал весь непокорный чеченский народ, сейчас, ровно через 50 лет, приютила и приняла в свои материнские объятия другого грузина, изгоя-президента, которому на всем земном шаре никто больше не осмелился предложить место для последнего приюта. Только Ичкерия дала его телу благословенный покой.

К сожалению, ни одной страной не был услышан призыв Папы Римского. В своем обращении он призывал признать государственность Чеченской Республики, по достоинству оценив благородство и гуманизм ее правительства и народа. Впервые в истории на мусульманской земле отдавались высокие почести христианину.

Кавказцы! Нахи и иберы!
Храня тысячелетий груз,
Мы жить должны единой верой,
Скрепляя давний наш союз.
Послушайте нас, картвелы!
Хотя наш нрав порою крут,
Собратьям доверяйте смело —
Дзурзуки вас не предадут.
И несмотря на все преграды,
Сквозь тернии и сквозь огонь

К руке достойного Звиада
Джохар тянул свою ладонь.

Зелимхан Закариев

Дул пронизывающий порывистый ветер с дождем и снегом. Джохар стоял на высоком помосте, принимая военный парад. Прижимая руку в белой перчатке к виску, он отдавал честь. Его лицо порозовело от ветра, кожаный тонкий плащ блестел от дождя, синяя фуражка промокла и потемнела. Но глаза на суровом лице были печальными. Одной из первых, четко отбивая шаг, прошла президентская гвардия, потом подразделение по борьбе с организованной преступностью Ислама Дадалаева, все, как один, в только что сшитых серых черкесках. Потом Галанчожский полк, Шалинский, Афганский батальон, Абхазский, части МВД, ДГБ, чеченский ОМОН, призывники и так далее. Когда пошла военная техника, иностранные корреспонденты протиснулись поближе. После бронетранспортеров и танков поехали машины с боевыми ракетами ПВО (впоследствии, в самом начале войны, они были разграблены и вывезены гантемировской бандой в Надтеречный район). Российские СМИ тут же заявили, что Джохар Дудаев, демонстрируя военную силу, запугивает Россию.

А на следующий день, 24 февраля, после прощания с телом хоронили первого президента Грузии, благородного Звиада Гамсахурдиа под руководством главы грузинской церкви, в присутствии сотни его соратников и приехавших из Грузии друзей. В последний путь его провожал весь чеченский народ. Звиада Гамсахурдиа похоронили возле резиденции, в которой он жил. Многие выступавшие плакали и не скрывали слез… В этот день Джохар Дудаев похоронил своего верного друга и учителя. Я прочитала реквием, посвященный Звиаду. Он не мог вырваться из холодного мраморного зала, как и в вещем сне Мзии, как и в ее сне, такая же длинная очередь людей стояла к нему. От нас ушел благородный Атос, один из двух последних мушкетеров нашего времени, как называла Звиада и Джохара Валерия Новодворская.

Старший сын Звиада Гамсахурдиа, Цотне, рассказал мне свой сон, в котором через месяц после гибели увидел отца в своей комнате. Вспомнив мой прощальный совет, он попросил показать, где тот сейчас находится. Отец взял его за руку, и они, пролетев вместе через потолок, поднялись выше и летели до тех пор, пока не оказались в огромной полукруглой аудитории. Высоко на кафедре Цотне увидел необыкновенного человека, сияющего ярче солнца, — видимо, это был сам Всевышний. Из-за ослепительного

сияния на него невозможно было смотреть. Семь рядов полукругом окружали кафедру, на них сидели светящиеся люди, и чем выше были ряды, тем больше люди походили на сияющие шары и тем меньше их становилось. На первом, втором ряду их было всего по два, три шара.

А ты в каком ряду сидишь? — спросил Цотне Звиада.

На самом последнем, седьмом.

А почему ты не светишься?

Когда туда сяду, засвечусь.

Цотне понял, его отец Звиад сейчас — почтительный и смиренный ученик у самого Всевышнего.

Глава 18

В конце февраля прилетел белый журавль с серыми крыльями и красным клювом и сел прямо в подтаявший снег к нам во двор. Стаи журавлей, устало кружась, исчезали, приземляясь где-то далеко на окраинах. Яркое солнце, отражаясь в синих зеркальных лужицах на асфальтовой мокрой дорожке, сверкало в каждой капле падающей с крыши весенней капели. Наклонились мокрые ветки яблони, ажурной сеткой серебрился тонкий кустарник малины. Наш тающий под солнцем дворик сразу превратился в волшебный сказочный сад. Журавль, потряхивая крыльями, важно прогуливался по дорожке, нагнувшись, пил, постукивая красным клювом, прозрачную талую воду из синей лужицы. Капли стекали по его клюву и падали, звеня, разбиваясь на мириады солнечных осколков. Посмотреть на это чудо пришли даже соседи: «Это к добру», — радовались они вместе с нами после долгой, полной утрат зимы.

В этот же день пришел соседский мальчик и рассказал, что двое мужчин на белой «Волге» спрашивали, в какой школе учится младший сын Джохара. В прошлом году с 3-го курса Московского автомеханического ститута срочно пришлось забрать старшего, Овлура, после того как неизвестные люди пришли в деканат и, предъявив удостоверения, конфисковали все его документы вместе со школьным аттестатом. Несколько дней я не пускала Деги в школу, но потом, после многочасовых «инструкций» все-таки пришлось разрешить. На обратном пути из школы дорогу перегородила неизвестная белая «Волга». За рулем сидел рослый мужчина в синей спортивной куртке, второй, вооруженный автоматом, уже было вылез из нее, но, увидев, что вся наша машина, как коробочка маковыми зернами, до отказа заполнена детьми, сел обратно в «Волгу», и они быстро уехали.

В феврале я прочитала статью, кажется, в «Известиях» о пяти возможных вариантах действий России в нашей республике. Первый и второй варианты были вполне приемлемыми, над пятым мы просто посмеялись. В нем говорилось о засылке российских террористов и организации ими многочисленных терактов, начиная со взрыва электростанции, захвата телевидения, которые могли привести к войне с Россией. «Какие у России террористы? — недоумевала я тогда. — Где она их возьмет? И как можно большой России перед всем миром воевать с маленькой Чечней, засмеют!» Газету я отложила в тумбочку и сохранила на всякий случай, но с февраля 1994 года события в нашей республике начали разворачиваться именно по пятому

варианту. Уже осенью мы вспомнили про газету. Джохар отнес ее в Реском и, показывая российским журналистам, в одном из своих интервью с горечью комментировал: «Мы тоже не верили! С нами войну начали не наемники, не оппозиция, с нами воюет сама Россия, только раньше ее война была тайной».

В начале мая в Чеченскую Республику приехал освобожденный из тюрьмы и пьяный в стельку Руслан Хасбулатов. В таком состоянии его встретили посланные от правительства Мавлен Саламов, А. Акбулатов и его родственники. Хасбулатов, выступая на митинге, рекомендовал чеченскому народу вернуться в лоно империи. От России прозвучал очередной ультиматум: взять за основу договор, подписанный Татарстаном, только тогда возможна встреча двух президентов — Д. Дудаева и Б. Ельцина. По свидетельству Руслана Абдурзакова, 12 мая 1993 года он вместе с делегацией от Министерства иностранных дел, по распоряжению Джохара, вылетел в Москву и передал пакет документов из 11 пунктов о совместном использовании воздушного пространства, автомобильных дорог, железнодорожного транспорта, авиации, армии и так далее, но ответа не последовало. И кроме него посылались дополнительно парламентарии для переговоров. Шахрай, Филатов и многие другие, ориентирующиеся на прежних ставленников — завгаевых, Хаджиевых, видимо, никого не допускали к Президенту РФ.

В эти же дни Джохар занимается укреплением силовых структур. Министром МВД назначается Магомед Эльдиев, бывший во главе учреждений исполнения наказаний. Он сразу взялся за дело, дисциплина в МВД улучшилась.

В Грозном успешно прошла организованная Джохаром международная конференция, посвященная 130-летию окончания Русско-кавказской войны и 50-летию депортации чеченцев и ингушей. Конференция основывалась на трудах Абдурахмана Авторханова и называлась «Народоубийство в СССР: идеология, политика, практика». Приехало много видных ученых из-за рубежа. После всех выступлений и докладов были продемонстрированы материалы о геноциде ингушского народа в 1992 году, показаны зверства над боснийскими мусульманами.

Под весенним пригревающим солнцем самой первой расцвела нежными розовыми цветами коричневая ветка абрикоса на южной подветренной желтой стороне нашего дома, хотя все дерево еще больше недели оставалось прежним. Только разбухшие, готовые вот-вот лопнуть и распуститься бордовые почки выдавали, какая тайная жизнь пробудилась и уже рвется наружу. Сдерживали ее временные холода. Весенний ветер реял над землей. Вдоль стен дома из черной растаявшей земли неожиданно показались узкие,

как ножи, листья красных тюльпанов, потом выстрелили и рассыпались желтые и белые нарциссы, голубые и розовые гиацинты. Лесные ландыши расцвели и смешались с низко опущенными цветущими ветками деревьев, зелеными листьями винограда, молодой, блестящей на солнце травой. Все вокруг цвело и благоухало.

А по ночам стреляли и взрывались на площадях и скверах подвешенные к старинным чугунным решеткам или прямо к деревьям мины, подрывные устройства (с номерами последнего российского производства, которые должны тщательно храниться и выдаваться только под расписку вышестоящего начальства). Россия оказалась тем государством-террористом, существованием которого запугивала свой народ и весь мир. Все шло по ее заранее расписанному сценарию.

Глядя в бездонное, почти сапфировое небо, я загадывала, будет ли война. Не верилось, что она совсем рядом. Весной особенно не хочется умирать. Самая стабильная республика в постсоветском пространстве постепенно, медленно, но уверенно превращалась в ад. После августовского путча ГКЧП начался развал СССР и дележ все и вся. У Кремля была своя программа: нужно было развалить одну из самых сильных армий мира, ввергнуть страну в хаос, поставить нужных себе людей у власти и потом бесконтрольно обогатиться за счет российского народа. По тем же кремлевским карманам разделили деньги, вырученные за реализацию оружия, оставленного при выводе советских войск из Германии, — миллиарды долларов. Эти деньги надо было списать, что и явилось одной из причин начала первой российско-чеченской войны. Вторая цель — показать свободолюбивым государствам СНГ и остальным республикам России, чего им может стоить свобода помимо воли Кремля.

«Но глубинные причины будущей чеченской войны — это российская нефтяная мафия (РОНЕМА), основными представителями которой являются «Лукойл» и «Транснефть». За экспортерами российской нефти и нефтепродуктов стоят уже размытые личности из западных импортеров российского сырья, акулы мирового бизнеса. За этими структурами скрываются вовсе анонимные, денежные тузы международной денежной олигархии. И в самом конце те, кто определяет политико-экономическую погоду на Земле, те, кто гигантским давлением своих огромных капиталов заставляет ужесточенно работать механизмы по откачке российских природных ресурсов, кому нужна слабая сырьевая Россия, кто устанавливает сейчас на планете так называемый «новый мировой порядок», кто отвел России место европейского пасынка. Вот где глубинные причины чеченской войны,

и никакими российскими национальными интересами тут и не пахнет. Давление приходит к нам из-за рубежа, и оно способно определенное воздействие внутри России! Значит, управляя оттуда давлением, можно здесь регулировать и контролировать ситуацию. Таким образом, мы имеем чудовищный окончательный вывод: режим Ельцина управляем извне России. Сегодня мы можем назвать и главных "лоббистов" РОНЕМЫ: Сосковец и Коржаков.

Эти инициативы не оставались незамеченными и для чеченской стороны. Служба внешней разведки Дудаева — ЗАЗА — отслеживала многие «движения» в Москве. Представители Дудаева шли буквально следом за РОНЕМОЙ, выходили на тех же «топ-людей», вплоть до Черномырдина, пытались образумить, переубедить. Уже буквально накануне войны состоялись переговоры с Лужковым, Коржаковым… Мне пришлось однажды случайно быть свидетелем того, как Удугов объяснял по оказывать определенное воздействие внутри России! Значит, управляя оттуда давлением, можно здесь регулировать и контролировать ситуацию. Таким образом, мы имеем чудовищный окончательный вывод: режим Ельцина управляем извне России. Сегодня мы можем назвать и главных «лоббистов» РОНЕМЫ: Сосковец и Коржаков. телефону Александру Коржакову, что Москва делает непоправимые ошибочные шаги, как намекал на РОНЕМУ, как предостерегал и предлагал, но, к сожалению, то ли Коржаков не понял, то ли не захотел понять.

Те, кто издалека дергал за ниточки в Кремле, заставили первых лиц в своих странах громогласно заявить: «Чечня — сугубо внутреннее дело России». Именно они наводняли Чечню в течение трех лет перед войной десятками и сотнями своих экспертов, вынюхавших в республике абсолютно все! И какой потенциал вооружения, и каков дух и настрой людей, и многое-многое другое, столь необходимое для объективных оценок… Они — в отличии от наших — все подсчитали. Скрупулезное, анатомическое исследование западных специалистов дало четкий прогноз и рекомендацию лидерам этих стран: «Если Россия начнет войну в Чечне, подобно Афганистану, она завязнет надолго. Два-три года достаточно, чтобы экономически подорвать Россию, поэтому нужно ее всячески к этому стимулировать» (из откровений сотрудника посольства США в Москве). Впоследствии, к сожалению, так и произошло».

Александр Краснов

Мифы и реальность вокруг Чечни. Москва, март 1996 г.

25 мая в день рождения Деги с поздравлениями приехала Тамара Хасанова. Мы завтракали в нашем саду. Она привезла праздничный красивый торт и огромный букет красных гвоздик. Потом попросила Джохара сесть рядом с Деги, поставила в центре между ними букет гвоздик и уже совсем было приготовилась фотографировать, как я ее остановила. Мне стало страшно. Как будто на какое-то мгновение я вдруг увидела каменный монумент отца с сыном и букет красных, как взрыв, гвоздик между ними. Я пошла в зал и принесла оттуда вазу с бело-розовыми пионами. Окружила ими гвоздики, и букет сразу «повеселел», из траурного стал праздничным. «Теперь можешь снимать», — с легким сердцем сказала я Тамаре.

Покушения на президента следовали одно за другим, но Джохар воспринимал их спокойно, как неизбежное зло. «Я встал на опасный путь, обратной дороги нет, — нередко говорил он. — Свобода — вещь дорогая, за нее надо платить, иногда своей жизнью…»

В 1993 году был первый обстрел его кабинета в Рескоме со стороны здания МВД. Пулеметными очередями разбили окна, но Джохар остался невредим, только переставил свой письменный стол и стулья, раньше он работал около окна.

В другой раз его чуть не отравили, когда он был в гостях и сидел за столом между американским гостем и переводчицей Айзан Абасовой. (Как могла она оказаться в Президентском дворце рядом с Джохаром? Двумя годами раньше отсидевшая в тюрьме, с 1990 года сотрудник КГБ, девичья фамилия — Маймонт. Сейчас живет в Москве.) Спасло Джохара лишь то, что он всегда умерен в еде и в тот раз ел очень мало, а кофе выпил только полчашки.

В 1994 году, летом, в 10 часов вечера был запущен противотанковый управляемый снаряд, пробивающий броню на 90 сантиметров, из Микрорайона (Ленинского района улицы Первомайской). Совершенно случайно снаряд не попал в окно его кабинета, потому что провод, по которому поступает сигнал для управления, зацепился за дерево — снаряд ушел вверх и не достиг цели, а задел только карниз крыши и потом разлетелся над зданием Рескома, как праздничный фейерверк. Джохар в это время находился в своем кабинете, остальные уже спустились вниз. По деталям снаряда поняли, что это — ПТУР «Фагот». По проводу определили место, откуда был выпущен снаряд. Наша жизнь и смерть — все в руках Всевышнего!

Через день, 27 мая, мы поехали в Закан-Юрт. С 1989 года Джохар строил в этом селе дом для нашей семьи, десять лет собирал строительный материал. Доски были из Сибири, первый

этаж сделан из прибалтийского серого кирпича, второй из обыкновенного, грозненского. Все купчие на эти ценные приобретения им бережно хранились в отдельной папке. А как он мечтал о доме в далекой Сибири! Нередко, усталый, после службы чертил проект дома и мечтал. Это занятие заменяло ему самый лучший отдых. Как синьор Тыква из итальянской сказки про Чиполлино: покупая по кирпичику в год, он строил домик всю жизнь.

Последнее время мы часто ездили в Закан на отдых и заодно посмотреть, как идет строительство. Место было красивое, рядом протекала река Асса с заросшими высокими деревьями, зелеными берегами.

Выходной день 27 мая вместе с охраной мы провели на берегу реки. Но если раньше мы располагались прямо напротив нашего дома, под одиноким густым деревом, корни которого омывала стремительно бегущая вода, то теперь переменили место. Машины, обогнув выступающий песчаный обрыв, спустились в глубокую пойму реки, заросшую кустарником и густым лесом.

Там, под тремя высокими серебристыми тополями, Джохар лег, заложил за голову руки и сразу заснул. По камешкам рядом журчала вода в реке, неумолкающе лепетали листья тополей, а он спал невинным сном младенца до тех пор, пока я не позвала к костру, к расстеленному на траве брезенту.

Через несколько часов в глубокой пойме начало быстро темнеть, мы поднялись на поляну перед самым домом. Синие майские цветы покрывали зеленые лужайки по берегам реки, вдалеке виднелись белоснежные вершины гор. Ветер доносил волнующие легкие запахи цветов, травы и листьев. Сельские мальчишки начали ловить рыбу на самодельной речной запруде.

Неожиданно приехал на машине Вати, он был на стройке первый раз, недовольно посмотрел на недостроенный дом и быстро уехал. Потом приехали на черной «Волге» новый министр МВД Магомет Эльдиев с Сайд-Али Батаевым, за рулем сидел молодой двоюродный брат Батаева. Долго ужинали они с Джохаром на высоком берегу реки, на расстеленном зеленом брезенте, обсуждая детали «очередной» передачи российской стороне террористов, угнавших вертолет в Минводах, пытавшихся скрыться в нашей республике. Операция прошла удачно. В момент ее проведения выявились интересные детали, о которых Магомет Эльдиев хотел лично рассказать президенту. Джохар весело смеялся, слушая его донесение. Наконец-то во главе органов милиции появился достойный и мужественный человек. За МВД Джохар был теперь спокоен.

Уже почти стемнело, появилась первая звезда. Громкоголосый хор лягушек в зеленой пойме реки завел свою нескончаемую весеннюю песнь, когда мы тронулись в путь. Из-за темноты я не заметила, в какую машину сел Деги. Мы ехали с Зиночкой и Бэлой, молодой женой Овлура, в пятой машине, за рулем сидел Магомет Хачукаев. Всего было шесть или семь машин, в таком количестве мы в Закан еще никогда не приезжали. Вместо черного президентского «Мерседеса», обычно двигавшегося сразу за белым милицейским «Фордом» с голубой полосой по борту и «мигалкой», второй машиной в нашем кортеже ехала черная служебная «Волга» нового министра МВД Эльдиева. Друзья сотни раз твердили Джохару: «Меняй место!» Все, даже заклятые враги, знали, что его машина всегда идет второй. Но он не привык прятаться за спины других, и если бы каждый раз милицейская машина с Рукманом за рулем молниеносно не обгоняла срывающийся с места «Мерседес», его машина шла бы первой.

Вереница машин летела по темнеющей под колесами проселочной дороге, сизый воздух за стеклом окружал нас плотной завесой, облака и деревья в бешеной пляске проносились мимо. Какая-то непонятная легкость овладела нами, пропала тяжесть, давившая души уже третий год, исчезли все опасения и тревоги. Мы летели, как на крыльях, освободившись от всего, и пели любимые песни, громко пели, кто как мог, в эти странные минуты незабываемой легкости на душе.

Вдруг само небо огненной стеной раскололось в центре кортежа прямо перед нами и пошло шквальной полосой куда-то вверх и в степь. Сначала я подумала, что взорвался нефтепровод, пересекающий трассу, — в такие моменты в голову приходят совершено неожиданные мысли. Магомет мгновенно выскочил из машины и побежал куда-то вперед. «Джохар! Что с ним? Где Деги?»

В степи сразу наступила томительная тишина, только бешено колотилось сердце, и его удары колоколом отдавались в ушах. Невдалеке Джохар, окруженный личной охраной, вышел из черного «Мерседеса» на дорогу. Я увидела его встревоженное, посуровевшее лицо и побледневшие лица ребят. Они смотрели в сторону густой лесополосы с правой стороны дороги. Послышались автоматные очереди. Прибежал, пригибаясь, Магомет: «Что сидите? Слышите, стреляют. Выходите из машины, может взорваться. Отойдите подальше и ложитесь на землю». «Где Деги?» — успела я спросить у него. «Пошел искать», — и Магомет опять исчез. Мы вылезли из машины и, пригибаясь так же, как Магомет, быстро легли на заросшую травой насыпь,

полого спускающуюся к лесополосе.

Слышались быстрые' громкие выстрелы, но кто откуда стрелял, было совершено непонятно. К тому же было плохо видно, потому что смотреть приходилось, поворачивая голову. «Может быть, нам наоборот лечь, — предложила я. — Но тогда мы будем лежать вниз головой и в траве совсем ничего не увидим…» Снова прибежал Магомет: «Вы как легли? Готовые мишени! Надо же было на ту сторону перейти! Садитесь в машину!» Мы быстро сели опять в машину и поехали мимо всех наших машин. «А где Деги?» — снова спросила я у Магомета. «Он был с Рукманом, а теперь в «Мерседесе»». Проезжая мимо большой воронки и милицейского «Форда» Рукмана, я ужаснулась. Машина походила на сплющенную покореженную консервную банку. Как Деги мог уцелеть в ней? На огромной скорости наша машина понеслась впереди кортежа. «Магомет, что с Рукманом?» — «Остались ребята на двух машинах, его сейчас ищут в траве». Бедный наш Рукман! Жив ли он еще?

Так быстро мы еще никогда не ездили. Магомет приказал всем спрятаться, потому что нас могли снова обстрелять. Бэла забилась чуть ли не под самый низ капота, где шепотом быстро молилась и тихо плакала. Мы с Зиной пригнулись на заднем сиденье так, чтобы нас совсем не было видно. Магомет одной рукой держался за руль, а другой — за рацию, в которую начинал громко говорить всякий раз, когда мы проносились мимо постов ГАИ: «Всем постам! Всем постам! Совершено покушение на президента. Немедленно выехать на место происшествия!»

Что случилось, мы узнали только дома, я наконец-то смогла обнять своего Деги. Операция готовилась заранее. На обочину дороги была поставлена легковая заминированная машина, издалека управлявшаяся террористами. Она должна была взорваться, как только рядом окажется вторая черная машина с президентом. Если бы эльдиевская черная «Волга» не заняла в кортеже место «Мерседеса», на воздух взлетел бы президент. Погибли Магомет Эльдиев, его заместитель Сайд-Али Батаев и его младший брат, сидевший за рулем машины. Ближе всех к месту взрыва оказался милицейский «Форд» Рукмана. Деги сидел на заднем сиденье и видел все, что происходило сразу после оглушительного взрыва. Части горящей «Волги», поднимаясь, мгновенно разлетались в воздухе. На Деги посыпались осколки разбитого стекла, что-то застучало по обшивке машины. Он забился под сиденье и увидел, как Рукман начал «вылезать» в открытое окно. И только когда сапоги Рукмана, зацепившись за дверную раму, потащили за собой дверь, а потом и сама дверь, вдруг оторвавшись, полетела вслед за Рукманом, наконец, понял,

что случилось. Какое-то время машина неслась без управления, пока сидевший рядом гвардеец не перелез на место Рукмана, не перехватил руль и не остановил машину. Позже Рукмана нашли лежащим без сознания в 60 метрах от дороги. Следующей, третьей по счету, машиной был президентский «Мерседес», который во время взрыва приподняло в воздух, на огромной скорости он перемахнул большую воронку, мгновенно образовавшуюся посередине дороги, и въехал в черное облако дыма и обрушившихся на него сверху комьев земли. И вдруг из этого черного дыма показалась фигурка медленно бредущего маленького Деги, которого вел к Джохару гвардеец. Они оба были в крови и в осколках стекла. Итак, Деги был в первой, Джохар — в третьей машине, и взрыв, как букет красных гвоздик, между ними!..

В республике начала действовать неведомая сила, которая организовывала побеги из тюрем, антиправительственные митинги, бандитские группировки. Работа этих группировок усиленно поддерживалась оружием и финансами из России. Одной из самых одиозных была фигура Руслана Лабазанова (полковника ФСК, с момента ввода российских войск воевавшего на стороне российской армии). Лабазанов, обыкновенный уголовник, был завербован и освобожден из камеры смертников в Пятигорске для выполнения особого задания ФСБ. Он пытался приблизиться к Джохару под видом друга командира президентской гвардии, которым к тому времени стал уже Абу Арсунукаев.

В один из весенних дней его люди появились у нас дома с предложением помочь милиции, которая явно не справлялась со своей задачей. Группировка называлась «Серые волки». Джохар, как всегда, отреагировал четко: «Волков у нас своих хватает. Но если действительно хотите помочь, вставайте в строй государственных правоохранительных органов и работайте на здоровье». «Волки» в растерянности отступили, в общем строю им работать явно не хотелось, тем более подчиняться кому бы то ни было.

Спустя какое-то время прошел слух, что у нас в Чечне появился новый Робин Гуд, защитник слабых и угнетенных. Российские СМИ усиленно раздували и поддерживали эту очередную провокацию, одновременно утверждая, что Робин Гуд — бандит с большой дороги. Если у кого-то крали автомобиль, немедленно появлялся Лабазанов, договаривался с потерпевшими хозяевами и… угнанная машина возвращалась на место, а известная мзда шла к нему в карман. А так как угоны машин подозрительно участились, его бизнес процветал. Он участвовал в

разборках, применяя силу, когда надо было заставить должника вернуть деньги, и страх перед его вооруженными людьми бывал сильнее судебных инстанций.

Полный беспредел начался, когда трех лабазановцев посадили в ДГБ (Департамент государственной безопасности). По всему городу разъезжали лабазановцы на «Джипах» с ручными пулеметами и АГСами (автоматическая гранатометная система), демонстрируя силу и полное пренебрежение к государственным органам. Бандиты поставили ультиматум, что разнесут ДГБ, если не выпустят их товарищей. Джохар на совещании приказал: «Арестовать Руслана Лабазанова», и все силовики его поддержали. Но из-за утечки информации уже через полчаса Руслан узнал о готовящемся аресте и забаррикадировался в 4-м микрорайоне. На крышах высотных домов расставили снайперов и пулеметчиков, приготовившись дать бой законной власти. Началась операция по обезвреживанию банды в четыре часа утра и длилась до обеда. Большая часть бандитов была обезоружена и взята в плен. Сам Лабазанов бежал, бросив своих товарищей. Позднее, во время Российско-чеченской войны, машины Руслана беспрепятственно пропускали на дорогах все российские блокпосты. Его позывной в ФСБ был, кажется, «семнадцатый». Впоследствии он был убит своим другом и «правой рукой» во время денежных разборок.

Глава 19

В конце мая после четвертого покушения на Джохара я решила снова написать его портрет. Но эта работа продвигалась очень медленно, я писала его по фотографии и преимущественно поздними вечерами. А так как по ночам у нас все чаще взрывали и стреляли, моя тревога усиливалась и, видимо, передалась картине. Джохар на ней получился с очень бледным лицом и печальными серьезными глазами. За ним туманный зеленовато-голубой земной шар с маленькой Чеченской Республикой между Черным и Каспийским морем, сгорающей в пламени огня. Красные подтеки кадмия кроваво стекали вниз… Атам, внизу, в бешеной пляске под дьявольскую скрипку танцевали и радовались какие-то странные колдовские существа, те тайные силы, которыми затевалась и управлялась будущая война. Джохар, в черной шляпе и таком же костюме, на зеленом фоне чеченского развевающегося знамени смотрел прямо перед собой, туда, где совершенно неожиданно для меня появились белые худощавые всадники на белых конях… Всем своим обличьем они напоминали фигуры, виденные мной раньше на плакатах и рисунках. Один из них, под названием «Голод в Поволжье», напоминал бегущего и кричащего старика в белой рубахе. Второй рисунок — тоже старика, но чеченского, скачущего на лошади с возгласом «Орцдала!» (тревога).

Откуда они появились? И почему на зеленом фоне чеченского знамени? Мне они показались там совершенно неуместными, и я, к величайшему сожалению, постаралась их затереть кисточкой, — кое-какие линии все-таки остались. Но не зря, оказывается, Джохар на картине с таким вниманием и так пристально смотрел на них, словно ждал ответа. Старики действительно появились перед ним, потом, в самое трудное для него время, и отвечали на его вопросы.

Я писала эту картину все лето 1994 года, в три раза дольше когда-либо написанных мною картин. А когда все уже было закончено, обвела по контуру профиль Джохара, его шляпу, плечи и руки чистой светлой краской, которая сразу же «засветилась» и отделила его от остального фона. Ни один портрет ни до ни после я «светом» не обводила. И опять я не знала, почему я это делаю. Лишь будущее дало ответ жизнью и Кораном: «Позавидуют Вам пресвятые мученики и пророки, лица ваши будут из света и одежда из света…»

Пришел Джохар, посмотрел на портрет и спросил: «А почему эта дьявольская «шушера» внизу?» — названием «силы» он

никогда ее не удостаивал. Я отвечала, что все получилось само собой, по композиции. Кровь течет вниз, они ее ждут и ей радуются. Темные силы всегда внизу, а светлое, Бог — наверху.

Потом очень быстро, уже перед самой войной, была написана еще одна, уже голубая картина, которую я подарила умнице и красавице Райзан, верному другу нашей семьи. На ней, кажется, опять получилось то, что нас ожидало: заснеженные горы, синий полумрак, солнце уже село. Вереница всадников уходила по камени- стой тропе в высокие горы. Их лиц не было видно, только спины в черных бурках и кони. Все, что с нами случилось потом, напоминало невероятный, тягостно долгий сон, подобное ощущение вызывала и эта картина. Но «спины» обозначали будущее, а горы — препятствия. Великие испытания ожидали нас на трудном каменистом пути, и все-таки всадники взбирались на эти белые горы.

25 июня 1994 года на заседании Совета Безопасности было принято решение о строительстве памятника «Павшим во время газавата в период Большой Русско-Кавказской войны» в местечке Кхоъжалгин — Дукъ (Багорный хребет). На этом хребте была разгромлена тридцатитысячная российская армия 150 лет назад.

В декабре 1844 года наместником Кавказа и командующим отдельным Кавказским корпусом был назначен герой Отечественной войны 1812 года генерал-адъютант граф Воронцов. Он получил неограниченные полномочия, огромные силы, перед ним была поставлена извечная задача — покорить горцев. Жаждущий лавров победителей, к Воронцову потянулся цвет воинства Российской империи.

В начале июля пушечным выстрелом генерал Бебутов сообщил, что он на хребте Речел, на границе Чечни и Дагестана, с припасами для отряда Воронцова. Воронцов выслал навстречу половину своего отряда во главе с Клюге фон Клюгенау, авангардом которого командовал Пассек. Чеченцы только этого и ждали. Отряд встретили чеченцы под командованием Талгика. Бой длился 12 часов и закончился полным поражением отряда Клюге фон Клюгенау. Потеряв 1700 солдат и офицеров, Клюге фон Клюгенау смог прорваться назад в Дарго. Среди убитых были генерал Викторов и генерал Пассек, которого за военный талант называли вторым Суворовым. После такого жесточайшего разгрома Воронцов приказал Бебутову отходить с обозом от Чечни и следовать по Дагестану в Темир-Хан-Шуру, а свой отряд повел 13 июля вниз по реке к крепости Герзель. Чеченцы все время нападали, в этих боях были смертельно ранены граф Бенкердорф, граф Гейдель, граф де Балмен, князь Эристов, барон Дельвиг, полковники Бибиков и Завалийский. У чеченцев погибли

наибы Саиб Эрсеноевский и Эльдар Веденский. Воронцов никак не мог пробиться к Герзелю, продвижение значительно увеличивало потери. И он решил на подступах к Шовхал-Берды дожидаться помощи Фрейтага. С такой просьбой к Фрейтагу были посланы лазутчики.

Отряд Воронцова таял, Герзель был рядом, но недосягаем, насчитывалось много заболевших, раненых. И главное — беспрерывные нападения чеченцев. Наконец, 18 июля Воронцов услышал выстрелы и пушечную пальбу — это отряд Фрейтага, пробиваясь к нему, начал бой с чеченцами у селения Мескеты. На другой день Фрейтаг соединился с Воронцовым и спас остатки его войска. Но в чеченских лесах остались навсегда 4 тысячи солдат, 186 офицеров и четыре генерала, и это не считая взятых в плен и пропавших без вести. Чеченцы захватили также всю артиллерию и обоз.

После жестокого поражения Россия поняла, что за столь короткий срок «навсегда покорить горцев или истребить непокорных» невозможно, — она в корне изменила свою стратегию.

В честь этого юбилейного события министру по строительству УмаруАрснукаеву было поручено выточить трехметровый мраморный Чурт. Архитектурный проект должен был представить главный архитектор Денилбек Кадиев, а Ильмади Шайхиев, префект Ножи-Юртовского района, обязан был подготовить площадку и обеспечить рабочих для установки памятника. Задание необходимо было выполнить к 5 июля — дню торжественного открытия Чурта.

Собрались люди Ильмади с топорами, пилами, лопатами и граблями, пять дней проработали, пошел дождь, но площадка была готова. Архитектор Кадиев приходил, проверял и с донесением уходил. 30 июня Чурта еще не было. Кадиев принес второй проект: «Посидели вместе с Джохаром, придумали небольшой Мемориальный комплекс.

Нужно поставить полукругом вокруг главного большого Чурта по 9 чугунных колонн. Разровняйте и подготовьте дополнительную площадку». Прошло еще два дня. 2 июля Кадиев приносит третий, окончательный вариант. «Проложить центральную дорожку из плит к главному Чурту, весь комплекс озеленить травяным дерном, внизу, к фасаду мемориала, сделать 5–6 бетонных ступеней, закатать асфальтом всю дорогу от трассы до памятника и, кроме того, сделать на трассе автостоянку. Всю работу завершить к 5 июля, за три дня». И опять начались дожди. Арснукаев, Кадиев и Ильмади, втроем посовещались и договорились, что Арснукаев пойдет к Джохару и доложит: «Из-за

начала дождевого периода строительство комплекса откладывается на более поздний срок». Кадиев и Арсунукаев Умар уехали в Грозный, Ильмади ушел домой. 4 июля, как раз во время проливного дождя, привезли большой Чурт. Дорога совсем раскисла. Гусеничным трактором машину с Чуртом еле-еле затащили на Бугорный хребет, чтобы снять Чурт, нужен был подъемный кран, все опять уехали. Утром 5 июля дул холодный, пронизывающий ветер с моросящим дождем. Ильмади решил заглянуть на хребет, там в палатках сидели рабочие, ожидая улучшения погоды. В 11 часов утра показался эскорт. Все правительство, во главе с президентом, оставив машины на обочине, по колено в грязи, поднимались пешком на хребет.

Ильмади пошел их встречать. Джохар сразу его спросил:

— Какое сегодня число?

— Пятое июля.

— Почему задание не выполнено?

— Идет дождь целую неделю.

Джохар, не дослушав его, быстрыми шагами подошел к месту, где должен был стоять Чурт. Яму под основание еще не выкопали. Джохар снял черный кожаный плащ, отдал кому-то шляпу и, взяв лопату, начал копать ровно с центра ямы, не ошибившись ни на сантиметр. Министры бросились к нему отнимать лопату, но он ее никому не отдал, а только сказал: «Копайте со мной вместе». Через 10–15 минут яма была готова, а Джохар дал команду подготовить для засыпки бетон. Рабочие только смотрели, работало все правительство во главе с президентом. Яму залили бетоном. Не успел он затвердеть, как Джохар скомандовал: «Поставить Чурт!» Крановщика, как назло, не оказалось на месте. Тут один из министров взялся за дело, завел кран и под командованием Джохара Чурт сняли с машины, установили и закрепили его основание. Закончив работу, Джохар кивнул охраннику: «Дай мне плащ». Накинул его на себя и сказал: «Вот как надо, а то доп ду, доп ду! (дождь идет, дождь идет). Показав пальцем на Ильмади, строго сказал: «Чтобы 12 июля было готово!»

На открытие Джохар прилетел на вертолете, покружился над мемориалом — сесть было некуда, опустились на кукурузное поле. Ильмади встретил его, когда он, как мальчик, перелезал деревянную изгородь, огораживающую поле. Президент не стал садиться в предложенную машину и два с половиной километра шел быстрым упругим шагом в окружении сельских детей. Под возгласы: «Джохар! Джохар! Аллаху Акбар!» президент с ходу врезался в толпу и, улыбаясь, оглянулся на притихших детишек: «Вот наша сила, вот наша смена…» Потом, взяв микрофон, начал

речь: «150 лет назад наши предки в жесточайшей борьбе сражались на этом месте и полностью разгромили тридцатитысячную армию России. Как умно засада была сделана именно здесь, хотя многим пришлось идти сюда из Симсира, Датых, Беной, Дарго, Центорой. На Бугорном хребте была уничтожена армия генерала Воронцова, а остатки ее добиты внизу, в Шов-хал-Верди!» Потом Джохар заговорил о будущем: «Будет жесточайшая война с Россией! Мы этой войны не хотим, но российское правительство не желает вести с нами переговоры. Зная ее коварство, мы оттягиваем войну всеми силами, еще надеясь решить эту проблему за столом переговоров. Но надежды мало…» Джохар спешил подготовить народ к схватке с Российской империей и строил этот памятник для того, чтобы еще раз напомнить чеченцам о том, как героически сражались их предки, как умело и отважно они боролись, ведь и раньше российская армия была сильной. Самое удивительное, Джохар прекрасно знал, что только в 1995 году битве на «Бугорном» исполняется 150 лет…

После торжественного открытия мемориала, взяв с собой только охрану, он сразу поехал к могиле наиба Шамиля по имени Шоипа — она находилась в Центорое. Аслан Масхадов с Ильмади пошли к вертолету. Два часа в Центорое они ждали Джохара.

— Вызови по рации президента, — сказал Ильмади летчику вертолета.

— Вертолет только что из ремонта, рации еще нет.

Значит, мы потеряли президента, — Масхадов растерянно закружился вокруг вертолета. — Как же так? Где теперь его искать?

Зная непредсказуемость президента, решили взлететь и посмотреть сверху, сделав круг над селением Центорой. Оказывается, Джохар поехал через Ведено выбирать новое место для возведения очередного памятника, уже в Веденском районе.

Как рассказывал Руслан Абдурзаков, во время поездки в Саудовскую Аравию он захотел проверить у мусульманских духовных авторитетов: джихад или нет борьба за свободу чеченского народа. Шейх — Султан Бенбаз — Хафиз (мудрец), человек умудренный в исламе, знающий Коран наизусть, сказал ему буквально следующее: «Неужели вам не хватает того, что ваш джихад превышает в 10 раз джихад асхабов пророка Мухаммада? Вас выселили в холодные степи Казахстана, вы и там не оставили ислам». Потом Руслан поехал в Иерусалим. Грозненский раввин, отец его одноклассника, жил в Израиле. Руслан нашел его дом. Раввин вытащил Талмуд, и Руслан переписал четверостишие, которое он ему зачитал. «Гоги и Магоги придут к маленькому

народу, который живет между двух морей. И станет город Гомоной — сущим адом на земле и примет все земные грехи на себя. Оттуда пойдет торжество справедливости. Этот маленький народ поднимет дух у мусульман».

ЧАСТЬ 3

Глава 20

Обращение А. Авторханова к Президенту Чеченской Республики Д. Дудаеву

(фрагмент)

Первое. В своих отношениях с Россей мы должны исходить из одной априорной истины: начиная от первой империи Рюриковых и Романовых и кончая Советской империей большевиков, от Ленина и Сталина до Горбачева, еще не родился такой русский политический деятель, который не ставил бы величие и мощь великой Русской империи выше не только покоренных ею нерусских народов, но даже выше жизненных интересов самого русского народа.

Второе. Роспуск Советского Союза был вынужденным актом и вынужденной исторической паузой, чтобы подготовить его реставрацию в новых условиях и на нормальных национально-политических принципах. Инициатором роспуска Советской империи стал Ельцин. Инициатором создания новой третьей империи является тот же Ельцин, идеология этой империи — амальгама воинствующего великодержавного русского шовинизма в смеси со все еще не умирающим русским большевизмом.

Третье. Независимая Чечения должна стать первой жертвой задуманной новой империи. Во-первых, следует пресечь попытки внутренних автономий России повторить чеченский прецедент, а именно — объявить независимость. Во-вторых, воочию продемонстрировать перед народами Кавказа и Центральной Азии, какая судьба их ждет, если идеология новой, третьей империи восторжествует окончательно. В-третьих, то, что в эти дни происходит в Чечении, — это еще не война России против Чечении, а психологический и физический террор, диверсии и путчи вооруженной оппозиции из самих чеченцев, которыми оперативно руководят шефы российских спецслужб (КГБ), внутренней службы во главе с шефом Степашиным, внешней службы во главе с шефом Примаковым. Политическое руководство над этими действиями осуществляют в двух инстанциях: из президентской канцелярии Ельцина господином Филатовым, из правительства Черномырдина — вице-премьером Шахраем. Разумеется, все эти акции открыто финансируются Москвой, и оружие чеченская вооруженная оппозиция получает прямо из арсенала российской армии, которой обложена сейчас вся Чечения. Эти действия направлены против

независимого государства, которое три года назад избрало на демократических выборах и своего президента, и свой парламент без всяких протестов со стороны даже официальной России, в том числе и самого президента, который во всеуслышание заявил в столице Татарии, что каждый народ России может взять себе суверенитета столько, сколько он захочет. Это, собственно, и был статус-кво к объявлению чеченского суверенитета. Но интересен цинизм, политический цинизм Москвы перед всем миром. Ведь Москва не скрывает сейчас, что она открыто финансами и оружием поддерживает вооруженную оппозицию в Чечении и самих чеченцев в лице одного района, который должен покорить 17 районов, подчиненных прямо Дудаеву. Чечения, как, впрочем, и все бывшие советские республики Кавказа и Центральной Азии, объявлена самой Россией регионом государственных интересов нынешней новой России. Недаром сказал на этих днях бывший госсекретарь Америки, выдающийся стратег современности Г. Киссинджер, обращаясь к общественному мнению, что если вы захотите узнать о национальной политике новой России, то лучше спросите об этом у Азербайджана, Грузии и Чечении.

Дорогой Джохар! Я против объявления сейчас газавата России. Ибо нам объявила войну не Россия, а московская великодержавная клика, которая уже три года, а может быть и все последние 10 лет, находится в необъявленной войне со своим собственным русским народом. Поэтому мы должны доказывать внешнему миру: наш враг — не русский народ, наш враг — российский империализм, который готов на любые авантюры против бывших колониальных народов, лишь бы отвлечь внимание от своих внутренних чудовищных нерешенных проблем, чтобы направить его против маленькой Чечении, выставляемой главным врагом великой России. Это печально, это возмутительно, но это факт. Я констатирую: так называемая русская демократия, которая была провозглашена еще Горбачевым, не подняла своего голоса против лжи, провокаций, примитивной, дикой, шовинистической пропаганды официальных средств массовой информации Москвы.

И последнее, что я хочу сказать в адрес лидеров оппозиции. Я лично признаю право существования в нормальном демократическом государстве, каким я считаю Чеченское государство, любой политической демократической оппозиции, которая вооружена альтернативной программой. Но я одновременно убежден, заявляю об этом открыто, что так называемая вооруженная оппозиция в любом государстве признается не оппозицией, а вооруженной бандой. Этими бандами являются сейчас в Чечении три группы: Автурханова, Гантемирова и Лабазанова. У одного два батальона, у другого, кажется, одна

рота. Новоявленные группы вооруженной оппозиции объявлены Москвой силой, коорая должна покорить суверенную Чеченшю. Это возмутительно, это авантюра, это бандитизм.

Вопрос о политической оппозиции можно рассматривать с разных сторон. В оппозиции числятся люди, которые, вероятно, не имеют прямого отношения к вооруженным бандам, а хотят предложить чеченскому народу политическую альтернативу программе независимости чеченского народа, провозглашенной его президентом Джохаром Дудаевым. Я не хочу называть имена этих оппозиционеров, они вам известны. Но я могу сказать следующее. Даже те из них, кто против конструктивной концепции или программы развития будущей Чечении, должны быть допущены к обсуждению этих проблем и самим чеченским народом. Оппозиции, которые не замешаны или не участвовали в кровавых преступлениях против чеченского народа, имеют право участвовать в очередных выборах для создания нового парламента и избрания нового президента. Я допускаю даже возможность участия их в работе правительства Джохара Дудаева. Необходимо отстаивать независимость всеми доступными средствами. Я не скрою, что стою на точке зрения тех, кто признает право каждого народа на независимость, любого народа, великий он или малый, или совсем малюсенький. Чеченцы в горах Кавказа имеют естественное неотъемлемое право отстаивать свою самобытность и свою независимость. Это право признано во всем мире…

11 октября 1994 г.

Гости подарили Джохару роскошную книгу-тетрадь в кожаном переплете, и он начал вести дневник. Но день проходил за днем, времени у него не хватало даже на сон, и забытый дневник одиноко лежал на тумбочке возле изголовья кровати…

В начале лета 1994 года во время своего очередного поэтического интервью я познакомилась с Тамарой Чагаевой, руководителем Гостелерадио. Эта умнейшая женщина отличалась большой задушевностью, скромностью и простотой в общении и сразу мне понравилась. Через несколько дней после нашего знакомства она позвонила и сказала: «Вы находитесь в гуще событий, у истоков новейшей истории чеченского народа. Как никто другой вы можете отразить реалии происходящих событий. Фиксируйте каждый день». Я начала отказываться, ссылаясь на то, что пишу только стихи. Но она с грустью спросила: «Если не вы, то кто же?» Когда ночью пришел Джохар, я попросила у него кожаную тетрадь-дневник. «Бери! — отмахнулся он. — У меня все равно нет времени этим заниматься». И я принялась писать.

Память человека, к сожалению, устроена так, что он с трудом может вспомнить даже то, что происходило два-три дня назад, а уж события, отделенные месяцами или годами, кроме самых важных, наверное, не воспроизводимы. Надо было с самого начала записывать каждый день, но мне казалось, что самое К страшное уже позади, и теперь ничего, что заслуживало бы серьезного внимания, случиться не может. Как я ошибалась! Жаль, что Джохар успел написать только несколько страниц о себе. В них уместилась вся его жизнь…

Дневник Джохара

Время захлестывается событиями значительными, историческими. Каждый день, а то и часы насыщены, накалены настолько, что стали судьбоносными для всего народа. Достойны удивления стойкость и сила духа, воля, проявляемые взбунтовавшимся малочисленным народом против гигантской империи зла и насилия. (Хронологию событий ведет наиболее объективно и ответственно Леча Яхьяев. Сожалею, что этот талантливый человек отторгнут от меня, хотя вряд ли возможно оторвать его от своего дела, а это главное.) Оценку всему дадут потомки, когда пройдет какое-то время. Моя же задача — назвать имена тех, кто был рядом в этом бурлящем котле, где перемешалось все и вся.

Что касается лично меня, то я готовился к решающей схватке за право на достойную жизнь с тех пор, как себя помню.

Железную хватку власти я почувствовал слишком рано. Судьба осчастливила меня — я оказался бессознательным свидетелем неслыханного злодейства над моим народом в период депортации. На мою долю выпали испытания на выживание — от физического, духовного, нравственного уничтожения в гигантской машине ада, где любой опрометчивый шаг или слово приводили в смертельные клещи. Душевные раны стали моей судьбой. В том числе и из-за того, что отец своим примером оставил мне в наследство кодекс чести, а сам ушел из жизни, когда мне не исполнилось и семи лет. Эта наследственность, к моему несчастью, никак не вписывалась в замыслы воспитания «нового человека» — гомосоветикус. Репрессивная реальность и кодекс чести горца, да еще подкрепленный образами романтических героев, настолько расшатали мое душевное равновесие, что я потерял всякий страх перед смертью. Смерть с раннего детства я стал воспринимать как естественное продолжение рождения. Выбор пути к недоступной для чеченцев профессии тоже был своего рода

душевным протестом и вызовом «системе запретов». А уж сколько барьеров пришлось преодолеть на этом пути, насколько он был тяжким, сможет сказать только тот, кто сам шел первопроходцем. Я имею в виду морально-психологическую часть этого пути…

На этих словах обрывался его дневник. Перевернув последнюю заполненную его рукой страницу, на обратной стороне я легкомысленно написала мое последнее стихотворение «Исповедь», посвященное Джохару, совсем не предполагая, что оно сбудется.

Исповедь

Когда споткнусь я на исходе дня,
Подъем был труден — не суди меня.
Когда в смертельной схватке кровь пролью,
Не осуждай — честь защищал свою.
Когда обманут, предан другом был,
Вновь не суди, я верил и любил.
Когда не различал коварства, зла,
Не осуждай — был сердцем чист до дна.
Когда закроет мне глаза плащом земля,
Тогда суди, но Бог — тебе судья…

Июнь 1994 г.

В те дни вся российская пресса и телевизионные каналы СМИ России твердили только об одном: режим Дудаева уничтожает народ!!! Они дружно сомневались в легитимности президентских выборов, которые прошли, как они выражались, под дулами автоматов, тайно надеясь, что после прихода к власти очередной российской марионетки республика вернется на круги своя.

Хусейн Гузуев, режиссер и новый председатель государственного телевидения, пришел в наш дом взять у меня по этому поводу интервью. Он посадил меня за уютный плетеный столик в саду, где обычно завтракал Джохар, а рядом поставил мои картины и одну красную розу в белом тонком кувшине. В зеленой траве свежими красками горели картины, высоко над ними летело синее небо, ветер шелестел листьями и раскачивал ветки деревьев, солнечные зайчики и тени перебегали с зеленого забора на картины и столик. Все двигалось и дышало жизнью. Хусейн был хорошим режиссером. Я отвечала на его вопросы и читала стихи. Последнее было на «злобу дня» и ответом на вопрос

о Джохаре — «Исповедь». Мне хотелось оправдать Джохара, хотя он в этом никогда не нуждался. Его правоту всегда доказывала сама жизнь…

Учитель и верный друг Джохара, политолог Абдурахман Авторханов, внимательно следил из Германии за событиями, происходящими в республике. В августе им было отправлено открытое письмо Б. Н. Ельцину от имени чеченской диаспоры за рубежом. Привожу короткие выдержки из него:

«У нас создалось впечатление, что российские спецслужбы (КГБ) разработали планы, согласно которым независимую Чеченю надо задушить руками самих чеченцев. В этом плане, по сведениям из Грозного, предусмотрены три этапа.

1-й этап, физическое уничтожение основоположника независимого Чеченского государства Президента Джохара Дудаева (последнее, пятое, покушение на него было совершено в начале июня 1994 года, во время которого были убиты министр внутренних дел, его заместитель и водитель).

2-й этап. Организовать внутри Чечении беспорядки и диверсии руками так называемой чеченской «вооруженной оппозиции». (Беспорядки в столице Чечении -11–12 июня 1994 года. Убиты 9 солдат чеченской армии и около 50 «оппозиционеров».)

3-й этап. Когда вооруженные банды, управляемые из Москвы, погрузят Чеченю в кровавый хаос межнациональной войны, «оппозиция» из Москвы, российская армия займут Чеченю.

Мы далеки от мысли, что лично Вы вынашиваете такие планы. Но в русском обществе (Руцкой), Российском парламенте (Жириновский), в вашем правительстве (Шахрай, Грачев) орудуют весьма влиятельные военно-политические лидеры, которые хотят превратить Россию в новую «третью империю» советско-фашисткого типа. Мы боимся, если они займут президентский «трон», мы второй раз окажемся в депортации. Чечения была единственной советской республикой, которая путем мирной революции свергла у себя большевистскую колониальную власть…

На свободных демократических выборах избрала своим первым президентом генерала Джохара Дудаева.

Скоро три года, как, несмотря на блокаду России, «Чеченская Республика, богатая нефтью, является благоустроенным регионом России», — пишет влиятельная немецкая газета «Зюддойче цайтунг» (5 августа 1994 г.).

Оппозиция, вооруженная бомбами и автоматами, во всех странах мира называется не оппозицией, а бандой. Эта чеченская банда не имеет никаких шансов свергнуть Дудаева и захватить власть, но, к сожалению, она имеет все шансы спровоцировать российскую армию на интервенцию в Чечении. Мы просим Вас

предупредить такой ход событий, нацеленный на развязку второй русско-кавказской войны, которая не нужна ни России, ни Кавказу.

Судя по московским газетам, радио, телевидению, Чечению хотят вновь подвергнуть испытаниям сталинского класса. Единственная надежда на Вас, что Вы этого не допустите. Вот уже девятый раз Ваши советники сорвали Вашу встречу с президентом Чечении Дудаевым. Мы все-таки просим Вас принять чеченского президента в Кремле, чтобы решить спорные вопросы.

Уважаемый президент!

Ваш вице-премьер Шахрай утверждает, что чеченский президент и чеченский парламент не были избраны демократически. Ничего нет легче, чем опровергнуть это утверждение, назначив новые выборы под наблюдением представителей Организации Объединенных Наций. Мы призываем президентов России и Чечении к назначению таких выборов».

8 августа 1994 г.

Далее Абдурахман Авторханов в отдельном заявлении отмежевывается от таких сомнительных типов, как Умар Автурханов и Супьян Автурханов, присвоивших его известную фамилию, изменив только одну букву:

«Автурханов из моего Надтеречного района в двух номерах правительственных «Российских вестей» от 2-го и 4-го августа 1994 года заявил, что он возглавил Временный совет, взяв на себя «всю власть в Чечении» и объявил свергнутым Президента Джохара Дудаева.

Руководитель аппарата российского президента Филатов и вице-премьер Шахрай потребовали от Бориса Ельцина признать «Автурханова» новым президентом Чечении. Но тем временем, как сообщила «Литературная газета» от 10 августа 1994 года, новоявленный президент бежал из Надтеречного района вместе с семьей в Москву. Чтобы проверить мой рассказ о самозванных «Автурхановых», я прошу чеченских журналистов покопаться в архиве ЗАГСа Чечении до 1990 года для установления подлинных фамилий обоих «Автурхановых».

А. Авторханов 14 августа 1994 г.

Примерно в те же дни, 7 августа, к Джохару пришли несколько мужчин и показали свои контракты сроком действия 10 дней — до 17 августа. После указания фамилии, имени и отчества и подписания контракта, каждому контрактнику выдавался один миллион рублей и автомат для участия в «боевых действиях». Они спрашивали президента: «Что делать?» Джохар

не растерялся: «Деньги и оружие выдают? Хорошо! Сами берите и другим скажите, чтобы брали. Они нам скоро пригодятся!»

Сроки наступления оппозиции Россией переносились и откладывались, заново переписывались контракты, вместо 10 дней — на месяц, два, три. Так прошло лето, наступила осень. Россия перешла на дополнительные контракты с российскими военнослужащими.

А перед Президентским дворцом закончили строительство очередной выдумки Джохара — фонтана из 999 струй. Пустили воду, ее струи сверкали и рассыпались алмазной пылью на лепестках алых роз, посаженных рядом. Это место стало самым красивым в нашем городе. Оппозиционные острословы тут же назвали фонтан «Аллины слезы», надеясь увидеть их в скором будущем. Соседи боялись жить рядом с нами, ведь в любую ночь могло произойти очередное покушение на Джохара. Многие начали продавать свои дома и уезжать от надвигающейся войны, времени до нее оставалось уже немного.

В очередной раз принимая российских журналистов, я услышала от одного из них интересный вопрос:

— Вы почувствовали на себе действие психотропного оружия?

— А в чем оно проявляется? — поинтересовалась я.

— Непонятный страх, тревога, подавленное состояние.

— А как отличить психотропное воздействие от обычного страха или плохого настроения?

— Психотропное оружие потребляет большое количество энергии и поэтому обладает переменным действием. Страх и тревога то появляются, то без всякой причины исчезают!

Этот вопрос не был для меня неожиданным. Две недели назад позвонил мой отец из Москвы и сказал, что по российскому телевидению показывали эшелоны с военной техникой, отправляемой в Чечню. Его удивили большие, зачехленные брезентом радары необычной формы. Всю жизнь прослужив в авиации, он ни разу таких не видел и сказал мне: «К вам везут секретное оружие». Его предположение оказалось верным. Всю неделю я, обычно спокойная, ощущала ничем не объяснимые страх и тревогу. Интересно, что это непонятное состояние возникало, как по графику: то пропадало, то через день опять появлялось. Люди, не отличавшиеся спокойствием, не осознавали, что с ними происходит, страх гнал их. Из города начали уезжать все, кому было куда ехать, на улицах гудели груженые мебелью машины, увозили детей.

1 сентября власть в Урус-Мартане была захвачена российскими марионетками. Несколько человек из президентской гвардии попали в руки гантамировских бандитов и были зверски

забиты лопатами. Если бы был жив Иса Арсамиков, этого не случилось бы. После его смерти лидерство в Урус-Мартане захватили оппозиционеры.

6 сентября 1994 года — третья годовщина Независимости Чеченской Республики. Это был грустный праздник. И хотя день выдался солнечным, тревога ощущалась во всем: в синем небе, в глазах, с тревогой глядящих вверх в ожидании российских самолетов и с печалью — друг на друга. Когда мы сможем еще снова собраться вот так опять на нашем стадионе, скольких родных и друзей не досчитаемся?

Перед самым началом праздника у входа на стадион неизвестные убили человека и успели скрыться. Эта кровавая провокация была совершена с целью сорвать празднование Дня независимости. Открытие праздника пришлось перенести на более позднее время. Освещенный желтым заходящим солнцем стадион был заполнен людьми только наполовину. Глубокая синяя тень лежала там, где сидели мы, солнечная половина стадиона оказалась пустой. В центре трибуны — как всегда, Джохар, окруженный президентской гвардией. Выступали те же самые артисты, но никто уже не танцевал на сцене, и радости ни у кого не было. На сцену вышла маленькая Тамара Дадашева в белом платье с прозрачным, развевающимся на ветру шарфом, проникновенно запела: «Чеченцы перед лицом смерти, сплотитесь, обнимитесь, пока смерть не обняла вас.» Внизу на стадионе, спиной к сцене стоял мужчина и нахально смотрел мне прямо в лицо. Правую руку он держал в кармане, который подозрительно оттопыривался, там явно был пистолет. «Точно хочет меня убить!» — думала я, искоса поглядывая в его сторону. Концерт я уже не слушала и не смотрела, ожидая выстрела. Только после концерта я узнала, что этот гвардеец охранял именно меня.

27 сентября Гантамиров с восемью бронетранспортерами совершил нападение на окраине Грозного на пост Шалинского танкового полка.

30 сентября российские вертолеты разбомбили гражданский аэропорт Северный, затем учебные самолеты в Калиновском аэропорту в Наурском районе. Вся наша небольшая авиация была уничтожена. Российские СМИ передали на весь мир, что уничтожены все боевые самолеты, боевая техника и вооружение Дудаева. Но остался один самодельный самолетик, стоявший во дворе у местного сельчанина, изобретателя-самородка. В мирное время, когда в горах отбивались от стада коровы, соседи приходили к нему с просьбой слетать на поиски. Сейчас он летал в разведку на границу, отмечая по карте передвижение

российских танковых колонн, которые все прибывали и прибывали. Казалось, что вся Россия состоит из лязгающих танков. Танкисты весело сидели на их броне вместе с улыбающимися молодыми девушками-медсестрами. Видимо, они думали, что собрались на увеселительную прогулку по Чечне…

Этот самодельный самолетик очень скоро был сбит, погиб и его изобретатель. Старый «кукурузник», находящийся в ремонте и поэтому чудом уцелевший после уничтожения учебного Калиновскогр центра, после первой бомбежки отчаянно взмыл над горящими домами навстречу армаде бомбардировщиков и был показательно расстрелян в воздухе на взлете. Летчики просто забавлялись, расстреливая его, они ведь ничем не рисковали. Пока еще даже не бомбили город по-настоящему, просто прицеливались. Отдельные бомбы, падающие с неба, были не в счет. Главкому ВВС Дейнекину Джохар отправил телеграмму: «Поздравляю с преимуществом в воздухе — встретимся на Земле!»

На военном совете полевые командиры начали дружно жаловаться на нехватку боеприпасов, оружия. Джохар, сидящий во главе стола, слушал их, задумчиво опустив голову. По телевизору показывали танковые колонны, едущие в республику. Наконец, поднял усталые глаза, в глубине которых скрывался смех: «А вы его не получили, что ли?» Командиры удивленно посмотрели друг на друга.

— Ты получил?

— Нет.

— И я не получил!

Джохар кивнул:

— А вон его сколько к вам привезли. Берите сколько хотите!

Письмо Джохара Президенту России Борису Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Чечено-российские противоречия достигли сегодня критической точки и могут завтра обернуться для наших народов национальной катастрофой. Из-за неурегулированности чечено-российских отношений пожар новой Кавказской войны может вспыхнуть в любую минуту, достаточно одного неосторожного шага или слова… Прологом к этой войне может послужить широкомасштабная кровавая бойня, которую развязали в Чечении бандформирования, именуемые почему-то официальной Москвой оппозицией. Ни для кого не секрет, что эти бандформирования субсидируются из российской казны, снабжаются российским

оружием и обучаются искусству ведения военных действий российскими военспецами. Вместе с тем внешние силы ведут в республике подрывную деятельность, направленную на свержение существующего строя.

Авторы этого кровавого сценария, видимо, преподносят Вам дело так, что внутреннюю «смуту» в Чечении можно будет локализовать, выставив по всему периметру чечено-российской границы крупные воинские соединения и обложив республику всеми видами блокады. Уверяю Вас, что из этого ничего хорошего не выйдет. От этого страдает только гражданское население и, более всего, русскоязычное. Дальнейшая эскалация военной напряженности в этом и без того взрывоопасном регионе чревата самыми непредсказуемыми последствиями не только для Чеченской Республики Ичкерия, но и для самой Российской Федерации. Ссылки наших московских оппонентов и вопли лидеров вооруженной оппозиции «о режиме Дудаева», «диктатуре» и «узурпаторстве власти в Чечении», «нарушении прав человека» напоминают мне скорее истошные выкрики из толпы, которая в октябре 93-го собиралась у стен Белого дома, Останкино и мэрии города Москвы. Только вместо фамилии «Дудаев» там скандировалась другая фамилия — «Ельцин». Причем идейным вдохновителем и организатором этих сборищ и в первом, и во втором случае является один и тот же человек, с тем же окружением. При активной поддержке российских военных и сотрудников спецслужб они организуют здесь штабы, блокируют дороги, совершают диверсии, терракты и взывают… к Вам же об оказании дополнительной военной и финансовой помощи, включая авиацию и тяжелые танки. Парадокс состоит в том, что они эту помощь получают!

До президентских выборов в республике остается меньше года. В этом вопросе я намерен строго придерживаться обозначенного срока и порядка проведения выборов. Таким образом, чеченский народ получает возможность свободного и демократического волеизъявления, призванного положить конец «режиму Дудаева», если таковой имеется. Так стоит ли поднимать в небо авиацию, вводить в сражение тяжелые танки, наносить по незащищенному гражданскому населению и объектам народного хозяйства ракетно-бомбовые удары и устраивать очередное народоубийство? В течение всех этих трех лет чеченская сторона неоднократно предпринимала попытки начать с российской стороной переговорный процесс. Но каждый раз, когда возможность урегулирования чечено-российских отношений становилась реальной, в последнюю минуту, по чьей-то злой воле, переговоры срывались. Такое положение дел на руку лишь тем деструктивным

силам в Чечении и в самой России, для которых политические амбиции и корыстные силы выше интересов и без того обездоленных народов как Ичкерии, так и Российской Федерации.

Заканчивая письмо, позвольте мне пожелать Вам и всем народам Российской Федерации успехов и процветания.

Президент Чеченской Республики Ичкерия

Джохар Дудаев октябрь 1994 г.

Руководство Чеченской Республики обратилось ко всему миру с просьбой оказать содействие в обуздании российского агрессора и предоставить военную помощь. Ответом было молчание. Тем временем российские спецслужбы, подогревая общественное мнение, прокрутили очередное «кино» с захватом заложников и вертолета в Минводах. Тут же выяснилось, что ФСК под видом террористов захватила автобус с пассажирами. Среди них оказался человек, который днем раньше слышал по телевидению о захвате заложников, а сейчас вдруг сам оказался в числе террористов. Через международную прессу эти факты были обнародованы. Мир удивился… и продолжал наблюдать.

В Грозном гремели взрывы, наш дом начали усиленно бомбить российские самолеты. Во время первого налета одна из бомб попала в автобус с людьми. Четверо человек погибли, остальных еле удалось спасти из горящей машины. Бомбили, как правило, днем, но даже в солнечную погоду летчики не могли разглядеть наш небольшой дом, ничем не отличающийся от других простых домов, стоящих рядом. Только это нас и спасало. В следующую бомбежку от глубинной бомбы погибла русская семья, живущая в соседнем доме. От них осталась только глубокая воронка. Погиб и сад. Все ходили смотреть на сломанные деревья и большую черную яму, — хоронить было некого. Старики говорили, что даже во Вторую мировую войну таких больших воронок не видели. Каждый раз при очередном авиационном налете мы выбегали из дома и прятались в гараже, в яму под машиной.

Джохар теперь приезжал домой только под утро, дни и ночи он проводил в Рескоме или на позициях. Постоянными охранниками в нашем доме стали гвардейцы Рамзан и Сэйди. Сэйди был близким родственником того самого мальчика, спасая которого, угодил в тюрьму любимый брат Джохара Хал мурз. Еще год назад Сэйди собирался уехать в Москву, чтобы поступить в институт. Но каждый раз откладывал поездку из-за тревожной обстановки в республике. По неписаному чеченскому закону «гхиллакх» (уважения), он считал себя в неоплатном долгу перед

нашей семьей и через несколько месяцев вернул долг — своей жизнью. Овлур охранял наш дом днем вместе с ними, а ночью с автоматом через плечо спускался на Старопромысловское шоссе к своей школе № 54. Там на посту возле дороги дежурили все его школьные друзья и родственники.

Глава 21

Агрессия России под прикрытием Временного совета становилась реальностью. На БТРе под охраной гантамировских бандитов приехал Руслан Хасбулатов, как он выразился, «спасать свободу Чеченской Республики». С помощью России! Очередной его ультиматум президенту Дудаеву народ, с присущим ему юмором, назвал тысяча первым:

«Сейчас самое разумное решение для вашей семьи и родственников, ваших ближайших соратников — немедленная передача власти временным переходным органам власти народа».

Срок ультиматума — 6 часов. Хасбулатов по своему телеканалу, словно в насмешку, названному «Жизнь», призвал весь чеченский народ сплотиться против «режима Дудаева». В итоге, начав с речей «о спасении» чеченской свободы, он прочитал ей «за упокой». Стоя на российском танке, окруженный бандитами, вооруженными российскими автоматами, Хасбулатов призывал уничтожить Дудаева.

Село Толстой-Юрт, где он остановился, превратилось в ставку российских спецслужб.

А на площади Свободы гремел Газават! Как только появлялась угроза со стороны России, перед Президентским дворцом собирался бессрочный митинг. Формировались добровольческие отряды и шли бурные обсуждения очередных провокаций и диверсий российских спецслужб. Митинг походил на огромную, бурлящую под открытым осенним небом политшколу и оживленный людской муравейник! Иногда он разделялся на круги, порой от него отделялись цепочки, которые, поблескивая на солнце оружием, уходили… защищать границы республики.

На площадь Свободы, как на самую главную мишень- живое сердце республики, устремлялись пикирующие самолеты, пытаясь испугать и разогнать собравшихся людей пулеметными очередями. Но не сдавалась площадь Свободы! Под грохочущий рев и вой снижающихся тяжелых бомбардировщиков, под градом свистящих, взрывающих бетон пуль выходили отчаянные смельчаки и, гордо выпрямившись и раскинув руки, бесстрашно танцевали в самом центре площади пламенную лезгинку. Точно так же, как делали это в горах когда-то их предки. Когда кончались патроны, выходили они в «орлином» танце на последнюю, жестокую схватку с врагом, бросая вызов самой смерти.

Сколько отважных чеченских юношей, къонахов (настоящих

мужчин), погибло в первые дни авиационных налетов! Невозможно было заставить их спрятаться или уйти в укрытие, которое, как считали они, создано только для женщин и детей. Никто из них еще не умел воевать, но яхь (доблесть) и честь не позволяли покрыть себя позором трусости. Пришлось урезонивать молодежь нашим ветеранам и старикам: «Война — это наука, которой надо учиться, и сразу на ней умирать совсем не обязательно».

Интервью президента ЧРИ Джохара Дудаева газете «Совершенно секретно».

«С.С.» В газетах и на телевидении прошла информация о том, что Президент Чечни в спешном порядке эвакуировался то ли в Ливию, то ли в Иорданию. Так где мы с вами сейчас разговариваем?

Д.Д. Мы, как можно без труда заметить, находимся в Грозном. Правда, из разных стран поступают приглашения посетить их с официальным визитом. Ну, а если уж «указали» направление — то можно и с Каддафи встретиться. Вообще же российские средства массовой информации действуют по принципу мальчика из известной присказки: тот, инсценируя утопление, постоянно кричал «Спасите!», а когда по-настоящему начал тонуть, ему никто не поверил. Российская пресса рискует оказаться в аналогичном положении.

«С.С.» Сейчас, кстати, сообщают о бедственном положении экономики Чечни…

Д.Д. «Кувейт надо забыть — на мировой рынок выходит Чечня». Это сказал Филатов, который был в республике неоднократно, изучал обстановку на предприятиях, в магазинах, на рынке, беседовал с нашими руководителями. Мы не хвастаемся, у нас еще много трудностей. Подумайте сами: 73-е место по социально-экономическим показателям мы занимали в бывшем СССР. Но мы действуем. Подключили ученых, не пожалели денег и теперь знаем свои возможности. Большое наше достижение — бездефицитный бюджет.

«С.С.» В каких цифрах он выражается?

Д.Д. Это мы держим в секрете. Самый больной вопрос в Чечне — социальный. Мы создали свою модель соцобеспечения. Выделили людям сберегательные книжки, на которые перечисляются все задолженности.

К каждой сберкнижке мы выдаем чековую книжку и создали сеть магазинов, где по чекам можно покупать продукты по государственным ценам. Но все это, конечно, пробивается с трудом в условиях блокады: финансовой, экономической, воздушной… Но мы бы и это вынесли, если бы нам не навязывали

дикие, изуверские методы. Оснащают бандитов самым современным и совершенным оружием для террора, открытых диверсий…

«С.С.» Вы полагаете, что появление над Братским российских вертолетов — это прямое объявление войны Чечне?

Д.Д. Это не война, это просто бандитизм, возведенный в ранг государственной политики. Война имеет свои законы, требует какого-никакого, но рыцарского отношения к врагу… Как это так — поднимается группа вертолетов и наносит ракетный удар просто по домам. И вот когда ответным огнем был сбит один вертолет — опять следует ложь. Мол, чеченцы сбили вертолет на территории Осетии.

«С.С.» Российские газеты сообщали, что правительство Чечни и вы лично приняли решение сажать каждый самолет, пролетающий над территорией Чечни и Ингушетии.

Д.Д. Никого на территории Ингушетии мы не собираемся сажать. Но в любом случае безнаказанно летать над территорией Чечни мы не позволим. Пока определены координаты, над которыми летать запрещено. Сюда входит и Слепцовский аэродром. Теперь ФСК и другие организаторы последующих действий запретили сами полеты в этом квадрате.

«С.С.» Как удалось освободиться сотруднику ФСК Крылову, задержанному в Чечне?

Д.Д. Ответственно вам заявляю, что если бы дальнейшее пребывание Крылова здесь могло бы хоть'как-то изменить ход событий, он бы никогда отсюда не вышел. А освободить его… просто-напросто меня попросил один человек, которого я искренне уважаю. Имя этого человека — Махмуд Эсамбаев. Он позвонил мне и по-братски попросил: «Если ты сможешь, освободи Крылова, ведь у него четверо детей и больная мать, и вообще он человек нелегкой судьбы». После этого разговора мы сделали все, чтобы Крылов оказался в Москве. Тем более что всей обладаемой информацией этот офицер с нами поделился.

«С.С.» Насколько серьезно вы оцениваете намерения Временного совета во главе с Автурхановым в самое ближайшее время овладеть властью в Чечне?

Д.Д. Это чепуха… Дешевый фарс… И Знаменское, и другие оплоты так называемой оппозиции мы можем уничтожить за тридцать минут, ну максимум за час. Однако делать это такими жестокими методами мы пока не хотим. Как бы нас к этому ни подталкивали разные автурхановы и Хасбулатовы.

«С.С.» Последний, кстати, несмотря на решение съезда чеченского народа, продолжает спокойно пребывать в республике…

Д.Д. М-да… но об этом миротворце разговор вообще отдельный. Видимо, долгое, более десяти лет, пребывание Хасбулатова в России не пошло ему на пользу… Тем более что последнее время круг его общения составляли люди, прямо скажем, малокультурные, с серьезным уголовным прошлым и будущим. Отсюда методы, которыми пользуется Хасбулатов. Но мы до подобной грязи постараемся не опуститься, по крайней мере, пока…

«С.С.» Чем вам так не угодили журналисты, что вы в одночасье выгнали их из Грозного?

Д.Д. Ну, положим, не выгнали, а попросили уехать… Пускай себе сидят в Знаменке у Автурханова. Все равно ведь врут, так пускай хоть работать не мешают.

«С.С.» У одного из московских коллекционеров я видел почтовую марку с вашим изображением. Выпущена она была в наборе с марками, изображающими шейха Мансура и имама Шамиля…

Д.Д. В свое время я разрешил напечатать первые чеченские почтовые марки, при одном условии, что я на них присутствовать не буду. Но такие марки все-таки напечатали. Сейчас они находятся в Национальном банке. В обращение могут быть выпущены только после решения правительства. А пока я жив, его не будет… Разве можно себе представить, что маркой с моей физиономией будет кто-то рассчитываться или поплевывать на нее при наклеивании на конверт?

«С.С.» Если бы три года назад вы знали, что предстоят такие испытания, согласились бы стать президентом?

Д.Д. Если бы я даже знал, что мне сто раз предстоят такие испытания на избранном мною пути, я бы не отказался. И нет такой силы, которая могла бы сбить меня с этого пути. Я знаю, что мой путь честен. Только сейчас он сведен к противостоянию с Россией.

«С.С.» Вас как-то сравнили с Фиделем Кастро, который, несмотря на все препятствия, руководит Кубой более тридцати лет. Сколько вы планируете?

Д.Д. Планировать не в моей власти. Все в руках Всевышнего. Только Он может давать жизнь или смерть людям и целым народам.

Грозный-Москва октябрь 1994 г.

К Джохару на прием в Президентский дворец пришел старик. Было странно, что его пропустили к президенту, у которого на счету была каждая минута, но этот старик рассказывал всем, что увидел ночью во сне, и проходил через все двери. Так он дошел и

до президента.

Сон старика: «С неба прилетели гвардейцы президентской гвардии, вернее, это были только их светящиеся души на крыльях, как у истребителей. Они сели рядом, и все вокруг озарилось их светом. «Ты пойдешь к президенту, и тебя пропустят, — так сказали они старику. — Передай ему, что Это только Начало. У него гораздо более высокое предназначение…» Потом они улетели и стало быстро темнеть. Джохар потерял одну туфлю, и наступила ночь без звезд и луны. Затем он нашел свою пропажу, и небо начало светлеть, пока, наконец, не стало совсем светло. Джохар стоял на возвышении в белой одежде и светился ярче, чем улетевшие души». А что было дальше, я не имею права пока рассказывать, потому что это еще не сбылось, все впереди.

Когда, вернувшись домой, Джохар рассказал мне сон старика, я была поражена: Ну, если Это только Начало, то что же нас ожидает в дальнейшем? Неужели впереди самое страшное?»

Нападения российских войск ждали каждый день. Малика забрала свою дочь, нашу сноху Бэлу, надеясь уберечь ее от войны у себя в квартире. Катаяма, где находился наш дом, была самой опасной территорией, ее бомбили уже ежедневно. На другой день, 15 ноября, началось наступление оппозиции. Ее банды вошли в город двумя бронированными танковыми колоннами и попытались взять Грозный, стреляя и убивая прохожих на улицах. Гантамировская колонна свернула с трассы Баку-Ростов и заняла 15-й военный городок. Вторая колонна Автурханова и Лабазанова остановилась у поселка Маас. Там ее встретил Шамиль Басаев с небольшим вооруженным отрядом, он показал, как надо побеждать «не числом, а умением». Оппозиция растерялась и остановилась, не зная, сколько военных сил будет встречать их в центре.

Военное руководство ЧРИ на совещании решило в полночь уничтожить обе колонны. Но оппозицию кто-то предупредил, и она срочно покинула город. А к нам в дом Малика опять привезла Бэлу. Когда бронированный поток танков двигался по их улице, они, как и все, подумали, что это наши учения, но потом дула орудий медленно развернулись, и танки начали палить по окнам домов. Прохожие в панике начали разбегаться, танки стреляли прямо по людям. Возле бордюра на асфальте в луже крови валялась отстреленная мужская голова, окровавленное тело было в стороне, горели машины… А российские СМИ объявили всему миру, что войска чеченской оппозиции взяли Грозный и оплот «дудаевского режима».

Теперь Кремль сделал ставку на Саламбека Хаджиева, бывшего министра нефтяной промышленности СССР. Когда в

1991 году Джохар предлагал бывшим руководителям высокие посты, состоялся у него ночной разговор и с Саламбеком. Мы возлагали на него большие надежды, Хаджиев пользовался большим авторитетом в республике. После долгой беседы Саламбек уехал, а Джохар вышел из комнаты расстроенным. «Ну, что он сказал?» — приставала я к нему с вопросами. Джохар отрешенно посмотрел на меня: «Ему дороже нашей независимости его миллионы!»

26 ноября 1994 года между «главными» оппозиционерами произошел разлад, никого из них не устраивал выбор Кремля. Но танки были даны Хаджиеву, и это решило дело. До 1 декабря намечался решающий штурм Грозного. Ночью Джохару приснился очень хороший сон: табуны красивых лошадей, белых, каурых, черных, мчались к нему на большое зеленое поле. Вечером начальник штаба Аслан Масхадов принес радостное известие: «Нашли тысячу двести противотанковых снарядов усовершенствованной мощности к гранатометам на складах Шалинского танкового полка». Это известие Джохар приказал хранить в глубокой тайне. «Пусть никто не знает, что у нас теперь есть чем встретить танки». Когда все было готово к приему «непрошеных гостей», он позвонил в Ингушетию Аушеву: «Как обстановка?» — спросил его Руслан. «Срочно нужны противотанковые снаряды к гранатометам», — серьезно отвечал Джохар, прекрасно понимая, что телефоны Аушева прослушиваются. В Кремле начался переполох — пока Дудаев не достал гранатометы, нужно успеть со штурмом Грозного. Только тогда танки, «королева российских полей», смогут беспрепятственно взять город. И «помощь» пошла…

ТРЕТЬЯ АГРЕССИЯ РОССИИ

25 августа 1994 года в Москве на секретном межведомственном совещании, в котором участвовали Ельцин, Лобов, Грачев, Степашин, Севостьянов — его заместитель, Егоров, Ерин, было принято решение о насильственном свержении президента ЧРИ Джохара Дудаева и был утвержден сценарий по восстановлению «конституционного порядка в Чеченской Республике», означавший на деле новое силовое покорение Чечни, восстановление правления метрополии на многострадальной колониальной территории. Депортация чеченцев на этом совещании начала приобретать четкие формы.

Проведение операции было поручено директору ФСК по Москве и Московской области Евгению Савостьянову, который ее

с треском, громким скандалом и негативным мировым резонансом провалил 26 ноября 1994 года, когда вооруженные силы России под видом якобы «чеченских оппозиционных сил» в количестве более четырех тысяч человек, имея около 170 единиц бронетехники, при поддержке авиации вторглись в столицу Чеченской Республики Ичкерия, город Грозный, где были наголову разбиты и нашли свой бесславный конец.

Неудивительно, что спустя всего лишь неделю, по горячим следам, Савостьянов был уволен по указу Ельцина.

В конце ноября — начале декабря 1994 года, за несколько дней до широкомасштабного военного вторжения российских войск в Ичкерию, план «Миграция» почти слово в слово был повторен уже в скандально известных депортационных документах нового российского правительства, подписанных на сей раз Черномырдиным. В распоряжении Правительства РФ № 1887-р от 01.12.1994 г. и постановлении Правительства РФ № 1360-п от 09.12.1994 г. высылка чеченцев фарисейски называется «вынужденной эвакуацией», а депортанты определяются как «вынужденные беженцы». Кем и как они «вынуждаются», об этом в документах, понятное дело, ни слова. Но бомбы, ракеты, снаряды и мины вскоре расставили все точки над «i». Таким образом, четко выявляется очень важная тенденция.

Все последние годы правления Ельцина чеченский народ постоянно находился под угрозой осуществления новой депортации. Вот где истоки стойкого неприятия Россией независимости Ичкерии. Еще не начались военные действия, а уже по всему Северному Кавказу стали появляться, как грибы после дождя, так называемые фильтрационные пункты, на самом деле лагеря-душегубки. В этих, с позволения сказать, заведениях, перещеголявших своею славой фашистские застенки, возрожденные «тройки» взялись выполнять, как было широковещательно и цинично объяснено, «функции по выявлению и нейтрализации бандитов». В результате покалечены и умерщвлены тысячи чеченцев! Да и не только они. Много пострадало русских и «лиц кавказской национальности». И это — в судебно-правовом государстве, которое претендует на вступление в Совет Европы накануне XXI века! Чудовищно, иначе не скажешь.

Александр Краснов март, 1996 г.

Перед наступлением, в середине декабря 1994 года, в программе «Время» журналист берет интервью у Сергея Шахрая. Речь идет о Чечне и конкретно о Джохаре Дудаеве. Журналист задает вопрос:

— Быть может, следует как-нибудь договориться с Дудаевым (во избежание войны и кровопролития)?

На что Шахрай после недолгой паузы с ухмылкой произнес знаменитую фразу:

— Карфаген должен быть разрушен!

Известно, что в Древнем Риме, когда Сенат обсуждал, как поступить с Карфагеном, все сенаторы без исключения проявили удивительное единодушие. Выступление каждого заканчивалось фразой: «Карфаген должен быть разрушен!»

Глава 23

Война была неизбежна, и лучше других это понимал Джохар.

Выступая перед народом, он был очень серьезен и сосредоточен: «Да, надвигается война. Да, нам будет очень тяжело, но давайте закончим это нашим поколением. Россия столетиями через каждые 50 лет уничтожает наш народ. Давайте соберемся с силами. Да, они воевали, но не побеждали, давайте победим! Даже если нас останется только 30 процентов».

К Джохару в кабинет пришли старики во главе с Ильясом Арсанукаевым. «Джохар, других ты не жалеешь, хоть самого себя пожалей…» — начал разговор Ильяс. Джохар, никогда не садившийся перед стариками, услышав такие слова, присел и молча слушал речь Ильяса. Потом, по своему обыкновению, как всегда в состоянии волнения, сильно сжал кулаки и несвойственным ему тихим, но очень твердым голосом сказал: «Ильяс, я не настолько счастливый человек, чтобы погибнуть в эту войну. Наш разговор окончен». Он был пассионарием — страстным человеком, для которого идея важнее собственной жизни, жизни своих близких и тех, кто рядом с ним.

Куда же смотрело мировое сообщество? Мировое сообщество не смотрело никуда… Оно спокойно жило своей жизнью, только иногда в ответ на стоны убиваемых подавало короткие реплики «о невмешательстве в личные дела России». Но когда убивают именно тебя, когда рушится твой мир, тогда подобное равнодушие становится нестерпимым. И ты начисто забываешь о том, что сам когда-то точно так же относился к другим войнам, не пытаясь разобраться в подлинных причинах, их вызвавших. И Афганистан, и Чечня, и все войны на свете ведутся за власть и землю уже имеющими и то, и другое. А причины всегда при желании можно найти.

С семи утра 26 ноября начали бомбить центр Грозного, президентский дворец и прилегающие к нему улицы. Ракетно-бомбовые удары продолжались целый час. Потом с трех сторон в город пошли танки. С воем и грохотом проносились самолеты, прошивая верхние этажи жилых домов пулеметными очередями. Первая бронетанковая колонна в сопровождении пехоты, разделившись, вошла в город через Петропавловское шоссе и микрорайон; вторая колонна — через 36-й участок; гантемировская — через Черноречье.

Первый удар принял на себя заслон бойцов Ильяса Арсанукаева. Несколько танков прорвалось к центру, где их встретила президентская гвардия. Колонны танков были

рассечены на части подразделениями Шамиля Басаева и Руслана Гелаева, и начался их обстрел. Танки горели кострами на улицах. Засевшие на крышах домов российские снайперы расстреливали смельчаков-добровольцев. Под их пулями погиб, спасая раненого из-под обстрела, друг нашей семьи Хусейн Гузуев, председатель Гостелерадио ЧРИ, два брата Исы Арсемикова — Муса и Лема — и еще много других героев, известных и неизвестных, бесстрашно шагнувших в огонь русско-чеченской войны и бросивших вызов броне и стали. В два часа разгром танков стал очевиден. Весь мир увидел позор России!

По всему городу пылала бронетехника, валялись обгоревшие трупы российских солдат. Из элитных частей Кантемировской и Таманской дивизий спаслось только несколько бронемашин. В городе пахло гарью. Иностранные журналисты и российские средства массовой информации снимали и показывали всему миру лица первых пленных, захваченных после танкового побоища. Вместе с чеченскими бандитами, «оппозиционерами», их было более 100 человек. Но командующий Павел Грачев вместе с политическим и военным руководством России отказались от российских солдат, во всеуслышанье заявив, что им ничего не известно об участии в «антидудаевской акции» подразделений федеральной армии. Ложь была наглой и очевидной и вызвала возмущение общественности в самой России.

«Мы ведем войну не с оппозицией, а с Россией. Доказательством тому семьдесят задержанных нами российских военнослужащих», — заявил президент Джохар Дудаев. Когда журналисты его спросили, какая участь ожидает военнопленных, он ответил: «В данном случае речь идет о правонарушителях. Так как Россия не признает этих людей своими военнослужащими, мы будем вынуждены судить их по законам военного времени, то есть как уголовных преступников. Только если Москва объявит их российскими солдатами, выполнявшими приказ, и открыто признает факт военного вмешательства в дела суверенной Чечни, они, как пленные, по взаимной договоренности будет переданы России. Выступления Грачева его же и разоблачили. Если министр обороны не знает, где его военнослужащие, как он руководит вооруженными силами страны, как владеет оперативной обстановкой? Подобные заявления с его стороны глупы и наивны».

Ельцин на следующий день выступил со смехотворным, после своего сокрушительного поражения, ультиматумом, вновь повторив, что Чечня является неотъемлемой частью России. Он потребовал: «В течение 48 часов сложить оружие, распустить

вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых лиц». Президент ответил столь же категорично: «Чеченская Республика — Ичкерия никогда добровольно в состав России не входила, и чеченцы за свою свободу будут стоять насмерть!»

Телекомпанией НТВ были показаны видеоматериалы о том, что плененные экипажи боевых машин заключали контракты с органами контрразведки. Расследование показало, что контракты с военнослужащими, уволенными в запас, заключало ФСК, но российское правительство опять принародно отказалось от них.

Центр Грозного утром 29 ноября снова бомбили российские «оппозиционные» вертолеты и самолеты. А пленные офицеры, окончательно разуверившиеся в том, что Родина-мать, отправившая их на смерть, признает их своими, написали следующее обращение.

ОБРАЩЕНИЕ

К народу России, Государственной Думе и Президенту России Б. Ельцину от пленных солдат и офицеров российской армии в Чеченской Республике — Ичкерия.

Мы, солдаты и офицеры российской армии, из-за авантюрной политики некоторых высших чинов Вооруженных Сил Российской Федерации, спецслужб России и чиновников из аппарата Президента РФ оказавшиеся в плену у сил народного ополчения Чеченской Республики — Ичкерия, воочию убедились в том, что ситуация в Чеченской Республике — Ичкерия в действительности не соответствует тому, как ее пытаются представить российскому народу и мировому сообществу наши спецслужбы и отщепенцы чеченского народа, называющие себя оппозицией к Д. Дудаеву, ценой крови чеченского и русского народов стремящихся к власти над чеченским народом, который, как мы поняли, не приемлет их и им подобных.

Вместе с тем мы свидетельствуем перед всем мировым сообществом, что мы были вовлечены в грязную военную авантюру против чеченского народа и государства, с применением российских танков, самолетов и вертолетов, которая выразилась в непровоцированном нападении на город Грозный на

рассвете 26 ноября 1994 года. Результаты этой авантюры сегодня известны всему миру — это сотни убитых и раненых, в том числе и среди мирного населения. Мы имели возможность убедиться в том, что завгаевы, хаджиевы, хасбулатовы и им подобные не имеют ни поддержки, ни перспективы в Чеченской Республике — Ичкерия и несут горе и страдания не только чеченскому народу.

Мы убеждены, что новые силовые методы в отношениях России и Чеченской Республики приведут только к усугублению раскола между нашими народами и неоправданным жертвам с обеих сторон, возможно, и к крупномасштабной войне на всем Кавказе. Эта война закончится для России потерей этого региона, а возможно, и окончательным развалом России.

Мы считаем необходимым обратиться к русскому народу, в Государственную Думу, к Вам, Борис Николаевич, и ко всем здравомыслящим политикам России с просьбой радикально изменить политику в отношении Чеченской Республики — Ичкерия, отказаться от поддержки так называемого Временного Совета, не имеющего никакой политической перспективы и поддержки в чеченском народе, в чем мы убедились за короткое время пребывания в лагере вооруженных групп, противостоящих официальному руководству Чеченской Республики — Ичкерия и Джохару Дудаеву.

Настоящее обращение передано также представителям международных средств массовой информации и делегациям от народов Кавказа, находящимся в ЧРИ, а также для распространения по международным каналам.

В любом случае мы требуем, чтобы наше заявление было принято во внимание при любых дальнейших шагах в отношении ЧРИ. Было бы разумно направить сюда компетентную комиссию от России и ООН, чтобы направить действие руководства Российской Федерации в русло международного права.

С именем Бога на устах:

1. Ст. лейтенант Морсов Александр Владимирович.
2. Лейтенант Морсин Андрей Анатольевич.
3. Рядовой Сенцов Николай Александрович.
4. Рядовой Данилов Александр Юрьевич.
5. Ст. лейтенант Оастопка Алексей Викторович.
6. Капитан Крюков Андрей Васильевич.

7. Ст. лейтенант Назоревич Кирилл Владимирович.
8. Рядовой Ломакин Эдуард Петрович.
9. Капитан Шихалев Александр Николаевич.
10. Ст. лейтенант Жуков Евгений Евгеньевич.
11. Рядовой Прополов Сергей Александрович.
12. Рядовой Дроздов Владимир Викторович.
13. Лейтенант Вольоревич Дмитрий Григорьевич.
14. Майор Иванов Валерий Александрович.

6 декабря в Чечне, окруженной двумя кольцами российских войск, в доме Президента раздался звонок от вице-президента Ингушетии с приглашением на переговоры с министром обороны России Грачевым. В Моздок прилетели все организаторы штурма столицы Грозного: Грачев, Степашин, Ерин, а также их ярые защитники — Грязнов и выбранный недавно председатель по урегулированию так называемого конфликта. Какое тактичное и мягкое название массового кровопролитного убийства придумали господа российские политики! С их стороны можно было ожидать любого самого изощренного обмана и провокации, тем более, что в России звучали требования общественности «отдать под уголовный суд виновников гибели людей». Россия все еще уповала на пресловутую демократию.

Несмотря на наши уговоры не ехать «в пасть к тигру», Джохар все-таки отправился в Моздок. Точно так же месяц назад мы отговаривали его от поездки на переговоры с генералом Стерлинговым. В одной из российских газет вовремя появилась статья, предупреждающая Президента Джохара Дудаева о готовящейся провокации. Надо отдать должное российским газетчикам: в отличие от правительства, большинство из них были людьми с честью, совестью и чувством профессионального долга. Сколько журналистов погибло на нашей войне, расстрелянных в спину своими же!

Пресловутый Шахрай публично заявил, что «день переговоров с Дудаевым останется для России днем ее национального позора…» Существовало мнение, что «Дудаев сам отказывается от переговоров». Кремль старательно делал вид, что заинтересован в мирном исходе, хотя вторжение войск было давно предрешено.

В который раз ребята из охраны Джохара приготовились к возможной смерти. Побрились, надели чистые рубашки. Магомет Хачукаев спросил, как он сегодня выглядит. Недавно «старожил-Мусик» учил его принимать «грозный вид», когда они стоят в охране Президента на митинге или перед телекамерой. Сам Муса так страшно водил огромными глазищами из стороны в сторону (а они у него, как фары у мотоцикла), что присутствующие

забывали даже про Президента, смотрели только на него. Зрелище получалось уморительное!

За черным президентским «Мерседесом» охота не прекращалась, но Джохар пересел на другую машину только по нашему настоянию, уже на улице. Никто из них опять не одел бронежилет, а гранату, чтобы взорвать себя и тех, кто может устроить ловушку, Джохар взять не забыл! И все-таки он надеялся договориться с Павлом Грачевым, а иначе зачем приглашать на переговоры?

Но переговоры, как и следовало ожидать, оказались очередной фикцией. Грачев, как и любой военный, не мог остановить запущенную машину войны. По его словам он просто «исполнитель приказов, идущих сверху», а армия, как таковая, еще и не наступала, только отдельные офицеры были наняты контрразведкой Степашина за миллионы. Такие деньги, конечно, этим бедолагам и не снились, они уже по три месяца не получали зарплату. После вывода в срочном порядке войск из Германии, Прибалтики и других западных стран офицерским семьям приходилось ютиться в общежитиях, бараках и палатках. Они стали в армии лишними людьми, занять чеченские дома или погибнуть — другого выхода у них теперь не было. 15 миллиардов долларов, выделенных Германией на благоустройство военных городков, присвоило себе высшее российское командование.

— А где берут деньги на наем и вылет вертолетов, самолетов, бомбящих Чечню, оплату военных и всего прочего? — спросил Джохар.

— Из российской казны — отвечал ему Павел Грачев.

Договорились об обмене дополнительного числа пленных.

— Сколько еще их в Грозном? — спросил российский генерал.

— 77 или 78. Пусть приедут родственники и заберут их.

Первые же российские пленные, которых забрал депутат Государственной Думы Сергей Юшенков, не хотели ехать домой, боялись, что с ними расправится ФСК. Какие уж тут права человека! Поздно ночью, в пятницу 9 декабря, Ельцин подписал указ № 2169С (секретный), в котором говорилось: «Всеми имеющимися у государства средствами обеспечить разоружение бандформирований на Северном Кавказе».

— Чтобы к 20 декабря все было закончено — приказал Ельцин.

— Раньше управимся — с готовностью щелкнул каблуками Грачев.

Ельцин для страховки срочно слег в больницу, с диагнозом: «Исправление носовой перегородки, травмированной еще в «нежном» детском возрасте». Теперь Государственная Дума не могла начать процедуру «импичмента» Президента из-за его болезни. Валерия Новодворская в кратком интервью на митинге в Москве на Пушкинской, держа Уголовный Кодекс в руках, объясняла: «Грачев и Степашин должны быть привлечены к уголовной ответственности по статье 61 «За пропаганду и развязывание войны» и по статье 76 — «За насилие». Депутат Государственной Думы Сергей Юшенков выступил с заявлением о немедленном отстранении Президента Ельцина от власти. Но пока в Думе препирались отдельные фракции и целые партии, по приказу Президента российские войска начали марш к Грозному. Как уклончиво заверяли московские телекомментаторы: «для разоружения бандформирований с той и с другой стороны». На деле началась широкомасштабная война с чеченским народом.

Телекомментатор Сергей Доренко окрестил депутатов Думы Юшенкова, Явлинского, Елену Панфилову, приехавших с пленными российскими солдатами, «продудаевскими». А в Москве начался митинг на Пушкинской площади, возглавляемый этими депутатами, все российские демократические силы приняли в нем участие. За Чечню выступают партии Гайдара, «Яблоко», даже партия коммунистов. Ночная Москва, сумеречный свет фонарей освещает одинокую фигуру кришнаита, не принимающего участия в общем митинге. Глядя на плакаты «Ельцин — палач!», «Свободу Чечне!», «Верните наших сыновей!», он мерно продолжает бить в свой бубен. «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол, он звонит по Тебе…»

А за границей наступают веселые рождественские праздники. Любуясь красиво убранными улицами, переливающимися в свете неоновых фонарей блестящими игрушками на больших и маленьких елках, приветливыми лицами прохожих, заранее покупающих подарки своим близким, наши дети спрашивают: «А у нас елка и подарки будут?»

«Совершенно секретно. Штаб Северо-Кавказского военного округа. Министр обороны Российской Федерации приказал: «11 декабря 1994 года ввести две мотострелковые и одну танковую дивизии на территорию Чеченской Республики для оказания содействия органам внутренних дел в восстановлении конституционной законности и правопорядка…» Ориентировочный срок окончания операции — не позднее 20 декабря 1994 года».

Глава 24

Четвертая агрессия

Рано утром, 11 декабря 1994 года, федеральные войска с трех сторон вторглись на территорию Чеченской Республики.

Одна колонна бронетехники была остановлена на границе с Дагестаном в Хасав-Юрте дагестанцами. Российские солдаты показывали загородившим дорогу женщинам, какие шланги нужно перерезать, чтобы их техника потеряла способность передвигаться. Сами сдавались в плен, не желая бесславно умирать на чеченской земле.

Вторая танковая колонна на два дня была остановлена в Ингушетии. Президент Руслан Аушев заявил: «В случае ввода российских войск братский ингушский народ будет сражаться на стороне чеченского народа». Сами пережившие геноцид 1992 года, ингуши восстали против идущих войск.

Навстречу бронированной колонне вышли женщины, старики и дети. Взявшись за руки, своими телами они пытались остановить передвижение российских танков. Белый снег падал с серого неба на их раскрасневшие, возмущенные лица, смешиваясь с брызгами жидкой грязи, летевшей из-под гусениц. А танки шли, как во сне, мимо заснеженных белых деревьев и полян, утопающих в сказочном пушистом белом снегу. Он выпал сегодня в первый раз, шел всю ночь и утро, как будто тоже хотел укрыть, спрятать беззащитные голые деревья, ветки, людей и саму землю от надвигающейся беды, такой же черной и страшной, как безобразные следы на растерзанных гусеницами танков белоснежных озимых полях.

Навсегда останется в памяти подвиг министра здравоохранения Ингушетии Тамерлана Горчханова. Он поставил свою машину поперек дороги, преградив путь танкам, призывая военных проявить разум и гуманизм. Машину смяли гусеницами танков, жестоко избитого министра бросили умирать на обочине. Четверо ингушей погибло в селении Барсуки, пытаясь остановить продвижение колонны, на пути которой ингуши возводили препятствия и сжигали машины. Главнокомандующий «операцией» Грачев, не справляющийся теперь даже со сроками ввода войск, выступая по телевидению, с кислой миной заявил: «Где это видано, чтобы, прячась за спины женщин и детей, стреляли в спину и взрывали танки российские поданные?»

Третья бронированная колонна вошла из Надтеречного

района. Там ее очень ждали остатки разбитой «автурхановщины». Самые нетерпеливые, 15 человек, вышли встречать российских «гостей», забыв, что встречать гостей полагается без автоматов. И были расстреляны в упор танками. Для наступающих российских войск все чеченцы — одинаковы. Войска МВД вместо благодарности за то, что их без боя впустили в село, стали обыскивать дома мирных жителей, «изымать» оружие и «все, что плохо лежит». Несколько хозяев домов при сопротивлении были убиты.

Оказалось, что жить вместе с «победителями» очень тяжело. Молодые пятнадцатилетние ребята из Надтеречного района, кое-как добрались до Грозного и попросили их записать «хоть в штрафной батальон, только со своими». На площади Свободы народ митинговал каждый день, постоянно от него отделялись отряды, которые направлялись защищать Чечню, они присоединялись к правительственным войскам и отрядам МВД.

Второй день шел бой в станице Ассиновской, Серноводске, Давыденко, Первомайском. В Долинске есть жертвы, много раненых и убитых мирных жителей, горят дома, машины. Бьет тяжелая артиллерия, бомбят самолеты, пущены в ход установки «Град». Последняя сводка: 25 танков подбито, сбито 2 самолета, 70 человек убито, 60 ранено. По местному телевидению показали новых российских пленных солдат, захваченных на границе с Дагестаном. В отличие от прежних пленных контрактников эти призывники — настоящие пацаны, на вид им дашь не больше шестнадцати лет. У всех заплаканные глаза и опухшие от слез лица. Пушечное мясо войны. По личному приказу президента Джохара Дудаева — отпущены домой.

Ночью было светло, как днем, от повисших в небе желтых осветительных бомб, сброшенных на Грозный российскими самолетами. На маленьких белых парашютах, плавно покачиваясь, бомбы медленно спускались на крыши домов. А самолеты все кружились и сбрасывали новые и новые парашюты. Отряды военных помчались спасать самые важные объекты города от десантников. Улицы были полны вооруженного народа. Отчаянные мальчишки сновали по скользким, мокрым от дождя крышам высоких домов, охотясь за упавшими парашютиками. Первого десантника, застрявшего на высоком дереве, в дальнем конце улицы заметила наша охрана. Окружили дерево, наставили автоматы:

— Попался, оккупант! Сдавайся!

— Со гаски вац, со нохчи ву! (я не русский, я чеченец) — отчаянно завопил тот.

— Ах, ты еще и чеченец! — вконец разозлились гвардейцы и

передернули затворы. — Предатель, где на десантника выучился?

— Да не предатель я, — чуть не плача говорил, слезая с дерева, высокий подросток. — Я за парашютом на дерево залез…

В эту ночь наш город не бомбили. Десант так и не появился, а у чеченской детворы был праздник. С веселыми криками гонялись они за российскими «подарками», которые подарило им желтое ночное небо.

Утром 14 декабря Джохар выступил по телевидению с суровой и пламенной речью: «Российское вторжение — это осуществление целевой программы уничтожения чеченского народа. И не только чеченского, население республики составляют также русские, евреи, представители других национальностей». Он сказал, что Россия под прикрытием переговоров наносит ковровые бомбовые удары по населенным пунктам, и поэтому миротворческие акции должны быть прекращены. Джохар призвал всех граждан Чечни встать на защиту Родины: «Земля должна гореть под ногами оккупантов». В те дни граждане узнали истинную цену своему президенту — генералу.

Оружия катастрофически не хватало. «Джохар, что делать, в Ассиновскую вошли танки». «Взять бутылку, залить бензином, замотать тряпкой. Подойти к танку, постучать пальцем, откроется люк. Поджечь и бросить!» — пошутил Джохар. Спрашивающий пошел к ожидающим его товарищам, сокрушенно начал рассказывать, что сказал ему Президент. Выступая по телевидению, Джохар то же самое говорил и другим: «Будут гореть танки, как спичечные коробки. Оружие отнимете сами». Его словам сначала не верили, но приказ выполняли. Знаменитые горы дудаевского оружия существовали только в российских средствах массовой информации. Позже кадры документального фильма о русско-чеченской войне обошли все экраны мира: закидывая взрывчатку, чеченцы «с шиком» уходили с танка, делая в воздухе сальто-мортале.

А ватаги мальчишек охотились за отбившимися танками, делая именно то, что говорил Джохар. «Это мой танк, не подходи!» — ссорились они из-за них, как из-за игрушек. И, когда выскакивали из горящего танка танкисты, пацаны еще успевали залезть и вытащить из него оружие и приборы ночного видения. «Не ищите в справочниках мира такое оружие, потому что стрелять из него могут только чеченцы», — слова литовского корреспондента, побывавшего на этой войне.

С подбитой установки «Град» чеченцы сняли трубу, привязали к спине здорового гвардейца, поставили его в положение установки буквой «Г» и выстрелили. Потом спрашивают его: «Ну

как? Сзади жжет?» Усовершенствовали, засунули между его спиной и трубой лист алюминиевого шифера. И стреляли весь день, часто обливая парня водой, чтобы телогрейка не дымилась. Или вырыли две ямы для передних колес «Града», его кабина опустилась, и били прямой наводкой по скоплению техники федералов (обычно «Град» бьет только вверх и издалека).

Во время боя шестнадцатилетний парнишка поднялся на высокую гору с тяжеленным пулеметом «ДШК» от танка. После боя старик, принесший ему воду и хлеб, спросил, как он один смог поднять эту «пушку»?». Пушка выстрелит вниз, себя и меня на один метр вверх в гору подбросит», — отшутился бесшабашный пацан. Старик не знал, верить ему или нет, пока не выстрелил из «пушки» сам.

А как учились «артиллеристы» попадать в цель, ведь времени на «военные учения» в боевых условиях не было? Поставили стомиллиметровую, только что отбитую пушку, в сторону позиций у захваченного русскими села Беркат-Юрт и начали стрелять. Выстрелят, а «наводчик» на коне скачет посмотреть, куда попали. Потом быстро возвращается и командует: поднять ствол или опустить. Российские гранатометы последнего выпуска усовершенствовали, закрывая тряпками сопло с задней стороны, чтобы «снаряд дальше летел».

Но «все новейшие технические достижения» превзошла самодельная «ракетная» чеченская установка. На четырех арматурах крепилась обыкновенная железная труба, выводились две проволоки, замыкались на аккумуляторе и… самолетная ракета С-8 стремительно вылетала, наводя ужас на российские войска. Благо, таких ракет был целый склад. Довольный Джохар улыбался и потирал ладони: «Молодцы, чеченцы! Они учат меня воевать!»

Авиация продолжала бомбить, но российская армия была деморализована и растеряна. Фигура Ельцина опять появилась на экранах наших телевизоров. Российский Президент заговорил о возможности, (наконец-то!) политических переговоров с представителями Чеченской Республики. 15 декабря в 15.00 начались заседания в Думе по этой же проблеме. Это произошло не потому, что они решили проявить гуманность, а потому, что не удался победоносный быстрый марш по чужой земле.

Несмотря на объявленное перемирие, бомбардировщики снова нанесли авиационные удары по мирным жителям. «Точечным бомбометанием» разбиты нефтяной институт, Дом печати, кинотеатр «Космос», поселок Катаяма, площадь «Минутка». Больницы переполнены ранеными и умирающими.

«15 декабря заканчивается срок сдачи оружия

«бандформирований» генерала Дудаева».

Российские войска продвинулись только на север и восток к Грозному. Генерал Бабичев, стоящий с колонной танков в Ингушетии со стороны Назрани, просил по местному телевидению, чтобы «женщины и дети блокировали его войска, иначе ему придется выполнять приказ».

16 декабря поступило сообщение, что взрывы, которые слышались ночью, произошли в его колонне. Были расстреляны четыре танка, пожелавшие идти на Грозный, самими российскими солдатами. Генерал предупреждал об опасности провокаций со стороны вооруженных группировок Гантамирова и Автурханова, которым «позарез» нужно «стравить» чеченские и российские войска.

17 декабря Альберт Гор, вице-президент США, наконец-таки встретился с Ельциным и заявил: «Никакого охлаждения между Россией и США нет». Ни одна страна не признала Чечню суверенной, Россия могла делать с ней все, что ей заблагорассудится. Все хотели только одного, чтобы не было кровопролития и соблюдались права человека. Перевести это довольно трудно: «продолжайте убивать чеченцев и дальше, но желательно без крови и соблюдая права человека…»

> «В этой глупой войне не будет ни побежденных, ни победителей. Мы намерены продолжать войну до тех пор, пока Россия не развалится полностью», -
>
> *Джохар Дудаев 16 декабря 1995 года.*

Сопротивление народа нарастало… Незаметно исчезли те министры, которые были болезненными наростами на родовом дереве чеченской нации. Трусы бегут, герои приезжают. И не останавливают идущих на помощь ни постоянные артиллерийские обстрелы, ни авианалеты. Беспредельное мужество, героизм и самоотверженность чеченских бойцов и ополченцев восполняют дефицит оружия и боеприпасов. Бесконечны их шутки над собой и своим «отчаянным» Президентом. Вот одна из них. Военное совещание, Джохар, наклонившись над картой, приказывает: «Шамиль Басаев со своим подразделением окружит трехсоттысячную российскую армию справа, Руслан Гелаев — слева. А я, уж так и быть, сверху прикрою авиацией. Но в меня, — поднимает палец, — предупреждаю, из автоматов не палить!»

Российские войска подступают все ближе к Грозному, кабинеты Джохара и Зелимхана Яндарбиева переносятся в подвал Президентского дворца, кабинет министров — под здание мэрии

города, в штаб гражданской обороны. Помощник Джохара Мавлен Саламов остается во дворце на своем посту, как одинокий полосатый столб с дощечками-указателями. Каждый, кто не знает куда идти, где искать нужного министра или другое должностное лицо, обращается к нему.

В подвале Президентского дворца принимают миссии: миротворческого характера С. Ковалева, солдатских матерей России, там же находится часть пленных российских солдат.

По указанию Президента, накануне нового 1995 года в центре Грозного устанавливается праздничная елка, несмотря на то, что на северной окраине города идут ожесточенные бои.

Бомбят днем и ночью, под бомбами на дорогах взрываются и горят машины. Мирное население спешно покидает город. Меня, Деги и Дану с грудным ребенком на руках наш зять Мовсуд отвез в село к своим родственникам. В нашем доме теперь остались только гвардейцы Сэйди, Рамзан и старший сын, Овлур. Ночью, во сне в полной тишине я услышала голос: «Двоих унесут на погост». Старинное, вышедшее из употребления слово «погост» убедило меня, что я не могла сама произнести такую фразу. Завтра день рождения Овлура, ему исполнится 24 года в этот беспокойный год «собаки». Хоть бы с ним не случилось ничего плохого!

Сын приехал вместе с Мовсудом, оба в камуфляжной форме, оживленно рассказывают последние новости из Грозного. Кроме обычного сельского ужина на нашем столе нет ничего праздничного. Что же подарить? Впрочем, ему сейчас совсем не нужны наши подарки. Я обвела сына взглядом и увидела на полу его ноги в обычных тонких носках, тяжелые солдатские бутсы стояли у порога. Я потихоньку вышла и попросила хозяйку купить в селе вязаные пуховые носки и перчатки. Она сбегала к соседям и быстро принесла все, что я хотела. Когда Овлур уходил, я вручила ему эти скромные сельские подарки. Он сразу надел носки, а перчатки положил в карман: «Ну, теперь, мама, я любой декабрьский мороз выдержу! Это как раз то, что мне может понадобиться». 26 декабря они ему действительно очень пригодились…

С 11 часов утра в Совете Безопасности обсуждался вопрос о Чечне: «Российские войска будут отведены, потому что первый этап наведения конституционного порядка закончен». Ельцин поблагодарил войска обороны, МВД и заявил, что теперь железнодорожные войска будут ремонтировать дороги. Понятно, ему не хочется признавать поражение, поэтому он и назвал разгром войск «первым этапом». И мы, поверив ему, наконец, вздохнули с облегчением.

Ночью дети выбежали на улицу, я тоже вышла и увидела яркое, звездное небо. Это была настоящая новогодняя сказка. Деги катал Данусю на санках, нам всем было очень весело и радостно.

Мы проснулись оттого, что приехали Мовсуд с Овлуром, в грязной одежде, с измученными лицами. Мой сон сбылся самым невероятным образом. Мовсуд и Овлур отправились утром за архивом в наш дом на Катаяме, там встретились с Максудом, гвардейцем из личной охраны Джохара, Хусейном Атуевым и Абубакаром Сардаловым. Они как раз собирались на наш пост на Соленой балке за Катаямой и предложили составить им компанию. «Девятка» шла первой, Лурик с Мовсудом ехали на своих черных «Жигулях». За Катаямой на холмах сразу увидели танки. Овлур посигналил, замигал фарами первой машине, сам съехал с холма. Вместе с Мовсудом они подошли к «девятке» на холме, посмотрели в бинокль на танки. Хусейн и Максуд были уверены, что танки наши. Поехали дальше, но как только они оказались внизу, во впадине, «наши» танки открыли по ним огонь. Ребята выскочили из машины, Абубакар сказал: «Они нас перепутали!» Максуд вышел вперед, замахал рукой танкам и закричал: «Не стреляйте по своим!» Огонь не прекращался. Пришлось ползком по земле пробираться к нефтекачалке, находившейся в 150 метрах от дороги, за ее бетонным фундаментом можно было укрыться.

Овлур решил вернуться к машине и взять два автомата. «Если взорвется машина, мы останемся совсем безоружными». «Жигули» были уже в пробоинах, стекла разбиты. Свистели пули. Пробираясь ползком мимо Максуда, он подумал, что тот просто лежит, закрывая голову руками. Но Максуд был убит сразу. Продолжался шквальный обстрел из автоматов и пулеметов, очереди вспарывали снег. Хусейну не хватило двух метров доползти, чтобы спрятаться. Совсем рядом раздался сильный взрыв. Они затащили Хусейна за укрытие, рука была раздроблена, от бедра свисали куски мяса, пуля попала в тазовую кость. Куртка на спине была изрешечена. Снег быстро краснел под ним, а когда ему перетягивали ногу шарфом, Хусейн даже не застонал. Машины взорвались и горели на шоссе, выбраться было невозможно, оставалось только лежать и ждать, пока стемнеет. Снег таял, солнце слепило глаза, лежать приходилось наполовину в ледяной воде.

Колонна танков начала медленно обходить нефтекачалку по холмам справа. Их распростертые тела сверху были видны, как на ладони. Видимо, танкисты подумали, что с ними все кончено, и прекратили обстрел. Совсем близко раздался лай собак. «Что,

если нас решили проверить собаками?» — Хусейн осторожно вытащил нож. Но прошло время, собаки так и не приблизились. Солнце, казалось, заснуло на одном месте, руки и ноги онемели. Лурик снял с себя одну перчатку, вторую передал Мовсуду. На другую руку он натянул рукав. Потихоньку начал растирать ноги Мовсуду, тот совсем перестал их чувствовать. День тянулся бесконечно долго. Наконец, начало смеркаться. Ночью «они» включат приборы ночного видения, нужно отходить, пока не поздно!

Мальчики поползли, волоча за собой раненого. Кровавая дорога тянулась за ними. Сто метров, двести… Дальше ползти сил не было, шатаясь, встали и, согнувшись, потащили Хусейна под автоматными очередями. Мовсуд несколько раз упал. Кое-как добрели до первого поста, раненого сразу погрузили в машину и отвезли в больницу. За все время Хусейн не издал ни одного стона, еще и помогал, отталкиваясь от земли целой ногой. Когда лежали за платформой, он тихо сказал: «Так бывает, когда все слушают дурака, понимая, что делают что-то не так, но каждый боится показаться перед другими трусом». Через несколько часов Хусейн умер в больнице от большой потери крови. Но когда его вытащили из машины и положили на снег, произошло нечто удивительное. Снег засветился розоватым светом вокруг его головы, рук, даже вокруг его дубленки и сапог. Овлур не поверил своим глазам и нагнулся, чтобы еще раз убедиться в том, что, Хусейн действительно светится.

Красавца Максуда ночью с большим трудом оторвал от промерзшей, заледеневшей земли Магомет Хачукаев и трое ребят из нашей охраны. Перед отъездом он, покормив в последний раз любимую золотую рыбку с красным вуалевым хвостом, учил Овлура, как это делать, «если его не будет». А перед дорогой все ждали, пока Максуд доделает намаз… Магомет Хачукаев потом вспомнил, что еще утром удивился необычной бледности всегда розового лица Максуда.

Исполнился мой вещий сон: «Двоих мы отнесли на погост». У Лурика и Мовсуда живого места на теле не было, все иссечены осколками бетона от платформы, за которой лежали, и обморожены. Про Овлура пошли слухи, российские СМИ объявили его погибшим, потом раненым. Когда Джохара журналисты спросили, о судьбе сына, он рассердился: «Почему вы меня о нем спрашиваете? У меня таких, как он, тысячи…»

Половину моих картин мы отвезли в дом к Товсари — Зиночке, племяннице Джохара, другую половину я оставила дома, не зная, где теперь можно их надежно спрятать. Бомбили везде одинаково! Глядя на одну из последних картин — «Потерянный

мир», опять вспомнила Максуда. Я как раз ее дописывала, когда он, приоткрыв дверь, заглянул в зал. Картина изображала дискотеку. Сиреневые, желтые потоки светомузыки переплетались в бешеной какофонии с ярко освещенными лицами и руками плящущих людей. Только на переднем плане — отрешенное, изможденное лицо старого, задумавшегося об этой ускользающей, искусственно-веселой жизни наркомана. Само собой вдруг вышло просвечивающее в потоке света, потустороннее, полулицо-полуморда с дьявольским оскалом черепа. Я его совсем не рисовала, увидела только через несколько дней, когда закончила эту картину. Максуд спросил тогда: «Что ты там рисуешь, Алла?» Вспомнив, каким большим любителем «тяжелого», «металлического» рока со светомузыкой был Максуд, я пошутила: «То, что ты любишь больше всего на свете…» «Неужели жареную колбасу?» — поразился Максуд. Он доставлял радость всем нам, и так мало ему было надо самому, чтобы стать счастливым… Все они были, в сущности, еще детьми.

Через несколько дней после гибели Максуда увидел во сне один из наших гвардейцев. «Сияющий и красивый», он появился в Президентском дворце, зашел в приемную Джохара, сел за освещенный лучами солнца стол и, взглянув на охрану, улыбнулся: «Все будет хорошо, мы победим…»

Глава 25

31 декабря. Целый день я писала стихотворение, в которое вложила всю боль своей души вместе с надеждой остановить, наконец, эту ужасную войну. Оно было посвящено Новому году, всем, кто погиб, и заканчивалось обращением к российским матерям.

Утром я достала свой праздничный бежевый костюм и повесила его на вешалку. В Грозный приехала новая группа депутатов из Москвы, бомбить сегодня, наверно, не будут. Я надеялась, что уж 31-го, наконец-то, меня отвезут в Грозный, я увижу Джохара и передам новогоднее стихотворение кому-нибудь из российских журналистов. Включила телевизор, шла прямая передача из Грозного. С тревогой я стала вглядываться в знакомые улицы, нередко не узнавая их: чередовались развалины домов, сожженные машины, на улицах лежали трупы, поднимался огромный столб дыма с нефтехранилища. В грузовую машину складывали тела погибших после бомбежки. Молодого парня без головы начали грузить в машину первым. Пожилая русская заплаканная женщина, видимо, его мать, растерянно держала в руках его шапку, то укладывая ее рядом с ним, то трогая его ноги, совершенно не понимая, что ей теперь делать. А машину все нагружали и нагружали мертвыми телами.

Грозный бомбили уже несколько дней подряд, особенно после последнего заявления Ельцина 27 декабря: «Авиационных налетов больше не будет!» Вот показалась и приблизилась толпа возмущенных русских женщин. На фоне пожарищ они что-то говорили, вытирая слезы, в камеру журналистам. Почему они не захотели уехать вместе с чеченскими семьями? Для них были подготовлены автобусы и в селах их ждали. Вероятно, не ожидали, что российские летчики с такой жестокостью будут уничтожать жилые дома в центре Грозного, где преимущественно находились русские семьи, и потому пострадали самыми первыми. Звука не было, слышались только взрывы и одиночные выстрелы.

А вот Президентский дворец. Джохар, отвечая на вопросы журналистов, что-то объяснял, показывая российские документы на гербовой бумаге с печатью и подписью премьер-министра Черномырдина. Звука все еще не было. Вдруг раздался сильный мужской голос за кадром: «Обращаюсь ко всем, кто в силах держать оружие, Президентский дворец окружен. Помогите!» Эта фраза с небольшим интервалом прозвучала несколько раз. В кадре появилось окно, с которого телеоператор сдирал защитную

пленку и в которое засовывал автомат. За окном мелькали бегущие силуэты людей, горел бронетранспортер…

Быстро темнело. Установленная в окне камера снимала все тот же бронетранспортер и загоревшееся рядом с ним дерево. Темноту то и дело разрывали трассирующие автоматные очереди, озаряли взрывы и вспышки снарядов. Камера снимала еще два часа, постепенно сползая вниз. Окно как будто опрокидывалось на нас, показывая красный, как уголь, раскаленный, светящийся ствол дерева, осыпающиеся летящими искрами ветки, горящую верхушку, звездное небо. Вот остались видны только ветки, потом только верхушка. Наконец, осталась одна луна. Погас электрический свет. Наступила полная темнота. Мы как будто навсегда простились с теми, кто сражался сейчас в Президентском дворце и на площади Свободы и были в полном отчаянии.

Вдруг без двадцати минут двенадцать распахнулась дверь, и вошел Джохар, а за ним наши ребята из личной охраны. Мы сразу кинулись их обнимать, дети полезли на наших защитников, как на деревья. Вместе с детьми они сели за пустой стол, который совершено не походил на новогодний. Мы проплакали весь день и ничего не приготовили. Поставили печенье, налили в чашки чай. Большие красные яблоки были единственным украшением скромного стола. Но все это было не важно, главное — мы вместе и все живы! Ведь мы не видели их с 15 декабря, с тех пор, как Мовсуд привез нас в это отдаленное чеченское село Орехово. Джохар внимательно посмотрел на нас и сказал, что Зухра и Дануся сильно похудели: «Вас что, не кормят? — шутил он, поправляя Дане волосы и заглаживая их наверх. — Такой лоб жалко скрывать». А Деги, как всегда, сидел рядом с Магометом Хачукаевым и рассказывал ему, как долго он за него молился. Джохар рассказывал о том, что творится в городе: «Так много ополченцев из сел, что приходится буквально сдерживать их, чтобы не гибли под пулями напрасно. Нам опять помогает сам Всевышний, происходят настоящие чудеса: огромные снаряды ложатся на наши позиции, не взрываясь! Когда патроны уже на исходе, кто-то их приносит или находит ящик с боеприпасами». Восстал весь народ, воюют даже женщины и дети! Тринадцатилетний пацан взорвал бутылками с зажигательной смесью три танка. Девушка — ингушка, мстя за своих убитых еще в Пригородном братьев, гранатометом уничтожила семь танков. Российские колонны ни с того ни с сего начинают обстреливать друг друга…

Без одной минуты двенадцать я вспомнила про бенгальские огни, и мы с Деги начали быстро их зажигать. «Победа и

Свобода», — успела я пожелать, пока били часы.

Ребята рассказывали, что когда уезжали из дворца, увидели растерянного чеченского старика, стоящего посередине дороги. Все машины с огромной скоростью проскакивали мимо него, рядом проносились снаряды. Джохар крикнул: «Назад! Немедленно вернуться!» Уазик подал назад, старика посадили рядом. Джохар похлопал его по спине: «Кирам ца велхо борз? (не испугался, волк?)». Старик молчал, подняв ладони, читал «Бисмиллах» (молитву), от страха не видя ничего вокруг, не узнал и Джохара. Высадили его они уже в селе. Еще про одного старика, только русского, рассказали они нам в этот вечер. После заявления Ельцина, что штурма города не будет, русские, преимущественно старики и пожилые люди, попрятались по подвалам. Большая часть из них спряталась во дворе бывшего горкома партии, в бомбоубежище. К ним подошел молодой парнишка, радиолюбитель, и предупредил, что, случайно поймав «армейскую» волну, слышал, как танкисты по рации сказали: «Сейчас войдем в город, погреемся». Они не поверили его словам, но по окнам домов начали бить снаряды танков. Дома начали гореть. Одним из таких ударов со второго этажа выкинуло обгоревшего старика. Его, как и многих других, отнесли в подвал Президенсткого дворца. Рядом на полу лежал пленный раненый капитан — танкист. Замотанный бинтами старик заплакал: «Бабку убили, «освободители»! Я б тебя своими руками», — посмотрел на капитана, потом на свои забинтованные руки…

Джохар встал. Мужчины начали собираться обратно в Грозный. Мы упрашивали их остаться хотя бы на ночь, но Джохар опасался, что село будут бомбить, если кто-нибудь его узнает. Перед уходом я показала свое новогоднее стихотворение. Джохар бережно положил его в свою папку. На прощание я взяла со стола последнее красное яблоко и попросила взять его с собой. Джохар засунул яблоко в карман куртки: «Отдам первому герою».

Через несколько дней, выступая по телевидению, начальник штаба Аслан Масхадов рассказывал о своей встрече с Грачевым. Генерал убеждал его, что возьмет столицу Ичкерии за 2 часа, а Новый год будет встречать в Президентском дворце: «Если это не произойдет — подам в отставку». Что ж, чеченский народ предоставил ему такую возможность. Но свое слово Грачев не сдержал, после разгрома танковых колонн в отставку не подал!

Российская разведка доложила, что улицы Грозного безлюдны, и 31 декабря в город было введено 250 единиц тяжелой техники. Она наступала тремя колоннами: через Первомайку, поселок Кирова и Ханкалу. Наступление через Ханкалу сразу было отбито. Две другие колонны пропустили в

центр и окружили. Большая группировка танков прорвалась на железнодорожный вокзал. Там разыгралось настоящее побоище, в конце которого танкисты выкинули белый флаг. Но на них наткнулась новая группа ополченцев с гранатометами, не знавших, что они уже сдались в плен, и опять началось сражение.

Огромная армада российских танков горела в центре Грозного в кромешном аду. Грачевская армия попала в Дудаевский капкан. Как стаи черных воронов, кружились над городом российские самолеты и вертолеты, нанося ракетные и бомбовые удары. Беспрерывно грохотала канонада дальнобойных орудий и минометных установок залпового огня «Град». На площадях Свободы и Шейха Мансура в смертельной схватке сражались и умирали президентская гвардия и ополченцы, вчерашние простые труженики: учителя, врачи, строители. Они постигали первые военные уроки, отдавая самое ценное — свою жизнь. И горели, «как спичечные коробки», танки, плавился металл. Раздавались страшные крики и жалобные стоны раненых и умирающих, сгорающих заживо танкистов. Война — жестокая наука и лучше ее не изучать. Зрелище было настолько ужасное, что с трудом верилось в реальность происходящего. Это был земной ад. Ошалевшие от неожиданности, растерявшиеся федералы несколько часов били по своим собственным подразделениям и еще просили помочь авиацией!!!

Народ проявлял массовый героизм и неистребимую силу духа. Один из танков спрятался среди зданий и стрелял без остановки по окнам Президентского дворца, его прикрывали засевшие на крышах снайперы. Невозможно было высунуться. Нурди Бажиев сделал чучело и высовывал его из окна сначала прямо, потом, когда снайперы попадали в него, наклонял вниз. Когда они разгадали его трюк и перестали обращать на него внимание, Нурди высунулся сам с гранатометом, попросил, чтобы его держали за ноги и подбил спрятавшийся танк. Он был маленького роста, но сражался, как лев, умудряясь подбивать наступающие танки из любого положения. «Где эти «таркалы» (жерди), которые ходили до войны в модных длинных плащах? Одни маленькие воюют!» — шутил он, пролезая в очередную «дырку», недоступную для остальных ополченцев, и снова, уже в который раз, подстерегая и подбивая очередной танк.

У Нурди Бажиева вторым номером, подносящим снаряды, был ополченец по имени Дока. Когда Нурди около Президентского дворца подбил танк, оттуда полезли российские солдаты и чеченские оппозиционеры. Один из оппозиционеров взмолился: «Оставь меня, ради «Доки» (святого устаза)». Нурди с недоумением взглянул на свой «второй номер».

— Ты его знаешь?
— Нет, — ошарашенно отвечал Дока.
— Тогда — «огонь!» — приказал Нурди.

Был еще один храбрейший ингуш. «Малыш» — ласково называли его друзья. Он подбил последний танк в колонне, когда тот стрелял. От внезапного толчка у танка сместился ориентир, и он подбил стоящий перед ним танк, оба мгновенно взорвались. Пошел миф: «От одного снаряда «Малыша» все танки взрываются». В последствии, в 1995 году, «Малыш» подбил во время штурма Бамута несколько единиц техники и, приказав ребятам отойти, остался их прикрывать. С тяжелейшим ранением попал в плен, где был зверски замучен.

Площадь перед Президентским дворцом была завалена горящей, искореженной бронетехникой. Стреляли снайперы. Их пули уничтожали каждого, кто высовывался из окна. Ахмет Дудаев, племянник Джохара, нашел выход из положения. Поставил зеркальное трюмо напротив окна, сам, прячась за стеной, глядел в зеркало, засекая точки снайперов. Потом неожиданно высовывался и попадал одним выстрелом прямо в цель. Он научил других, зеркала поставили на всех этажах. Снайперы не скоро разгадали этот «зеркальный» трюк, но когда узнали в чем его секрет, расстреляли все зеркала.

Ахмет придумал новую уловку, пробил два отверстия в стене и опять начал стрелять в снайперов. Потом повел раненого родственника Увайса в укрытие. Лицо Увайса заливала кровь, текущая из двух ран на голове, его тошнило, видимо, от сотрясения мозга. Раненого только что вывели из боя, в который он шел с одним автоматом против танков, не обращая внимания на залпы. Но Увайс все никак не мог успокоится. Вырвавшись из рук поддерживающего его Ахмета, он заскочил в подвал, где укрывались от артобстрела боевики, и закричал: «Ху дэш дэх шу кутумаш? (что вы здесь расселись, словно куры)». За оскорбление он в очередной раз чуть не поплатился головой. Возмущенные ребята хотели даже расстрелять его на месте, если бы Ахмет не закричал: «Вы что, он же раненый в голову, видите две дырки?» И Ахмет повел Увайса через улицу под обстрелом. Услышав рядом знакомый свист пуль, Увайс вдруг остановился и громко закричал: «АЛЛАХУ АКБАР!» Улица насквозь простреливалась, градом сыпались осколки. Только дошли до середины дороги, самого опасного места, как Увайс опять вдруг ни с того ни с сего остановился и завопил: «АЛЛАХУ АКБАР!» «Саборди! (подожди) Давай хоть дорогу перейдем, успеем еще в атаку пойти», — успокаивал его Ахмет. Мимо них проскочил полный Умар Хаджи,

Ахмет раньше и представить себе не мог, что тот способен так быстро бегать. Под перекрестным огнем Умар пронесся с реактивной скоростью мимо Ахмета через площадь, взвалил на себя раненого боевика и, в мгновение ока, заскочил в Президентский дворец.

Эта дорога показалась Ахмету вечностью. Но на спуске к Сунже, раненый, еле тащивший ноги, Увайс вдруг снова воспрял духом: «Давай, садись на меня, как на плот, я тебя через реку перевезу!» — Странные мысли иногда приходят в голову в экстремальной ситуации. Наконец, Ахмет привел раненого в село. У Увайса из головы вытащили два осколка, ранение было очень тяжелое. Вечером, когда в доме загорелась электролампочка, Ахмет был потрясен: свежий хлеб на столе! За несколько дней боев питаться приходилось, чем придется.

Глава 26

Через два-три дня трупы российских солдат на улицах Грозного и площади Свободы стали разлагаться, невыносимый запах разносился на несколько километров. Ополченцы бегом пробегали эти места. Чеченское командование предложило перемирие российским генералам хотя бы на день, чтобы убрать горы трупов. Но генералы ответили гордым отказом, зато на следующий, предложенный для перемирия день, колонны танков и бэтээров пустили прямо по трупам. Кости хрустели под их гусеницами, как орехи, лопались черепа. Чеченцы были поражены этим невиданным вандализмом. Как спокойно Россия-матушка разъезжает по своим сыновьям! А чеченцы, по неписаным законам гор, выносили из боя не только раненых, но даже мертвых. Потом они уже ничему не удивлялись… Перед каждым штурмом все российские солдаты получали водку, таблетки «Озверин», от которых синело лицо, но пропадал страх, и пьяные, шли в бой, а чеченцы молились только Аллаху и побеждали!

Из воспоминаний российского генерала Трошева: «Три кольца обороны вокруг чеченской столицы. Последовало одно из самых тяжелых поражений российской армии со времен Второй Мировой войны. Были уничтожены целые танковые колонны, двигавшиеся к центру. Майкопская бригада погибла почти в полном составе, а Павел Грачев заявил, что российские солдаты умирают с «улыбкой на устах»».

В дни, когда Россия споткнулась о чеченскую линию «Маннергейма» так же, как когда-то в Финляндии после нанесения массированного авиаудара 30 ноября 1939 года «сталинскими соколами» по финским городам, многие журналисты сравнивали Президента Дудаева с финским маршалом Маннергеймом. Чеченский народ не хотел занять место, отведенное ему диктатором Ельциным.

А в далекой Японии появилась новая детская компьютерная игра «Штурм Грозного»: чеченцы с гранатометами уничтожают русские танковые колонны.

1 и 2 января продолжались небольшие бои на окраинах Грозного. Оторвавшиеся от своих танки, блуждали по городу в густом тумане, стреляя по своим и чужим. Стрельба продолжалась, то вспыхивая, то затихая. Более ста пленных русских солдат привели в Реском.

Информация, которую дали россиянам, была более чем успокаивающая. Показали старые кадры города Грозного, не разбитого бомбами. Шел белый снежок, закутанная в платок

женщина везла на санках ребенка. Грачев заявил, что до разоружения последних бандформирований осталось 5–6 дней, два солдата погибли, мирное население получает российскую гуманитарную помощь. Но когда выступили депутаты, свидетели штурма Грозного, и показали отснятые там кадры, правда прозвучала, как гром среди ясного неба. Главнокомандующий Павел Грачев полностью дискредитировал себя новогодним наступлением.

Президент Джохар Дудаев уже в который раз предложил России провести переговоры о мире, выводе российских пленных и окруженных военных группировок. Потрясенная Россия увидела сотни разбитых танков и обгоревшие трупы своих сыновей, российских солдат на чеченской площади Свободы. И последние кадры: большая неразорвавшаяся бомба лежит рядом с поломанной скамейкой, на которой перед Рескомом сидит пожилая русская женщина. Отрешенное выражение ее лица свидетельствовало о том, что она полностью отключилась от внешнего мира.

3 января фракция Гайдара пикетирует управление ФСК. В Петербурге демократы предлагают не платить налоги федеральным службам, деньги идут на войну в Чечне! Разгоняемые омоновцами российские матери митингуют на Красной площади. Правозащитнику Сергею Ковалеву, добровольно оставшемуся в Грозном, предлагают присудить Нобелевскую премию, он стал «человеком недели». Германия обратилась к России с обращением прекратить кровопролитие в Чечне. США грозится лишить Россию обещанных 13 миллиардов долларов, в получение которых россияне, впрочем, мало верят. Интересно, а что с нами стало бы, если бы федералы победили? Победителей в этом мире не судят… Почему? Боятся?

Вечером на Кремлевской площади прошел траурный митинг. Чеченские матери добрались до Москвы, встретились с российскими матерями и вместе с демократами собрались перед Кремлем. В руках у них свечи, горящие в темной январской ночи тонкими желтыми языками пламени. Как живые души, они трепещут на ветру, улетают, гаснут, наступает темнота и… пустота. Как похоже на строки из моего новогоднего стихотворения: «Они словно пламя свечи на ветру…»

7 января это стихотворение было опубликовано в газете «Аргументы и факты». Джохар исполнил свое обещание, 1 января передал его российским журналистам. 4 января должны приехать 100 российских матерей, чтобы отыскать своих сыновей среди пленных, похоронить мертвых, тела которых уже три дня лежат на улицах и площадях распростертыми на снегу. Их начали есть

голодные, беспризорные собаки и кошки.

Погибло очень много знакомых и незнакомых молодых ребят и родственников, хозяева нашего дома не успевают посещать все «тезеты» (похороны). Каждый знавший погибшего должен прийти. Приносят деньги, кто сколько может. На эти деньги покупают корову, утром режут на куски и раздают самым нуждающимся семьям в селе. А вечером режут вторую корову для стариков, которые будут молиться за погибшего (молд), и угощать всех, кто пришел в этот траурный день.

Российские матери стоят в Назрани и Моздоке, их не пропускают… Старопромысловская трасса через Катаяму загромождена разбитыми танками, устлана трупами убитых солдат. Ее называют «дорогой смерти». Перед въездом в город «шутники» повесили огромный красный плакат с «приглашением». «Добро пожаловать в Ад». Не знаю, улыбаются ли ему федеральные «гости», но от этих слов становится жутко. Плакат никто до сих пор не снял. Он соответствует истине…

Договорились о двух днях перемирия — оно соблюдалось только 2 часа, трупы убрать не успели, начался артобстрел. В ответ на предложение Джохара о начале мирных переговоров российские военные предъявили ультиматум о сдаче «бандформированиями» оружия. Председатель Государственной думы Николай Рыбкин сделал неожиданное заявление: «Не пачкайте правительство в грязи! Виноваты те, кто не занялся Чечней раньше. В любом городе на территории России, будь то Петербург, Чебоксары или Москва, будет с банформированиями то же самое, что и в Чечне». Что же тогда останется от России и от ее армии? Пятилетняя маленькая девочка на вопрос журналиста о Президенте ответила: «Президент Ельцин — плохой, потому что убивает чеченцев, и хороший, потому что нас еще не убил!»

Президентский дворец на площади Свободы стал символом сражающейся Ичкерии. Его уничтожают из всех видов оружия и никак не могут уничтожить российские ястребы — бомбардировщики, артиллерийские орудия, «Грады» и танки. От одной глубинной многотонной бомбы, пробившей все 9 этажей и бетонные перекрытия, погибло сразу 40 человек в подвале — пленные и раненые, вместе с медсестрами. Другая точно такая же бомба, не разорвавшись, застряла, повиснув в одном из перекрытий. На нее ходили смотреть, удивляясь огромной величине, защитники дворца и журналисты.

Штаб Президента решили перенести в другое, более безопасное место. Джохар долго отказывался, но его соратники настояли на своем решении: «Нельзя рисковать делом Свободы. Что будет с республикой, если мы все сразу погибнем?» Он

перебазировался только после долгих уговоров. Во дворце остались верные друзья и товарищи: Аслан Масхадов, Зелимхан Яндарбиев, президентская гвардия и ополченцы.

Все мосты и подходы к дворцу находились под непрерывным огнем русских. Минометно-артиллерийским обстрелом уничтожались все машины с боеприпасами и продуктами, пробивающиеся к защитникам дворца. Раненых и убитых вывозили по ночам. И, тем не менее, осажденный российскими войсками дворец с огромным риском для жизни посещали отчаянные добровольцы. На уазике с продуктами и боеприпасами, под свистящими пулями, прорывался туда несколько раз Магомет Хачукаев. Пробились к осажденным Хамад Курбанов и Тамерлан-Кунта, сын Абдурахмана Авторханова с журналистом Матэ Цихелашвили, украинская делегация Михаила Ратушного и Мария Базелюк.

Картины и музейные исторические ценности не были вывезены из Грозного. Когда Джохар узнал, что они разворовываются федералами и увозятся в Россию, то он заявил, что после войны российское правительство должно будет их вернуть.

Глава 27

Рубати оказалась на войне случайно. После очередной танковой атаки за ней заехал муж, не так давно ушедший в ополчение, и увез жену помочь тяжелораненым. Медицинского персонала катастрофически не хватало. Наспех одев полугодовалого сына, Рубати отнесла его к соседке, русской бабушке. «Я скоро», — пообещала она, но вернулась только через две недели. Русские солдаты сожгли ее дом и расстреляли бабушку вместе с шестимесячным ребенком. Похоронив их рядом с пепелищем, на соседнем поле, она ушла через горящий город обратно на позиции.

За очередной группой раненых в осажденный и насквозь простреливаемый Президентский дворец прорвалась санитарная машина Рубати. Она с водителем зашла к Зелимхану в кабинет, в соседней комнате был Джохар. Охрана ее остановила: «Не зайдешь!» «А я закричу, он меня услышит и выйдет». Вдруг дверь открылась, на пороге стоял Джохар. Рубати кинулась к нему:

— Джохар, у нас беда! Нашу «санитарку» подбивают то наши, то русские.

— Почему?

— У нас украли флаг ополченцы, из-за этого нас теперь не узнают.

Джохар забрал свой флаг у охраны и передал Рубати. Этот флаг, подаренный Джохаром, многие пытались украсть, но Рубати с Умаром Исиевым охраняли его и пронесли через всю войну. Когда во время боя санитарная машина-вездеход с ранеными загорелась, Рубати в первую очередь схватила этот флаг, потом прыгнула к раненым и начала их вытаскивать, чтобы не сгорели. «Умар, помоги!» — крикнула водителю, но он не услышал. Подошла к Умару, он уже горел. Умирая, перед смертью, еле шевеля обгоревшими губами, попросил: «Повесь флаг после войны над Президентским дворцом». Три раза сказал: «АЛЛАХУ АКБАР!» и умер. 6 августа 1996 года, когда восставший народ смел оккупантов, освободив город Грозный, Рубати исполнила последнее завещание Умара Исиева, повесила «флаг Джохара» над уцелевшим зданием Совета Министров. Президентский дворец уже был взорван и сожжен.

19 января 1995 года на двенадцатый участок к Шамилю Басаеву приехал Джохар. В большом зале собралось много военных, шло обсуждение важных вопросов обороны республики. Некоторые командиры на совещании стали снова жаловаться, что нет патронов и боеприпасов. Джохар спокойно спросил: «Вы ради

кого воюете?» «Ради Аллаха!» «Так и воюйте ради него, а патронов и боеприпасов нам российские войска завезли столько, что еще на две-три войны хватит!» Многие из них верили, что у Джохара есть тайное оружие, которое он сейчас прячет, но его обязательно выдадут в крайнем случае. Ведь появились же совершено неожиданно во время штурма «припрятанные» Джохаром гранатометы. «Если он ведет войну с такой огромной Россией, то «оно» обязательно есть, — уверяли бойцы друг друга. — Как же иначе? Президент все предусмотрел…» Когда совещание уже заканчивалось, встала, подталкиваемая любопытными, смелая Рубати: «Можете ли Вы ответить на мой вопрос? Начиная с Долинска, мне прожужжали все уши про какое-то «къоман къэйле» (тайна народа). Мне надоело слушать «къоман къэйле!», «къоман къэйле!». Есть ли у нас «къоман къэйле»? Джохар громко, от всей души рассмеялся. Потом обвел всех усталыми глазами, протянул руку в зал и, показывая на стоящих военных и ополченцев, гвардейцев и санитарок, просто сказал: «Шу ду са къоман къэйле! (Вы — моя тайна народа). Мы обязательно победим! — и тут же пошутил: — Но если устазы (пророки) не об этой войне рассказывали, нам всем «большой кидняк» будет!»

В долгожданную будущую победу верилось пока с трудом и, тем не менее, точно сбывалось все, о чем говорили чеченские «олияи» (пророки) сотни лет назад.

Последняя встреча Рубати с Джохаром произошла в Котар-Юрте, на окраине села, где был развернут полевой госпиталь. Обходя всех раненых, Джохар зашел в палатку, где лежала парализованная после ранения осколком Рубати. Она хотела ему что-то сказать, но не смогла, губы не повиновались. Джохар вспомнил ее сам: «Вот, дерзкая, с двенадцатого участка», — и долго потом что-то рассказывал. Перед уходом представил Рубати к награде «За Грозный». Из всех своих пяти наград Рубати надевает и ценит только ту, которую получила от Джохара.

В это самое трудное для Ичкерии время чеченский народ возрождался, в него как будто вливались все новые и новые силы из чудодейственного источника, которым была сама древняя вайнахская земля. Героем становился каждый. Галанчожский полк попал в окружение, погибли все — до последнего человека, они предпочли смерть позорному плену в стане врага. Выжил только один шестнадцатилетний мальчик, раненым его взяли в плен. Пали лучшие командиры: Умалт Дашаев, Салавди Белоев, легендарный «Ламбада», Эли-всеобщий любимец. Сотни, тысячи неизвестных умирали так же просто, как падает срезанная косой молодая трава. 26 курчалоевских парней, между селом

Герменчук, Автуры и Шали, во время неравного боя, обвязав себя веревкой, как братья, приняли достойную смерть.

После штурма села Сержень-Юрт 200 мертвых русских военнослужащих остались возле фермы. Когда трупы начали разлагаться, пришли два российских представителя и попросили жителей села сжечь их. При выезде из Грозного, вдоль трассы Ростов — Баку, прямо на обочине дороги, на тающем снегу рядами лежат неопознанные трупы жителей города. Все они в гражданской одежде, разорванные осколками на части, обгоревшие, раздавленные, обезображенные до такой степени, что узнать их могут только самые близкие люди. В проезжающих мимо машинах отворачиваются и плачут женщины, расширенными от ужаса глазами смотрят дети. Вокруг останков, как потерянные, бродят ослепшие от слез родственники. Собирают то, что осталось от их близких, и увозят хоронить в села. А новые трупы все везут и везут из Грозного. Сколько их тут? Никто не считает, гораздо больше мертвых под развалинами домов, в подвалах, плывущих вместе с обломками в черной воде Сунжи. После каждого авиационного налета мирное население гибнет сотнями и тысячами. Человеческая жизнь потеряла всякое значение…

Глава 28

«Идут бараны, бьют в барабаны, а кожа на барабанах из шкур таких же!? баранов». Как будто о нас написал эти строки Андрей Битов. Каждую ночь бой этих барабанов все ближе, и все сильнее разрывы тяжелых бомб, от которых дрожат стекла и содрогаются стены домов. Бьют и бьют по одним и тем же местам, как будто стараются стереть их с лица земли.

Тактика «выжженной земли» в действии. Защитники Грозного отстаивали каждую пядь в центре: многочисленные колонны танков стали кладбищем искореженных останков металла и людей. Трупный запах, смешанный с дымом, плыл над городом. Здесь находили смерть все, кто «шел с мечом», посягая на свободу чеченцев. Но, к величайшему сожалению, никакая храбрость и сила духа не способны остановить в воздухе бомбы, падающие на город. Российская авиация — это безглазое, бездушное, железное детище Xx века, давит город вместе с людьми, превращает его в руины и «выбивает» защитников, разрушая дом за домом.

Каменное сердце у главкома ВВС Дейнекина. Но особенно он усердствует после телеграммы с обещанием Джохара Дудаева «встретиться с ним на земле». Встречаться, видно, не хочет. Интересно, снятся ли ему по ночам «души убиенных», по его приказу, искалеченных детей, стариков, раздавленных руинами людей? Неужели он спокойно спит и спокойно ест? В свое время неправедным считалось дело, ради которого прольется хоть одна «чистая слеза ребенка». Вы бы утонули в море слез и людского страдания, «бывший товарищ» Дейнекин.

Вначале чеченские дети выбегали посмотреть, как вылетают ракеты и взрываются бомбы, залезали на крыши домов, гвардейцы строчили из автоматов, пытаясь подстрелить самолеты; даже старики выходили из домов поглядеть из-под руки на российских «ястребов». Теперь люди перестали любить солнце, потому что именно в солнечные дни прилетают и бомбят самолеты, когда опускается милосердный туман, можно наконец выйти из подвалов. Больницы переполнены искалеченными и умирающими людьми, не хватает бинтов, лекарств, гуманитарная помощь доходит только до российских войск. Опускается ночь, кругом ни огонька, только в подвалах горят свечи. Нет электричества, воды, газа, все разбито российской авиацией.

Больше всего страдает именно мирное население. Ведь бомбят дома, а ополченцы по домам не сидят, они воюют… Часто бьют просто по скоплению народа: базарам, тезетам (похоронам). Старики сокрушаются: «Покой мертвых не щадят…», по-детски

удивляются, для чеченцев могилы их предков неприкосновенны. А хоронят все чаще то в одном, то в другом селе. Около каждого кладбища десятки новых могил, они видны издалека по свежей черной, незаросшей травой, земле. В Орехово в упор расстреляны ракетами две машины, ехавшие с похорон. Просто «поиграли» летчики в компьютерную игру с двумя беззащитными движущимися мишенями: «попаду — не попаду». Семьи здесь многочисленные, в одной было пять, в другой семь детей, младшенькому несколько месяцев. По всему селу собирали деньги на похороны. Из сел никто не уезжает, в каждом доме по 20–30 человек вместе с детьми — беженцы из Грозного или из других разоренных сел, спят на полу. Хозяева еще надеются, может быть война сюда не дойдет, ведь дом со всем скарбом, домашним скотом — их единственное достояние, если они все оставят, сразу превратятся в новых нищих беженцев. Вот и сидят в доме до последнего, пока крыша на голову не рухнет, погребая все надежды. Женщины каждую ночь ходят молиться к речке, до утра живущим в соседних домах слышны их мольбы и плач. Молится вся Чечня, чтобы война кончилась. Молится и верит, верит в победу!

Нынешнее поколение помнит и передает из уст в уста, как пророки, предсказывая войну с Россией еще 50 лет назад, предрекали страшные бедствия. «Живой будет завидовать мертвому». Центр Грозного до самого круга на площади Минутка сгорит, и по пояс цветы синие вырастут — дикие. И когда надежда будет уже почти утрачена, «за круглым столом» народ получит, наконец, долгожданную свободу. Старики, женщины и дети верят и молятся, чтобы быстрей это время пришло. А молодежь воюет. «Ни перед кем не согну я колени, пред Аллахом я ниц упаду. Свобода или смерть слышен клич в горах…» — слова из песни, ставшей почти гимном после начала войны, звучат каждый вечер (если есть электричество) по местному телевидению. Молодой чеченец Хаз-Магомед, написавший слова и сочинивший музыку, сам и исполняет песню, голос его звучит по чеченскому каналу каждый вечер, одухотворяя и комментируя все новые и новые кадры чудовищной войны, придуманной и навязанной российским правительством. Никакие «цепи мира», руки детей, женщин, стариков по всем границам Чечни и Ингушетии не могли остановить колонны танков. Их остановили только гранатометы и тысячи трупов… Обгоревшие солдаты, свисавшие из люков российских танков, выброшенные взрывами на снег и раскиданные как попало. Особенно страшен один танкист, черный, сгоревший, скорчившийся, как малый ребенок. Его закрыли белой простыней, но и сквозь нее видно, как ему

было больно. За что они так наказаны тобой, Россия?

Потом на город опустился такой плотный туман, что когда мы вышли во двор, сразу оказались как будто вне времени и пространства. Шаг — и ты пропадешь в этой неизвестности. Как жутко должно быть им сейчас на чужой земле: из-за каждого угла, из-за стен любого дома грозит смерть. Какие-то два сумасшедших танка носились после боя по плотине взад и вперед, стреляя во все стороны и боясь остановиться, пока их не подбили. Несколько танков притаилось на окраинах, даже не вступая в бой. Тысячи трупов на улицах, на площади и — лицемерное заявление генерала Грачева по телевидению о каких-то «незначительных потерях». Но, может быть, матери заберут своих сыновей и тогда эта военная машина остановится?

Сквозь сотни, десятки и тысячи миль
Под звон новогодних бокалов
Пусть встанут пред вами глаза сыновей,
Глаза всех убитых Россией детей,
Пусть вздрогнет земля от ударов!
Вы, слышите? Бьются сердца еще в них,
Зарытых в промозглых могилах,
Россия, за что наказала ты их?
Российские матери, вспомним живых,
Спасти тех, кто жив, в ваших силах.
Они, словно пламя свечи на ветру,
Но буря погасит любую свечу
И вдаль унесет — и не будет огней.
Война не вернет вам опять сыновей,
Но я не напрасно в сердца вам стучу:
Спасти тех, кто жив, в ваших силах!
Кремлевские звезды льют гаснущий свет —
Гигантской попойки кровавый рассвет.
Кремлевская площадь от крови красна —
По чьим душам снова трезвонит она?

Бои продолжались, и горы трупов росли, убирать их было некому и невозможно под сплошным, непрекращающимся огнем. Потом на улицах появились собаки и кошки. Они грелись у горевшего из разбитых труб газа, одичавшие, голодные, без хозяев, вырывались из рук тех, кто пытался их увезти и, пугаясь взрывов, бежали обратно к дому. А люди оставляли город…

На белом снегу лежали останки российских солдат: вот одни обглоданные дочиста ребра грудной клетки, больше ничего нет, все съедено; а тот, в пятнистой куртке, в сапогах, почти целый,

только вместо головы — розовый череп и страшная улыбка молодых великолепных, невероятно белых зубов. Они не хотели воевать… Несколько раз чеченцы видели, как из вертолетов, сопровождавших танковые колонны, расстреливали ракетами танки, поворачивающие назад. Нигде не было спасения! Один раз танк повернулся и подбил преследующий его вертолет. Это не единичный случай, в Грозном в начале января танк, идущий первым, попав под обстрел ополченцев на площади, развернулся и открыл огонь по своим.

В Наурском районе ночью повели кого-то расстреливать на берег реки, сельчане подумали: «пленных». Когда солдаты ушли, они раскопали могилу, чтобы сообщить родным, кто погиб. Оказалось, в ней двадцать российских солдат, отказавшихся воевать. Их удостоверения должны быть у местных жителей. Чтобы не просочилась правда в Россию, перед приездом комиссии трупы солдат раскидали в полиэтиленовых мешках из вертолетов по лесам и горным ущельям Ичкерии. Дикие звери должны были уничтожить следы зверств российской армии. А сколько матерей криком кричат по всей России, хороня своих кровинушек, сколько матерей не может найти своих детей ни среди мертвых, ни среди живых, сколько их обивает пороги военных комендатур в бесплодных попытках вырвать своих сыновей из цепких когтей военных ведомств. Но не докричаться им до генералов, не разжалобить им окаменевшие сердца военоначальников. Своей кровью смоют солдатики все генеральские грехи и опять неподсудные генералы будут гарцевать, командуя парадом на Красной площади, сияя лампасами и новыми звездами, уже за «чеченскую бойню».

Россия давно стала мачехой для своего народа. Двести пятьдесят солдатских матерей приехали в Назрань и открыли там съезд. Но что толку устраивать его в Назрани и в таком количестве? Конечно, они услышали: «Приказ начальства обсуждению не подлежит». Но почему так равнодушны остальные? Почему не двести пятьдесят тысяч матерей и не в Москве, перед теми, кто отдает такие приказы? Сколько сыновей подрастает, где гарантия, что их не ждет та же участь? А отцов, видно, у них совсем нет. Жизнь, как у премудрого пескаря в норке: «сколько жил, столько дрожал», зато прожил долго и умер «дрожа». Россия — это «Молох», пожирающий собственных детей. Скоро до всех доберется. Только это чудовищное равнодушие и порождает беззаконие и безответственность власти за расстрелянных и уничтоженных в Фергане, Тбилиси, Вильнюсе, Ингушетии, Чечне. Список все увеличивается — и никто ни за что не отвечает!

«Где Ельцин?» — кричали люди на площади в начале чеченской войны. «Он не знает, его подменили, — волновались многие. — А может быть, его уже и в живых нет…» Теперь эта буря сменилась тихим отчаянием и безысходностью.

Он появился, но какой-то другой, пришибленный. Раньше прямо ходил, гордо, а теперь, согнув коленки, хотел напугать весь мир, но больше всех напугался сам. Неужели так боится чеченцев, что при охране в 45 000 человек еще и национальную гвардию создать собирается? Если Президент доверяет только своему начальнику охраны, это уже последнее дело, значит, боится собственного народа.

Я хочу, чтобы вы узнали правду о тех, кого сейчас убиваете, даже не пачкая своих рук в крови: авиацией, артиллерией, минометами, ракетами.

Презрение, которое некоторые из вас испытывают к чеченскому народу, идет не только от незнания менталитета и культуры этого народа, но и от обыкновенного невежества. Так называемый «русизм», навязываемый образ «старшего брата», основывается на количественных характеристиках: много в России людей, земли, есть большая армия, но не высокого все это качества. Покажите хоть одну область, хоть один город, которому можно было бы позавидовать, по образу и подобию которого можно по-человечески жить. Семьдесят лет советской власти уничтожили народные корни, вытравили все самое лучшее, что было в народе. «И праздники ваши станут похожи на похороны», — предсказывал Гришка Распутин в начале столетия. Сердце России — Красная площадь, огромное кладбище с лобным местом в центре. Да и много ли радости приносят ваши праздники?

В народе, который поработило вначале крепостное право, потом коммунистический режим, из поколения в поколение культивировался комплекс «советского гомосапиенса». Нечто средне-арифметическое, словно засадили всю страну картошкой, да еще квадратно-гнездовым способом. А ведь могли создать ботанический сад из самых экзотических растений. Так вот, Ичкерия — это экзотическое растение хотя бы потому, что горели, как сухие скорлупки, элитные танковые дивизии, разбитые горстками храбрецов. Откуда духовная сила, гордость, презрение к смерти? Любой народ непобедим, когда сражается на родной земле, за свою свободу! Впрочем, по центральному телевидению, пытаясь оправдать сокрушительное поражение российских войск, назвали наших добровольцев специально подготовленными наемниками, приехавшими со всего света, наркоманами, которые бросаются под танки, обвязавшись гранатами. Сколько раз мы

слышали: «Очистка города от бандформирований продолжается», — словно речь идет о мусоре. Бомбят город авиацией, поливают «градом», громят тяжелой артиллерией, утюжат танками, убивают всех подряд: женщин, стариков, детей. Теперь еще и новый термин появился — «этническая чистка». Ох уж эти любители чистоты!

Речь идет о массовых расстрелах, вернее, отстрелах. Вылавливают по подвалам остатки полуживых от страха людей, преимущественно детей, подростков и стариков и — расстреливают по прямому приказу ФСК, все мужское население от 12 до 60 лет (февраль 1995 года). Конституцию, видите ли, они нарушили, территориальную целостность затронули.

А про право любой нации на самоопределение забыли? Слова остаются словами, а истина сама по себе. «Когда медведица захотела съесть своего медвежонка, она испачкала его в грязи», — эта старая чеченская пословица объясняет методы Российского правительства. Что только не услышали мы с экранов телевидения, в чем только нас не обвиняли!

1. «Воздушные» деньги, так называемые «авизовки». Но российские банкиры забирали львиную долю с того, что оставляли подельщикам. Участвовали в этих операциях люди многих национальностей.

2. Терракты в столице России и других городах. Участие чеченцев не доказано.

3. Ни одного судебного расследования по делам наркомафии в Чечне.

А на территории Чечни терракты со стороны России осуществляли весь год и занималась этим ФСК — государственная организация. Откуда у нашей «высосанной из пальца» оппозиции появились мины, подрывные устройства (документально засвидетельствованные, с номерами, российского производства выпуска последних лет), которые должны тщательно храниться и выделяться только под расписку вышестоящего начальства? Каждый терракт оплачивался немалыми деньгами. Терроризм, возведенный в ранг высшей государственной политики, налицо. Сама Россия оказалась тем государством-террористом, существованием которого запугивала свой народ и весь мир. Только просчитались государственные мужи, не на тех поставили! Предатели никогда не бывают смелыми. Это наглядно показала чеченская война. Гибли российские солдаты, а так называемая оппозиция сидела по домам, пока не воззвали к ней из Москвы «вышестоящие товарищи» прямо по центральному телевидению: «Что же вы там, окаянные, делаете, куда все попрятались, надо же будет потом

места раздавать представителям местной национальности»?

Но за этим дело не станет, места они и так делят — не поделят с самой весны, потому и не воюют, недосуг…

Ох, и посмеялась вся Ичкерия, когда телекомментаторы поочередно заявляли о каком-нибудь взрыве в Грозном, в результате которого взлетело на воздух здание МВД, Драматического театра или Президентский дворец, а они стояли, как ни в чем не бывало. Было лето, люди гуляли теплыми вечерами по городу, старики удивленно качали головами: «Кому это надо!» Это надо было Кремлю, наши «горе-террористы» вешали бомбу на дерево или на ограду здания, а сами убегали потом рапортовать в Москву о «добросовестно» проделанной работе — деньги надо было отрабатывать. Потом…

Потом полилась такая дезинформация, что оставалось только руками разводить. То Шалинский полк перешел в полном составе на сторону оппозиции, то проскакал туда всем эскадроном Герой Советского Союза полковник Висавитов (умер в 1980 году). А мы как раз ему памятник ставить в родном селе собирались! Ложь лилась уже безо всякого стеснения, проверять ее никто не собирался. А насколько нелепые делались заявления! Например, Автурханов на вопросы журналистов, откуда оппозиция взяла оружие и танки, в своем интервью так и сказал: «Во всех республиках СНГ, кроме России». Видимо, окольными путями отовсюду завозил, только не из России. И чем она ему не угодила? Вероятно, из принципа. Вот все у России покупают, а он не будет, вдаль смотрит. А то вдруг подумают, что сама Россия бесплатно дала. Чтоб честь не запятнать.

Но зачем делать из нас дураков? Это «ложь во спасение» — спасение и осуществление планов, тайно выработанных совместно с нашими «бывшими» партократчиками, сидевшими в Кремле и пригретыми его хозяевами. Еще в феврале 1994 года мы прочитали статью об этих совместных планах в газете «Известия» (она до сих пор хранится как неоспоримое доказательство), но никто не поверил, что Россия способна на такое…

Кто такие Автурханов, Гантемиров, Лабазанов? Пешки, которых «подставили» Саламбек Хаджиев (бывший министр нефтяной промышленности СССР), Дока Завгаев (бывший секретарь ОБКОМА Чечено-Ингушетии) и многие другие, до поры до времени скрывающиеся в тени. Пешки должны были завязать конфликт, пролить кровь, создать еще одну горячую точку. Россия, как всегда, вмешается в роли «миротворицы», а потом угодливые и угодные российскому правительству марионетки — Хаджиев или Завгаев — не имеет значения кто именно, вернут республику с пути свободы «на круги своя».

Несколько раз Президент Джохар Дудаев заявлял: пусть признают независимость Чеченской Республики, и он тут же уйдет, но почему-то эти заявления «пропускались мимо ушей». Российскому правительству выгоднее было представлять Дудаева цепляющимся за власть диктатором, а его правление — режимом. Значит, мешал не он, а свобода, которую он олицетворял. Когда чеченский народ уже в который раз восстал и смел то, что правительство России называло оппозицией, а на самом деле было российскими танками, чудовищный обман открылся перед всем миром. России ничего уже не оставалось как, к стыду своему, открыто воевать всей громадой своих войск, танков, авиации против маленькой свободной Ичкерии. Удивительный феномен духа, благородства против вооруженной до зубов подлости.

Россия вооружалась семь десятилетий, а в Чечне на счету каждый патрон и — побеждает, не сдается! Еще и пленных отдает сотнями солдатским матерям, жалеет молодых ребят, попавших в эту «мясорубку». А где вы слышали или видели пленных боевиков-чеченцев? Чеченцы в плен не сдаются, знают, что их ждет у «Миротворицы».

Стыдно было слушать рассказы о тех мирных жителях, которые были взяты из колонны машин беженцев, следующих через контрольно-пропускной пункт близ села Самашки, спустившимися российскими вертолетами, и обменены потом на пленных. Их было 43 человека, всем переломали ребра, отбили почки и переломали пальцы на руках, чтоб стрелять они уже не могли. Но ошиблись «господа-изуверы», эти ребята раньше не воевали, но после того, что с ними сделали, перевязанные бинтами, еле держась на ногах, взяли оружие и пошли убивать. Если бы у них были перебиты ноги, они бы поползли. Пленных брать они уже не будут…

Станица Ассиновская была сдана после предварительного совещания жителями без боя. Это послужило наглядным примером, что будет с теми, кто сдается. Солдаты заходили в каждый дом, обыскивали и брали все, что хотели, что нравилось. А нравилось многое… Шестнадцатилетняя девочка была увезена на бронетранспортере, русская соседка, выскочившая на крики и пытавшаяся защитить ее собой, была прошита автоматной очередью. Девочка не вернулась. Дети, два мальчика одиннадцати и девяти лет, которые пошли после комендантского часа, то есть после пяти вечера за отвязавшейся коровой, не вернулись домой. Когда наутро плачущая мать умоляла российских солдат рассказать, что с ними случилось, получила ответ — подорвались на мине. Но взрыва в станице никто не слышал. На мине они не

подорвались, их потом нашли мертвыми, но на что они были похожи! Старик, который убеждал сельчан не впускать войска в село, был раздет догола и изнасилован в кругу российских солдат. С семью подростками пятнадцати-шестнадцати лет сделали там то же самое. Их убили, а старика отпустили на всеобщее обозрение. Для любого чеченца легче смерть принять, чем пережить такой позор. Зимой по снегу, голым и уже сумасшедшим, шел он на позор по всему селу к себе домой. И это на той земле, где седины и старость уважаются превыше всего!

Не так давно в том же селе были расстреляны 27 мирных жителей, которые, решив, что там войны уже нет, вернулись к себе домой. Для оккупантов все равны. У страха глаза велики, вдруг начнут в селе «партизанскую войну»? После приказа командующего ФСК Степашина о расстреле всего мужского населения от 12 до 60 лет, действует уже больше месяца, «оппозиции» в Чечне больше нет… Кто видел огромные рвы в Грозном, заполненные телами погибших при обстрелах и бомбежках людей? Их находят при разборке разрушенных зданий, возле домов, в реке и хоронят в братских могилах. 18 тысяч человек — люди разных национальностей, они считали, что им нечего бояться российской армии и потому не выехали вовремя, а потом обрушился такой шквал огня на город, что невозможно стало даже выйти из дома.

Смерть сравняла всех. Ничему не научила нас повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая», в которой стали братьями чеченский и русский мальчики. Обнялись — и это объятье спасло их обоих от смерти. Только любовь сильнее ее… Эта земля была и останется исконно чеченской, она их родила. Чеченцы не могут назвать своей родиной Казахстан или Сибирь, эти территории для них чужие. Такой же чужой является сейчас для русских солдат чеченская земля, на которой они чувствуют себя, как во вражеском стане, боясь с наступления темноты каждого шороха возле захваченными ими домов или танков. Все вокруг объято мглой, ночи ранней весной туманные, только и жди снайперской пули или гранаты. А воюют теперь не только ополченцы, сидят в засадах кровники, к которым относится весь чеченский народ. Народ, который был три года свободным, обратно кабалы не примет. Слишком славное у него прошлое, за которое отдавали свои жизни деды и прадеды, слишком свежа еще память отцов об унижениях, голоде и смертях в Казахстане, не высохла еще земля на могилах его сыновей. Не даром каждого вошедшего в дом гостя хозяин приветствует: «Войди свободным!»

Идут бои… Каждое перемирие обязательно сделано или с целью выманить кредиты у Европы или у Америки, или из-за

приезда какой-либо комиссии. А затем опять бомбежки следующих по карте непокорных городов и сел, артобстрелы без конца и с новой силой. Бесконечные разговоры «только о политическом решении». «Кот Васька слушает, да ест» — и разрушает, убивает снова и снова. Каждая новая ложь вытесняет старую, мы уже запутались и привыкли к этой лжи, забыли, что Ельцин заявлял: «Никогда российская армия не будет применять силу в Чечне», «российских пленных в Грозном нет», «российская авиация не будет больше бомбить Грозный». Или у него старческий склероз и он не помнит сегодня то, что говорил вчера или… Самое страшное, мы уже привыкли ко лжи, слова правды из уст российского правительства просто удивили бы.

В России, говорят, сейчас самая популярная пословица: «Не обманешь — не проживешь». А что за жизнь во лжи? Целое государство обмана, подлости и жестокости и какое огромное! Как злокачественная опухоль, пускает метастазы лжи и лицемерия в республики, находящиеся рядом, ставит и поощряет предателей собственного народа во главе их, а вокруг каждого такого «лидера» быстро собирается клан таких же продажных душ. Сколько таких несчастных народов, куда направлен их путь? Что там Саламбек Хаджиев заявлял по телевидению о стоящих фабриках и заводах? Если и стояли, то никак не больше, чем в России. Вот теперь действительно стоят, если еще есть чему стоять! «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву»…

Генерал Колесников, с церберской прямотой, так и бухнул в эфир: «Найти и уничтожить президента Джохара Дудаева!» Видно, как затвердил приказ, так и ляпнул! Он ведь, бедолага, наверно, и понятия не имел, что кроме устава еще и права человека существуют. Даже нацистам, уничтожавшим миллионы людей в концлагерях, был устроен Нюрнбергский процесс. Было дано право на защиту! Вдруг начнут судить Дудаева, а осуждены будут другие? Действительно, «а судьи кто?» Убить куда вернее и проще… метод уже испытанный. Люди уже привыкли к обману, подлости, привыкнут и к убийствам. Убийства Дмитрия Холодова, Влада Листьева — это еще не предел, кто следующий?

Преступная власть плодит преступников. Какими российские солдаты вернутся домой? С незапамятных времен цари для своей защиты и для усмирения собственного народа набирали наемные войска из других стран. Солдаты не хотели стрелять в свой народ… Теперь все изменилось. Вырос «Иван, родства не помнящий». Дети «манкурты», презиравшие собственных отцов за ту жизнь, которую они им «подарили», не ставившие ни в грош никакие «мировые идеалы», не верящие в «светлое» будущее, а только в силу своих рук, держащих автомат. Ты разбудила в них

зверя, держись, Россия!

Когда Виктора Черномырдина просили вывести российские войска из Чечни, он весьма недвусмысленно ответил вопросом: «А куда я их дену?» Действительно, куда бы он дел войска, выведенные с такой поспешностью из стран Прибалтики и Европы? Российские генералы рассчитывали на готовые дома чеченцев, проще всего было выгнать или убить хозяев, чем строить заново их в голодной и нищей России. Но кто теперь будет жить в мертвом городе, опасаясь каждый миг получить пулю в лоб? С кровными врагами рассчитываются именно так.

В январе 1995 года умоляли Бориса Ельцина, президента России остановить войну и услышали: «Число жертв не дошло до нормы, рано еще». Но кто устанавливал эту норму человеческих смертей? Сейчас в Моздоке, Пятигорске, Ставрополье — фильтрационные лагеря, «фильтруют людей» — убивают тысячами, выпускают единицы. Гибнут люди разных национальностей: чеченцы, кистинцы, русские, дагестанцы, ингуши. Норму убийств в Чечне мы уже узнали, ей нет конца… Но провокаторы ФСК готовят кровавые жертвы новых «горячих» точек, а следовательно, и следующих концлагерей в России. Какую норму человеческой крови вы ей установите?

Все ближе разрывы снарядов и грохот тяжелых авиационных бомб… «Идут бараны, бьют в барабаны, а кожа на барабанах из шкур таких же баранов».

Глава 29

Война катилась по чеченской земле…

Командир Абубакар Магомадов вместе со своими бойцами подбил в Зонах 38 единиц бронетехники, за что получил от Джохара именной пистолет. Во время следующего боя на посту 9 русских было убито, один сбежал, другого взяли в плен. Начали уходить в лес. Пленный, как и все при переходах, нес оружие. Он был капитаном и родственником генерала Пуликовского. Быстрой пружинистой походкой к ним подошел Руслан Гелаев, который имел обыкновение во время переходов идти впереди колонны, обходить ее, проверяя, нет ли отставших бойцов, и опять отрываться далеко вперед.

— Это наш главнокомандующий юго-западного фронта — пояснили капитану. — Сейчас быстро надо уходить, пока нас не обстреляли артиллерией.

— А далеко идти? — спросил пленный.

— 18 километров. Гелаев пошел первым.

— Ну, если ваш главнокомандующий так ходит, — удивился пленный, — то мы вас точно не победим. У нас даже капитанов на машинах возят!

Тем временем во время закупки подствольников в плен к федералам попал один из бойцов Абубакара. Деньги отдал (500 тысяч рублей за один подствольник), как договорились, но его обманули, задержали на следующем посту. Защищаясь, он убил на посту солдата, второго ранил, его тоже ранили в руку. Абубакар быстро договорился об обмене своего бойца на пленного капитана. Но к нему пришел посыльный от Джохара, поступил приказ: подождать, на этого капитана, генеральского родственника, нужно поменять еще двух человек. Абубакар боялся опоздать с обменом, на следующий день его раненого бойца должны были отвезти в Моздок, а оттуда живыми не выпускают, и, на свой страх и риск, он обменял капитана на своего бойца. Как только Абубакар вернулся после обмена, к нему приехали и сообщили: «Вызывает Джохар!» «Не поеду, — ответил Абубакар. — Он меня съест». Абубакар слышал, как в пылу гнева Джохар иногда «распекал» провинившихся. «Иди, иди, а то хуже будет». Пришлось идти. Когда Абубакар вошел в укрытие к Джохару, тот, приблизившись к нему, вдруг неожиданно шутливо ткнул его кулаком в правый бок. Но натолкнулся на «Макаров», посмотрев на ободранную кожу, приложил пальцы к губам…

— Что у тебя там? — серьезно осведомился Джохар.

— «Макаров», подаренный лично Президентом за

уничтоженные в Зонах 38 бронетранспортеров — четко отрапортовал Абубакар.

Джохар стоял, задумчиво покачиваясь с носков на пятки.

— Ничего, скоро у всех командиров «Стечкины» будут. А зачем капитана за одного бойца отдал?

— Он, знаешь, какой парень! Диплом с отличием об окончании экономического факультета имеет.

— Молодец! За нашего одного воина 200 генералов отдать не жалко. Один наш солдат тысячу российских солдат стоит!

На следующем Совете Джохар, как и все, при входе разулся. Его бутсы принесли и поставили за его стулом. Джохар приказал, чтобы их отнесли в прихожую. Абубакар незаметно передвинул ботинки за кадку с пальмой. Когда совещание закончилось, кинулись искать обувь Джохара — не нашли! Командир, у которого проводился военный совет, заметался. «Ничего, я в шерстяных носках по снегу пойду, — успокаивал его Джохар. — Они у меня теплые». Но через несколько минут тот принес такие же, новехонькие штатовские ботинки 41-го размера. Джохар примерил: «Немного жмут. Ладно, я так пойду». Тут Абубакар, улыбаясь, вытащил из-за пальмы бутсы Джохара. «А новые я себе возьму! У меня как раз 41-й размер, мои совсем развалились». Джохар громко рассмеялся и хлопнул его по груди: «Молодец!»

Военные будни шли своим чередом. Джохару сказали, что привели коней. Они вышли во двор, чтобы поехать в горы. Когда к Зелимхану и Джохару подвели норовистого молодого коня, Зелим сказал: «Этот конь может понести, нужно поспокойней». Джохар подошел к коню, положил свою ладонь на его спину и, даже не коснувшись стремян, в одно мгновение взлетел на него и поскакал вверх, в гору. Через несколько минут он уже исчез из виду. Спешно догоняла его охрана, ругался потихоньку грузный Абу Арсунукаев, торопливо взгромождаясь на коня.

За Итум-Кале, в сторону Шароя, высоко в горах был маленький поселок Альпийский. Далеко оторвавшись от других домов, сразу на обочине дороги, стоял простой сельский домик, в котором жили двое стариков, муж и жена. С незапамятных времен потерявший ногу старик скакал на костыле по селу и у себя в доме. Однажды рано утром он разбудил старуху: «Сегодня ночью к нам приходил Джохар». Старуха начала смеяться: «Совсем, старый, из ума выжил…» Все в селе узнали эту историю и начинали перешептываться и улыбаться, когда одноногий старик уже в который раз рассказывал, как к нему «приходил» Президент, «говорил» с ним и даже «похлопал по спине». Никто старику не верил. Он загрустил и часто сидел у окна, глядя на дорогу. Прошло несколько недель. Во время очередного рейда по

горам, проезжая мимо покосившегося домика на обочине, Джохар остановил коня. «Я сейчас», — сказал он и направился прямиком к старому дому. Тихонько постучал, потом приоткрыл дверь. Сидящий у печи старик вскочил на ногу забыв про костыль, пулей оказался рядом с Джохаром. Президент улыбался: «Что, старый, ждал меня?» — Обняв хозяина, бережно усадил его на скамейку, похлопал по спине. Лицо старика озарила улыбка, морщины разгладились. «Чаем угощать будешь?» Старик позвал старуху, никто не отзывался, поскакал в другую комнату. Она лежала на полу в обмороке. Когда пришла в себя, чтобы убедиться, потрогала рукой Джохара. «Говорил я тебе! — подбоченясь, на одной ноге «гоголем» стоял над ней старик. — Сама, старая, из ума выжила! Налей Президенту чай!»

Война шла уже несколько месяцев. В середине января под непрерывной бомбежкой был оставлен Президентский дворец, через два месяца пришлось оставить Грозный. Армия президента Дудаева, состоящая большей частью из ополченцев, перешла к партизанским действиям. Лозунг: «Земля должна гореть под ногами оккупантов» — претворялся в жизнь, и она горела. Чеченцы взрывали поезда, мосты, таранили набитыми взрывчаткой машинами штабы и колонны российской бронетехники. И чем дольше продолжались военные действия, тем больше было уверенности в победе.

За Джохаром шла усиленная охота, плакаты с его фотографией и обещанной наградой в 1 миллион долларов, расклеенные на заборах и стенах домов, трепал и уносил ветер. В конце мая 1995 года по селу Ярыш-Марды, где по разведданным ФСК находился «мятежный Президент», был нанесен мощный артиллерийский и авиационный удар. Джохар за два дня перед бомбежкой успел перебазироваться.

Мне с дочкой, снохой и младшим сыном в марте пришлось уехать из Орехово. Бомбили уже и это село. То и дело мы убегали прятаться в подвал, унося вместе с «ага» (люлькой) шестимесячного первенца Дануси. Незадолго перед этим Джохару привезли показать внука. Увидев Дени, он очень обрадовался. Страх, который нам пришлось пережить в машине, когда ее носило из стороны в сторону (совсем рядом стреляла артиллерия), сразу пропал. Дени заснул на его руках, и иногда вздрагивая от глухих ударов, проспал до самого вечера. Ни у кого на руках он никогда не засыпал, только в своей люльке. У Джохара занемели руки, но он только улыбался и так не отдал внука до самого нашего отъезда. Теперь он был от нас отрезан линией фронта.

Выступая по НТВ, Джохар, как всегда, не унывал, смеялся над

растерянностью российского правительства, не знающего, как выпутаться из партизанской войны, в которой они увязли надолго. «Что мне делать с такой огромной массой вооруженных людей? Нет, мне нужна война!» — Джохар своим смехом просто уничтожал врагов! Но только тот, кто его хорошо знал, мог сказать, что ему стоил этот смех. «Хоть крови полон рот, честь береги, не сплевывай, чтоб видели враги».

Перед самым нашим отъездом мне удалось перебраться через линию фронта и ранним утром встретиться с Джохаром. Он только что вернулся из очередного ночного рейда и весь светился, дышал утренней свежестью горных вершин, лицо его было розовым, глаза блестели. И сразу начал рассказывать о том, что увидел в весенних горах: «Прекрасна чеченская земля! Жаль, что ты ее сейчас не видела.»

И опять он шутил, снисходительно называя российские спецслужбы ФСК, устроившими за ним охоту, «фанерно-спичечным комбинатом», а депутатов Государственной Думы — «думцами». «А думцы все заседают? Но ничего они сейчас не решают и решить, при всем своем старании, не могут. На нашей крови, как вампир, оживает российская империя!»

Его игра со смертью напоминала мне отчаянный танец смельчаков, которые выходили на площадь Свободы под пикирующими бомбардировщиками, бросая вызов стальной армаде и самой смерти — прекрасные в своей мужественности. «Народ — моя армия», — нередко повторял Джохар, и сам был его неотъемлемой частью.

К тому времени вся наша семья была объявлена в розыск. Не так давно по местному телевидению показали фотографии Даны, Мовсуда и его младшей сестры Зухры, с соответствующими комментариями. Старший брат Джохара, Махарби, всю жизнь проработавший простым таксистом, был уже арестован. Нам нужно было как можно быстрее уезжать, чтобы не стать заложниками Кремля, еще одним способом давления на Президента. Мы уехали из Ичкерии. Трудным был этот путь. А в середине лета у Джохара появился еще один внук, Самад, и маленькая внучка Камила. В Прибалтике через месяц была написана и напечатана в газетах и журналах моя большая статья «Идут бараны, бьют в барабаны…» Я отправила ее по почте знакомым в Москву с просьбой передать в «Известия», но, к сожалению, они ее не получили. Статья вернулась обратно.

ЧАСТЬ IV

Глава 30

Опять я ехала на войну и вспоминала свой сон, в котором моя мама бесшумно поставила возле моей кровати поношенные солдатские ботинки, а потом я целовала «его» глаза, соленые от слез… Я так и проснулась с ощущением соли на губах. Мне было невыразимо жаль Джохара, я чувствовала, как ему одиноко, хотя он постоянно был с людьми. Ведь перед ними он должен был являть собой пример мужества, стойкости и, самое главное, непоколебимой веры в победу даже в те дни, когда горели его любимые села и города, а горькая долгожданная свобода расстреливалась и давилась российскими танками. Бомбы с оглушительным воем неслись на крошечный клочок земли, называемый Ичкерией, и казалось, уже некуда им падать и нечего взрывать. Все сожжено и разбито. На черный обугленный город страшно смотреть. Пустыни вымерших улиц, скелеты обвалившихся домов. Воздух пропитан тошнотворным, сладковато-горьким смрадом. Горечь стояла в горле, проникала во все поры и оставалась глубоко внутри. Каким же чудом в этом аду, где не выдерживали бетонные стены, плавился камень и взрывались дома, могли остаться в живых люди, не защищенные дзотами, бомбоубежищами, броней танков и самолетов? Как сумели они противостоять огромной России?

Сухопутных и десантных войск уже не хватало, с берегов Тихого океана шли подводники, с крайнего Севера, из Якутии — отовсюду призывались войска. Мальчишки призывного возраста скрывались от повесток в армию и бегали по всей матушке России. Их отлавливали, отправляли в дисциплинарные батальоны, сажали в тюрьмы, избивали в воинских частях и насильно, под конвоем, везли на страшную и непонятную войну в Чечню — убивать. Убивать во имя сохранения территориальной целостности России и соблюдения ее конституции. Как сложно определить то, за что российскому парню надлежит умереть. Во Вторую мировую, вставая в полный рост и бросаясь в атаку, кричали: «За Родину-мать!», «За Сталина!», наконец. А теперь что кричать? «За соблюдение самой продажной твари — конституции?» Продажной, потому что она отправляла своих сыновей на лютую смерть ради себя самой, вместо того чтобы защитить их своими законами. На кой ляд создана она в таком случае?

Призывников не хватало. Из тюрем под расписку выпускали уголовников, не отсидевших до конца свои сроки, и отправлялись туда же, на чеченскую бойню, — по другому эту войну уже не

называли. Восемнадцатилетние мальчишки, вчерашние выпускники школ, попадали в преисподнюю. В действующей армии, где царили уголовники и их законы, мальчишек избивали, насиловали, превращали в полулюдей. Командиры с бывшими зеками не справлялись. Они получали нищенскую зарплату, которую порой задерживали на несколько месяцев. Чтобы прокормить свои семьи в полуголодной России, начальство продавало военное имущество, оружие перекупщикам в Ставрополье, Дагестане, Чечне. Впоследствии оно попадало к чеченским ополченцам.

Воинские части воевали под разными флагами: одни — под российскими, другие — под красными — бывшими советскими, а некоторые — под черными, с черепом и скрещенными костями для устрашения, придуманными ими самими. Нередко воинские части сражались между собой и посылали снаряды друг в друга. Разложение России зеркально отражалось в моральном облике армии. Мародерство не скрывалось. Командиры, у которых был транспорт, вывозили из оставленных чеченских домов мебель, ковры, холодильники, телевизоры. Танкисты сидели в танках на коврах, обложенные подушками. На пальцах у многих солдат-наемников сверкали бриллиантовые кольца и перстни, на шеях болтались золотые цепочки. Они грабили беженцев, пьянствовали, накачивались наркотиками. Хватали на улицах ни в чем неповинных людей, искали боевиков, определяя их по мозолям на пальцах и синякам на плече от ношения огнестрельного оружия. Увозили и расстреливали людей на консервном заводе, выполняя завет царского генерала, «покорителя» Чечни, Ермолова: «Хороший чеченец — мертвый чеченец, чем больше расстреляешь, тем меньше останется». Убивали без суда и следствия — за косой взгляд, за смелое слово, просто потому, что «рожа» не понравилась. Фильтрационные пункты, концентрационные лагеря располагались не только в Чечне — в Минводах, Ставрополе, Моздоке. Кто их считал, погибших? 120 000 — это только приблизительная, заниженная цифра. И не зря первые бомбежки Грозного и мирных беженцев, покидавших Чечню, дали такой прилив добровольцев. «Оружия!»- стискивая зубы, требовали они, глядя, как сбрасываются бомбы на невинных людей. «Оружия!» — скандировали толпы на площадях в объединяющем порыве ненависти и негодования, делавшем братьями вчерашних кровников.

4 октября 1995 года, наконец-то мне и Деги предоставилась возможность выехать в Чечню. Нас встречали в Киеве, в Баку, везли через Дагестан украинцы, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы — люди разных национальностей. Все старались помочь,

чем могли. В маленький автобус в Хасав-Юрте набилось много народу. Я сидела на заднем сиденье, скромно одетая, отвернувшись к окну и закутав лицо теплым шарфом. Документы на девичью фамилию вместе со всеми остальными прошли незамеченными, периодические проверки на блокпостах беспокоили меня меньше, чем любопытные взгляды пассажиров. Меня все знали в Чечне, а любая конспирация, как я убедилась, не выдерживала испытания у чеченских женщин. Больше всего выдавал голос, надо было молчать любой ценой, иначе каждое слово могло оказаться роковым. Чтобы избежать расспросов я, съежившись у окна, демонстративно покашливала и придерживала у горла шарф. Вскоре мне действительно стало тяжело: воздух в автобусе нагрелся и меня бросило в жар. Как завидовала я тем, кто сидел, раздевшись и свободно откинувшись. Долгих 2 часа ехал автобус до города, а там мы пересели в легковую машину.

Грозный потряс меня своими руинами, я его не узнавала. Черные, мрачные, обвалившиеся стены с обгоревшими проемами вместо окон, какие-то пустоты, провалы там, где прежде возвышался прекрасный город.

Зданий, которые были украшением улиц, не существовало. Я ехала, ясно ощущая нереальность окружающего, это был страшный сон, от которого никак не можешь очнуться. Каждый метр был обагрен кровью бесчисленных жертв… Обугленные деревья — расщепленные взрывами, искореженные — казалось, безмолвно взывали о пощаде, простирая к небу черные руки-ветки.

После ночи, проведенной у друзей, меня отвезли в селение Рошни-Чу, в гостеприимный дом Даяна, многочисленное семейство которого знала вся республика. К нему приезжали журналисты, в нем часто велись переговоры о перемирии. Дом стоял на смертельно острой грани двух враждующих миров. Дочери Даяна принимали огромное количество гостей, стирали военную форму, сушили ботинки, убирали, гладили, готовили круглосуточно. Хозяевам терпения было не занимать. Здесь останавливался иногда Магомет Хачукаев, телохранитель Джохара и мой названный третий сын. Вот здесь, в этой самой комнате, возможно, на этой кровати спал он всего месяц назад. Всю ночь, не сомкнув глаз, я думала о нем…8 октября. Как могло случиться, что он погиб так нелепо и неожиданно?

Самолеты налетели внезапно, с четырех сторон, и устремились на дом Даяна. Это была цель, определенная заранее. Конечно, предательство… В доме у Даяна должен был состояться военный Совет во главе с Джохаром. Совершенно случайно он с

командирами выехал на час позже и, подъезжая к селу, увидел пикирующие с ревом самолеты и клубы черного дыма.

Рассказывают, что Магомет сидел за столом с младшим сыном Даяна Ахметом и еще одним бойцом. Ахмет был самым младшим в президентской гвардии, когда он поступил в нее, ему исполнилось всего 17 лет. Ахмет не успел еще вырасти и был похож на хорошенькую смущающуюся девочку с темными глазами и розовым лицом. Лучшие ребята днем и ночью, в дождь и стужу, служили Ичкерии, рискуя жизнью, ничего не получая взамен. Старики гордилист ими, потому что могли сказать: «Мой сын рядом с Джохаром!» Магомет с Ахметом только принялись за жижиг галныш, как раздался первый, самый сильный удар разорвавшейся рядом с домом бомбы. Они кинулись к двери, но были остановлены ракетами, которые неслись из пикирующего самолета. Ослепительно белое пламя, страшный удар, ракета ворвалась прямо в дверь… Три часа, Магомет, не приходя в сознание, умирал, обвязанный бинтами. Осколки ракеты задели ему голову, так же, как и Ахмету, который просто чудом выжил.

Смерть Магомета неожиданно показала, как много людей любили его. Он считал своим долгом помогать всем. Республика знала его и плакала вместе с нами. В Гехи-Чу я видела кассету с записью митинга в Грозном. Разрывающие душу слова говорили о нем совершенно неизвестные нам люди. Красивая девушка медленно читала посвященные ему стихи, сжимая губы, пытаясь произносить строчки с мужественной твердостью, но слезы текли и текли по ее щекам. Мне было очень тяжело, я не могла спасти его, да он бы и не захотел другой судьбы. Наконец-то он соединился со своей юной матерью, которая, конечно, давно ждала его на небесах.

В Гехи-Чу я познакомилась с людьми, о которых стоит рассказать отдельно. Мы жили в новом кирпичном доме, только что достроенном Рашидом, младшим братом Магомета Жаниева, военного прокурора республики. Звание военного прокурора он получил недавно, в условиях военного времени. Верных людей с юридическим образованием и стажем работы практически не было. Жаниев стал для Джохара поистине находкой. Небольшого роста, с горящими черными глазами, стройной подтянутой фигурой, он был, как живая ртуть. Огромные усы, которые начинались, как у всех мужчин, под носом, опускались двумя широкими черными гирляндами к подбородку, совершали там немыслимый вираж и взмывали вверх, к самым кончикам ушей. За эту диковинную красоту и бесстрашие в республике его прозвали «Аьрж йовсар» («Черный дьявол»). Залихватские усы радикально отличали его от окружающих и являлись предметом

особой гордости. Увидев их тлько раз, забыть было уже невозможно. Наверное, таким был поэт-гусар Денис Давыдов, герой Отечественной войны 1812 года. Магомет Жаниев обладал мужеством и храбростью, несоизмеримыми с его маленьким ростом. Веселые глаза смотрели на все вокруг с неизменным доброжелательством. Он носил красивые облегающие черные кожаные штаны (назвать их брюками не поворачивается язык), и такой же ослепительный, с погонами, кожаный френч, туго перетянутый в талии ремнем с кобурой. Однако наблюдательные сельчане поведали нашей охране, что в свой экстравагантный наряд он торжественно облачается исключительно к приезду Джохара. И тогда видно его было на белом снегу за версту. Жаниев с восхищением, как ребенок, смотрел на Джохара, ловя на лету каждое его слово. «Он бы жизнь за него отдал, не задумываясь», — часто убежденно повторяла его сестра Раиса. И ее темные глаза, обычно задорно искрящиеся, становились задумчивыми.

Вместе с Джохаром они готовили материалы по делу о геноциде чеченского народа для военного трибунала над руководством России. Он выступал с такими смелыми и резкими заявлениями в связи с будущим судом над российскими военными преступниками, что даже самые хладнокровные из обвиняемых теряли самообладание, заканчивая всегда так, словно ставил твердую и размашистую подпись: «Магомет Жаниев, военный прокурор Чеченской Республики Ичкерия».

Недавно отстроенный дом, в котором мы жили, не обогревался (котел не успели поставить) и поэтому мы с Дуки и младшим сыном Деги спали в маленькой, самой теплой, комнате, которая прилегала к стене кухни. Магомет Жаниев с нашим племянником Висханом и старшим сыном Овлуром ночевали в холодной, как ледник, спальне, с большими окнами, выходящими на улицу. Это было необходимо для охраны, но Боже, как же там было холодно! Они спали, не раздеваясь, в камуфляжной форме, рядом лежали автоматы.

Каждое утро начиналось одинаково. Приходила Раиса с двумя дочками, и они принимались за хозяйство. Девочки гремели ведрами, носили с речки ледяную воду для умывания и мытья полов. Раиса колола во дворе дрова, нередко мокрые после дождя, а порой их приходилось выгребать из-под снега. Потом принимались раздувать огонь в печке. Лариса, старшая дочка Раисы, мыла пол в большой кухне-столовой-прихожей. Все объединяла в себе эта комната с одинокой печкой в углу, большими окнами, выходящими на овраг, по дну которого текла река. Неподалеку, с правой стороны, синели пологие склоны гор.

Они постоянно, со странной силой притягивали мой взгляд. Теперь мне кажется, что то странное ощущение было вызвано смутными предчувствиями того, что должно было произойти там вскоре.

Однажды в середине ноября мне приснился связанный с тем местом сон. Я брела в сером, удушающем, низко лежащем ядовитом тумане, люди вокруг меня падали и оставались лежать на земле, не в силах подняться. Туман доходил до пояса и быстро поднимался. С необыкновенной ясностью я вдруг поняла, что здесь использовали химическое оружие, и начала торопливо поднимать людей. Я вела их в гору, а они еле передвигали ноги, несколько человек остались лежать на земле. Мы поднялись на тот самый склон, на который я так часто смотрела, тумана там не оказалось. Мы были спасены! И вдруг… Я обернулась и ахнула от того, что предстало перед моими глазами. Это было словно обещание: ослепительное солнце золотило огромные поля пшеницы, раскинувшиеся до самого горизонта. Шла уборка урожая, счастливые и веселые мужчины и женщины с детьми несли с полей полевые цветы и снопы пшеницы. Праздник озарял лица. Ясный золотистый воздух пронизывал все вокруг, он был, казалось, живым светом…

Я привезла Джохару свои статьи, опубликованные в литовских газетах, и последнюю — в украинском журнале «Дружба народов», кассеты с моими выступлениями о войне на радио. Он всегда старался сдерживать мой воинственный пыл, боялся, что я наживу себе много врагов. «Ну, пока меня не было рядом, чувствую, ты, наконец-то, успела сказать все, что хотела..», — усмехнулся он. Но по всему было видно, что Джохар доволен. Как всегда, сильно прижимая ладони, похлопал Деги по спине, подержал его голову в руках, как бы проверяя сохранность, и удивился: «Уже мужчина! За лето так подрос…» Я привезла его любимые пряники, в который раз удивляясь непритязательности вкусов этого человека, чувствуя нежность и любовь к нему, как к ребенку, которому в детстве не досталось сладкого. Он весело шутил и смеялся. Люди внимали каждому его слову, передавая услышанное из уст в уста. Джохар был для них олицетворением мужества и стойкости, не позволявшим себе ни на минуту расслабиться. Ведь многие потому и верили в победу, что верил он.

С противоположного берега наш дом и все, что происходило в нем, были видны, как на ладони, при желании любой мог с легкостью выследить Президента. Он часто исчезал, иногда на целую неделю, проводя длительные рейды в горах. С собой брал Магомета Жаниева, нашего племянника Висхана, старшего сына

Овлура, иногда и младшего, Деги. За рулем обычно сидел Руслан, родственник Жаниевых. Приезжавшие к нам люди хотели сфотографироваться рядом с Джохаром, снимались и со мной, хотя я не очень любила эти групповые фотографии. Во время войны страсть к ним превратилась в какую-то манию, может быть потому, что только на этих снимках очень часто и можно было увидеть тех, кто еще совсем недавно был жив. Так же, как и раньше, я постоянно ловила передачи радио «Свобода», запоминала или даже записывала их и потом пересказывала содержание Джохару.

Мы жили в доме Рашида одни, Раиса с девочками ночевала у Башира, домов через пять от нашего, на противоположной стороне улицы. Они сновали между домами взад-вперед в одних платьях, с раскрасневшимися лицами, не обращая внимания на дождь, холод, грязь или снег. Сорокалетняя Раиса была простой чеченской женщиной. Она временно жила у братьев, поссорившись с мужем. По всем приметам было видно, что Раиса его очень любит. Да и он давно искал примирения. Ее дочь Ларису я очень жалела. Эта семнадцатилетняя девочка плакала иногда потихоньку: год назад ее жених, служивший в президентской гвардии, погиб при защите Президентского дворца. Однажды она плакала особенно горько. Я, как могла, старалась ее утешить, без слов обняв за трясущиеся плечики. Лариса пожаловалась мне, что тетя отругала ее за слезы и сказала, что если бы умерла она сама, ее гвардеец из-за нее так не убивался бы. На следующее утро со счастливым лицом она появилась у нас в доме и рассказала, что впервые ей приснился ее жених. Он был очень красивый, совсем как живой. Комната озарилась от света, исходящего от него. Жених долго с любовью смотрел на Ларису, а потом сказал, что если бы умерла она, он бы тоже умер. «Видишь, он тебя и оттуда любит и утешает», — сказала я.

Раиса была грубовата со старшей безответной Ларисой и совсем по-другому, нежно, относилась к младшей дочери, которая была уже ростом с мать, но постоянно к ней ластилась. За Ларисой так и осталось детское прозвище «пушка» (от слова «пушок»), Раиса ее иначе не называла. Джохар же, как всегда, чуткий к чужим обидам, еще до моего приезда потребовал взрослую девушку «пушкой» не называть и учредил для нарушителей штраф 50 тысяч рублей. Раиса, обмолвившись невзначай, краснела и терялась, поскольку штраф он брал не шутя, а собранные деньги, добавив от себя, отдавал Ларисе. Впрочем, досада матери компенсировалась тем, что штраф взимался и с нас, но только в больших размерах, а Раиса, как

всякая чеченская мать, должна была собрать дочери хорошее приданое. Постепенно это превратилось в игру, но чаще всех все же попадалась Раиса.

Дочки и я упрашивали Раису вернуться к мужу, а она кокетливо упиралась, но было видно, что эти разговоры ей очень нравятся. Вся работа по дому, и мужская, и женская, лежала на ней. Она к этому привыкла и считала нормальным то, что меня возмущало. Ее братья в ответ на мои упреки только посмеивались: «Ничего, у нее силы на все хватит!» Даже когда наша машина застряла, они шутили: «Сейчас Раиса придет, машину толкнет, и она поедет!» Как-то раз Раиса краснея, призналась мне: «Мой муж меня очень жалел. Иногда даже ласково называл: «Коровушка ты моя, коровушка». Это не удивительно, есть древние женские имена, на разных языках обозначающие это домашное мирное животное, которое по сути своей является символом дома, уюта, доброты и плодовитости. Она показала мне тайком его фотографию, а последним, самым решающим и неопровержимым подтверждением его чувств явились стихи, которые он сам написал и передал ей. Они были о любви. Ну какая женщина в такой ситуации устоит?! Раиса сияла и повторяла вполголоса некоторые строки. В конце концов «неприступная крепость» сдалась. Перед нашим переездом в другое село она уехала к мужу, а позже передала мне от него привет и благодарность за участие.

Жить в доме Рашида стало невозможно из-за холода. Воспалением легких заболел Овлур, кашлял и чихал младший сын. Не будь у меня антибиотиков, положение стало бы и совсем критическим. В конце концов какой-то непонятной болезнью заболела и я, возможно, из-за речной воды: обложило язык, он распух и очень болел изнутри. Я чуть не умерла из-за того, что три дня не могла говорить. «Вот это, наверное, и называется «типун на языке», вскакивает, когда много говоришь», — шутил надо мной Джохар. Больной Овлур с высокой температурой не мог больше ночевать в ледяной спальне, он попробовал составить стулья и как-то устроиться на них в зале, рядом с нашей маленькой комнатушкой. Ему казалось, что так будет теплее. Тогда Джохар уложил всех больных на нашу кровать, а когда я отправилась занимать освободившиеся стулья в зале, махнул мне рукой: «Голодранцы всех окраин, гоп до кучи!»

Следующую ночь мы провели уже в доме Вахи Ибрагимова, в селе Шалажи. Ехали на уазиках, объезжая блокпосты, по каким-то взгорьям и долинам, по каменистому руслу реки, по грязи и жидкому снегу. Машины то спускались с дорожной насыпи, то, с трудом буксуя, поднимались на нее в полной темноте, рискуя

опрокинуться. Эта ужасная дорога все перевернула во мне. А Джохар ездил каждую ночь на гораздо большие расстояния, несколько раз совершал недельные рейды в горах, по бездорожью, под обстрелом и бомбами.

Дом Вахи Ибрагимова, в котором мы поселились, стоял в глубине двора. Соседи не заглядывали сюда, зная, что здесь находятся раненые ополченцы. Все лето Ваха сам выхаживал, кормил и даже купал их, отправив женщин с детьми подальше от войны. Знакомые заходили обычно в небольшой дом у ворот, а задний двор с огородом посещало полсела. До темноты гремели ведрами сельчане, набирая воду у кристального ключа, не догадываясь, кто находится совсем рядом. Ваха, высокий, с мужественным лицом и густой русой шевелюрой, был, как и отец его, хорошим хозяином. Его отличали редкий ум, мужество и доброта. Они подолгу беседовали с Джохаром. С неизменной мягкостью отстаивавший свою точку зрения, он умел настоять на своем, не обижая собеседника.

Глава 31

Никто не должен был знать, где живет Президент. Когда к Джохару приезжали люди, они останавливались в доме его помощника Мовлена через несколько улиц от нас. Обычно Джохар сам приезжал к ним, чтобы никто не догадался, что мы живем неподалеку, нельзя было торопиться. Встречи с журналистами, как правило, происходили в селе Рошни-Чу при участии нашего старого знакомого Даяна.

В те дни, накануне нового года, совершенно неожиданно для российских генералов Салман Радуев начал стремительный штурм второго по значению города — Гудермеса. На следующий после штурма день через все блокпосты пришла связная Лида Радуева — жена Салмана Радуева, племянница Дуки, с донесением от мужа. Она была на седьмом месяце, но торопилась обратно, на другой конец республики, в горящий Гудермес. К сожалению, мне не довелось увидеть ее тогда, но мужеством этой молодой женщины я не раз еще восхищалась. После четырех дней упорной обороны Гудермес пришлось оставить, но в планы командиров и не входило удерживать его. Жаль было превращать в руины, подобно Грозному, красивый город, а иначе российская армия воевать не умела. Мы показали, что у нас есть силы, сводки тех дней были похожи на горящие языки пламени.

Беспрецедентные выборы Доку Завгаева были еще одним звеном лжи в нескончаемой цепи российского абсурда. Но вязли в ней именно те, кто так тщательно ее готовил, «паук сам запутался в своей паутине».

Все хитроумные расчеты опрокидывали «презирающие смерть», на такую всеобщую самоотверженность новоявленные «Макиавелли» не рассчитывали. Кроме того, хитрость иногда настолько походила на тупость, что это вызывало удивление.

Республика была расколота надвое, половина ее оккупирована, другая под нескончаемый грохот бомбардировок вела кровопролитные бои. 300 000 человек стали беженцами, 120 000 — убиты, десятки тысяч в российских тюрьмах и фильтрационных лагерях подвергались пыткам и уничтожались. И в это «благословенное время» устраивались «всенародные, всеобщие, свободные» выборы!

Иностранные журналисты, объехав несколько десятков чеченских оккупированных сел в поисках пунктов для голосования, так ничего и не нашли. А Доку Гапурович гордо на весь мир заявил о том, что 99 процентов населения участвовало в выборах. Не осмеливаясь назвать себя президентом, он, скромно

потупив черный взор, назвался «главой временного правительства».

За него голосовала вся армия оккупантов, против — памятники на свежих чеченских могилах, устремляя вверх, прямо в пасмурное кавказское небо, высокие древки с маленькими жестяными зелеными флажками-флюгерами — свой джихад.

Новый 1996 год Президент встречал в селении Гехи-Чу вместе с жителями. Был накрыт стол. Детям раздали заранее приготовленные новогодние подарки. Джохар поздравил сельчан. Ответную речь произнесла молодая женщина из местных. Там находились и российские журналисты, привезенные Магометом Жаниевым. Мне запомнился один из них — Ильяс Богатырев, корреспондент популярной телевизионной программы «Взгляд». Я прочитала свои стихи, очень хотела, чтобы они были услышаны в России.

РОССИЯ

С высочайшего позволения,
С молчаливого соглашения,
С запоздалого удивления
Миллионы лежат в гробах!
И слоями засыпаны в ямах,
В придорожных лежат канавах,
В потемневших от крови реках,
В почерневших от дыма лесах.
Замордованы и зарыты,
Как собаки, песком прикрыты,
С верой в нашу правду убиты
Без суда, по приказу и так…
А мы святы, чисты и невинны,
Мы гуманны, добры и наивны.
Столько лет им поют ветры гимны
Все не знаем, за что их и как.
Не отмыть и слезами кровавыми,
Нашу совесть над этими ранами,
Преступлениями небывалыми,
Будет вечным укором их прах…
Виноваты мы все — благодушные,
И приказу бездумно послушные,
Осторожные, равнодушные,
С этой памятью жить теперь как?

1983 год

После официальной части Джохар в соседней комнате звонил по спутниковому телефону и поздравлял ополченцев и командиров, а мы беседовали с Ильясом, гадая, что же принесет нам год Красной Крысы…

9 января — рейд Салмана Радуева в Кизляре (Дагестан). Он нанес неожиданный удар по расположению воинских частей в тылу российской армии. Телезрителей поражали ответы Радуева и его людей журналистам. Если в облике героя буденновских событий Шамиля Басаева, в его мужественной готовности умереть сквозила печальная обреченность человека, вынужденного пойти на крайний шаг, то в фанатизме Радуева необходимости не было. Он был порождением войны и страшен переполнявшей его радостью самоотречения.

Россия содрогнулась, впервые всерьез задумавшись о том, сколько подобных людей породила жестокость войны. А как только не клеймили нас средства массовой информации за рубежом! Отчаяние обездоленных угрожало благоденствию государств, угнетавших малочисленные народы. «В каждой семье есть свой скелет в шкафу», — говорят англичане.

Автобусы с отрядом Салмана Радуева и заложниками тронулись в путь. Заложники махали в окна автобусов белыми платками, наивно полагая, что все обойдется так же, как в Буденовске, когда Шамиль заставил Россию остановить войну и пойти на переговоры. Но мы-то понимали, что во второй раз Россия вынуждена будет любой ценой сохранить лицо перед мировым сообществом. Смутьянов, посмевших противостоять огромной державе, нужно примерно наказывать.

Ровно в 5 часов по телевидению сообщили, что в результате обстрела с вертолетов движение автобусов остановлено. Салман Радуев, захвативший в заложники милиционеров с поста, заблокирован в селе Первомайское. Вокруг села стянуты пехота, артиллерия и дагестанская милиция, прибывают все новые воинские подразделения, специализирующиеся на захвате террористов, — «Альфа», «Витязь». К бою готовились ракетные установки. Пока, для отвода глаз, велись переговоры, вокруг села минировали пути возможного отступления. Над селом постоянно кружили вертолеты, пуская по ночам осветительные ракеты над прилегающими полями. Переговоры, как и предполагалось, закончились ничем. Время тянули для того, чтобы успеть убедить общественное мнение в неизбежной необходимости штурма. «Заложники, — трубили средства массовой информации, — уже расстреляны, спасать некого». Осуществление операции было

возложено на генерала Барсукова.

Дуки, который и без того всегда мало ел и спал, совсем потерял аппетит и сон. «Неужели они все погибнут? — умоляюще спрашивала я его. — Неужели никто не придет к ним на помощь?» Он отмалчивался, но я слишком хорошо знала его, чтобы не догадываться, что готовится операция, о которой никто не должен знать. Джохар, как всегда, уезжал по ночам, в расположение наших ополченцев, а вернувшись, отвечал на многочисленные звонки по телефону, иногда давал интервью американскому радио, радиостанции «Свобода» и другим. Когда его спрашивали, действовал ли Салман Радуев по его приказу, он отвечал кратко: «Он выполнял боевой рейд по тылам противника, точно так же, как это делает Россия на территории Чеченской Республики Ичкерия». Разумеется, в боевую операцию по разгрому военного аэродрома не мог входить захват Кизлярской больницы, это понимал каждый. К тому же целью России было заставить весь мир думать о нас, как о неуправляемых и непредсказуемых террористах, и этим оправдать войну. Но не мог Джохар, с его благородной натурой и верностью кавказским обычаям, отказаться от действий своего командира, то есть поступить так, как поступил бы на его месте любой настоящий политик.

Как ни старалась, я не смогла сомкнуть глаз, впрочем, как и все в те дни. Но, забывшись, незадолго перед рассветом, увидела заброшенное старое кладбище и две стоящие рядом ухоженные могилы — моей мамы и бабушки. Они были покрыты новыми, зеленого цвета, мусульманскими ковриками для молитвы, а в изголовье каждой из могил горело по яркой свече, освещая все кладбище. Я воспряла духом. «Вот увидите, все будет очень хорошо, — уверяла я окружающих. — Нам помогут друзья-мусульмане из далеких стран и 2 свечи — это двойной успех в безнадежном деле».

И вот, в тот же день, в Турции захвачен теплоход «Аврасия» с российскими пассажирами — помощь мусульман. Но это происшествие лишь подлило масла в огонь. Выдвинутое ими требование — остановить войну в Чечении, как и заявления Салмана Радуева, повисли в воздухе. Российские спецслужбы акцентировали внимание мировой общественности на показаниях одной из пассажирок, сбежавшей якобы в момент захвата. С расширенными глазами, сопровождая повествование интенсивной жестикуляцией, «заложница» взахлеб рассказывала о «пережитых ужасах». Джохар мгновенно узнал ее на экране и попросил принести из архива удостоверение агента российских спецслужб. Оказалось, что год назад она было задержана в Грозном

чеченским МВД, а затем отпущена без документов. «С женщинами мы не воюем, — смеялся Дуки, — но доказать, кем является эта подсадная утка, необходимо». Женщина мгновенно исчезла с экранов. «Аврасию» сдали добровольно, без единого выстрела, ни один из пассажиров не пострадал. Но в умы телезрителей уже врезалась картина облитой солнцем палубы и сияющих лиц отважной семерки. Духом непокорности веяло от них. Стреляя в воздух из автоматов, они не пугали, а подтверждали торжество свободы. Теплоход был освобожден по личному приказу Джохара Дудаева во время переговоров с «Аврасией».

Люди, затаив дыхание, ожидали дальнейшего развития событий. На экранах телевизоров крупным планом мелькало лицо пожилого дагестанца, отпущенного Радуевым в качестве парламентария. Слезы катились по его щекам: пятнадцатилетняя дочь осталась заложницей, а он не мог вернуться обратно. Операция по уничтожению уже началась…

«Позабавило» россиян утверждение Бориса Ельцина о том, что вырваться из окружения никому не удастся. Видимо, после беседы с генералом Барсуковым, он на «полном серьезе» уверял, что каждый террорист «на мушке» у закрепленного за ним снайпера. «38 террористов — 38 снайперов, террористы передвигаются и снайперы передвигаются.» Несколько дней безостановочного ракетного обстрела, бомбежек, непрерывный артиллерийский обстрел клочка земли и вдруг — непостижимо! — молниеносный прорыв. Спаслись сами и спасли заложников, которые неожиданно «восстали из мертвых». Более того, для спасения их жизней «террористы» прикрывали беззащитных людей собой, шли впереди по заснеженному минному полю, подрываясь на минах и прокладывая путь своими телами. Состоялась, наконец, встреча счастливого отца с его пятнадцатилетней дочерью, спасенной «террористами». Четверо из них погибли, защищая девочку от пуль. (Впоследствии она вышла замуж за одного из участников операции.)

Мир был изумлен. Кто мог выйти живым из тройного кольца окружения элитными спецчастями, из-под лавины огня, обрушившейся на маленький поселок? Но они вышли! Уже в который раз открылась миру отвратительная непростительная ложь российских средств массовой информации, позволяющая безнаказанно убивать на глазах у всего мира. И, конечно, значительную роль сыграла помощь отряда бойцов-добровольцев под командованием Шамиля Басаева. Решение о проведении этой операции было принято Государственным Комитетотм Обороны и исполнено блестяще. Храброе сердце — сильнее огня… «Те, кто идут по праведному пути, не знают ни страха, ни печали».

А Президент России опять «в картинках» описывал, как несчастные российские спецподразделения нарвались, оказывается, на мощную, подготовленную заранее на российской территории чеченскую базу, оснащенную сетью подземных ходов и чуть ли не дзотами.

Дома, в Чечне, навстречу длинной колонне машин выходили свои и чужие, матери и жены, старики и дети, со слезами обнимали чудом вернувшихся из ада смертников. Маленькая гордая Чечня ликовала: позора поражения — самого страшного для любого чеченца — не было!

«Позабавило» россиян утверждение Бориса Ельцина о том, что вырваться из окружения никому не удастся. Видимо, после беседы с генералом Барсуковым, он на «полном серьезе» уверял, что каждый террорист «на мушке» у закрепленного за ним снайпера. «38 террористов — 38 снайперов, террористы передвигаются и снайперы передвигаются.» Несколько дней безостановочного ракетного обстрела, бомбежек, непрерывный артиллерийский обстрел клочка земли и вдруг — непостижимо! — молниеносный прорыв. Спаслись сами и спасли заложников, которые неожиданно «восстали из мертвых». Более того, для спасения их жизней «террористы» прикрывали беззащитных людей собой, шли впереди по заснеженному минному полю, подрываясь на минах и прокладывая путь своими телами. Состоялась, наконец, встреча счастливого отца с его пятнадцатилетней дочерью, спасенной «террористами». Четверо из них погибли, защищая девочку от пуль. (Впоследствии она вышла замуж за одного из участников операции.)

Мир был изумлен. Кто мог выйти живым из тройного кольца окружения элитными спецчастями, из-под лавины огня, обрушившейся на маленький поселок? Но они вышли! Уже в который раз открылась миру отвратительная непростительная ложь российских средств массовой информации, позволяющая безнаказанно убивать на глазах у всего мира. И, конечно, значительную роль сыграла помощь отряда бойцов-добровольцев под командованием Шамиля Басаева. Решение о проведении этой операции было принято Государственным Комитетотм Обороны и исполнено блестяще. Храброе сердце — сильнее огня… «Те, кто идут по праведному пути, не знают ни страха, ни печали».

А Президент России опять «в картинках» описывал, как несчастные российские спецподразделения нарвались, оказывается, на мощную, подготовленную заранее на российской территории чеченскую базу, оснащенную сетью подземных ходов и чуть ли не дзотами.

Дома, в Чечне, навстречу длинной колонне машин выходили

свои и чужие, матери и жены, старики и дети, со слезами обнимали чудом вернувшихся из ада смертников. Маленькая гордая Чечня ликовала: позора поражения — самого страшного для любого чеченца — не было!

Глава 32

Россия потерпела крах — и военный, и моральный, и политический. Она объявила о намерении решать в дальнейшем проблему русско-чеченских отношений политическими средствами. Но «блажен, кто верует»…

В Грозном — бессрочный митинг. Десятки тысяч людей: стариков, женщин и детей — в любую погоду стоят на снегу. Возле обугленного, разбомбленного Президентского дворца, на остатках фасада которого висит портрет Президента Джохара Дудаева и непокорный зеленый государственный флаг Чеченской Республики Ичкерия, раскинулся палаточный городок. Его назвали Дуки-Юрт в честь детского имени Джохара, видимо, потому, что это крошечная миниатюра всей Чечни. На палаточных улицах прибиты фанерки с названиями больших сел и маленьких поселков, автобусы со всей республики все прибывают. Холодными зимними ночами люди согреваются у костров чаем и тем, что иногда удается передать через плотную охрану МВД, кольцом оцепившим бессрочный митинг неповиновения. На подтаявшем снегу, сидя на коленях, худенькая старушка обеими руками держит, прижимая к впалой груди, портрет Президента Джохара Дудаева. На бледном до синевы лице обведенные черными кругами горестные глаза… Этот кадр обошел все экраны телевизоров. «Чеченский народ требует безоговорочного вывода российских войск и признания независимости Ичкерии».

В республике продолжает работу законное правительство. Собранные Джохаром министры заседают и решают самые насущные проблемы. Дымят подземные мини-заводы по переработке нефти на юго-западе республики. Бензин поровну делится между всеми фронтами и боевыми частями. Регулярно выходит газета «Ичкерия» и мгновенно расходится по рукам. Выступления Джохара по единственному сохранившемуся передвижному президентскому каналу передаются из уста в уста…

После очередного заявления Москвы о том, что «Президент Джохар Дудаев, забрав десятки миллионов долларов, сбежал за границу», он появляется на экране и… смеется. Смеется над теми, кто запустил «телевизионную утку» и над теми, кто ей поверил. Его искренний смех набатом звучит в ушах предателей-завгаевцев, хороня их рассыпаюшиеся в прах надежды. А потом говорит — говорит так, что шевелятся волосы и по коже бегут мурашки. И таким заразительным огнем и силой веет от него, что

поднимают люди опустившиеся головы и снова верят в победу. И идут в бой…

«Джихад — дело добровольное, — говорит он. — Я никого не вызывал повестками воевать».

На площади Свободы 8–9-10-февраля оккупационные войска, переодетые в милицейскую и чеченскую форму, омон и спецназ расстреливают бессрочный митинг. По приказу Доку Завгаева несколько тонн динамита закладывают ночью в фундамент Президентского дворца, ставшего гордым символом свободы Ичкерии, и взрывают. Эти кадры долго и назидательно показываются по российскому телевидению. Вот, что ожидает все непокорные народы! Двумя мощными взрывами монолитное здание поднимается в воздух, а потом медленно опускается большим плотным облаком пыли. Ну, что ж, здание уничтожить можно, дух свободы победить нельзя! Несмотря на мощное антивоенное движение в России, решительный протест интеллигенции, геноцид чеченского народа продолжается. В эти дни был взорван и наш домик на улице Ялтинская.

И вновь Ельцин пытается обмануть российскую общественность, заявляя, что целые группы населенных пунктов Чечни заключают с федералами мирные договоры. Подобострастные отчеты Завгаева в Москву громогласно вещаются по центральному телевидению: «Из 350 сел и деревень 50 отвернулось от Джохара». Всего лишь 50! Под дулами автоматов, под угрозой бомбежки и полного уничтожения, после жесточайшей двухлетней войны! Чем не народный референдум, чисто в российском духе?! Или присоединяйтесь к «матушке России», или смерть всем от мала до велика. Вот она — голая истина без прикрас.

Новый круг атак на Аллерой, Новогрозный, Бачи-Юрт, Серноводск. Еще одно нападение на многострадальные Самашки. Как раз перед этими событиями Джохару снится огромное стеклянное здание в Москве с бесчисленными переходами между этажами, по которым снует множество людей (стекло — страх). Это здание устрашения старательно строит Россия все последующие дни, вторая часть плана, о которой Ельцин, намекнув, многозначительно умалчивает. Протягивая правую руку для перемирия, левой Россия вероломно наносит удары в спину.

Карательные операции по мирным селам Джохар воспринимает очень болезненно. Казалось, вся чеченская земля стала его живым телом, поэтому повторные атаки по больному месту, Самашкам и другим беззащитным селам, были страшными ударами, от которых он стонал, сжимая голову руками.

Три раза за эту войну, когда было особенно тяжело, в самое страшное время поражения и отступления, ему является одна и та же картина. В ночные часы, когда мозг лихорадочно искал выход, перед закрытыми глазами вдруг расстилалось бесконечное светящееся поле зеленого цвета. На нем появлялась фигура, в первый раз это был святой Кунта-Ходжи. Джохар не мог объяснить, как он мгновенно понимал, кто перед ним. Святой приближался и, оказавшись совсем рядом, смотрел на Джохара. Удивительно спокойным было его лицо. Джохар начинал просить Всевышнего, чтобы Он оставил святого, пока тот не ответит на все вопросы. И… начинался диалог, который он не мог запомнить, но главное — появлялось чувство непоколебимой уверенности в правльности тех действий, которые он должен был предпринять. Во второй раз Джохар увидел сразу трех святых, и он опять мгновенно узнал их имена, известные многим в Чечне.

В третий раз на зеленом поле появился всадник на лошади, который приблизился к Джохару и ответил на все вопросы, вселив в него уверенность в победе и безграничную радость. «Огромные мучения терпите вы на своем пути, — говорил святой. — Вас уничтожают бомбами, расстреливают и сжигают, но верьте в милость Всевышнего. Мы всегда с вами, видим каждый ваш шаг. Никто не останется забытым на этом пути. Мы шли по нему задолго до вашего рождения, но только вам суждено преодолеть все преграды и одержать победу…»

Наутро Джохар вставал обновленным. Если в начале русско-чеченской войны он говорил, что один чеченский воин противостоит ста русским, то сейчас утверждал, что один стоит тысячи. Значительно позже я узнала хадис Великого Пророка Мохаммада (саллаллаху алайхи ва саллам): «В день суда придет народ чей Иман будет удивительным. Им скажут: «Ради Вас благостная весть, Мир Вам! Возрадуйтесь с входом в рай навсегда. Ангелы, пророки, люди будут завидовать им». Асхьабы спросили: «О, пророк Аллаха! Кто они? Пророк ответил: «Они не от нас (пророков) и не от вас. Они будут появляться в таком периоде времени, когда люди оставят Книгу Аллаха и Сунну. Они вооружатся Кораном и Сунной, дадут им новую жизнь, будут читать и обучать этому других. Они будут страдать на этом пути страшными мучениями, больше чем вы (асхьабы). Иман одного из них равняется иману сорока из вас и их один шахид равняется сорока вашим шахидам. Вы найдете помощников в делах истины, а они совсем не найдут помощников. Они будут окружены со всех сторон несправедливыми людьми и они будут находиться в углах спасения Байтулмукъаддаса. В таких условиях к ним придет помощь Аллаха и ими будет поднята честь Ислама. И пророк

попросил Аллаха: «О, Аллах, дай им победу и сделай их сопровождающими со мной на реке Кавсар».

Страх душил и гнал трехсоттысячную российскую армию с чужой чеченской земли, из-за каждого камня, стены мог раздаться выстрел и убить, прогрохотав насмешливым эхом в горах.

Глава 33

В дом к Вахе Ибрагимову, где мы жили последнее время, часто приезжали Магомет Жаниев, его брат Башир, Абу Арсунукаев, иногда наша старая знакомая Раиса. Недоверчиво пробуя очередной пирожок с яблочной начинкой, она не переставала удивляться, тому, как легко я управляюсь с деревенским хозяйством. Братья звали нас обратно к себе. Постоянно бывал наш зять Мовсуд и племянник Джохара Ахмет. И Мовсуда, и Ахмета я очень любила.

Ахмет, невысокого роста, бывший чемпион по боксу, был простым, как вешняя трава, мужественным и… добрым. Только такой, как он, мог по приказу Джохара заниматься пленными, перетаскивая больше ста человек под бомбами с места на место и постоянно ломая голову над тем, чем их кормить. Он просил у местных жителей лекарства и продукты для пленных. Но старики, с гордостью резавшие скот для чеченских добровольцев, не собирались кормить захватчиков! Кое-что ему иногда с величайшим трудом удавалось достать, но чаще всего для пленных просто отстреливали диких кабанов в лесу (свинину мусульманам есть не разрешается). Зимой и весной пленные собирали и ели дикую черемшу и шишки. Из Бамута, который постоянно атаковали и бомбили, их перевели в Орехово (Ашхой Кутор), которое находилось от нас на расстоянии пяти километров. Ополченцы упорно не сдавали это село, хотя все оно было уже разбито. Мы слышали канонаду каждую ночь и каждый день, я молилась за жизни тех, кто, прячась в разбитых зданиях и подвалах, под непрекращающимся обстрелом защищал село.

Пленных разместили в местной школе. Они слепили печь из кирпичей, собрали со всего села старую мебель, ковры и одеяла. Но об их нахождении кто-то донес, и самолеты начали наносить бомбовые удары именно по школе.

Пришлось Ахмету с величайшим трудом перевести пленных на грузовой машине за несколько рейсов по весенней мартовской грязи, льду и снегу дальше в горы, на базу. По дороге четверо человек погибли под бомбами. Там остались их могилы. Джохар не разрешал хоронить погибших пленных до тех пор, пока Магомет Жаниев со следственной группой не провел медицинскую экспертизу и не составил акт о причине их смерти. В горах Ахмету и пленным пришлось рыть себе землянки. Они снова сделали из камней печи и опять начали собирать черемшу.

Однажды Ахмет принес нам послание от Лечи Салигова, чеченца-отступника, содержавшегося вместе с пленными. В

письме он сообщал Джохару, что месяца в плену ему хватило, чтобы все понять. Затем следовало стихотворное прославление свободы и Президента Джохара Дудаева. Самое удивительное, что мне он посвятил второе стихотворение, видимо, в надежде растрогать горькой участью пленника, томящегося в неволе. Стихи были написаны хорошо, но мир не удивишь этим фактом. Продажная поэтическая муза не раз бывала в услужении у сильных мира сего.

Наши пленные находились в сравнительно неплохих условиях. Фильтрационные российские лагеря располагались в благоустроенных больших городах вокруг Чечни и занимались только тем, что уничтожали десятки тысяч мирных чеченцев и людей всех национальностей, проживавших в Чеченской Республике, предварительно выбив им зубы, ломая пальцы и ребра. Оттуда можно было выйти только случайно…

У Вахи Ибрагимова было двое детей. Джохар часто работал за полированным столом над документами в нашей комнате. В это время сыновья Вахи сидели один у него на плечах, другой лазил где-то в ногах под столом. Но ему это нисколько не мешало, а наоборот доставляло удовольствие. Восьмилетний Джамбулат, трогательный, худенький, бледный мальчуган с большими черными глазами, особенно обожал Джохара. Когда тот, играя с ним, хлопал Джамбулата по спине или ерошил ему волосы, лицо его сияло от счастья, и восторгу не было предела. «Джамик», как его называл Джохар, был готов умереть за него тут же, не сходя с места.

Младший, шестилетний Руслан был любимцем умершего деда и его точной копией, не по возрасту самостоятельным и хозяйственным. Мы так и прозвали его «дедок». Дед заступался за него и после своей смерти. Когда однажды Мовлихан, мать Русика, побила его в наказание, во сне дед гонялся за ней по двору всю ночь. После этого «воспитывать» его она уже не смела. Этот дед пришел к Мовлихан во сне незадолго перед тем, как наш дом начали бомбить. «Уходите, — выталкивал он ее из дверей своего родного дома. — Потом, кто останется в живых, вернется». «Ну уж если сам хозяин выпроваживает, придется уйти», — шутил Джохар. Положение было действительно очень серьезным. Бомбардировщики все чаще начали появляться в небе над Шалажи. Они пока еще не бомбили, но, опускаясь и пролетая низко над крышами, оглушительным воем до смерти пугали старух, беженцев и ребятишек. Из теплого гостеприимного Вахиного дома уходить очень не хотелось.

Джохар не переставал удивляться эрудиции Вахи, они вместе готовили заявления, причем Ваха очень мягко иногда мог

настоять на своем. Часто мы устраивали «поэтические вечера». Дома была неплохая библиотека. Ваха читал стихи своих любимых поэтов, я — своих. Оказывается, он тоже писал стихи и очень хорошие. Как-то раз Джохар сказал мне: «Просто поразительно, как в простом сельском доме мог оказаться готовый государственный человек».

Джохар рассказал, как за это лето птицы два раза спасали его от верной смерти. В первый раз это было в селе Аршты, когда прямо в дом, где он вместе находился с охраной, ворвались две ласточки и с тревожными криками заметались под низким потолком комнаты. «Наверно, они прилетели к нам за помощью, что-то случилось с их гнездом, нужно проверить», — сказал Джохар, и все пошли в гараж, где были ласточкины гнезда. Только переступили порог, как невесть откуда взявшиеся самолеты начали бомбить село. Дом разбомбили, а гараж уцелел! В другой раз, это произошло высоко в горах, где у него была «маленькая комнатка», о которой он рассказывал всегда с искренним сожалением. На одной из ее стенок даже висела в рамке картина, а на столике, в стакане стояли цветы. После встречи с журналистами на порог комнатки сели две птички, скорее, даже «птичечки», такими крошечными они были. Переливаясь разноцветными перышками, они начали играть в луче света. Джохар подошел к ним. То и дело оглядываясь на него и продолжая играть, они побежали по тропинке. Засмотревшись на птичек, он задумчиво отошел от своего жилья метров на пятьдесят. Вдруг прямо за его спиной раздался свист, а затем ослепительно сверкнуло. Ракета попала прямо в комнату… Может быть, птицы принимали Джохара за своего, потому что он тоже летал? Это было удивительно и невероятно. В третий раз спасти его они не смогли… но пытались.

Мы жили, как и раньше, ночной жизнью. Из-за окон, плотно заставленных большими листами картона и завешенных одеялами, не проникал ни один луч света. Мы все соскучились по солнцу. Но выходить было нельзя, потому что полсела, звеня ведрами, весь день ходило за водой к хрустальному ключу у них в огороде, расчищенному еще отцом Вахи.

Рано утром, когда все крепко спали, а мы только собирались ложиться, я выходила во двор в сизый сумрак и не могла оторвать взгляд от заснеженных деревьев на крутой горе, прямо напротив Вахиного дома. Они казались мне красивыми в любую погоду. Хотелось идти и идти по голубому снегу вверх по тропинке между ними, вдыхая чистый морозный воздух. Солнце поднималось, деревья розовели… Надо было возвращаться домой, топить печь (она горела днем и ночью), готовить еду, стирать, убирать, делать

с Деги уроки. Шестой класс, так же как и второй, я была его единственной учительницей.

Почти каждую ночь Джохар объезжал наши позиции на уазике с Висханом, Мусой, Овлуром, Русланом. Иногда с ним ездил Ваха Ибрагимов, часто они брали с собой Деги. С автоматом на груди, в маленькой, перешитой по его росту форме боевика и зеленом берете, Деги производил сильное впечатление на нашем фронте и был всеобщим любимцем.

Салман Радуев записал его в свою дивизию и пообещал в следующий рейд по тылам противника взять с собой. Деги в ответ сказал, что наберет сам свой полк. Сообщение об этом появилось на нашем телевидении и, действительно, группы мальчишек начали приходить в Урус-Мартан и просить, чтобы их записали «в полк Деги Дудаева.»

Узнав об этом, я сказала Деги, что никуда он без меня не пойдет. «Но с мамой ведь никто не воюет», — кипятился Деги… Сошлись на том, что так и быть, возьмет он меня санитаркой. Потом Деги начал приставать к Джохару с просьбой выдать ему удостоверение военнослужащего. И наконец выпросил, получил долгожданные «корочки», даже с двумя печатями и подписью Джохара, и звание «младший лейтенант». Долго он носился с этим удостоверением, не понимая, почему все боевики, которым он его с гордостью показывал, начинали смеяться. А все дело было только в одной букве, которую Джохар, с присущим ему юмором, поменял в фамилии. Получалось нечто очень смешное…

Объезжая дороги с блокпостами, часто по каменистому дну горных речек, под пролетающими над их головой снарядами, Джохар его спутники были измотаны до предела, когда возвращались домой. Однажды посередине горной реки мотор захлебнулся, и уазик застрял. Ваха, по пояс в ледяной воде, перешел на другой берег и отправился в близлежащее село за помощью. Остальным, чтобы не сидеть в воде, пришлось перелезть на крышу уазика и долго ждать его возвращения. После этого происшествия, на удивление, никто не простудился.

Но в другой раз чуть не потеряли Овлура. Я проснулась от того, что во сне увидела свою умершую бабушку Лелю, которая особенно его любила. Она стояла у печи, из которой я только что вынула противень с горячими белыми булочками. Все булочки я уже раздала, оставалась одна, к которой она нерешительно протягивала руку. «Бери», — предлагала я, но ее рука повисла в воздухе. «Что-то не так», — подумала я, просыпаясь. Мертвым во сне ничего нельзя отдавать.

Когда наши вернулись, я узнала, что произошло. Опять застряла машина, и все пошли пешком через горы, обходя

российские воинские части. Джохар, как всегда, уверенным, быстрым шагом шел впереди, за ним цепочкой двигались остальные, Овлур оказался позади, потому что нес больше всех: кроме обычного воинского вооружения, гранатомет и дипломат с телефонной спутниковой связью. Он всегда брал на себя все самое тяжелое, впрочем, это вполне соответствовало горским обычаям, и никого не удивляло.

По глубокому снегу идти было нелегко, поэтому Овлур отстал. Сначала освещал следы фонариком, потом батарейка села, и фонарик погас. Начал зажигать спички, но они скоро кончились. В темном небе ни одной звездочки, деревья стояли вокруг сплошной стеной. Он сбился со следа и свернул по тропе куда-то влево. Когда Джохар с ребятами обнаружили, что его с ними нет. Они подождали полчаса, потом пошли обратно. На полпути по следам Овлура, наконец, обнаружили далеко в лесу.

Когда я об этом узнала, то, конечно, расстроилась, поводов для огорчения без того хватало. По телевидению показывали интервью Джохара какому-то журналисту, отвечая на вопросы, он улыбался и шутил. Видимо, после ответа о положении дел в нашей армии был задан вопрос: «Что, и на Европу пойдете?» — Имелось в виду, после победы над российскими войсками. «А что, и на Европу пойдем», — смеясь, отвечал Джохар. Глубокомысленные рассуждения по этому поводу российских журналистов — вне всяких комментариев.

«Зачем ты с ними шутишь, — упрекала я. — Ты ведь должен уже понять, что они шуток не понимают…» Тут еще и Юсеф Шамсутдин, наш министр иностранных дел, подлил масла в огонь. Из Турции, где он находился в это время, было зачитано его заявление об отставке, в котором он весьма пространно объяснял, как при поступлении на эту должность заранее предупреждал Джохара, чтобы не было никаких терактов. А теперь, после войны с Россией, Джохар собирается идти не только на Европу, но еще и на Америку!

Когда Джохар вернулся с позиций, я ему слово в слово зачитала заявление Юсефа, услышанное мною по радио. Джохар вздохнул и назначил другого министра.

После этого случая, буквально через несколько дней, он мне долго рассказывал про Горскую республику, существовавшую на Кавказе до 1921 года, она объединяла почти все народы, проживающие там в то время, и простиралась от Черного до Каспийского моря. «Мы не впервые являемся независимым государством», — пояснял Джохар.

Но я боялась только одного, как бы он не рассказал об этом российским журналистам, ведь они опять неверно истолкуют его

слова. Каково же было мое удивление, когда я увидела на экране Президента России Бориса Ельцина, выступающего с разъяснениями, почему Россия не может остановить войну. «Ведь ему (Джохару) не одна Чечня нужна, ему нужна земля от моря до моря!»

Когда Джохар вернулся, мы сильно поссорились из-за этого случая. Оскорбленно сверкая глазами, он даже повысил на меня голос. «Это фальсификация. Я же не могу молчать, когда меня спрашивают! А журналистам любая сенсация оплачивается в два раза дороже!» Я обиделась и весь день с ним не разговаривала.

После того как ночью они снова уехали, я взяла в руки небольшую брошюру Бакинского издательства с выдержками из Корана. Вспомнив рассказы о ясновидящем старике, предсказывающим по Корану, решила попробовать сама и задала первый вопрос: «Как, не обижая, говорить Джохару правду?» Открыла наугад книгу и прочитала строки там, где были заложены пальцы: «Хвали его всеми словами сунны и Корана…» Я была поражена, Дейл Карнеги посоветовал бы мне тоже самое. У Джохара и так хватало трудностей и было много критиков. Огромная армия оккупантов наводнила страну, стиснув зубы, он преодолевал неимоверные препятствия, а я вместо того, чтобы утешить, поддержать в трудную минуту… Как больно должно было ему и от меня, самого близкого человека, слышать такое. Пускай на ошибки указывают ему другие, тем более что это были «подставы», обычные для журналистов.

Снова я открыла книгу и задала второй вопрос: «Что с нами будет?» И прочитала ответ. «Позавидуют вам пресвятые мученики и пророки; лица ваши будут из света и одежда из света».

Над этим стоило поразмыслить. «Видимо, мы все-таки погибнем, — подумала я, — ведь на этом свете лица и одежда не светятся».

Я задала третий вопрос: «По правильному ли пути мы идем?» И… получила ответ. «Джихад — священная обязанность каждого мусульманина, и те, кто не может вести его оружием, должен помогать имуществом, делом, словом…»

Когда Джохар вернулся, я, смеясь, ему сказала: «Теперь я знаю, как с тобой обращаться! Послушай, что ответила мне эта священная книга». И прочитала ему и всем остальным выдержки из нее.

24 марта, в день моего рождения, Джохар весело спросил: «Ну, что подарить тебе?» Я тихо сказала: «Победу». «И она ответила: «Победу»», — весело пропел он строчку из знакомой песни.

Чтобы отметить это событие, Мовлихан пошла ловить петуха.

Куры давно спали, когда она вошла в курятник и схватила мирно спящего ничего не подозревающего большого белого петуха. От страха он истошно завопил прямо-таки человеческим голосом: «Ой, ой, ой!» Мы повыскакивали из дома. «Не надо, — умоляли мы Мовлихан, удерживающего выдирающегося из рук петуха, — все равно мы его съесть уже не сможем». Джохар тут же сказал, что вообще давно собирается стать вегетарианцем. Петух получил свободу и долго еще возмущенно квохтал в курятнике, снова взгромождаясь на насест. «Ишь, чего они захотели…», — говорил он курам на птичьем языке…

Глава 34

Тем временем жизнь в доме у Вахи шла своим чередом. Он, как дятел, стучал на допотопной машинке, иногда сутками печатая какой-нибудь приказ Джохара. Магомет Жаниев совсем переселился к нам, и они втроем, во главе с Джохаром, часами обсуждали проект будущего международного трибунала над российским правительством. Но множество документов с доказательствами геноцида, отправленных в Гаагу, исчезали бесследно. «Сколько еще можно отправлять материалов?» — негодовал Джохар. Документальные кадры фильмов тотального уничтожения чеченского народа видел весь мир и… молчал. «Мы будем судить их здесь, на месте преступлений. Бесчисленные могилы, обугленные ветки деревьев и сама сожженная земля будут свидетелями. В зале заседаний суда, за железной решеткой перед табличками с фамилиями обвиняемых положим наручники. Их будет судить весь чеченский народ. И любой чеченец будет иметь право привести приговор в исполнение!»

Каждый день прибавлял новые свидетельства геноцида: показания мирных жителей и полевых командиров тщательно собирались и хранились, как и неразорвавшиеся шариковые, игольчатые бомбы, осколки огромных глубинных бомб, доказательства применения химического оружия. «Россия в Чечне задействовала все свои арсеналы, накопленные десятилетиями. Не примененным осталось только атомное оружие», — говорил Джохар.

Заявления Магомета Жаниева, генерального прокурора Чеченской Республики Ичкерия, о будущем суде над военными преступлениями российского правительства услышал и Борис Ельцин. Через депутата Думы К. Борового, с которым Джохар разговаривал по телефону он попытался узнать, какое место у него в длинном списке преступников. И неожиданно услышал: «Последнее». Я тоже удивилась ответу Джохара и спросила: «Почему?» «Кроме позора и бесчестья эта война ничего не принесла российскому Президенту. Виноваты те, кто затеял это народоубийство ради личной власти и те, кто сейчас не позволяет остановить ее, наживая на крови людей миллионы».

Магомет получил очередное воинское звание полковника, прикрепил к военной форме новенькие погоны с тремя звездочками и захотел сфотографироваться на служебное удостоверение.

Вытащили небольшой фотоаппарат на треножном штативе. Я подстригла отросшие волосы у него и у Вахи Ибрагимова, а потом

мы натянули белую простыню и торжественно посадили на стул Жаниева. Снимок проявился через пять минут и получился очень хорошим. Магомет довольно поглаживал роскошные усы и поблескивал глазами. После него на стул сел Ваха Ибрагимов. Когда стало проявляться его лицо, мы чуть не попадали со смеху. На нас глядело настоящее «чудо-юдо». К стоящей дыбом шевелюре Вахи прибавились канделябрами взмывающие к самым ушам неповторимые усы Магомета, в центре заросшего лица еле виднелись серые глаза. «Ну, вот, камеру испортили, — расстроился Ваха. — Что теперь делать?» Как хозяин, он очень переживал за все находившиеся у него в доме военное имущество. Я вспомнила, как Ваха устроил Мовлихан нагоняй за несколько комплектов обмундирования, изъеденных мышами, и не успокоился до тех пор, пока мы не придумали сшить из них детскую форму для наших детей. Первая форма стала подарком Деги на Новый год. Бархатный берет он ушил сам.

Мы начали быстренько садиться на этот стул и фотографироваться. И всем камера прилепляла знаменитые Жаниевские усы до тех пор, пока они совсем не обесцветились. «Магомет, если на камеру твои усы произвели такое неизгладимое впечатление, какое же впечатление они производят на женщин?» — подтрунивали мы, а он, смущенно улыбаясь, отворачивался. Я попросила у него на пять минут китель полковника, надела пилотку Джохара и в таком виде снялась, потом Мовлихан сфотографировался в этой же форме. Мы раздавали друг другу фотографии, сквозь смех с грустью предчувствуя будущее, которое приближалось катастрофически быстро.

Жить в доме Вахи становилось все опаснее, Магомет не отходил от Джохара ни на шаг. Не хватало места, он ложился спать на полу. Ахмет, приезжая с базы, жаловался мне, что пленными никто не занимается. Я сказала Магомету об этом и услышала поразившие меня слова: «Не нужна мне эта прокурорская должность, Алла. Я так люблю Джохара, что счастлив просто быть около него даже простым охранником. Особенно сейчас…» Он напомнил мне маленького Джамбулатика, сиявшего от счастья на все свои кривые, еще невыросшие зубки, каждый раз, когда Джохар обращал на него внимание. Сейчас его не было с нами, Вахиных детей отправили с бабушкой в Грозный.

К нам приехал Резван Даудов со своим пятнадцатилетним племянником Магометом. Вся его группа спортсменов еще оставалась на линии фронта. Джохар безуспешно пытался спасти будущее «золото нации», ведь многие среди этих двадцатилетних юношей были уже чемпионами. Вот уже месяц, он отправлял их в

Турцию, но они продолжали воевать у Руслана Гелаева. А Магомет теперь будет с нами, к Деги вернулся его старый друг и наставник по каратэ. Еще до войны они вместе тренировались у нас дома.

В тот же день я попросила Мовлихан найти в селе лошадей и держать их всегда наготове. Кто знает, может быть, нам придется срочно уйти в горы. Джохар, как всегда, ничего не боялся и не принимал никаких мер предосторожности.

На границах задерживали всех пытающихся проехать в Чечню, что-то готовилось. Опасность была рядом, и я чувствовала ее всем своим существом.

Вечером было, как никогда, много народу. Приготовленных еще вчера замороженных пельменей на всех могло не хватить. Я терпеливо ждала, пока люди разойдутся и, наконец, не дождавшись, подала к столу все, что нашла в доме. Потом пригласила гостей. Радостно потирая руки, первым из соседней комнаты вышел улыбающийся Джохар. «Что, не дождалась?!» — засмеялся он. Я оторопела. Как через стенку он мог все увидеть? Самым обидным было то, что я любила принимать гостей. Этот случай был единственным.

Каждую ночь, протянув телефонный провод через комнаты и выставив раскладную антенну на крыльцо, он начинал звонить по спутниковому телефону, и всегда почти одним и тем же лицам. Слушая его обычные шутки на английском, с которых Джохар, как правило, начинал разговор с Даяной Роз, я нередко передавала ей привет и вспоминала наши встречи. Казалось неправдоподобным, что где-то есть обыкновенная мирная жизнь.

Но однажды, приехав после очередного рейда, Джохар долго не мог подключить телефон. Как ни переставляли наши мальчики на крыльце, отгребая сугробы снега, складную спутниковую антенну, телефон упорно молчал. Долго бились, пытаясь понять, что же все-таки с ним случилось, пока Джохар разочарованно не махнул рукой: «Все, хватит! Пошли спать». Через два-три дня, через Хож-Ахмеда Ериханова, привезли и передали другой, точно такой же дипломат со спутниковым телефоном. Связь восстановилась…

Нашему юго-западному фронту в эти дни было особенно тяжело. Планомерно и жестоко уничтожались люди и никакие Божьи заповеди христианского милосердия не помогали. Джохар давал интервью, отвечал на всевозможные вопросы, выступал с речью даже на американском Конгрессе. Наверное, слыша его голос, многократно усиленный микрофоном, американские конгрессмены удивлялись: «Как, этот мятежный Президент еще жив?»

Вся Ичкерия, обливаясь кровью и стиснув зубы, отстаивала каждую пядь сожженной родной земли. И точно так же, обливаясь кровью, падали российские призывники, которых гнали умирать на эту бойню. «Они брели. в атаку, понурив головы и опустив автоматы, а контрактники шли следом, стреляя из-за их спин», — рассказывали потрясенные ополченцы, только что вернувшиеся из боя. «Но почему, — негодовала я, — они оставались такими покорными даже перед лицом самой смерти?»

После боя мертвыми телами призывников был усеян весь склон. Они ползли вверх, цепляясь за скользкие камни и глину, обдирая с ладоней кожу и срывая ногти, так велика была тяга к жизни. Слишком молодые, чтобы понять, что происходило на этой войне…

Глава 35

2 апреля — день рождения нашего Вахи. Снега почти нет, густой воздух пропитан испарениями земли и запахом мартовских почек. Впервые в сумерки я вышла с Висханом и Деги на задний двор. Рядом тихо журчал родник, в весеннем воздухе далеко слышались крики деревенских мальчишек, носившихся ватагой по соседским огородам. Они, словно воробьи, первыми почуяли весну.

Дышалось так легко, словно с плеч свалились сразу гора всех бед. Целый час мы гуляли за нашим домом. В сумерках нежное лицо Деги казалось бледным до синевы.

«Бедный мой мальчик, — подумала я, — с восьми лет — птичка в клетке». Как, должно быть, ему хочется вот так же беспечно носиться с ребятишками в вечернем сумраке, забыв обо всем. «Эх, загубили вы мое золотое детство», — шутил иногда он и, положив возле себя оружие, начищал его до блеска.

В субботу, нагрев алюминиевый бак на деревенской печке, мы с Мовлихан сначала по очереди искупались в старом алюминиевом корыте, а потом начали в нем стирать. Я быстро закончила стрику до приезда наших. Джохар начал, как обычно звонить, но вдруг через полчаса раздался удар такой страшной силы, что мы даже не поняли, в чем дело. Пришел Абу Арсунукаев и рассказал, что глубинная бомба разорвалась прямо возле его дома. В субботний вечер он заканчивал мыться, когда раздался этот оглушительный удар. Казалось, мир развалился пополам! В спешке Абу кое-как натянул рубашку, но она не застегивалась, мокрыми, дрожащими пальцами он никак не мог найти пуговицы. Рубашка сразу стала очень маленькой! Только потом он сообразил, что не помнит, когда успел надеть бронежилет на голое тело, а рубашку натянул сверху!

Четыре бабушки, у которых Абу жил, лежали, как кегли, в обмороке в комнате рядом. Дверь заклинило, поэтому он по одной вытащил их через окно.

Самолетов не было слышно, что же произошло? В наступившей тишине Джохар начал опять звонить. И вдруг началось… Казалось, все силы небесные устремились на наш дом. Самолеты обрушивали на нас все новые и новые запасы бомб. Низко заходя в пике, они с воем проносились над нашей крышей, посылая ракеты одну за другой. Страшные удары, от которых, казалось, лопались барабанные перепонки, обрушивали стены соседних домов, которые рассыпались, как игрушечные. Начались пожары. Стены нашего дома содрогались, но держались, выпали

рамы, дверь, разбились стекла, полетела черепица. Печка треснула пополам, и из расщелины высыпались раскаленные угли.

Но вот в ударах самолетов наметилась какая-то очередность. Что-то мы начали успевать, пока они, делая круг, устремлялись снова в пике на наш дом.

Джохар с мальчиками, спешно собрав телефон, искали штеккер от провода, который в темноте было очень трудно найти. Потом ребята побежали заводить машины. Ночь озарялась огнем пожарищ и ослепительными вспышками совсем рядом. Газик подогнали к крыльцу, только мы сели, снова самолеты. «Немедленно всем в дом!» — приказал Джохар. Я и Мовлихан не успели выбраться из машины. Мы сидели, низко пригнувшись, отчаянно отсчитывая секунды. Мовлихан начала вслух молиться. Грохот разорвавшейся рядом бомбы оглушил нас, градом посыпались осколки. «Если хоть один из них попадет в бензобак — взорвемся», — успела подумать я перед новым страшным взрывом.

Но вот все стихло. Самолеты пошли на новый круг, а мы, быстро развернувшись, помчались по колдобинам черной улицы сквозь дым и пламя пожарищ. Вокруг слышались звук отъезжающих машин, лай собак, мычала скотина. Около дороги, в луже крови, в последних конвульсиях дергалась разорванная пополам корова. На огромной скорости мы чуть не врезались в большую воронку от глубинной бомбы, зиявшую посреди улицы рядом с домом Абу Арсунукаева. «Ты куда!» — Джохар мгновенно перехватил руль у растерявшегося Висхана, резко крутанул его вправо. К его молниеносной реакции я уже привыкла.

Я вспомнила похожий случай в Сибири. Тогда мы опаздывали на иркутский самолет и точно так же неслись по обледеневшей дороге. Газик на огромной скорости вдруг развернуло, он пошел юзом и, перелетев встречную полосу, перевернулся. Самое интересное, что перевернуло его на мою сторону, как всегда я была крайней. На меня съехали все мужчины, сидящие на заднем сиденье. Возле окна я поставила полиэтиленовый пакет с единственной шляпой Джохара, которой он очень дорожил. Эту шляпу Джохар собирался торжественно водрузить на голову, когда мы приедем в Грозный. Каждый отпуск был для нас долгожданным событием, а военный мундир ему очень надоедал за год.

Почему-то когда становится страшно, меня всегда начинает разбирать нервный смех. Вот так и в тот раз в ответ на его тревожный вопрос: «Ну, как вы?», я похоронным голосом констатировала: «Все лежим на твоей шляпе. Представляешь, что

будет, когда ты наденешь ее в Грозном?» Всем стало смешно. Нас кое-как вытащили через окно, потом пакет с его шляпой, ставшей похожей на блин. Газик перевернули, и мы понеслись снова. Надо было ехать еще быстрее, ведь самолет, на который заранее были куплены билеты, мог улететь без нас. Молодой водитель, видно, никогда с такой скоростью по гололеду не ездил. И когда он увидел большой деревянный ящик, брошенный кем-то прямо посередине дороги, совсем ошалев, начал объезжать его не с правой стороны, а с левой, то есть свернул прямо на встречную полосу. Пока мы ошеломленные его манипуляциями, приходили в себя, Джохар, молниеносно выхватив у него руль, крутанул его вправо. Мы успели увернуться и от множества машин, несущихся прямо на нас, и от деревянного ящика. Все движения Джохара всегда были четко выверенными, такими же легкими и сильными, как и его походка.

Мы пережили страшные мгновенья кромешного ада, а теперь, выехав из села, начали делиться впечатлениями. Я переживала за Ваху, который добровольно остался дома охранять казенное имущество. «Кому нужно будет это имущество, если Ваха погибнет под бомбами вместе с ним?» — кипятилась я. «Он остался из-за документов», — сказала Мовлихан. «Не переживай, он нас найдет, он здесь каждую тропинку знает». Видимо, бомбили лагерь, который находился за нашим домом на горе, с ранеными ополченцами. «А мне показалось, что бомбили именно наш дом, все соседние дома разбиты», — сказала я. Хорошо, что людей в них не было, многие уже давно уехали, а те, кто остались, спрятались в большой подвал дома, который находился недалеко от нас.

Поздно ночью мы приехали к Баширу, брату Магомета Жаниева в село Гехи-Чу. Хозяева выглядели обескураженными. Оказывается, о бомбежке в Шалажи здесь уже знали, рано утром намечались обход и проверка домов российскими солдатами. Кто-то из оппозиционеров, оберегая свои дома от разрушения, «подмахнул» с федералами договор. Пришлось нам покинуть и этот дом.

Снова мы ехали по черному лесу, ветки деревьев царапали стекла и обшивку машин. Мы поднимались все выше и выше в горы. Колеса скользили по глине, иногда катились по каменистому руслу реки. Густой туман покрывал все вокруг сплошной пеленой.

Наконец мы выехали на одинокую темную поляну. Газик, разворачиваясь, осветил фарами застывшие деревья, их ветви напомнили мне распростертые лапы невиданных зверей. Туман, клубясь возле кустарников и растекаясь потоками по впадинам,

полз, как живое существо. Какая первобытная, мрачная красота! «Придется нам провести ночь здесь, дальше видно будет», — сказал Джохар. Было холодно. Как я не старалась уснуть — все было бесполезно. Мы с Мовлихан, прижавшись друг к другу, перебирали события этой ночи. «После удара по дому Абу я подождала минут двадцать, а потом начала купаться, — рассказывала Мовлихан. — Когда начался налет, не помня себя от страха, я протиснулась под зеркальное трюмо (до сих пор не пойму, как у меня это получилось) и оттуда увидела, как упала на пол и разбилась горящая керосиновая лампа. Не знаю, почему не вспыхнул керосин, который ручейком потек прямо ко мне. Все было, как в замедленной съемке… Потом кое-как оделась и прибежала в ваш дом, потеряв по дороге тапочки». «Мы тоже растерялись, — сказала я, — сначала спасали друг друга, а потом поняли, что это бесполезно, если погибнем, то все сразу, от одной бомбы. Джохар, потрепав Деги по плечу, ласково посмотрел на него: «Тоже лез спасать…». Гляжу, в темноте кто-то маленький пытается закрыть собой мою голову, обнимает меня».

«О чем думали, когда бомбили?» — спросил нас Джохар. «О том, как покрасивее перед смертью принять позу», — отшутилась Мовлихан. А я, как только самолеты уходили на новый круг, носилась по дому с полиэтиленовым пакетом, спешно закидывая в него все, что под руку подвернется: яблоки, печенье, хлеб с маслом. Вот только воду забыла. Свою большую сумку с одеждой я закинула в уазик в первую очередь. Хоть Джохар и посмеивался надо мною иногда, женщина остается женщиной при любых обстоятельствах…

У Деги в рюкзаке оказались заранее положенные небольшая кинокамера и портативный компьютер, с которым он никогда не расставался.

Постепенно все замолчали и начали засыпать. Глядя на Мовлихан, прислонившуюся головой к оконному стеклу уазика, я задумалась. Мне было жаль эту молодую красивую женщину. После бессонной ночи, обычно веселая и энергичная, она притихла и побледнела. Каштановые пряди выбились из-под ее платка и рассыпались по плечам. Она была замужем за Вахой десять лет и за эти годы успела родить ему трех прекрасных сыновей. Только большая любовь к Вахе помогала ей переносить трудности, привычные любой сельской женщине. Молодой городской девушке, сначала было нелегко успеть все сделать и в доме с детьми, и в коровнике. Там, кроме двух бычков и двух коров, находился недавно появившийся на свет теленок. Я почувствовала его рождение однажды ночью. Сарай с коровами примыкал к нашей стене. Какое-то странное чувство переполнила

мое сердце. И утром, когда оживленная Мовлихан зашла к нам в дом, я спросила ее о теленке. Кажется, она не очень поверила, что я узнала о его появлении на свет во сне, а не наяву. Мы начали подбирать имя. В ответ на мое предложение назвать теленка Зорькой или Звездочкой Дуки предложил старинное чеченское имя «Пердовс». Как мы тогда смеялись! Что же теперь будет с нашим маленьким стадом?..

Когда Мовлихан проснулась, мы стали искать, что бы надеть ей на ноги, и обнаружили в машине у Абу припрятанные им несколько пар военных ботинок. Сейчас он был завхозом и отличался большой прижимистостью. Так вот куда Абу ботинки дел! Незадолго перед этим мне приснился Магомет Хачукаев, который попросил обувь. Дуки приказал Абу раздать десять пар бутсов «сахъ» нашим ребятам. Вахе ботинки Абу давать отказался, потому что он не числился в охране Президента. Я зашла на кухню. Ваха и не пытался протестовать.

— Какой у тебя размер? — спросила я.

— Сорок пятый, — ответил он.

Я направилась к Абу, уже выходившему за дверь.

— Почему ты не дал Вахе ботинки? У него размер такой же, как у Магомета. Знаешь, как бы он обрадовался…

— Ботинок больше нет, — отвечал Абу.

Поднявшись на цыпочки, я прошептала ему прямо в ухо:

— А Дуки велел тебе раздать десять пар, а не три.

— Тогда на складе ничего не останется, — не унимался он.

— А на складе есть еще сто пар.

Абу вконец расстроился:

— Вечно эти женщины лезут, куда им не надо! — Вахе ботинки отдал.

Мовлихан надела найденные нами бутсы и, честное слово, выглядела в них совсем неплохо.

Все уже проснулись и проголодались. Как хорошо что я захватила в доме яблоки и печенье. Мы уничтожили их в мгновение ока, а потом загнали машины под высокий кустарник, забросав их сверху сухими ветками деревьев. Было уже совсем светло. Над Шалажи летали вертолеты. Они кого-то искали. Может быть нас? Раньше их не было видно. Ребята быстро сделали навес из веток, под которым мы успели спрятаться. Только мы укрылись в это жалкое убежище, как вертолеты начали летать прямо над нашей головой. Они пролетали так низко, что было видно в кабинах вертолетчиков, которые внимательно вглядывались в гущу леса, периодически посылая в подозрительные места ракеты. Листья еще не распустились, и сквозь голые ветки мы были видны как на ладони. Мне

показалось, что сейчас ракеты полетят прямо в нас. Но, покружив немного над лесом, вертолеты опять стали бороздить над Шалажи.

Среди деревьев показался Ваха. Мы кинулись его обнимать. Ни за что на свете я не осталась бы добровольно в том горящем аду, из которого мы только что успели вырваться. Он сказал Дуки, что спрятал документы в надежном месте. Днем я, вытащив буханку хлеба и пачку сливочного масла, начала делать бутерброды. Досталось всем, но очень хотелось пить. Не выдержав, Мовлихан спустилась к каменистому руслу реки, обычно прозрачной летом, сейчас она была мутной от глины. Эту воду нельзя было пить, но она ее пила, сложив ладони ковшиком. Тут же ее стошнило.

Магомет Жаниев и Абу Арснукаев уехали на разведку, вертолетов не было видно. Потихоньку так же, как и поднимались, мы начали спускаться по руслу реки вниз к Шалажи. Проезжая в сумерках по разбитым авиацией улицам, мы не узнавали некоторых мест. Многих домов, стоящих рядом с нашим не было. Вместо них остались руины, люди тоже разъехались. Такого страшного налета на село за всю войну не видел никто из присутствовавших. Удивительно, что жертв почти не оказалось. Джохар сказал, что убедился еще раз: нам помогает сам Всевышний.

Ваха с мальчиками начал вставлять выбитые двери и рамы, убирать куски извести и шифера, отвалившиеся от стен и крыши. Все в доме было заполнено толстым слоем пыли. Перемыв посуду и протерев стол, я начала готовить самое быстрое блюдо, которое только знала. Мелко-мелко нарезала мясо с луком и, потушив его на большущей чугунной сковороде, смешала со спагетти, потом пригласила всех к столу. С таким аппетитом мы никогда еще не ели. Горы этого блюда, разложенного по глубоким тарелкам, исчезали мгновенно. Потом все легли отдыхать. Соседи уехали, улица, вернее, то, что раньше было улицей, зияла пустотой.

Джохар никогда не заботился о хлебе насущном и мог подолгу не есть и не спать, совершенно от этого не страдая.

«Завхозом» у нас в доме всегда была я, надо было думать, что делать. Я вспомнила, как летом Мовсуд с Луриком провели почти две недели в лесу под дождем, не имея возможности развести костер. «Надо срочно достать керогаз и электроплиту, — сказала я Мовлихан. — Электромотор у нас есть».

Две крытые грузовые машины тоже были. Ваха погрузил в них матрацы, подушки, одеяла, а Мовлихан, обежав село, нашла у людей все, что я просила. Джохар опять с утра работал над документами, потом стал звонить по телефону. Через двадцать

минут послышался гул самолетов, и снова на наши головы обрушился шквал бомбовых ударов. Стены дома страшно скрипели и раскачивались, падал шифер, мы едва успели выскочить и спрятаться в небольшой четырехугольной бетонной яме для хранения овощей у соседнего разбитого дома. Из нее хорошо было видно, как самолеты заходят в пике, сбрасывая бомбы прямо на наш дом.

Мне доверили папку с документами из гобеленовой ткани серовато-зеленого цвета, с которой Джохар никогда не расставался. Прижимая ее к груди, я наклонялась ниже всех к земле, как только самолеты снижались, надо мной склонялся Джохар, его закрывали все остальные. Яма была совсем небольшой, полтора на полтора метра, мы сидели в ней впритык друг к другу и были похожи на открывающий и закрывающий лепестки цветок. Было все хорошо видно и совсем не так страшно, как в доме. Лучше смотреть смерти в лицо, чем быть прихлопнутой ею, как мышь в мышеловке.

Четыре самолета по очереди бомбили наш дом, их серебряные крылья чуть поблескивали на солнце. Деги с нами не было, его, оказывается, в самом начале бомбардировки забрала с собой Мовлихан в большой подвал-бомбоубежище. «А где Магомет?» — спросила встревоженно я. Как только самолеты пошли на новый круг, Муса, выскочив из ямы, побежал искать Магомета. «Все в порядке, — сказал он, успев прыгнуть к нам перед новым налетом. — Он укрылся в другой яме».

Наконец, налет закончился, наш дом опять уцелел, несмотря на глубокие воронки совсем рядом. Казалось чудом, что никто из нас не ранен и не зацеплен осколком. Крыша была как решето, стены в глубоких трещинах и побиты, а люди целы. Пришла Мовлихан, привела с собой Деги, закутанного в большую дубленку. «Чтобы не узнали, — пояснила она. — Как только начался налет, мы побежали в бомбоубежище огородами». «А за нами гнался самолет и пускал в нас ракеты», — похвастался Деги. Я не поверила: «Наверное тебе показалось. Каждому под бомбами кажется, что очередная упадет прямо ему на голову». «Это правда», — тихо сказал Ваха, молча слушавший наш разговор. «Я как раз бегом спускался с горы и все видел. Мовлихан бежала по огородам, увязая в весенней грязи, и тащила за руку Деги, он бежал, путаясь в полах дубленки. А за ними, снижаясь, летел самолет, он выпустил им вслед две ракеты. Они еле успели забежать за угол дома, и ракеты пролетели мимо».

Джохар, подняв руки, стал читать молитву. Эта война была не столько удивительной и непостижимой для нас, уже привыкших к мысли о смерти, сколько для всего окружающего нас огромного

мира, взирающего с немым изумлением на маленький народ, отчаянно противостоящий огромной империи зла, бывшей пугалом этого же мира.

Опять мы ехали по лесу, то поднимаясь, то опускаясь по размытому каменистому руслу реки и, наконец, скользя по глинистой почве, заросшей корнями ивняка, выехали на какую-то старую проселочную дорогу, окруженную со всех сторон густыми деревьями. Совсем рядом за этим лесом шел бой. Село Гойское четвертый день отбивало атаки федералов. В синем сумраке вспыхивали огненные всполохи разрывов, снаряды со свистом проносились над нашими головами. Джохар зашел в кустарник и открыл дипломат с телефоном. Муса, держа антенну, отошел в сторону. Начался прием донесений полевых командиров. Далеко по лесу разносился веселый громкий голос Джохара, отдающего приказы. Как всегда, он успевал еще и шутить. «Там, в Гойском, все наши пацаны с Катаямы, — сказал Висик. — Сейчас они, знаешь, как обрадовались, что Джохар рядом!» Всем сердцем я ощущала мужество этих вчерашних мальчишек, отбивающих танковые атаки, восхищался их противостоянию смерти. Но, боже, как же мне было их жаль!

Глава 36

Интервью Президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева

— Господин Президент, как Вы относитесь к предложению о переговорах, сделанному Президентом России Борисом Ельциным в своем заявлении от 31 марта 1996 года?

— Прежде всего — реалистично. Чеченская сторона уверена в том, что официальная Москва ни к каким нормальным переговорам не готова. Команда Ельцина ждет от нас капитуляции. Другого она не признает. Чеченский народ не сдался ни в 1994 году, не сдастся и сейчас. Этого не произойдет, по моему глубочайшему убеждению, и в будущем.

Посмотрите. Все о чем заявляла, предупреждала, предостерегала Чеченская сторона, произошло! Москва сейчас в тупике и в предвыборном цейтноте. Ни одной из декларированных целей Кремль не достиг! А ведь в цивилизованном обществе за это приходится отвечать. Естественно, что команда Ельцина не хочет это делать, но, с другой стороны, имеет большое желание остаться у власти. Поэтому Кремль накануне избирательной кампании взял на вооружение тактику говорить о переговорах, но под любыми предлогами их не проводить. В российском политическом руководстве нет в настоящее время реалистично мыслящих людей. Вот отсюда и все проблемы.

— Значит ли это, господин Президент, что переговоров не будет?

— Смотрите сами. Во-первых, пойти с нами на действительные переговоры — значит капитулировать перед чеченским народом. На это нынешняя официальная Москва может пойти только под страхом потери власти. Во-вторых, полноценные переговоры могут быть проведены только после прекращения боевых действий и вывода войск с территории Чеченской Республики — Ичкерия. Что касается чеченской стороны, то мы всегда заявляли и продолжаем утверждать, что за нами дело не станет. Стоит Ельцину проявить добрую волю — и любые вопросы можно разрешить. Но, к сожалению, даже Ельцин не волен пока поступать самостоятельно. Обреченный Кремль совершает обреченные поступки.

— Джохар Мусаевич, разве боевые действия в Чечне не прекращены? Правильно ли мы Вас поняли, ведь Президент Ельцин заявил, что он останавливает войсковые операции?

— Это не более чем словесная казуистика, а попросту —

словоблудие. Никакого прекращения огня нет и в помине! В этом нетрудно убедиться любому непредвзятому наблюдателю. Более того, в отдельных регионах республики, после так называемого «прекращения войсковых операций», боевые действия вспыхнули с новой силой и продолжаются по сию минуту. Это глубокое заблуждение или, если хотите, самообман — заявлять, что прекращение войны в Чечне может произойти по желанию одного Кремля. Далеко не так. Без чеченцев решать чеченские проблемы на чеченской земле — бесполезно. Это понимает даже сама Москва. Ельцин не посмел сказать, что Россия останавливает войну. Было сказано, что «там, где военных действий не было, там и не будет». Мы расцениваем это однозначно.

— Господин Президент, ну а все же, перчатка, как говорится, брошена. На весь мир заявлено, что Ельцин готов к переговорам с Вами через посредников. Не могли бы Вы прояснить ситуацию и сказать кто эти посредники?

— Жест с переговорами насквозь фальшивый. Мне доподлинно известно, что Ельцин не хочет со мной встречаться, говоря точнее, встречаться хочет не со мной, а, например, с Масхадовым или Яндарбиевым. Но ход сделан и, чтобы доказать всем его фальшь, я могу еще раз подтвердить следующее. В свое время еще в самом начале конфликта быть посредниками при урегулировании российско-чеченской войны высказывали желание такие известные российские политики, как М. Горбачев и М. Шаймиев. Уже тогда мы дали принципиальное согласие на ведение переговоров через этих посредников. Впоследствии, в разное время, свои посреднические услуги предлагали Г. Явлинский, К. Боровой и А. Краснов, а также некоторые другие лица. Все они проявляют готовность стать посредниками и сегодня. В сущности, наша позиция и теперь не изменилась, и люди из этого списка могут вновь выступить в качестве посредников. Я это могу заявить официально.

— Джохар Мусаевич, Вы заявили, что односторонние желания российских официальных лиц недостаточны для урегулирования конфликта. Как Вам видится дальнейшее развитие событий?

— Все дело в том, что на самом деле таких желаний у Москвы просто нет. По всей видимости, прекращение войны произойдет уже при новом Президенте России. Добавлю, что если Ельцин хочет переизбираться на второй срок, то он должен, прежде всего, выполнить волю своего российского народа, который категорически против этой войны. Идти против воли россиян и стать президентом — все равно, что оседлать двух лошадей одновременно. Пока это никому не удавалось.

Информационное агентство «Туран»

2 апреля 1996 год

На рассвете 4 апреля мы приехали в селение Гехи-Чу, в дом к нашему старому знакомому Баширу, младшему брату генерального прокурора Магомета Жаниева. Напротив обычных для всех чеченских дворов высоких железных ворот стояли в виде буквы «П» два добротных кирпичных дома, соединенных крытым навесом.

Дверь из-под навеса выходила на большой огород с высокой копной сена. Коровы из-за загородки обдавали теплым дыханием каждого заходившего на задний двор. Здесь же под навесом стояли и наши машины. Все в селе знали, какую должность занимает Магомед, уазики с боевиками в камуфляжной форме проезжали по селу перед тем, как заехать к нам во двор.

В Гехи-Чу мы наконец-то перешли на дневной образ жизни. Ранним утром я выходила на задний двор и, вдыхая свежий воздух, любовалась каплями росы на сене и молодой травке, зелеными иглами пробивающейся из-под прошлогодних листьев. Я с грустью всматривалась в голубеющие вдалеке склоны гор, в розовые облака на чистом небе и думала: «Что же нас ожидает?»

Как-то томительной ночью в Шалажи, озаряемой только вспышками пролетающих снарядов, я взмолилась: «Боже, когда же это все, наконец, закончится?» — И вдруг услышала голос где-то глубоко внутри себя: «Я и так несу вас на своей ладони…» Меня эти слова удивили и обрадовали, никогда я сама не произнесла бы их. И разве это не соответствовало действительности?

Потом я вспомнила большую книгу, которая появилась в нашем доме на улице Ялтинской за год до войны. Мне передали ее от зятя Мовсуда. Видимо, он узнал, что я интересуюсь подобной литературой. Эта была «Бхагават-Гита, как она есть», полное издание с подлинными санскритскими текстами, хорошими литературными переводами и подробными комментариями. Целый месяц я читала эту книгу, как только находила свободное время, а теплыми летними вечерами, сидя за чашкой чая, обсуждала некоторые, особенно заинтересовавшие меня места со всеми, кто заходил к нам. Не избежал этой участи и Джохар. Несколько удивило меня то, что религиозная книга, начиналась и заканчивалась описанием поля битвы. На ее внутренней цветной обложке очень красочно были изображены два войска, застывших в полной боевой готовности друг перед другом. На переднем плане принца Арджуну, Всевышний, явленный в теле двоюродного брата, убеждал сразиться с родственниками, претендующими на его законный престол.

«Поверь в меня, сражайся во имя справедливости, то есть выполняй свой долг, не думая о последствиях, и ты победишь». Как это было похоже на Коран, который точно также убеждал сражаться во имя Аллаха, во имя победы истины. Свод нравственных правил был заключен и там и здесь. «Думай обо мне перед смертью и ты, без всякого сомнения, окажешься рядом со мной. Победи свой страх… Человек должен использовать ум для освобождения. Ум и друг души и враг ее. Для тех, кто подчинил свой ум, он лучший друг, для тех, кто не смог этого сделать, ум остается величайшим врагом…»

Мы шли дорогой войны, вручив свои души только Всевышнему и, наверное, поэтому огромная Россия ничего не могла с нами сделать. Я напомнила о книге Джохару, как только он приехал домой. Он покачал головой: «Поистине удивительно то, как индийская «Бхагават-Гита» и божественный Коран говорят об одном и том же и еще более удивительно то, что они говорят это о нас. Война — способ проверить наши души на самоотверженность и веру во Всевышнего. Если смерти как таковой не существует, каким еще способом сделать это?» Потом он припомнил даже иллюстрации боя на обложках и сказал: «Эта книга была, без сомнения, знаком, посланным за год до войны. А сейчас, когда весь мир отвернулся от нас, только вера в святой Коран, продиктованный самим Всевышним, нас поддерживает: «Погибших на пути Аллаха я забираю не мертвыми, а живыми, только вам этого не понять».

Незадолго до нашего переезда в Гехи-Чу, Джохар получил из Германии последнее письмо Абдурахмана Автурханова, знаменитого чеченца-политолога, посвятившего свою жизнь борьбе против произвола коммунистического режима. Взаимная любовь соединяла их последние годы. Джохар с благоговением относился к нему не только как к учителю (ведь сам он в политике делал еще только первые шаги), но и как к отцу, которого ему не доставало всю жизнь. Мы читали строки, пронизанные болью за нас и советы на будущее… В конце Автурханов с грустью писал о том, что у него есть предчувствие, что больше Джохара он не увидит. «Переживает за нас, как бы не сдал старик…» Глубокая печаль появилась в тихом голосе, в помрачневших глазах и во всем облике Джохара — он сидел, глубоко задумавшись, держа одной рукой письмо, другой опираясь о колено. Потом, вздохнув, бережно сложил письмо и опустил в карман на груди. Там он носил все самое дорогое его сердцу, там оно и осталось, навеки…

Мы устроились в Гехи-Чу на этот раз совсем неплохо. В левом от ворот доме жили мы с охраной, в правом — Ваха Ибрагимов.

Там жила еще старая мать Жаниевых со старшей дочкой и Хамад Курбанов. Жаль, что я общалась с ним недолго. До этой встречи я знала его по некоторым заявлениям (он был представителем Чеченской Республики в Москве) и один раз видела по телевидению на конференции по чеченскому вопросу. Большой зал был переполнен, на трибуне маячила фигура Саламбека Хаджиева, значительно усохшего с тех пор, как я его видела в последний раз. Бегающие глаза, запавшие щеки и, кажется, даже рот на сторону свело — предательство и уничтожение собственного народа, как видно, давались ему нелегко. Он обосновывал, как мог, то, что происходило в Чечне. Что еще ему оставалось делать! Не скажешь ведь: «Братцы, так и так, нужна России нефть позарез, а мне президентское кресло, в крайнем случае, кресло министра по нефтяной промышленности».

Затем публика начала задавать вопросы. Люди там собрались проверенные, благонадежные, поэтому никаких казусов быть не могло. И вдруг откуда-то с заднего ряда как пушечный выстрел, громко прозвучало одно убийственное слово: «Подлец!» Хорошо одетый, красивый молодой человек, с лицом, пылавшим от возмущения, и большими гневными глазами, встал и, широко шагая покинул зал. Воцарилась гнетущая тишина. Весь интерес, а главное, смысл конференции сразу пропал, что бы ни говорили потом заранее подготовленные выступающие, клеймо, наложенное одним словом Хамада Курбанова, звучало в ушах у всех присутствующих и не только у них. Десятки, сотни тысяч земляков с уважением произносили его имя. Он сразу стал знаменитым.

Конечно, такой удар ФСБ снести не могла, Хамада посадили в тюрьму. С величайшим трудом старшая сестра Хурбанова Липхан Базаева вытащила его оттуда (видимо, как всегда помогла взятка чиновникам). Джохар целыми днями беседовал с ним, его поражала эрудиция совсем еще молодого человека. После тюремного заключения Хамад почти ничего не ел, отвык. Да и нельзя было сразу менять рацион, чтобы окончательно не испортить желудок. Ваха Ибрагимов на другой день, взяв крытый грузовик, уехал в за нашими вещами. Было оставлено много документов, компьютер с какими-то приложениями к нему, ящики с типографией, фотоаппарат со штативом, тюки с формой (которые Ваха все-таки уберег от мышей) и, наконец, около трехсот красных бархатных коробочек с орденами: «Коман Турпал», «Коман Си».

Через час, средь бела дня, Шалажи начали снова бомбить, клубы дыма поднимались к небу, слышались глухие удары, от которых вздрагивала земля. Бомбардировщики издалека казались

игрушечными, поблескивая на солнце крылышками, они то опускались, нанося удары, то опять взмывали в облака. Я, стискивая руки, при каждом ударе сжималась. Там, под этими ударами сейчас находились наши друзья. Мовлихан, не сказав мне, уехала вместе с Вахой. Бомбили снова ту улицу, где стоял наш дом. Только человек, хоть однажды переживший этот ужас, поймет меня.

Поздно вечером они, наконец, вернулись, мы уже не чаяли увидеть их в живых. Вещи сгрузили в небольшом домике из двух комнат с кухней, стоящей на противоположной стороне улицы, через три или четыре дома от нашего. Туда нас еще зимой в Шалажи уговаривал переехать Башир. Раиса тогда побелила стены к нашему приезду.

Временно мы поселились в комнате Башира, самой лучшей комнате в доме. В ней стояли мягкая раскладывающаяся велюровая мебель, телевизор с большим экраном. Окно комнаты выходило во двор, при желании можно было хорошо рассмотреть людей, поднимающихся на высокое крыльцо. Плохо было только одно — эти люди сразу оказывались в маленькой кухоньке-столовой, где я помогала готовить Петьмат, двадцатилетней жене Башира, худенькой черноглазой девушке с белым лицом. Она за один год потеряла мать и ребенка и до сих пор никак не могла оправиться от потерь. Джохар дал ей ласково-уменьшительное имя «Петик», как и все в Чечне, он любил называть своими именами близких людей или тех, кого любил. Мовлихан, например, Джохар шутливо сокращенно называл «Мо», что ей совсем не нравилось. Но он всегда так заразительно смеялся при этом, что невозможно было не начать смеяться вместе с ним.

Наша охрана уменьшилась. Русик из-за тесноты уходил к родственникам, Висхан и Муса располагались в крошечной гостиной на креслах. Деги и племянник Ризвана, Магомед, располагались там же.

Около двенадцати Джохар сделал попытку позвонить по телефону, но кабель оказался перебитым осколками во время бомбежки в Шалажи, пришлось его укоротить. Наконец кое-как позвонил. Говорил недолго, плохо было слышно. Ребята переносили антенну, на разные места, но звук все равно не доходил. Скоро прилетела «Утка», тяжелый самолет-разведчик, с радиостанцией на борту. Эта была настоящая летающая лаборатория. «Утка» глухо гудела высоко нам нами, бороздя небо вдоль и поперек. Потом улетела. За ней, как обычно, прилетели бомбардировщики и начали бомбить окраины Гехи-Чу. На другой день Джохар поехал, как и прежде проверять линию фронта, ночью он опять начал звонить…Наконец дозвонился до Борового,

через несколько минут разговор прервался, молчание длилось минут пять. Когда телефон снова заработал, Джохар пошутил: «Ну, что, ребята подсоединились?» На предложение Константина Борового прервать разговор Джохар отмахнулся: «Пусть слушают». Речь шла о будущих мирных переговорах, которые под давлением обстоятельств вынужден был начать Президент Борис Ельцин.

Время сейчас работало не на Россию, и он это прекрасно понимал. «Огромное здание из стекла» (страха), с таким старанием построенное Россией и приснившееся Джохару в начале марта, рассыпалось на глазах. Это была первая часть секретного плана, о которой рассказывал в конце февраля Борис Ельцин, выступая по телевидению. О существовании второй части он только намекнул, поскольку все содержалось в тайне. Первая часть секретного плана состояла в жесточайших бессмысленных бомбежках, карательных акциях против мирных сел и в не оправдавшими себя наступлениях, с огромными потерями по всем фронтам. Линия нашего Юго-Западного фронта не сдвинулась ни на йоту с тех самых пор, как я приехала.

Но 6 марта произошло, беспрецедентное в истории, показательное внезапное взятие Грозного, самого укрепленного по оценкам военных специалистов, города в мире. Оно основывалось на абсолютной новой военной тактике. У нашей маленькой армии не было самолетов, танков, установок «Град», тяжелой и легкой артиллерии — у нас не было тогда ничего, кроме автоматов и горячего, неиссякаемого желания уничтожить жесточайшую несправедливость. Победить можно было только силой духа и «смертью смерть поправ…» Нам нельзя было брать города или села даже на день, потому что тут же прилетали российские самолеты и начинали бомбить, смешивая с землей все живое. Гибли мирные жители, скот, горели дома, сады…

Джохару надо было найти выход… и он его нашел! Никто, кроме него, не верил тогда, что они смогут взять Грозный, все шли умирать… Предварительно Джохар все тщательно распланировал: 1) каждому командиру указал на карте место, где он должен находиться, с какой стороны, на какой улице лучше пройти к намеченной цели; 2) приказал до 6-ти часов утра окружить 9 комендатур, бесшумно снимая вокруг посты; 3) вокруг города оставить людей, охраняющих проходы для отхода назад; 4) дал команду ровно в 6 часов утра начинать стрелять; 5) потребовал три дня держать город, а потом быстро отойти, угоняя уазики, мототехнику. «У нас нет задачи долго удерживать город, наша цель — показать всему миру, как надо брать города!»

При входе в Грозный захватили два бензовоза. Чеченцы,

сидящие за рулем, начали сопротивляться: «Мы за этот бензин большие деньги заплатили…» «А мы, с голыми руками, умирать идем!»

Предварительно заняв все проходы и «бреши» в обороне Грозного, наши боевики с 5-ти утра проникли в город, заняли позиции. В назначенный час начали штурм блокпостов, комендатур и других военных объектов. От взрывов сотрясалась земля. К наступающим примкнули жители Грозного, отнимая оружие у российских солдат, они тут же вступали в бой из-за отсутствия другого оружия, брали пожарные машины, заливали в них бензин, потом из шлангов пускали бензин на дорогу с бронетехникой — поджигали. Огненный ручей превращался в ревущую стену огня, из которой выскакивали солдаты. Взрывалась бронетехника, во все стороны разлетались рвущиеся снаряды. Но «уничтожить» военные объекты противника приказа от Джохара не поступало, в задачу входило только «окружить и обезвредить» или «взять в плен.»

Три дня продолжался штурм города, в конце перестрелка почти прекратилась, заканчивались боеприпасы. Нашим бойцам, не обращая внимания на звуки выстрелов, грозненские жители приносили воду и кастрюли с горячей едой. Российские солдаты сидели без воды и голодные. Какая разница между оккупантами и долгожданными защитниками! Но самое главное — наконец-то нас не бомбили! По всем волнам эфира неслись призывы «окруженных» о помощи и мольба: «Не бомбите, мы еще живы!» В этом и сказалась удивительная военная смекалка Джохара. Если и умереть, то «обнявшись» с врагом! Он лично руководил этой операцией, доехав до самой площади «Минутка».

Показательное взятие столицы за три дня было завершено. Эта операция показала всему миру силу чеченской армии, а наши запасы оружия и патронов значительно пополнились. Трижды трехсоттысячная российская армия, давя все вокруг, делала круг по непокорной Ичкерии и трижды, как смятая гусеницами танков, трава оживала и вставала несметная человеческая рать. И конца этому не было видно.

7 апреля, в день рождения нашей дочери, Джохар не забыл позвонить и поздравить, хотя всем было не до праздника. Дана по «Новостям» 2 апреля услышала о бомбордировке Шалажи и очень переживала за всех нас, обратной связи у нее не было. Как всегда, Джохар много шутил. «Устал, замучили тебя?» — спросила Дана. «Да я их сам замучил», — засмеялся в ответ Джохар.

«Бессмертная крепость» Бамут полтора года стояла неустрашимой цитаделью под непрекращающимися бомбежками, артобстрелами и атаками. Пример непоколебимого мужества

являли собой ее защитники, о них складывали легенды. Интервью с командиром Русланом Хайхороевым российские журналисты показали по центральному телевидению, и он поразил зрителей своим небольшим ростом и невозмутимостью. Все ожидали увидеть богатыря…. Оказывается, мужество от размера одежды не зависит. Довершил неудачу плана полный разгром колонны бронетехники 18 апреля на участке Ярыш-Марды.

Что только ни писали средства массовой информации России, пытаясь хоть как-то оправдать сокрушительное поражение. Писали, что солдаты оказались безоружными, им, якобы, не успели раздать боекомплекты, сообщали о предательстве офицерского состава, наконец, договорились до того, что это были и не солдаты вовсе, а необученные новобранцы, чуть ли не мальчики из школы, отправившиеся в Чечню на увеселительную прогулку.

Итак, зима закончилась, начиналась весна, грозящая затопить федералов половодьем народного гнева. Скоро зазеленеют леса, и тогда чеченским ополченцам, как в известной басне Крылова, обеспечены «под каждым кустом «и стол, и дом».

Российские генералы хорошо понимали опасность, грозящую армии летом, и спешили выполнить вторую часть секретного плана, о которой умалчивал Борис Ельцин, хотя по всему было видно, как хочется ему поделиться своими соображениями с телезрителями. После долгих дебатов на экранах телевизоров о том, стоит ли «великой России» опускаться до переговоров о мире с «бандитами», тем более с их «так называемым» президентом, и управляет ли он ситуацией, решили все-таки начать. Тут же, как «черт из табакерки», выскочил глава администрации Дока Гапурович Завгаев и обиженно заявил, что управляет всем он, с ним и нужно вести переговоры. Тогда очень осторожно Ельцин заявил, что не против начать переговоры. Джохар через Борового ответил, что пока Президент России не сменит свое окружение, эту войну не даст закончить «партия войны», и предложил заменить: г. Грачева — на г. Громова; г. Дейнекина — на г. Лебедя; пример-министра Черномырдина — на мэра Лужкова.

Борису Ельцину, видимо, преподнесли эту информацию не полностью или когда он был просто не в состоянии в ней разобраться. Поэтому он так и ответил: «Президент Джохар Дудаев требует каких-то непонятных кадровых перестановок». А тут нечего было понимать, им всем грозила отставка в случае подписания мира, как «не справившимся». Было объявлено, что на время переговоров боевые действия временно прекращаются, но, как всегда, это было только на словах. Авиация продолжала наносить бомбовые удары, артобстрелы сел не прекращались.

Война искусственно затягивалась, но кем?

В ответ на нашу ноту протеста российское правительство заявило: «Российские самолеты в эти дни не вылетали и бомбовых ударов не наносили, возможно, это сделали азербайджанские самолеты. Это они бомбят Чечню.» Азербайджан ответил возмущенной нотой протеста. В который раз ситуация становилась гротесковой, а под бомбами «неизвестной» авиации продолжали гибнуть мирные люди.

Четыре дня после бомбежки Шалажи все той же «неизвестной» авиацией у Джохара не было возможности выйти на связь, а в средствах массовой информации прозвучало: «Джохар Дудаев своим молчанием унижает Ельцина…» Следующей ночью Джохар выехал звонить за пределы Гехи-Чу. Вернулся раньше обычного, все были очень возбуждены. Джохар, напротив, был вне обыкновения молчалив и задумчив. Мусик отвел меня в сторону и, понизив голос, взволнованно зашептал: «Сто процентов бьют по нашему телефону».

Потом они мне все рассказали. Поставив уазик на небольшой поляне в лесу, Джохар, как обычно, вытащил телефон и начал звонить. Тут же, как всегда, прилетела «Утка», но бомбардировщиков не было слышно. Ночное звездное небо распахнулось над ними, вдруг они заметили, что спутников над их головой, как на «новогодней елке». От одного спутника протянулся луч к другому, скрестился с еще одним лучом и по траектории упал на землю. Непонятно откуда вынырнул самолет и нанес удар глубинной бомбой такой сокрушительной силы, что вокруг них начали ломаться и падать деревья. За первым последовал второй такой же удар, совсем рядом.

Утром произошло странное событие. Перед тем, как умыться, Джохар вытащил из закрытого клапаном бокового кармана верхней куртки свою зубную щетку. Открыл футляр, он был забит доверху черной свежей землей. «Кто из вас балуется?» — спросил нас Джохар. Мы молча смотрели друг на друга, детей в доме не было. Как могла земля попасть в плотно закрытый футляр, лежащий в кармане, в котором не было земли? Джохар помрачнел и задумался. Потом мы втроем, Джохар, Мусик и я, поехали на вчерашнее место бомбежки. Немного поплутали по лесу, затем начали попадаться кусты и деревья с поломанными и посеченными ветками. Чем ближе мы подъезжали к огромным воронкам, тем больше было сломанных стволов. С некоторых деревьев свисала содранная кора, и они казались совсем голыми, свежий сок прозрачными каплями стекал со срезанных веток и стволов. Лес тихо плакал, словно неслышно жаловался нам. Эти деревья больше не зазеленеют весной. Таких огромных воронок, в

которые запросто можно было поместить целый дом, я еще не видела. Джохар попросил Мусика поставить уазик недалеко от края воронки и снова, вытащив телефон, собрался звонить.

— Зачем ты это делаешь, ты ведь знаешь, что опять прилетят проклятые самолеты и начнут нас бомбить?

— Мне нужно рассчитать время.

— А не звонить ты не можешь?

— Это моя работа, — просто ответил он. — Если начнут бомбить, прыгайте вниз, в одну и ту же воронку бомба два раза не попадает.

Он долго набирал разные номера и звонил в Турцию, еще куда-то. Мы с Мусой стояли возле края огромной воронки, которая только случайно не стала им братской могилой. Свежая, черная земля поблескивала на солнце и навевала глубокую печаль. Когда-нибудь запах этой земли останется с нами навсегда… Но вспаханная нива пахла точно также, будя в душе совсем другие, радостные чувства. Смерть и рождение сливались в одно целое, как и все в этом мире, и в этом заключался величайший дар Всевышнего. Джохар бесконечно говорил по телефону или нам так только казалось? Подозрительно долго не прилетали самолеты… Вдруг издалека раздался ровный знакомый тяжелый гул. Странно, что такому тяжелому и большому самолету-разведчику дали безобидную домашнюю кличку «Утка». Мне он больше напоминал крокодила! Джохар закрыл дипломат с телефоном и приказал Мусе быстро уезжать лесом. Мы потихоньку шли следом, под прикрытием веток деревьев. Джохар начал весело насвистывать, передразнивая птиц.

— Неужели ты не понимаешь, какой опасности подвергаешься?

— Я все рассчитал, — ответил он, — сегодня я говорил по телефону полчаса, так что я спокойно могу располагать пятнадцатью — двадцатью минутами. И потом, ты знаешь, как нам нужны эти переговоры.

Я вспомнила, как безрассудно хотел он выехать в Россию на встречу с генералом Стерлинговым перед самой войной, с каким страстным нетерпением ждал Саида из Москвы. Бесполезно его отговаривать.

— Переговоры, конечно, ничего не решат. Россия обязательно их нарушит. Важен сам факт переговоров, факт признания.

Он посмотрел на ветки деревьев:

— Какая поздняя весна в этом году… Как только распустятся листья, мы поднимемся в горы. Все склоны гор будут заполнены цветами, и везде будет слышен птичий гомон.

Действительно, если осенью в Ялхорое так хорошо, как должно быть красиво там весной.

— Знаешь, сегодня утром я загадал, если будет солнечный день, значит в этот день я родился (было 15 апреля).

Солнца не было уже давно, целый месяц стояла холодная, пасмурная погода. Это был первый солнечный день!

Джохар, не поднимая головы, теребил руками цветы.

Я посмотрела на его опущенные ресницы и мне стало его невыносимо жаль. До сих пор он с полным равнодушием относился к своему дню рождения, даже огорчался, когда я приглашала гостей 15 мая (день рождения по документам) и, они с порога, как принято, начинали поздравлять его. Особенно он расстраивался, если они приносили подарки. «Зачем обременять людей», — укорял меня потом, когда гости расходились. Теперь Джохар напоминал мне ребенка, у которого на всю жизнь отняли день рождения. Бледно-розовые цветы на высоких хрупких стебельках прятались в тени деревьев. Я нагнулась и начала их срывать.

— Дуки, а ты помнишь, как мы собирали на пшеничном поле синие васильки, а потом обменялись букетами?

Он отрицательно покачал головой.

— А как ты меня отчитал, когда я пообещала прийти на свидание, а потом не пришла?

— Как ты могла не прийти к такому парню!

Его глаза искрились от смеха, и он широко улыбался. Затем, глядя на мой сконфуженный вид, начал громко смеяться и хлопать меня по спине точно так же, как делал это, когда ласкал детей, крепко прижимая к ней ладони.

Интересно, он действительно все забыл или только притворялся, чтобы меня подразнить?

— Да где ты другую такую жену найдешь? — обиженно сказала я, и начала перечислять свои заслуги (которыми в глубине души очень гордилась): и художник, и поэт, и повар, и секретарь, и завхоз, а может мне еще и мемуары писать придется (кто знает, если бы тогда я не сказала про мемуары, сейчас мне не пришлось бы их писать, получилось, что я невольно пообещала ему это сделать).

— Туристка, спортсменка, комсомолка и, наконец, просто красавица!!! — скороговоркой с жутким акцентом, подражая известному артисту Этушу из знаменитого кинофильма «Кавказская пленница», продолжил Джохар.

— Уник, ты мой, Уник, хотите я вам еще спляшу!..

Больше обижаться я уже не могла, его смех был настолько заразительным, что я начала смеяться вместе с ним, вспомнив

еще одну героиню старого советского фильма, Фросю Бурлакову. Наивная деревенская девушка приехала поступать в консерваторию. Исполнив перед ошеломленным профессором громовым голосом, от которого сотрясались стены зала, весь известный ей репертуар и женских и мужских арий, кинулась плясать вприсядку!

Вот так всю жизнь Джохар шутит и смеется и не столько над другими, сколько над собой.

Когда в самом начале его президентства из Москвы полетели во все концы телеграммы-молнии с приказом: «Задержите Дудаева», — он, лукаво поблескивая глазами, рассказывал: «Я теперь политический, как индюк, которого в тюрьму посадили. Его спрашивают: «За что посадили?» «За политику, пионерку в зад клюнул!»».

Наконец мы догнали уазик, но мне хотелось еще погулять. Собирая цветы, я уходила в глубь леса все дальше и дальше. Муса с автоматом шел рядом, охраняя на всякий случай. Джохар начал что-то записывать в блокнот, опираясь на капот машины. Потом он тревожно посмотрел нам вслед и позвал:

— Возвращайтесь, можете наступить на мину.

— Я их не вижу, — растерянно сказала я.

— И не увидишь, сейчас новые появились, похожие на листья деревьев, авиация много их раскидала в горах, если наступишь, сразу ноги отрывает, — со знанием дела пояснил Муса.

Сколько же лет после войны на этих минах еще будут подрываться дети?

Вечером, прямо в комнату, Магомет Жаниев втащил огромного упирающегося барана с длинной черной шерстью: «Тебе, Джохар, подарок на день рождения!» Откуда он о дне рождения узнал? Специально ездил, искал, что подарить, хотел порадовать. Баран отчаянно блеял и лягал Магомета, который еле удерживал его за огромные выгнутые рога. «Жаль резать такого красавца, пусть лучше живет», — сказал Джохар. «Ну, хоть сфотографируюсь с ним на память», — вздохнул Магомет, вытаскивая барана во двор. Через пять минут он принес и подарил Джохару фотографию, сделанную «кодаком»: огромный черный баран смирно стоял рядом с маленьким Магометом, который ради такого случая опять надел свой потрясающий черный кожаный костюм. Загнутые большие рога, поднимаясь на уровень лица нашего друга, закручивались так же замысловато, как и шикарные лихие усы Магомета, только в противоположную сторону. «Ну, ты даешь, Магомет, вот это фотография, вот это подарок! Только не пойму, где тут баран, где Магомет!»

За неделю до 21 апреля снова приехал Шамсутдин Увайсаев,

уже в который раз он просил меня и Деги уехать. Охота за Президентом началась, все об этом знали, хотя, я думаю, она никогда и не кончалась. В ту ночь мне приснился самый ужасный сон, который я когда-либо видела. Ночь, я на берегу моря, метрах в десяти от меня — Мовлихан. И вдруг из самой глубины поднимается огромная черная волна и, вздымаясь все выше, идет на меня. Вот она достигла высоты многоэтажного дома, вот уже закрыла все небо. Я пытаюсь убежать, поворачиваюсь к ней спиной, делаю несколько шагов, но понимаю, что не успею спастись. Волна надвигается, как неизбежность, все ближе и ближе, настигает, накрывает меня с головой и отрывает от земли. Сверху сыплется земля, я оказываюсь в черной пустоте, не хватает воздуха, начинаю задыхаться. «Сейчас я умру», — мелькает где-то далеко мысль, уже не относящаяся ко мне. Проснулась от того, что меня будил Дуки, кажется, я задыхалась на самом деле.

— Что с тобой?

— Сейчас я чуть не умерла во сне.

И я рассказала ему свой сон. Потом достала книгу Евгения Цветкова «Счастливые сны». Вот уже четвертый год я разгадывала сны и свои, и Джохара, и не разу не было ошибок в предсказаниях. Вторую часть книги составляла «Бардо Тодол» — тибетская книга мертвых, которую в Тибете читают умершим после смерти. Я посмотрела, что значит «большая черная волна уносит», вышло — опасность смерти для того, кого уносит, «тонуть в море» — опасность для жизни, «задохнуться» — к удаче. Одно другому противоречило. Решила расшифровать этот сон так: «Опасность для жизни, бесспорно, есть, но мне повезет и она минует». Джохар начал рассматривать обложку, на внутренней странице он нашел изображение бронзовой головы Гипноса (450–300 годы до н. э. Лондон, Британский музей). Там же был комментарий. «Интересно, что в греческой мифологии Гипнос — божество сна, сын ночи — был братом смерти». Он принялся тщательно его разглядывать, потом задумчиво произнес:

— Как верно, голова с крыльями, а лицо, отяжелевшее от сна.

— У нас в Чечне, — сказал Джохар, — сны разгадывают так, чтобы все плохое было заменено на хорошее. Изменяя сон, мы улучшаем судьбу. А плохой сон надо рассказать текущей воде, сразу, как только проснулся.

Странно… Вода, опять вода! Судьбоносная вода жизни, не зря ее называют живой, святой. Видимо, когда мы просим ее унести все плохое из сна, мы непроизвольно заклинаем и становимся волшебниками. Плохое она уносит, очищая будущее, впитывая молитву, просьбу о помощи — лечит больных. Мы с ней связаны намного теснее, чем думаем. Недаром большую часть нашей

планеты покрывает вода, и мы сами почти целиком состоим из воды, нас и называют водяной расой. И мертвых в первую очередь покидает вода, вода жизни. Я не сказала Джохару, чтобы его не расстраивать, в глубине души я очень испугалась этого сна, я действительно ощутила смерть очень реально. Какой черный сон! Конечно, я рассказала его и воде и, выйдя на задний двор, ветру, но на душе было тяжело.

Джохар хотел, чтобы мы уехали. Шамсутдин ждал от меня ответа, а я не могла решиться… Я очень не хотела уезжать именно сейчас, тяжелое предчувствие не покидало меня. Если в первый мой отъезд, увидев Джохара, я успокоилась и поняла, что с ним ничего плохого не случится, то сейчас все было наоборот. Надвигалась какая-то черная туча, я ее ощущала не разумом, всем своим существом, я знала, что если уеду, то просто сойду с ума от беспокойства за тех, кто остался. Мне казалось, что если я буду рядом, то с Джохаром ничего плохого не случится. Я привыкла ждать его возвращения после полетов, но сказать «привыкла», значит ничего не сказать. Я ловила звук самолета в небе, прислушивалась к каждому шороху на улице и узнавала его легкие шаги, когда он только подходил к дому. Чуть заслышав, уловив в воздухе его присутствие, я стремглав вскакивала с кровати и неслась к двери задолго до его звонка. «Мне кажется, что ты всегда стоишь за дверью, — удивлялся он и тревожно вглядывался в мое лицо. — Опять не спала, круги под глазами». «А я не могу спать, когда тебя рядом нет, зато сейчас сразу усну», — счастливо отвечала я, быстро накрывая ему на стол легкий ужин, хотя его можно было назвать уже завтраком. Оказывается, все, что было раньше, было только преддверием, ступеньками испытаний к открытой настежь двери судьбы. Вот за ней дули настоящие ветры, вздымались ураганы, унося жизни, как сухие листья.

Судя по всему, нам всем предстояло пережить что-то страшное… Что мне сделать, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить удары судьбы? Сон… этот сон не выходил у меня из головы. Я там была вместе с Мовлихан, значит, нам нужно расстаться. Надо только уговорить Ваху, чтобы он ее отправил. Но Ваха долго не поддавался. «Ты же знаешь, — убеждала я его, — нас всех могут накрыть одной глубинной бомбой, если какой-нибудь подонок бросит около наших ворот хоть один «жучок». (Такие случаи уже были и Ваха это прекрасно знал.) «Здесь даже малый ребенок знает, где мы живем, недаром они с криками «Аллаху Акбар!» выскакивают на дорогу перед машинами, когда вы с Дуки проезжаете мимо». «Я хочу, чтобы Мовлихан уехала вместе с Деги и Магомедом. За Магомеда мы отвечаем перед его

дядей, Ризваном, а за Мовлихан — перед твоими тремя детьми, если с нами что-то случится, она их вырастит. Дом разбомбили, коровы и быки разбежались, что ей здесь теперь делать? А детям нужна мать». Постепенно похожее на скалу неприступное лицо Вахи смягчилось, видимо, все-таки я его убедила. Джохара, я думала, убедить будет намного легче. Свободу выбора он всегда предоставлял сам и не любил никого неволить. Наоборот, глаза его потеплели, когда он услышал мое желание, видно, ему самому не хотелось расставаться во второй раз. Он согласился. Я попросила его о немногом: «Я очень хочу прочитать мое последнее стихотворение для радиостанции «Свобода». Только она говорит о нас правду, и я очень хочу, чтобы это мое стихотворение услышали в России». Джохару оно тоже нравилось, и он согласился.

Потом он сказал, чтобы Деги и Магомед собирались в дорогу. После пережитой в селе Шалажи бомбежки уже две недели они оба спали, не раздеваясь, как оловянные солдатики, в полном военном вооружении, с боекомплектами и автоматами на груди, даже тяжелые военные бутсы не снимали. Я укоряла их: «Хоть бы ботинки сняли». Деги возмущался: «А если начнут бомбить, босиком выскакивать? Пока шнурки завяжешь…» В бане мыться они тоже отказывались после того, как там их застала бомбежка. Теперь нас бомбили каждый день, но бомбы падали далеко за окраиной, с тех пор, как Джохар начал звонить, уезжая за пределы села Гехи-Чу. Видимо, авиацией был потерян ориентир.

На прощание мы с Деги легли спать вместе так же, как тогда, когда он был маленьким. Лаская, я уговаривала его уехать. Утром Деги начал вдруг плакать, чего с ним давно уже не случалось, ведь ему исполнилось почти тринадцать лет. Я долго не могла понять, о чем он так долго бессвязно говорит: «Не отдаешь ты мне свои перчатки, чтобы я из них краги сделал». Я вспомнила, зимой действительно он очень хотел у моих тонких кожаных перчаток отрезать пальцы, (такие перчатки носили мотоциклисты), а я не разрешала. «Да бери, бери, — устало успокаивала его я. — Делай с ними, что хочешь». Но он плакал все сильнее, наконец, проговорил: «Я никуда не уеду, с вами останусь». «Деги, успокойся, все будет хорошо». Я поняла, что перчатки были просто предлогом вылить слезы, скопившиеся у него внутри. Перед Джохаром ведь не заплачешь: «младший лейтенант» должен беспрекословно исполнять приказ. Бедный мой мальчик, видно, сердцем чувствовал беду. Это еще больше убедило меня в необходимости расстаться.

Я испытала нечто подобное, когда уезжала от своей бабушки Лели в последний раз. Слезы лились у меня рекой, я даже

сказала, что больше ее никогда не увижу.

Утром Мовлихан, Деги и Магомед зашли к Джохару проститься. Джохар встал. Как всегда в ответственные минуты, по военному подтянулся, подошел и с улыбкой посмотрел на них: «Ну что, орлы, готовы? Не подведите…Так держать!» — бодро сказал он, потом крепко по очереди обнял их, повернул и подтолкнул к двери. Прощание закончилось. Осталась кассета, которую Деги снял в Шалажи перед самой бомбежкой. Эта была последняя кассета в доме Вахи. Никто не думал, что он действительно снимает, всем казалось, что он просто пробует видеокамеру. Ваха, как дятел, стучал на допотопной печатной машинке, отпечатывая последний приказ Джохара. Магомед улыбался и довольно поглаживал усы (Джохар только что присвоил ему очередное звание). На весь экран Деги показал его новенькие погоны, я пила чай вместе с Джохаром и шутила: «Пили чай из листьев мяты мама, мышка и мышата». А потом Деги навел объектив на лицо Джохара и показал его крупным планом. Несколько минут с неизъяснимой грустью и сожалением Джохар смотрел на всех нас. Следующими Деги снял Мовлихан и Висхана, сидящих рядом на диване. Мовлихан требовала, чтобы он положил камеру на место. Деги вышел в ночной двор и начал снимать охрану, Мусика и Русика. Они спокойно курили и тоже сначала не поверили, что он снимает, а потом стали ругаться. Мусик даже показал язык, такой большой, что он затмил все предыдущие кадры. Долго потом Муса охотился за кассетой, чтобы стереть этот кадр.

В Гехи-Чу Деги показал нам свой первый фильм. Получилось и смешно, и грустно, но очень естественно. Вот он, Вахин дом, который сейчас наверняка разбит, в нем нам было тепло и уютно, Джохар называл его своим родным домом. Пока Деги снимал Магомеда, а тот — как Деги ловко крутит пистолет (настоящий ковбой), мы решили всерьез взяться за съемку. Если с нами что-то случиться, пусть хоть память останется. Итак, по нашему сценарию, я должна была (для истории) прочитать свои «последние стихи». Раиса села со мной рядом, а Мовлихан грациозно облокотилась на диванную подушку. Первую часть о красоте природы Раиса просто спокойно слушала, но когда я перешла к самой трагической части стихотворения с такими словами, от которых (по моим самым скромным предположениям) у слушателей должен мороз побежать по коже или, в крайнем случае, появится слезы, Раиса спохватилась. (Стихи заканчиваются, а ее так никто и не заметит и начала действовать.) Тесно придвинувшись ко мне после слов: «И неизвестно, чей приказ «убить» звучит на этот раз», — она,

загадочно улыбнувшись, кокетливо заиграла выгнутыми бровями, а после слов: «И заметает яблонь цвет, кровавый и последний след…» бросила прямо в объектив камеры такой силы жгучий, любящий, многозначительный взгляд, что перевернула весь сценарий. Одним взглядом!

Глава 37

На другой день нас опять долго бомбили. Выбегая из дома и не вписавшись в поворот, я сильно ушиблась боком о железный поручень крыльца. На этот раз в подвале, кроме знакомых, сидела неизвестная женщина. «Липхан Базаева», — представилась она. Бомбили уже совсем рядом, глухие удары сотрясали землю. Но после бомбежки в Шалажи я уже ничего не боялась, там было в сотни раз страшнее. Переживала за мужчин наверху. Джохар категорически запретил женщинам оставаться в доме. Сам он не выходил из нашей комнаты, работал над документами.

Раздался удар… Доска, на которой, кроме меня, сидели еще две старушки, начала мелко трястись. В полной темноте я только слышала их голоса, они потихоньку молились Всевышнему. Потом перестали молиться, а доска стала трястись еще сильнее. Может быть это резонанс? Но тряска никак не совпадала с теми ударами, которые слышались сверху. Они трясутся от страха, наконец догадалась я! Надо их как-то успокоить. Я откашлялась и сказала, что если присутствующие желают, могу почитать стихи, новые или те, которые раньше читала по телевидению. Долго я им читала то, что помнила наизусть, но поразили меня несколько строчек неизвестного польского поэта, которые прочитала Липхан, с них и началось наше знакомство. Эти строчки я буду помнить всю оставшуюся жизнь:

Я срываю вереск,
Шелестит трава…
В этом мире
Мы не встретимся больше,
Ты должна понять.
Но встречи я буду ждать.

Это было ровно за неделю до 21 апреля.

Мы с Липхан — родной сестрой Хамада Курбанова, проговорили до поздней ночи, а рано утром она уехала. А Джохар увидел ночью в четверг, 18 апреля, сон, который был вещим, но в то время мы еще этого не знали. Он, как всегда, позвал и попросил, чтобы я его разгадала.

(Все, что случится потом, будет подтверждением этого сна.) В первой части сна он помог копать землю военным, взял лопату и вдруг полетел и оказался перед белой стеной — горельефом, огромной головой льва. Цепляясь за выступающие части, он залез

на голову, а затем и на стену. А потом вдруг начал взбираться по стене на высотное здание, стоявшее рядом. Удивляясь легкости, с которой он делал это, и, понимая, что без помощи Всевышнего здесь не обошлось, он мысленно поблагодарил его три раза и оказался на крыше. Там уже были Магомед Жаниев и Хамад Курбанов. Земля оказалась далеко внизу, она была очень красива, но так бесконечно далека, что он подумал: «Что же мы здесь будем есть?» И вдруг он увидел, что один из них что-то подтягивает на бечевке снизу. Джохар помог, и они вместе вытащили два батона. Хлеб был таким белым, мягким и душистым! Отломив себе кусочек, он передал остальное другим. Очень красивая женщина прилегла рядом. Опасаясь, чтобы она не упала с крыши, он придержал ее рукой и последнее, что увидел в этом сне, — ее красивые изумрудные большие глаза, которые приближались к его лицу.

Я разгадала, как могла этот сон, но дело в том, что все его детали обещали полный успех, возвышение, победу, верность, любовь. Единственная странность была в начале: «работать лопатой» — услуги, помощь друзей, «копать землю» — к смерти. Одно другому противоречило, но так часто бывало и раньше. Я, конечно, выбрала хорошее значение, так и истолковала, а сама, глядя на склоненную голову Джохара, задумалась… На войне до смерти один шаг.

Мне тоже последнее время снились яркие, странные сны… Лес, старуха, и я знала, что это была сама смерть, ее огород, в котором ничего не росло, а была яма, огороженная изгородью из жердей. На четырех ее сторонах, висели кожаные мешки. В них были живые души. Старуха пошла в лес. Пока она не вернулась, я подбежала и начала развязывать мешки, спасая, выпуская души на свободу. Три развязала, а четвертый не успела. Души неслышно полетели — легко, как листья по ветру. Они и были желтыми листьями, потом поплыли по темной воде реки Леты куда-то вниз. Но один лист оторвался от уносящей быстрины и начал подниматься в небо параллельно земле. Потом он на моих глазах начал зеленеть и превратился в стройного зеленого мальчика лет двенадцати, который так же параллельно земле улетал все выше и выше в небо.

Что это было? Я начала переживать за Деги, боясь истолковать сон буквально. И, конечно же, опять вышла ранним утром во двор и рассказала свой сон ветру и воде, умоляя забрать все плохое и оставить хорошее. Но не в слабых человеческих силах изменить волю Всевышнего. Нас бомбили каждый день. А Джохар мечтал о горах, в которых мы могли бы укрыться. Нельзя было уезжать, пока не распустятся листья на деревьях, нас сразу

бы обнаружили вертолеты и расстреляли с воздуха или самолеты — бомбами. Каждый день я с надеждой осматривала ветви. Нет! Почки упорно не хотели распускаться, весна задерживалась, как будто ждала чего-то.

Джохар уже в который раз рассказывал, как прекрасна его земля, которую только сейчас, во время этой войны, он смог по-настоящему разглядеть. Раньше ее закрывали кирпичные стены домов, каменные улицы тесных городов. Тысячу раз на машинах или пешком он изъездил или исходил ее вдоль и поперек в те лето и осень, которые я с ними не была. Кстати, осень было его любимым временем года и он, рассказывая о ней с теплом и грустью, утверждал, что не понимает бурную весну, когда «все несется куда-то» и жизнеутверждается. Горы, покрытые разноцветными лесами — красные, охристые, зеленые оттенки; золотой ковер листьев под ногами и синее-синее небо высоко над головой. Небо уже тронутое печалью прощания, холодом забвения, отражало свою грусть ярко-синими бликами в бегущих с высоких вершин горных потоках, белеющей пеной на черных скользящих камнях далеко внизу в зеленых долинах. Превращаясь в реки, горячие потоки, плавно покачиваясь, несут в своих темных холодных водах щедрые дары: спелые, красные яблоки, орехи и золотые листья. И, вылавливая их в долине, не одни горец вздохнет, с грустью вспоминая отчий дом — развалины старой башни и одинокие могилы предков, оставленные им высоко среди белых облаков в горах. Тысячи журавлей кружат в синем небе, сбиваясь в стаи перед тем, как улететь на юг. От их курлыканья дрожит воздух и теснит грудь и душе хочется вырваться и улететь далеко-далеко вместе с ними на сильных крыльях, из беспредельной синевы обозревая эту прекрасную, многострадальную землю, которую убивают и терзают уже который раз. Иногда поднимается ветер, стонут деревья и прощально шелестят ветками, а он носит тучами золотые листья и тогда кажется, что началась золотая метель.

Джохар все говорил, а я вспоминала, как однажды осенью одиноко брела по пустынной улице Вильнюса и вдруг ветер поднял, закружил осенние листья и понес их на меня. Один из них на лету неслышно коснулся моего лица, как неуловимый поцелуй, на мгновение задержался на губах и улетел. Другой, огненно-красный, припав к бульварной решетке, как сердце, трепетно бился на ветру. И тогда всем своим существом я почувствовала, поняла: мое время в этой стране кончилось…

На другой день позвонили из Чечни и сказали, что мне можно выезжать. А Джохар продолжал дальше: «Перед входом в долину Ялхорой, если идти от озера Галанчож, есть гора со

срезанной вершиной. Неземная красота окружает ее. Там я мечтаю построить маленький домик, в котором мы будем жить вдали от людей вместе с тобой. А если я умру, пусть похоронят меня в долине Ялхорой». Я и раньше от него слышала подобные слова, это было его единственное, самое заветное желание. То же самое он завещал старшему сыну Овлуру.

— А где, на вершине горы? — спросила я.

— Мне все равно. На родовом кладбище или рядом с развалинами моей башни. Я хочу лежать там, где появился на свет, рядом с теми, кто жил там раньше.

— А президентом ты больше не хочешь быть?

— Не хочу, — он отвел глаза, они были печальными. — После нашей победы я пешком пойду в Мекку.

— Я пойду вместе с тобой.

— Нет, я пойду один.

Незадолго до этого разговора Муса мне рассказал, что было после военного совета, когда командиры поссорились между собой. С сожалением, долго, молча Джохар смотрел на них. Наконец резко встал и вышел. В машине он тоже молчал, задумчиво глядя на дорогу.

«Чеченцы, чеченцы…, - нередко повторял он. — Это прекрасные, бесстрашные воины, которые показали всему миру, как надо воевать и как надо умирать! Но что буду я делать с этой армией, когда наступит мир? Когда все разрушено, заводы и фабрики уничтожены?

За два дня до 21 апреля я увидела в утренней программе российских новостей запуск нового спутника и сказала об этом Джохару.

— Ни для кого не секрет, для каких целей предназначаются спутники-шпионы! А перед ударом глубинной бомбы в лесу их было особенно много. Но, видимо, и этого оказалось недостаточно. Еще один запустили!

— Не бери в голову, — отмахнулся Джохар. Он был уверен в своих расчетах.

— Джохар, но Россия — это не Бангладеш, найдется какой-нибудь изобретатель. Сейчас там все силы сосредоточены на том, чтобы тебя уничтожить.

— Послушай, — он начал злиться. — Я так долго ждал этих переговоров! И потом, сколько людей гибнет каждый день, у них тоже есть матери и жены! Ты хочешь, чтобы я отказался сейчас, когда в моих силах если не прекратить, то хотя бы приостановить уничтожение чеченского народа, от переговоров? Моя жизнь и смерть — в руках Всевышнего! Я не принадлежу себе… Ты уже забыла, что я «казенный»?

Этим шутливым словом, которое сразу нагоняло на меня смертельную тоску, он обычно прекращал мои многолетние домогательства, уехать с ним отдыхать или прийти с работы пораньше, чтобы вместе погулять. Сейчас он смеется над самой смертью… «А знаешь, чем отличаются наши воины от других? — вдруг спросил он меня. — Если приказать им построиться и разуться, то ни у одной армии мира ты не увидишь таких чистых ног! Пять омовений в день и пятикратный намаз — это чистота души и тела. А Россия — огромная страна безбожников! Только люди, не боящиеся Бога, могут так жестоко уничтожать другой маленький народ. Сейчас идет война между Всевышним и самим Сатаной! Все русские — ничтожные рабы своей огромной державы, которая на их страхе только и держится, и самые несчастные, потому что другие нации их ненавидят за насилие. Первая заповедь Христа: «Не убий» На крови чеченских и российских сыновей построен во время этой народоубийственной жестокой войны в центре Москвы большой храм «Спасителя на крови». Ну, чем не дьявольская шутка самого Сатаны! Они все, как слепые… или глухие. Сатана сказал: «Не поклоняйтесь мне, поклоняйтесь золоту». Золотые купола, ризы, оклады икон, их роскошь ослепляет, на них молятся, а где Бог? Это не храмы христианского милосердия — это богатые дома для священников, пьющих в них вино. Бог должен быть только в чистом сердце — вот его храм. Наши мечети — это просто скромные дома для общих молитв всех верующих. К сожалению, большинство из того, что говорил Христос, не дошло до верующих, слишком во многом пришлось бы ограничивать себя христианским священникам и не только им… Кстати, многие из них работали раньше на КГБ, а сейчас на ФСБ. Весь этот мир построен на обмане и давно поделен на части. Сильные мира сего никогда не захотят ни с кем делиться. Для их защиты создаются государства, армия, чиновники, политики, границы. Единый Бог разрушает образ врага — мусульманина. Что им бедные люди, которые давно побратались бы на всех границах, а становятся пушечным мясом! Я не виню русский народ. Мы то хоть знаем, за что умираем. Он обманут и уничтожается так же, как и чеченский. Кому это нужно? Скорее всего, тем, кто дает деньги на продолжение этой бойни. Кто платит, тот и заказывает музыку! Денежные подачки Запада и Америки России — это ее же деньги, возвращаемые ей за счет дармового экспорта российского природного сырья. Раньше золотом должен был подтверждаться каждый американский цент, теперь доллар в этом не нуждается. Его золотой запас — огромная Россия: ее леса, алмазы, уголь, нефть. Все отдает Россия за американскую «макулатуру», которую Америка бесконтрольно

печатает уже который год. И за ее же «фиговые» бумажки Россия воюет в Чечне, «освобождает» проданную и преданную российскую и чеченскую землю от «лишних» людей! Парадокс, да и только! Ведь и с той, и с другой стороны умирают самые лучшие молодые и сильные мужчины. Плацдарм для наступления в будущем любой военной силы уже открыт! Жаль российскую армию, вместе мы могли бы отразить любую силу зла».

Я вспомнила об этих словах Джохара значительно позже. Спустя полгода один российский журналист, сказал мне: «А вы знаете, во время войны был такой момент, когда приказам Джохара стали бы подчиняться обе армии, если бы он к этому призвал. И российская и чеченская! Так не хотели подчиняться своим бездарным командирам и умирать на этой непонятной для них войне российские солдаты… Недаром кандидатуру Джохара выдвинули на выборах Президента России российские демократы и даже собрали необходимый миллион голосов!

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС

Интервью Президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева

— Господин Президент, мы знаем, что многое из того, что Вы заранее предсказывали, стабильно осуществлялось в России через несколько месяцев или даже лет. Так, например, о разгоне Верховного Совета РСФСР-РФ, состоявшемся в октябре 1993 года, Вы говорили еще в марте того же года. А о вторжении российских войск в Чечению и о том, что будет в этом случае, Вы заявляли еще за два года вперед. Конечно, мы не относим это на счет каких-то Ваших сверхъестественных способностей, но полагаем, что Россию как предмет Вы хорошо знаете, и, наверное, Вам достаточно хорошо известна московская политическая кухня и какие политические блюда готовятся в Кремле. В связи с этим нашим читателям хотелось бы знать именно Ваше мнение по поводу того, какие политические процессы происходят ныне в России, что там является в настоящее время характерным и определяющим и что можно ожидать в недалеком будущем?

— Если ответить коротко и емко, то можно сказать, что Россию охватил тотальный кризис.

Кризис затронул высшие эшелоны российской власти, поразил политическое руководство страны, пронизал всю иерархию исполнительной власти — от московского центра до самых дальних регионов. Состояние экономики в России нельзя

охарактеризовать иначе, как параличное. Кризис демократии, кризис в социальной сфере жизни. Кризис культуры, кризис идеологии, кризис во многих жизненно важных областях.

С точки зрения диалектического материализма, кризис, конечно, не может быть абсолютным. И в этом плане в России имеются свои «прогрессивные движения», правда, весьма сомнительного порядка. Сегодняшняя Россия отличается небывалым ростом криминальности и огромными масштабами преступлений. Недосягаемо для других стран высоки достигнутые русскими уровни наркомании, проституции, детской преступности. О повальном пьянстве и хроническом алкоголизме и говорить не приходится. Такие, с позволения сказать, «достижения» не украшают никакую страну, и в любом нормальном государстве руководство, допустившее это, либо само ушло бы в отставку, вследствие высокого уровня самосознания и ответственности, либо его заставили бы уйти, вследствие действия хорошо налаженных институтов демократии. В России же пока нет ни того, ни другого и поэтому здесь возможны любые беззакония. Кризис духовности, нравственности, патриотизма — вот далеко не полный «перечень трудноизлечимых болезней» нынешних россиян, и это тот базис, на котором успешно взращиваются фашизм, терроризм, бандитизм, шовинизм и многое другое негативное, что сегодня в России возводится в ранг государственности и становится государственной политикой. Современная российская государственная идеология — русизм. Именно она объединяет вышеупомянутые составляющие, являющиеся антагонистами для демократии и гуманизма. Только русистам выгодны российские кризисы. Они отвечают их планам возрождения российского имперского тоталитаризма. Кризисное состояние России, безусловно, представляет небывало опасную угрозу для Запада, и боязнь последнего перед российским непредсказуемым медведем понятна, но бездеятельность Запада не приемлема.

«Бостон Глоб»

18 шюля 1995 г.

Интервью Президента Чеченской Республики — Ичкерия Джохара Дудаева

(Отрывок)

— В чем сейчас един Запад, так это в понимании того, что тотальный кризис, охвативший Россию, может привести ее к критической точке, когда действия московского режима, все еще владеющего ядерной кнопкой, могут привести к непредсказуемым результатам и причинить сильные беспокойства мировым державам. К этому единомыслию их привели и результаты недавних выборов в российскую Государственную Думу, где коммунисты одержали впечатляющую победу. Запад прекрасно знал, что Россия надолго увязнет в бесславной для нее чеченской войне, и это в полной мере отвечало долгосрочным геостратегическим расчетам лидеров США и Европейских государств. Во-первых, зоной чеченской войны Россия политически и экономически надолго отсекалась от Закавказья и Ближнего Востока; во-вторых, затяжная война в ЧРИ отключала Кремль от активного противодействия Западу в реализации его глобальных планов по переустройству мира; в-третьих, Чеченская авантюра объективно вела к дальнейшему развалу Российской Империи.

В отношении Чеченской Республики — Ичкерия западные страны еще раз подтвердили, что когда дело касается их национальных интересов, то понятия «демократия», «гуманизм», «права человека» и т. д. отодвигаются на далекий план и служат лишь расхожей монетой в грязной политической игре. Тактически Запад политикой подачек и уступок переигрывает Россию, но стратегически рискует сделать мировое сообщество заложником кровожадного «медведя». Евросовет еще не знает, какую головную боль он скоро наживет…

— Кто по-Вашему станет станет Президентом России?

— Если не произойдет ничего чрезвычайного, то Горбачев. В этом случае была бы для России несомненная польза. Явлинского и других демократов не выберут — Россия еще пока не готова к демократии. Остальные все — русисты.

Информационное агентство «Туран»

16 февраля 1996 г.

Глава 38

19 апреля — пятница. Какое, оказывается, счастье встать рано утром, выйти во двор и увидеть солнце! Четыре месяца, проведенные в Шалажи, превратились для меня в одну длинную зимнюю ночь. Какой бы ни был уютный теплый дом и радушные хозяева, плохо, когда из него нельзя выйти.

Прервав мои воспоминания, Джохар потихоньку позвал меня в комнату. Я отнесла таз и кувшин с водой для умывания и, поливая ему на руки, начала делиться своей радостью. «Как жаль, что тебе нельзя сейчас выйти на задний двор, чтобы посмотреть на апрельский рассвет. Золотое солнце чуть показалось и исчезло, скрывшись в розовом тумане. Туман, пронизанный миллиардами солнечных частиц, опять закрыл лесистые склоны гор». «Ладно, — засмеялся Джохар, — ожила пчелка после зимы!»

Днем мы поехали в лес звонить по телефону, на меня опять не хватило времени, впрочем, это меня не огорчило. Важно было то, что я рядом, я его видела и наивно полагала, что ничего плохого, пока я с ним рядом, случиться не может. Когда мы вернулись, я прочитала ему стихи, которые как-то сами собой начали звучать у меня в голове. Мне даже казалось, что я их только перенесла на бумагу.

Что мне сказать тебе еще?
Ты видишь, вечер настает,
На горы опустилась ночь,
Но день, конечно же, придет.
Из сизой мглы и черных туч
Вдруг ярко брызнет солнца луч?
И засияет все вокруг,
Катя волшебный солнца круг.
И мы с тобою в том кругу
Войдем под радугу-дугу.
Пойдем с тобой мы в никуда,
Туда не ходят поезда,
Там время замедляет ход
И все идет наоборот.
Там будем вместе: ты и я,
А рядом все наши друзья:
Все те, кто пал и уж не встал,
Кто честь и совесть не продал.
Плывет над океаном зла
Наш остров света и добра!

В этих строках было все, что я тогда чувствовала, но Джохар сказал, что они слишком простые. Затем он снова заговорил о том, что надо как можно скорее уходить в горы. «Нельзя подставлять село, бомбят уже совсем близко. В Шалажи из-за нашего телефона полностью уничтожили две улицы». Большие крытые грузовики были приготовлены. Перед отъездом Джохар успел позаботиться и о жене Башира, которая до сих пор не могла оправиться после смерти дочки. Он договорился отправить ее в один из санаториев Нальчика, к знакомым, подлечиться. Я тут же с энтузиазмом подхватила эту идею. Только Башир отчаянно упирался. Последнее время я с ним «воевала» из-за затвора на дверь маленькой кухоньки, в которой я готовила и где всех кормила. Одна дверь вела в нашу комнату, другая открывалась прямо на двор, и меня видел каждый, кто заходил. Я боялась, что из-за меня узнают, где находится Джохар. С первого дня нашего приезда я просила Башира поставить на дверь задвижку или замок. Но он был большим лентяем и всячески уклонялся:

— Где я тебе в такое время замок возьму?

— Тогда крючок сделай из проволоки.

— Проволоки тоже нет.

— Слушай, простую палку из леса можешь привезти? На нее дверь закрывать можно! — уже всерьез начинала злиться я.

Последнее время Башир часто уезжал, снабжая мясом ополченцев в Янди-Кутаре, когда старики резали для них корову.

— Кого-нибудь из наших знакомых видел? — встречала я его на пороге.

— Нет!

— А как же ты корову передал?

— Положил в условленном месте.

— А вдруг ее собаки съедят? А замок привез?

В конце концов я его так допекла, что однажды утром он взъерошенный, выскочил из своей комнаты и, потирая затылок, ошарашенно сказал, что всю ночь во сне я требовала у него замок для двери. Сейчас Башир предлагал, в целях нашей безопасности, переехать в совершенно пустой дом, стоящий на противоположной стороне улицы, через три дома. Еще раньше там были выгружены наши вещи: новенькие ящики с типографией, компьютеры и документы. Замка опять не было и поэтому мы вчетвером: Мовлихан, Деги, Магомед и я — перенесли их в подвал дома Башира. Джохар из деликатности, как всегда, чтобы не обременять хозяев, соглашался переехать. Только я горячилась: «Если переедем — нас сразу же обнаружат!

Долго скрываться мы там не сможем, ведь в дом надо привозить воду, хлеб и дрова. Соседи обратят внимание и обязательно придут знакомиться, мальчишки свободно перелезают через невысокий забор, я их видела, они сразу узнали и меня, и охрану».

Сельчане уже привыкли, что к дому генерального прокурора Магомета Жаниева постоянно подъезжают военные машины. У Башира тоже всегда полно военных. Но то, что сейчас в нем живет Президент, им и в голову не приходило. Джохар, как и раньше по ночам, объезжал наш Юго-Западный фронт, появляясь то тут, то там, постоянно бывая рядом с теми, кто удерживал позиции. А российские средства массовой информации передавали, что «Неуловимый Джо» больше трех-четырех часов на одном месте не остается, поэтому изловить его или уничтожить практически невозможно!

20 апреля была суббота. С утра я поставила греть большущую кастрюлю с водой на газ. Кастрюля была без крышки. Потом позавтракала вместе с Петик (как всегда яичница, и чай с сыром). Очень болел бок, который я ушибла во время бомбежки в среду. Джохар рассказал совсем коротенький отрывок из того сна, который запомнил ночью: «На улице сидела полная, пожилая женщина, похожая на тех, кто митинговал против войны в Чечне. Она попросила приколоть значок Ичкерии прямо на грудь». Значок — символ чеченской Свободы.

Насколько верно этот сон передавал происходящее на площадях и улицах Грозного! Шли многотысячные митинги чеченских женщин и стариков возле разбитых и разоренных домов. Под автоматными очередями оккупантов, под пулями, проносящимися над их головами, бесстрашно несли они лозунги с призывами «Свободу Ичкерии», плакаты с портретами Джохара — первого Президента непокоренной республики, кровью омывающей свою любовь к Свободе. И чем больше проливалась кровь, тем активнее Ичкерия противостояла и не смирялась, все больше и больше ополченцев вставало в ее ряды.

Потом я вышла на кухню и отчетливо услышала гудение большого самолета. Неужели опять будут бомбить? Выбежала на крыльцо — самолета не видно! Я попросила Джохара выйти и прислушаться, неужели кастрюля может издавать звук летящего самолета? Удивительно, что она была без крышки. Тогда в Шалажи точно так же гудел чайник перед самой страшной бомбежкой… но он был с крышкой. Я еще подумала, что тон звука зависит от расстояния между крышкой и водой, теперь эта версия отпадала. Видимо, нас снова будут бомбить, тогда мы спаслись только чудом…

А вода опять подавала нам знак. Я вспомнила, как в далеком детстве я смеялась над своей бабушкой Лелей, пережившей две войны. Иногда она вдруг начинала тревожиться, прислушиваясь к гудению чайника, ее опасения обычно подтверждались. Как правило, это бывало перед какой-нибудь бедой.

Джохар весь день провел за чтением книги, сидя на подоконнике, поближе к дневному свету. Это была совершенно новая книга, изданная совсем недавно, с Кремлем на обложке. К сожалению, я не успела ее прочитать и поэтому не запомнила названия. Впервые за долгие дни я видела его таким. Джохар, как будто ненадолго, на один предпоследний свой день оказавшись в детстве, сидел, как мальчик, поджав ноги, и читал до тех пор, пока не погас последний солнечный луч…

Глава 39

21 апреля, воскресенье, последний день… С утра телевидение показывало российские военные госпитали в Москве и американских врачей, приехавших для стажировки по различным видам ранений и поражений ткани. Материал был богатый: раны ожоговые, огнестрельные, рваные, дробленные; воспаленные, изуродованные лица без глаз; обрубки молодых тел без рук и ног. «Интересные случаи газовой гангрены — десятки, сотни, тысячи раненых…» Джохар сидел за журнальным столиком и сжимал кулаки:

— Они еще и учатся на нашей войне! Мы для них дармовой материал для трансплантаций!

— Такого не может быть! — испугалась я.

— Нет, может! Наивный ты человек! Попадались нашим ребятам такие… иностранцы с микрохолодильниками, забитыми человеческими органами. Даже фильтрационные лагеря и тюрьмы посещали группы таких врачей. Весь мир учится на нашей войне! Но их ждет страшное будущее… И по очереди, кто быстрей, они будут уничтожать свое атомное оружие.

Потом, ровно через год, в одной из российских газет я прочитала большущую статью доктора-патологоанатома из Ростова: «В последние месяцы войны на трупах российских солдат были обнаружены следы трансплантических операций, сделанных умелой рукой хирурга». И вспомнила боль и гнев в возмущенных глазах Джохара.

А потом Джохар рассказал свой последний сон. Темная ночь, подъемный кран пытается поймать и придавить его к земле огромной бетонной плитой. Но он успевает в самый последний момент выбраться из-под нее. Сбоку видит разворачивающуюся кабину крана и пульт управления — за ним никого нет. Мгновение… и он оказывается на жаркой улице под горячими солнечными лучами. Он идет босиком, обернувшись в одну ослепительно белую простыню, за ним, играя, бегут две собачки. А третья, большая собака, лает и рвется к нему из-за высокого забора, но цепь не пускает ее. Затем собаки исчезают, за ним бегут дети, которых он шутливо хлопает краем простыни по головкам. Вот и дети пропали куда-то, с ним рядом идет Деги. И вот они уже рядом несутся по зеленым круглым холмам на велосипедах. Впереди неожиданно показалась канава, которую Джохар перескочил сходу, а Деги остановился, чтобы перенести велосипед. Дальше Джохар катил уже один, вернее, не катил, а несся, летел, как птица, по холмам. Последнее, что он услышал,

это гул приближающего бомбардировщика и тяжелые взрывы бомб. Где-то вдалеке показалась маленькая фигурка девушки в белом платье…»

Я попыталась расшифровать этот сон, как всегда, к хорошему. «За тобой идет большая охота (большой подъемный кран), но мы все это и так знали; ты сумеешь вывернуться, и опять будет слава (ослепительное солнце), возвышение (белая одежда), успех и удача (полураздетый на улице) и опять риск… (холмы). Непонятен был только велосипед (знак отложенных дел) и Деги.

Я начала переживать за Деги, хотя Джохару ничего не сказала. Этим утром приехали Шамсутдин Увайсаев со своим другом и с фотографиями Деги и Магомеда в компании наших раненых, сделанные им на третий день после приезда в Трцию. «Так вот почему сегодня Деги мне приснился!» — обрадовался Джохар. «Эта мне больше всех нравится!» — и вытащил из стопки фотографию, на которой Деги с Магомедом, сидя рядом на ковриках, делали намаз.

До половины пятого беседовал он с обоими гостями, после того, как я подала обед, еще долго не отпускал их. Я разглядывала фотографии. На одной из них — единственной, где Деги получился крупным планом, он был бледным и улыбался через силу. Как раз ее мне Джохар и не показал. Деги сидел на стуле, обнявшись с Магомедом, были хорошо видны его покрасневшие, грустные большие глаза. Неужели он до сих пор переживает из-за нас по ночам? Наконец гости уехали. Джохар позвал меня в комнату. Он стоял около освещенного золотыми закатными лучами окна и что-то пристально рассматривал. «Взгляни на эти деньги». В его руках были старые истертые деньги достоинством один, пять и десять долларов. Бережно прикасаясь, гладя их руками, а иногда и рассматривая на свет, Джохар взволнованно говорил: «Турецкие детишки-школьники собирали для нас эти деньги. — Он произносил слова с такой нежностью, как будто видел этих детей. — Может быть, какой-нибудь мальчик отдал то, что мать дала ему в школу на завтрак. Кто-то из них вытащил их из своей копилки. Эти деньги мне дороже других, пусть они согревают мое сердце». И Джохар положил их во внутренний карман куртки. Потом, как всегда, вышел в маленькую кухоньку, одновременно являющуюся и коридором, сел на табуретку и стал надевать тяжелые солдатские бутсы. Зашнуровав, встал, выпрямился во весь рост, улыбнулся: «Я готов!»

На этот раз мы выехали на двух машинах: военном уазике и «Ниве», перекрашенной в зеленый защитный цвет. «Нива», видимо, из-за странного цвета, внушала мне какое-то неприятное,

неясное для меня самой чувство. Проехав через все село Гехи-Чу, мы начали подниматься в горы… Вот то место, которое я видела поздней осенью из окна дома Рашида. Тогда эти поляны, заросшие по краям деревьями, казались мне волшебной голубой далью, в которой я так мечтала оказаться.

Повернув влево, мы выехали на поляну. Уазик оставили, а «Ниву» загнали между двумя небольшими холмами.

Деревья, росшие на их склонах, почти полностью закрывали машину так, что сверху ее трудно было разглядеть. Джохар, поставив дипломат со спутниковой связью на капот машины, вытащил кабель антенны. После обрыва кабеля во время бомбежки в Шалажи он был не больше двух метров, последнее время Джохару приходилось разговаривать по телефону, находясь рядом с машиной. Первым прочитал свое заявление Ваха Ибрагимов по поводу выборов «так называемого главы администрации». Президентом Дока Завгаев назвать себя не рискнул.

«Правительство Чеченской Республики — Ичкерия предупреждает, что этот очередной фарс приведет к эскалации напряженности в республике и к переносу боевых действий на территорию России». Я хотела после него тут же выступить по радио со своим обращением и стихотворением. Оно было мной тщательно подготовлено и звучало примерно так: «Я надеюсь, что народы России и Ичкерии услышат мой голос, звучащий из самого центра кровавого побоища, голос из пламени войны. Хочу, чтобы вы поняли, мы не воюем против русского народа, мы воюем против банды подлецов, засевшей в Кремле, грабящей, предающей, убивающей и свой народ, и соседние. Чеченские и российские матери! Солдаты российской армии и чеченские ополченцы, сидящие в окопах под градом пуль и бомб, всем, кто слушает радиостанцию «Свобода» — для вас мои стихи». Но Джохар сказал, что мое выступление объявит Хамад Курбанов после того, как он переговорит с Боровым, и попросил, чтобы я отошла, пока он не закончит. Джохар не хотел, чтобы я рисковала лишний раз, я это очень хорошо понимала. Как всегда, на меня потом опять не хватит времени!

Джохар улыбнулся, глядя на мой обиженный вид, и начал звонить Боровому. После первых же слов разговор, как обычно, прервался. Высоко за облаками послышался гул бомбардировщиков, я подбежала к Джохару: «Самолеты!» Он спокойно ответил: «Отбомбились, в Грузию летят». Действительно, эти самолеты летели высоко за облаками в сторону гор, вскоре их гул затих.

Я подошла к глубокому заросшему деревьями оврагу, метрах

в двадцати от машины. Шесть часов вечера, солнце, медленно опускаясь, золотило верхушки деревьев. Ко мне приблизились Ваха Ибрагимов с Мусой Идиговым. Многоголосый хор птичьих голосов звенел в розовом прозрачном воздухе. Сотни птиц, прилетевших после зимовья с юга, славили наступающую весну, их гнезда хорошо были видны сверху. Несколько минут мы разговаривали на отвлеченные темы, потом я услышала снизу какие-то странные звуки, напоминающие плач или стон. Я прислушалась, но понять, кто их издавал, не могла. «Ваха, — обратилась я нему, — ты у нас охотник, все горы облазил, кто может так плакать под нами, кошка или птица?» «Птица», — ответил Ваха. «А почему все птицы распевают веселые песни на ветках деревьев, а одна из них плачет и стонет на дне оврага? Может, кто-нибудь ее гнездо разорил?» Ваха ничего не ответил, он отошел к «Ниве».

Я оглянулась. Джохар, тихо смеясь, рассказывал что-то очень веселое Магомету Жаниеву и Хамаду Курбанову, глядя прямо на меня. Всегда, когда Джохар был в хорошем настроении, он шутил и подтрунивал надо мной. «Опять что-нибудь смешное про меня рассказывает, раз на меня смотрит, — подумала я. — Наверное, затем меня и отправил…» Они стояли, обступив «Ниву», дипломат лежал на капоте. Ваха, присев на корточки за дверцей машины с противоположной стороны, начал курить. Как истый чеченец, он не мог себе позволить курить на глазах у старших. Джохар набрал номер Борового и начал говорить с ним. Он действительно произнес ту полную горечи фразу, которую потом повторил Константин Боровой в своем интервью: «Россия еще пожалеет о том, что она сделала с Чечней».

Я отвернулась и прислушалась, птица продолжала плакать… Ее стоны сжимали мое сердце, предчувствие чего-то непонятного реяло в воздухе. Эта странная легкость…

Нечто похожее я уже испытала однажды в Закане во время очередного покушения на Джохара. Мы тогда тоже смеялись, нам было так легко, как будто исчезла опасность, постоянно подстерегающая нас. Но поняла я это потом… Неожиданно с левой стороны раздался резкий свист летящей ракеты. Взрыв за моей спиной и вспыхнувшее желтое пламя заставили меня спрыгнуть в овраг. Он не был таким страшным, как при падении глубинных бомб. Поэтому я даже не успела испугаться и начала вылезать из оврага. Голову, по крайней мере, высунула и огляделась по сторонам. Никого не было видно… «Как быстро они спрятались», — успела подумать я, но вдруг опять послышался свист. На меня упал один из наших охранников, по-моему, Русик, закрывая собой от разлетающихся осколков. «Не

высовывайся», — приказал через минуту он, исчезая наверху. Я висела, держась за ветки деревьев иссеченными до крови руками.

Стало опять тихо. Что с нашими? Бешено колотилось сердце, но я надеялась, что все обошлось. Сверху раздался плач Висхана. Боже, неужели убили кого-то? Я вылезла из оврага и оглянулась, ничего не понимая. Вот моя шифоновая косынка развевается на ветке кустарника. Я схватила ее дрожащими руками, пытаясь повязать на голову. Я все еще никого не видела и не осознавала до конца произошедшее… Но куда же делась машина и все, кто стоял вокруг нее? Где Джохар?

Вдруг я словно споткнулась. Прямо у своих ног я увидела сидящего Мусу. «Алла, посмотри, что они сделали с нашим президентом!» На его коленях… лежал Джохар. Вначале я его не узнала. Только что он стоял рядом и смеялся, глядя на меня, а теперь… Его лицо побледнело от боли. Он был уже без сознания, глаза ничего не видели, и последний вздох, казалось, слетал с его губ. Мгновенно я бросилась на колени и ощупала все его тело. Оно было целым, кровь не текла, но когда я дошла до головы… мои пальцы попали в рану с правой стороны затылка. Боже мой, с такой раной жить невозможно, боже мой… Я не отрывала взгляд от его лица. Время, казалось, остановилось. Медленно я умирала вместе с ним… Потом, спотыкаясь, я помогала Мусе нести его к уазику.

— А где все остальные? — на ходу спросила я его.

— Магомет и Хамад погибли, Ваха легко ранен, — ответил Муса. — Мы спрятали его в надежном месте. Сейчас отвезем президента, потом вернемся за ним.

— А почему сразу не забираем?

— У нас осталась всего одна машина.

Только сейчас я поняла, почему не вижу эту злополучную «Ниву». Хотя причем тут машина… Мысли вспыхивали и гасли в сознании и, ни на что не опираясь, висли в ужасающей пустоте, которая образовалась внутри меня. «А как же Ваха?» — опять спросила я. «Нам нужно спасать президента», — простонал Муса. Я посмотрела на его лицо и поняла, что он тоже не может поверить в происходящее. Подбежали Русик и Висхан. Все это время они быстро выбрасывали и переносили из горящей «Нивы» гранатометы и оружие, принесли и дипломат Джохара, с которым он никогда не расставался. Он был полураскрыт, документы в беспорядке торчали из него. «Мы их с земли подобрали», — пояснил Висхан. Так же, как и Джохар, документы были засыпаны тонким слоем земли и еще каким-то желтым порошком.

«Когда закроет мне глаза плащом земля…», — начали вдруг вертеться в голове строчки из стихотворения, написанного перед

самой войной. Боже мой, я знала, что так будет! Я даже испытала это уже во сне совсем недавно, когда наплыла на меня огромная черная волна, а потом подняла и оторвала от земли и, точно так же, сверху сыпалась на голову земля, а я стала задыхаться! Я умерла во сне, а Джохар умирает наяву. Почему он, а не я? Эта мысль не давала покоя. Мы положили Джохара на заднее сиденье, его голова лежала на коленях у Мусы. Руслан быстро сел за руль, Висхан рядом. Для меня не хватало места. «Можешь поместиться там, где заднее стекло? — спросил Муса. — Сейчас начнут бомбить, нужно срочно уезжать отсюда».

Слышался гул приближающихся бомбардировщиков. Я свернулась как могла у заднего стекла, и уазик понесся по рытвинам и колдобинам вниз в селение Гехи-Чу. Самолеты начали бомбить то место, где мы только что были, с воем проносясь над горами, но мы находились уже внизу. Въехали во двор дома Рашида, занесли Джохара и положили на диван в столовую, на то самое место, где он сидел за столом столько раз прошлой осенью. Жена Рашида заскочила на кухню и, увидев его, начала кричать. Глядя в ее голубые, совершенно бессмысленные глаза, я поняла, что она испытывает… «Сразу трое — Джохар, Магомет, Хамад» — трое самых лучших…

«Нельзя кричать, соседи услышат и придут, нельзя, чтобы они узнали». Бомбардировщики начали бомбить Гехи-Чу… Потом все куда-то исчезли, а я осталась одна с Джохаром… Изо всех сил, сжимая руки, я смотрела на его лицо, все еще не веря в то, что случилось. Слезы текли и текли по моему лицу… Черные ресницы опускали глубокие тени, Джохар лежал, выпрямившись, такой же стройный и подтянутый, как во время прогулок по родным горам. Если бы его рука было прижата к виску, можно было подумать, что он, как военный офицер, отдает честь тому Высшему, перед которым вот-вот предстанет, готов предстать… «Честь имею». О, Джохар, ты и в момент смерти верен себе! Когда есть, что отдавать, легко умирать… «Невольник чести», ты всегда был ее добровольным заложником, повелевая всеми, прислушивался только к ней, к ее тихому голосу, несшемуся с далеких хребтов родных Ичкерийских гор, голосу предков. И умер так, как умирают японские камикадзе, ничком упав вперед лицом. Только такую смерть они считают достойной.

Когда-то мы вместе в Сибири читали японскую книжку «Ветер богов». Как ты мечтал тогда в своих стихах: «И умереть, припав к родной земле, обняв родные горы…» Я вытерла смоченной в воде марлей следы черной земли с его лица…

Глава 40

Пришел Башир и сказал, что привезли Магомета, Хамада и Ваху. «Их сейчас занесут в зал через другую дверь. Никто не должен видеть Джохара и тебя в этом доме. Закрой дверь и никого не пускай». Я услышала тяжелый топот множества ног и плач женщин, несли что-то тяжелое, подуло холодом сквозь щели занавешенного окна, отделявшего зал от столовой, в которой мы находились. Вдруг, совсем рядом, через тонкую стенку застонал Ваха: «Джохар, Алла! Они живы? Где они?» Бедный, самоотверженный Ваха, оставленный нами в горах, как он уцелел после этой страшной бомбежки? Ведь самолеты пикировали прямо на ту поляну, где горела машина. А Магомет? Как ребенок, влюбленный в Джохара, не расставался с ним ни на минуту. Он сказал тогда: «Не надо мне этого прокурорства, Алла, я хочу быть просто рядом с ним». И Хамад, умница, совсем молодой. Славные у тебя товарищи, Джохар, они будут сопровождать тебя на твоем пути, вместе вам будет веселее… Их выбрал сам Всевышний, ведь в твоем вещем сне, в четверг, 18 апреля, вы уже были выше всех на крыше и вместе смотрели на землю с высоты…

В зал все заходили и заходили новые люди, слышались приглушенные разговоры, захлебываясь кровью, стонал Ваха. К нам постучали, Башир привел медсестру Розу. Эта высокая полная женщина была в полнейшей растерянности: «Почему у вас не было с собой врача?» — спросила она у меня, видимо, не совсем хорошо представляя, что значит быть Президентом в оккупированной врагом стране. Она бегло осмотрела Джохара, сразу поняла, что ее помощь уже не потребуется. «Что с Вахой?» — спросила я у нее. «Он ранен осколками в бок, я его туго перевязала. А почему он захлебывается кровью, может быть, внутреннее кровоизлияние? Это еще опаснее…» Она не знала, впрочем, как и я. Роза послала за ограствором, хотела перелить ему, но принесли старый, уже вышедший из употребления, потом попыталась что-то еще объяснить, но я поняла, что все бесполезно. «Нужно отвезти его в Урус-Мартановскую больницу. Но через блокпосты русские не пропустят». Что же делать? «Мы ждем Даяна, — объяснил мне Рашид. — Даян что-нибудь придумает».

Через полчаса приехал Даян, красивый, сильный старик, такой же, как все старики в Чечне, пользующиеся вполне заслуженными почетом и уважением. В его доме в Рошни-Чу проходили переговоры с российскими представителями. Он сразу подошел, обнял и ласково прижал мою голову к своей груди. От

всех его движений веяло уверенностью и надежностью. Потом он подошел к Джохару, расстегнул его рубашку и положил руку ему на грудь.

— Сердце не бьется, но грудь еще теплая.

— Может быть, его еще можно спасти? — встрепенулась я.

Даян отрицательно покачал головой:

— Он уже остывает, нужно перевезти вас в другой дом. Собирайся.

— А Ваха?

— Ваху отвезут в другое место, где ему помогут.

Было уже поздно, когда мы сели в приехавшую за нами грузовую машину. В темном небе не было ни одной звезды. Меня посадили в кабину рядом с шофером, Джохара завернули в ковер и положили в кузов машины. «Я хочу с ним», — попросилась я. «Не надо, тебя могут увидеть…» Раньше мы ехали бы вместе в кабине… Боже мой, неужели это все правда и я не сплю?

Мне все казалось, что я вот-вот проснусь, и все будет так, как прежде, но этот ужасный сон все длился и никак не хотел прерываться. Ехали мы не очень долго. В 12 часов ночи приехали в дом к Амхаду, другу Даяна. Меня завели в небольшой, состоящий из четырех комнат, дом. Встретил широкоплечий осанистый старик, похожий на Даяна, который сразу подошел и обнял меня: «Держись. Это огромное горе для всех нас». Джохара принесли и положили в самую маленькую дальнюю комнату, рядом Амхад поставил и зажег свечу.

Джохар лежал на белой простыне, постеленной на чистый ковер. Во всех комнатах было темно, в селе не было света. Я села возле Джохара, Амхад сел рядом. «Прошу тебя, не плачь и никому ничего не рассказывай. Если люди узнают, что случилось с Джохаром, многие захотят умереть. В отчаянии мальчишки пойдут под пули. Он был нашей единственной надеждой. Моя старуха, Лейла, не выдержит, у нее больное сердце, младшая дочка тоже не здорова. Я им сказал, что привез раненого бойца, в эти комнаты женщины не войдут, ты их увидишь на кухне под навесом. Завтра тезет у Жаниевых, пусть они думают, что ты у нас временно из-за него».

Я легла спать на кровать, с которой хорошо был виден Джохар, лежащий на ковре в комнате напротив. Я не смыкала глаз… В три часа ночи я прошла в соседнюю комнату, где лежал на диване Муса. «Мусик, я не могу так. Джохар лежит там один, давай пойдем к нему». Мы подошли и опустились на колени, потом вместе осторожно откинули простыню, закрывающее его лицо. Мусик вздрогнул: «Алла, он сейчас открыл глаза!» Я замерла, может, он живой? Прижалась к его груди, он не дышал,

сердце не билось, но глаза смотрели прямо на нас. И вдруг я поняла — он подал нам знак. «Мусик, он ждал нас! Он хочет нас видеть». Я слышала, что так бывает, когда подходят к умершему те, кого он любит и ждет. «Он нас не оставил, он все еще с нами!» Амхад успел накинуть на его опаленные волосы белую ткань, а на бледный лоб надеть зеленую ленту с арабской вязью газавата. «Я хочу, чтобы мой брат Джохар был красивым», — сказал он, уходя… Этот старик и статью, и лицом настоящий горец, «ламарой», как их называют в Чечне, тоже любил его.

С глубокой печалью я глядела на Джохара. Его лицо не было успокоившимся, казалось, он заблудился, и все еще был в пути… Как ему помочь? Он все еще не осознал, что с ним случилось. Я начала молиться, прося, умоляя Всевышнего, принять его и полюбить так, как любили его мы на этой земле. Долго я молилась, не помню слов, но все они были от чистого сердца. В шесть часов утра мы с Мусой опять подошли к Джохару и поразились произошедшей в нем перемене. Перед нами лежал семнадцатилетний юноша с удивительно прекрасным лицом, счастливая улыбка играла на его лице, казалось, он действительно увидел Всевышнего. Как он был красив! «О, мой прекрасный бедуин, с каких песков, с каких равнин летит горячий суховей…» Эти слова родились у меня в сердце и понеслись вместе с моей трепетной душой, которая, совершенно смешав эти миры, увидела вдруг горячие пески, раскаленные солнцем небо и белые одежды бедуинов. Палестина это была или Аравия, не знаю, но Он был там, среди них…

Пришел Амхад, посмотрел на Джохара, он тоже не спал и молился всю ночь. «Мои четыре сына охраняют наш дом, а боевики всю улицу, почему ты не спишь? — спросил он. — Тебе будут еще нужны силы, заставь себя уснуть, хотя бы днем». Потом он повел нас на кухню, еще раз попросив меня не показывать слез. Женщины начали обнимать меня, старая Лейла, держа за руки и тревожно заглядывая в мои глаза, страстно вопрошала: «Это не Джохар? Он не погиб?» Но после всего пережитого я ощущала себя старше их на сто лет. «Это не Он. Погибли Магомет Жаниев и Хамад Курбанов — они были его друзьями». Сразу успокоившись, меня посадили пить чай за простой деревенский стол, но какое сердечное тепло я чувствовала в их взглядах. Изо всех сил я крепилась, пила через силу и ощущала ответственность за них, сразу так доверчиво поверивших мне. Зачем погружать этих людей в ту смертельную бездну отчаянья, через которую прошла я? Снова меня отвели в дом, где лежал Джохар. Муса, сказав, что появится вечером, уехал. Старшая дочь Амхада, девушка лет двадцати пяти, ночью, крепко обняв меня, шепнула,

что знала Магомеда Хачукаева и была его невестой. Это было грустной радостью, Магомеда вся наша семья считала своим приемным сыном. Хорошо, что она рядом, Магомед и в самое трудное время не забыл помочь мне так, как помогал всегда. Наверное, сейчас они вместе. Джохар лежал все такой же, но на лице там, где я вытерла землю, проявились розовые следы. Видимо, пламя при взрыве опалило кожу, это делало его еще мужественнее. «Шрамы украшают лицо воина», — не раз говорил Джохар.

Во втором часу дня приехал вице-президент Зелимхан Яндарбиев. Тайно его провели в комнату, где находился Джохар. Зелимхан с самого начала был рядом, нередко в нашем доме на Ялтинской шли бурные дебаты и споры, рождались новые идеи. Теперь по законам Чеченской Республики вице-президент становился главой страны. Сидя у изголовья Джохара, Зелимхан долго молился, читая про себя короткие суры из Корана. Он сказал мне, что узнал о случившемся только сегодня в десять часов утра. В его штаб-квартиру в Рошни-Чу с этим известием пришли Махашев и Иса Идигов. А взрывы ракет в лесу Гехи-Чу и бомбежку накануне вечером они наблюдали и даже обсуждали необычный цвет пламени и интенсивность обстрела. Но подумали, что русские засекли передвижение бойцов исламского джамаата, которые должны были там пройти для подкрепления бамутского направления.

Трагическая весть ошеломила Зелимхана. Непосильное бремя взвалилось на него. Потерять Джохара в данной ситуации означало потерять почти все. Быть приемником Джохара в таком деле было почти невозможно. Но долг следовало исполнять. Зелимхан принял решение собрать в Гехи-Чу 23 апреля в десять часов утра Государственный Комитет Обороны, где он объявит о своем вступлении в должность, и выполнит все соответствующие процедуры.

Поздно ночью приехал Муса и рассказал последние новости. «По российскому телевидению объявили о гибели генерального прокурора Магомета Жаниева и бывшего представителя Чеченской Республики в Москве Хамада Курбанова. О гибели Президента люди не знают, а наши молчат, боясь непредсказуемых последствий. Кроме того, никто не хочет стать «черным вестником», хотя все понимают, что долго скрывать это невозможно». Я остановила его: «Мы должны исполнить последнее желание Джохара — похоронить его в горах Ялхороя во что бы то ни стало». За месяц до гибели он говорил мне об этом и в первый же день я попросила племянника Лечи Дудаева найти лошадей.

«Я знаю, — просто сказал Муса. — Но трудно сейчас найти в селе восемь лошадей. На четырех нужно везти Президента и еще четыре надо для сопровождения». На одной собиралась поехать я, хотя на лошади никогда не ездила. Но что значат физические страдания по сравнению с душевными? «Придется подниматься в горы по ночам, по бездорожью. Ты выдержишь?» — спросил Муса. «Я не знаю, но я должна это сделать…» «Мы возьмем только самых верных людей, — тихо продолжал он. — Никто не должен об этом знать. Главное, чтобы дорогу не бомбили, а то лошади испугаются и понесут, тогда их не остановишь».

И опять мы сидели на коленях возле Джохара и молились. Глядя на его лицо, я испытывала невыносимые муки. Оно было все таким же прекрасным и таким же неподвижным. Его глаза смотрели на меня теперь как будто из дальнего-дальнего мира, через голубое стекло, а мне так хотелось видеть его рядом… Мне нужны, просто необходимы были сейчас его карие искристые живые глаза, которые всегда все понимали без слов, и его веселые шуточки, на которые я так обижалась когда-то. Но больше всего на свете мне хотелось умереть, тут же, на месте и оказаться там, далеко, рядом с ним. Как я завидовала теперь Магомету и Хамаду! «Если бы Джохар не отправил меня, сейчас я была бы рядом с ним. Зачем я только отошла…» — казнила я себя в который раз. У меня не было больше сил смотреть на него лежащего неподвижно на полу. Я взмолилась Всевышнему, с просьбой показать мне Джохара, как ему там… И пусть он мне скажет, что теперь делать. Я так долго и горячо просила об этом, что на какой-то момент отключилась и… тут же увидела Джохара. Он лежал и светился в правом углу комнаты, возле окна, на потолке, и с такой нежностью и любовью, так ласково смотрел на меня, что у меня защемило сердце. Я начала жаловаться: «Лежишь тут, отдыхаешь, а мы все с ума сходим, не знаем, что делать…» Он отвечал мне всем своим существом и, самое удивительное, я его хорошо понимала, без слов. «Я заслужил этот отдых… Я хорошо потрудился… Теперь ваша очередь… — и он, легко похлопав меня по спине, шутливо подтолкнул. — Вперед!»

«Как ему там хорошо!» — очнувшись, поняла я. Тяжким трудом и самоотречением он заработал это, было бы жестоко с нашей стороны возвращать его в тот земной ад, через который он прошел. А нам нужно заслужить право оказаться там, рядом с ним. И еще… Он знает каждый наш шаг и ждет от нас решительных действий и поступков.

Утром, на третий день, Джохар снова стал другим. Он как будто суровел на глазах. Вместо семнадцатилетнего прекрасного юноши-бедуина на белом ложе возлежал бог войны, грозный

Марс со следами сражения на опаленном лице. Пальцы его левой руки были свободно опущены, указательный палец правой, как указующий перст, показывал вниз. Казалось, он приказывал продолжать газават командирам, пришедшим прощаться с ним в этот день, подтверждая единство Всевышнего.

Я сидела в соседней комнате и слышала, как приходили и уходили его боевые товарищи. Те, кто меня знал, заходили ко мне выразить соболезнование, хотя в соболезновании нуждались тогда мы все. Пришел и Шамиль Басаев, увидев Джохара, он заплакал, потом долго молился… Упал без чувств Мавлен Саламов. Верный Мавлен, который в годовщину Дня Независимости поднялся на воздушном шаре, размахивая чеченским флагом.

Все еще не было решено, где хоронить Джохара. Амхад категорически возражал против Ялхороя. «В России знают, что там находится башня и родовое кладбище Джохара. Если вас не разбомбят по дороге, то разбомбят, когда будете хоронить. Это долина — очень открытое место, вас там будет видно, как на ладони. Если вам все-таки повезет, и вы вернетесь оттуда живыми, Джохара все равно нельзя там оставлять одного без охраны, его могилу могут осквернить русские, Лучше я его под грушей у себя в саду похороню, и сам буду охранять, чем так рисковать!» Я обняла Амхада. Он говорил чистую правду, на следующее утро Ялхорой бомбили весь день.

По российскому телевидению говорили о возможной гибели уже трех человек: Магомета, Хамада и Джохара. Сказали даже про то, что там была и я (меня отбросило взрывом ракеты на расстояние 50 метров). Но все это было на следующий день. А тем вечером мы поехали на встречу с Зелимханом Яндарбиевым. 23 апреля ГКОЧРИ официально сообщил о уже было сообщено о факте гибели Джохара, на следующий день Зелимхан собирался провсти первую пресс-конференцию для иностранных журналистов.

После длительного обсуждения решили, что на пресс-конференции факт гибели первого президента придется констатировать мне, чтобы предотвратить всякую возможность возникновения слухов. Мне было нелегко принять это решение, утешало только то, что я смогу сказать все, что я думаю об этой войне. И еще я очень надеялась, что мои слова услышит весь мир.

Пресс-конференция была назначена на 24 апреля, то есть на завтра, а ночью мы должны были тайно похоронить Джохара. Одновременно еще в двух местах организовались его похороны, чтобы навести противника на ложный след, если вдруг захотят вскрыть могилу.

В два часа ночи за нами приехали две машины, одна из них была «Газель» то есть микроавтобус. В нее мы положили Джохара. В «Газель» сели я, Муса, Лечи, Ахмет и Висхан, племянник Джохара. Всего нас было девять человек, один из них молодой ополченец-мулла. Долго мы ехали через темный лес, пересекали какие-то дороги, поляны и наконец выехали к сельскому кладбищу. Над нами проносились снаряды, небо озарялось заревом далеких пожарищ. Меня с Джохаром оставили за оградой, все остальные пошли копать могилу. Я сидела, оцепеневшая от холода, усталости и неизбежности, что сейчас должно было произойти. Огромные деревья с голыми ветками стояли вокруг под обвившимися лианами омелы, как под накинутыми траурными платками. Внизу, у подножия, клубился густой туман, в нем все приобретало фантасмагорические, чудовищные очертания. Вдруг какая-то большая ночная птица, резко вскрикнув, упала с дерева в глубине леса. Я вздрогнула от ужаса. Я не спала уже третью ночь, но спать совершенно не хотелось. Так и сидела возле него, окоченевшая, до тех пор, пока где-то глубоко внутри не начали появляться цветные картины. Не знаю, откуда они появлялись, я ведь не спала, может быть, я видела то, что мне показывал Джохар?

Цветущие молодые сады, между ними уютные небольшие домики, по многочисленным тропинкам среди газонов и цветов шли к голубым прозрачным водоемам люди в белых одеждах, отдельно мужчины и отдельно женщины; их поступь была неслышной, а шествие медленным и умиротворенным. Я открыла глаза, это были грезы наяву…

Ко мне подошли и повели показать, как тщательно, строго по правилам, вырыли яму для могилы. Рядом было много таких же свежих могил. За эту войну каждое чеченское кладбище увеличилось в несколько раз. Села сокращаются, а кладбища растут. Как бы скоро не оказалась вся небольшая чеченская земля сплошным кладбищем с зелеными, звенящими под ветром, железными флажками шахидов на высоких древках. Таких же стройных, как те юноши, которые лежат под ними. Иностранные журналисты, когда приезжали снимать нашу «танцующую революцию», любовались «образцом мужской красоты», так называли они наших гвардейцев. Сколько таких «Ален Делонов» лежат тут? От президентской гвардии осталась только половина…

Медленно возвращались мы между могилами обратно. Туман чуть посерел, сейчас должны прийти за Джохаром. Но разве можно хоронить Президента без его народа, которому он на Коране поклялся в вечной верности? Да еще ночью, тайно, как

преступника? Ведь мусульмане потому и торопятся с похоронами, чтобы успеть это сделать при свете дня… Бессильные слезы начали вскипать где-то глубоко внутри меня, сейчас они выплеснутся наружу. Я не хотела оставлять его одного в этом мрачном лесу. За Джохаром пришли, молча, с поникшими головами, встали вокруг… Им было так же тяжело, как и мне. Подняли. «Сейчас мое сердце разорвется», — успела подумать я, как вдруг ослепительный свет появился откуда-то сверху, из-за моей спины. Яркие лучи переливались на деревьях, падая розовыми и сиреневыми косыми потоками, в которых мерцала каждая мельчайшая частица воздуха. Сияли ветки, сверкала алмазами росы изумрудная трава, а над нашими головами гремел хор из тысячи птичьих голосов, кажется, со всего леса. Поблескивающим, звенящим облаком зависли птицы в вышине прямо над нами, а голоса их все набирали силу, то рассыпаясь на отдельные переливчатые восторженные трели, то соединяясь вновь в едином торжествующем гимне. «Они прилетели его проводить», — успела подумать я, потрясенная сияющей красотой, которая разлилась вокруг, и вдруг поняла: «Они его встречают!!!» Провожаем мы, он уходит из нашего жестокого мира людей в этот божественный мир света и любви.

Джохара понесли прямо в сияющие лучи, а я побежала посмотреть поближе на деревья, рассеченные их розовыми и сиреневыми сверкающими косыми потоками. Неужели и рядом я увижу те же прекрасные лучи или это только оптический обман и при приближении они рассеются? Удивительно, но и при ближайшем рассмотрении верхние розовые полосы лучей резко граничили с нижними, сиреневыми. Светилась каждая частица воздуха, коры, каждая пылинка жила сама по себе. «Жизнь — везде!» — сверкнула во мне догадка, и счастье переполнило все мое существо.

Время пролетело, как один миг. Вернулись ребята. «А ты видела, как они встречали нашего Президента? — у Висхана блестели мокрые от слез ресницы, но это были слезы радости. — Мы похоронили только его тело. А Джохар шагнул от нас прямо в небо».

Сама природа, ожившая и прекрасная, распахнула ему свои объятья, его встречал сам Всевышний. Чего стоят наши мелкие человеческие земные радости и горести по сравнению с тем, что мы только что увидели. В нас словно влились новые силы…

ЧАСТЬ V

Глава 41

По окончании тезет приехали Раиса и жена Магомета Жаниева. Мы обнялись молча, без слов понимая друг друга. После Магомета осталось четверо маленьких детей-сирот. Его бледная молодая жена смотрела прямо перед собой остановившимся, скорбным взглядом. Я начала утешать ее, рассказывая про вещий сон Джохара: «Они «там» сейчас все вместе, как их души были вместе за неделю до покушения, когда во сне смотрели на нашу землю с «крыши мира»». «А я вчера во сне видела Магомета после смерти, — призналась вдруг Раиса, которая до этого относилась к таким рассказам очень недоверчиво. — Он стоял внутри огромного светящегося здания, удивленно трогал стену и говорил: «Даже стены здесь из чистого золота…» И тут вдруг вмешалась в разговор младшая дочка Амхада: «А я вчера в полной темноте услышала голос, который громко сказал: «А у Джохара и лицо, и одежда из света». Я была потрясена, потому что вспомнила, как еще в марте, за месяц до всего, что с нами пррозошло, задавала Корану три вопроса. И на вопрос, «что с нами будет?» он ответил так: «Позавидуют Вам пресвятые мученики и пророки, лица ваши будут из света и одежда из света».

На следующий день я отвечала на вопросы журналистов. Помню, что, говоря о русско-чеченской войне, я вспомнила слова Джохара, которые услышала когда-то: «Даже маленький котенок, когда его загоняют в угол, начинает царапаться и кусаться, а вы хотите, чтобы мы умирали, не защищаясь». Я официально, как свидетель, констатировала факт гибели Президента, без единой слезы, вспомнив просьбу Амхада, старую Лейлу и сотни, тысячи таких же, как она, слабых и больных стариков и женщин в Чечне. Мои слезы убили бы их последнюю надежду. Пусть они думают, что он жив… И пусть боятся те, кто с жадностью ловят каждое слово о смерти Джохара. Потому что он жив, пока живы мы, все те, кто любит его, те, которых он научил, не боясь смерти, бесстрашно любить свою свободу. Потому что смерти нет и быть не может, пока существует любовь! С каменно-холодными лицами слушали меня иностранные журналисты… Какое им было дело до нашего горя? Плакала только сидящая внизу на полу, прямо возле меня, Хазман. Наша скромная, как птичка, незаметная чеченская девушка — журналист, храбро прошедшая сквозь огонь и пепел Самашек и Первомайска. Вот она меня понимала…

А потом я прочитала свое стихотворение, которое так и не успела прочитать, когда ездила вместе с Джохаром.

Все — лепестки цветущих яблонь,
Несущих миру солнца цвет,
Прозрачный воздух утром ранним,
Нам открывают свой секрет.
Все говорит нам — мы прекрасны,
Существовали мы всегда,
На свете издавна известно,
Что торжествует доброта.
Сомненья тенью отступают,
Как страхи детские порой,
День побеждает час ночной,
И ослепительной росой
Туман в лучах зари сверкает!
Но доброта не побеждает.
Убийствам, войнам нет конца.
Путь на Голгофу освещают
Мундиры в масках без лица.
И неизвестно, чей приказ:
«Убить!» — звучит на этот раз.
Вновь кровь и грязь, ложь без конца,
Подлец рождает подлеца,
И вас уже не пустят в рай —
Опять в общественный сарай
И пайку, изгородь скоту.
А чем не скот, коль на войну
Бредете, словно на убой,
С опущенною головой!
И заметает яблонь цвет
Последний и кровавый след…

Я выразила в этом стихотворении все свое презрение к тем, кто убивал нас танками, ракетами, самолетами — всем огромным проржавевшим железным арсеналом оружия, накопленным Россией за 73 года Советской власти, к тем, кто никак не мог понять в своей тупой, звериной жестокости, что чеченский народ уничтожить невозможно! Для этого нужно перебить всех нас вместе с грудными детьми.

После пресс-конференции Мавлен Саламов, помощник Джохара, растроганно обнял меня, а Висхан, садясь за руль уазика, чтобы отвезти обратно в Гехи-Чу, сказал: «Красавчик — Алла!» Это было высшей похвалой. Так они называли раньше только Джохара, когда он, сидя за столом в своем кабинете и продолжая как ни в чем не бывало работать, с убийственной

иронией смеялся над ошеломленными корреспондентами, пригибающимися при близких разрывах авиационных бомб.

Висхан и Муса воспрянули духом, на следующий день нам нужно было снова ехать на пресс-конференцию. Ночью, ложась в большую, пустую и холодную постель, я опять пригорюнилась и собралась заплакать, как вдруг рядом, под моим окном, запела цикада. Я очень любила их слушать в нашем саду, поливая бархатистые кусты помидоров, нежно светящиеся в электрическом свете, падающем из раскрытых окон дома. Полчаса заливалась трелями цикада до тех пор, пока на сердце у меня не стало тепло. Я совершенно успокоилась и, кажется, даже начала осознавать всеобщий закон любви. Нас любят те, кого любим мы, и в самую трудную минуту они приходят на помощь. Иначе почему моя любимая цикада запела именно 24 апреля, хотя для цикад еще совсем не время, на Кавказе они появляются в июне.

Под утро, на одну только минуту, во сне я увидела Джохара. Он был очень высоко в небе, я ощущала расстояние в семь небес, и в то же время видела его совершенно отчетливо. Джохар шел вместе со стариками с длинными белыми бородами (я сразу догадалась, что это святые чеченские «ольяи») впереди огромного войска в белых одеждах. Я спросила его, о чем молила Всевышнего вся Чечня: «Когда будет наша победа?» Он ответил, что победа сначала свершается на небесах и только потом опускается на землю. «Но ваши молитвы разрозненны и до неба не доходят, нужно молиться вместе, рядом поставить воду, а потом пить ее после молитвы. Тогда ваши силы удесятерятся, вы перестанете болеть, станете одним целым — настоящими братьями — и будете непобедимы». Утром я рассказала об этом сне Амхаду, чтобы он передал всем командирам слова Джохара.

Меня попросили повторить то, что я говорила на первой пресс-конференции, приехавшие издалека журналисты. Потом я отвечала на их вопросы.

Американцы спросили, что я могу передать Президенту США Биллу Клинтону. Я вспомнила его визит в Москву в мае 1995 года, когда он заявил, что наша война ему напоминает американскую войну между Югом и Севером. Я упрекнула его в том, что он ориентируется только по частям света «север-юг», но не учитывает размеры территорий и количество населения, умирающего на этой войне. Наша война может быть сравнима скорее с вьетнамской, которая послужила уроком всему миру, но не России. Потом я вспомнила о моей книге, переданной Хиллари Клинтон, жене Президента, через ее секретаря, когда они проезжали через Киев. На книге я написала: «Сейчас, когда чеченскую землю заливают реки крови, а мужчины готовы

умереть, сражаясь, может быть, женщины помогут восстановить справедливость и мир…»

Надпись было сделана на английском, Хиллари не могла ее не прочитать… Я обвинила Хиллари Клинтон в христианском немилосердии…

Журналисты спросили, есть ли еще свидетели, которые могли бы подтвердить гибель Первого президента. За моей спиной, всем своим существом переживая мои слова, стоял Муса Идигов. «Вот, — я показала на Мусу. — На его коленях Джохар произнес свои последние слова: «Доведите дело до конца…»» Все камеры обратились на Мусу, к нему подскочили журналисты. В слепящем потоке света сверкнули слезы на его огромных черных глазах. «Убери!» — Муса закрыл лицо рукавом. Мое сердце сжалось: «Уберите камеру, господа! У нас не принято снимать плачущего мужчину».

В республике шел тезет, в разоренных селах и сожженных городах, под бомбами и артиллерийским обстрелом собирались люди и провожали первого Президента непокорной Ичкерии. Двери всех домов были открыты настежь, республика как будто потеряла своего отца. О нем сожалели все, даже те, обманутые, которые не понимали его раньше, а теперь гибли вместе с нами. Война не щадила никого… Но я видела по ночам Джохара живым, а другие не видели. Их горе и печаль были неутешными, как я ни старалась облегчить их страдания, несколько человек умерли, сердца не выдерживали траурную весть. Один из молодых ополченцев в Гехи-Чу собрал в своем доме ковры, в центре комнаты сложил все вещи и поджег — от горя он сошел с ума. Сразу четыре села были сданы на нашем Юго-Западном, фронте, те села, которые мы удерживали почти год, за каждую пядь земли было пролито столько крови! Пользуясь всеобщей растерянностью, российская армия наступала, нас прижали к горам. Ракеты теперь били сразу, как только кто-то начинал пользоваться спутниковым телефоном, видимо, хорошо пристрелялись. Россия бомбила и разрушала чеченские села, невзирая на перемирие. и Было сделано заявление, что мирные переговоры вести теперь не с кем: Президент погиб, вместо регулярной армии остались разрозненные бандформирования в горах. Дока Завгаев настаивал, что переговоры надо вести только с законной властью, во главе которой стоит он… Дока.

Посоветовавшись с Зелимханом Яндарбиевым, исполнявшим обязанности Президента, я предложила во избежание продолжения массового кровопролития воспользоваться старинным чеченским обычаем, — женщины понесут «платок мира». В крайнем случае эти переговоры стали бы для нас

передышкой. Зелимхан был согласен с моим планом, сказав только, что свои действия я должна согласовать с родственниками Джохара.

А траурные митинги не прекращались — в своем горе мы были не одиноки. Совет Европы на заседании минутой молчания почтил память Президента Джохара Дудаева. В Киеве на Крещатике огромная толпа народа скандировала: «Позор убийцам!» На весеннем ветру ивы печально качали нежно-зелеными ветками, а незнакомые люди все шли и шли, держа плакаты с портретом Джохара. Какой-то мужчина средних лет, в скромном сером костюме с гневным пылающим лицом и развевающимися на ветру волосами бросал в толпу строчки, пронизанные скорбью и болью. Стихи, посвященные Джохару. Тысячи людей плакали, не скрывая своих слез. Турция, Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Кавказ — мир скорбил вместе с нами. Именем первого Президента Джохара Дудаева назывались площади, улицы, зеленые парки. В Тарту бывший кабинет Барклая де Толли, ставший потом кабинетом Джохара, командующего Тартуской дивизией, второй раз сделали исторической достопримечательностью города. Даже в России, в пронизанной холодом Сибири, прозвучало предложение от сослуживцев и друзей Джохара назвать одну из улиц Иркутска его именем. Правительство России на это предложение ответило гробовым молчанием… Джохар и после смерти оказался в белом фраке и на белом коне, а они «по уши в дерьме» — комментарий известного киноартиста Зиновия Гердта. Народная любовь подняла Джохара так высоко, что отныне его убийцы не могли уже причинить ему никакого вреда.

А в Чечне, несмотря ни на какие договоренности, продолжали стрелять… За мной приехали родственники Джохара, чтобы отвезти через все российские блокпосты на «большой» тезет на Катаяму. Но наше правительство не разрешило мне появляться в Грозном. Они были правы, и я смирилась, хотя мне очень хотелось увидеть всех братьев и сестер Дуки, которых я не видела с начала войны. Прошло уже два года, как мы уехали из своего дома на улице Ялтинской… В Урус-Мартане прямо во дворе дома Исы Арсемикова (известного сторонника Джохара, первым павшего во время митинга оппозиции на площади Театральной) был расстрелян тезет по Джохару…. Вертолеты опустились так низко, что были хорошо видны даже лица вертолетчиков, прицельно выпускающих ракеты в безоружных женщин и детей. Так погиб младший брат Исы… Разбомбили и его дом, чтоб другим неповадно было чтить память непокорного России Президента.

С опозданием на месяц нам передали письмо для Джохара из Киргизстана. Писала та самая старая киргизская женщина, которая принимала его на площади. Она услышала в «Новостях», что был взорван наш домик в Грозном. «Теперь, мой сын, тебе негде жить. Я хочу выслать самое дорогое для меня, свою старую киргизскую юрту. Она очень теплая и легко разбирается. Пусть она согревает тебя в горах. У тебя нет сейчас чеченской матери, но не забывай, что в далекой Киргизии тебя ждет киргизская мать. Молюсь за тебя и весь чеченский народ и прошу у Аллаха, чтобы вы победили. Сообщи, по какому адресу отправить мою юрту». Как жаль, что мы не успели получить это письмо раньше. Я знаю, что Джохар очень обрадовался бы, непременно поселился в этой юрте и с гордостью показывал бы ее всем, кто к нам приходил.

Рано утром пришел Амхад со словами: «Алла! Я увидел сегодня твой сон!» И начал его рассказывать. «Обгоревшие, раненые птицы без крыльев, бежали по всей Ичкерии в Россию. Их было так много, что казалась живой земля, по которой они неслись к Москве-реке — напиться. Черные обгоревшие леса стояли вокруг Москвы, и такой же черной была вода в реке (черный цвет — печаль, траур; обгоревшие деревья — сломанные судьбы; бескрылые птицы — горе-победители, люди, которым уже не взлететь»). «Они уйдут с чеченской земли!» — обняла я за плечи старого Амхада. «Мы победим, вот увидишь!»

Я не спала уже шесть ночей и, только на минутку забывшись, тоже увидела огромное количество белых змей. «Ползем, ползем», — шептались они между собой, покидая чеченскую землю. Радостное оживление не покидало нас, наверное, сегодня была такая ночь, в которую снятся вещие сны…

Я вышла на крыльцо и увидела усыпанное розовыми цветами молодое абрикосовое дерево на противоположной стороне улицы. «Сегодня мусульманский праздник — Курбан Байрам!» — объявили по российскому телевидению, показывая большую мечеть в Татарстане. Сотни верующих в молитве преклоняли колени. Возможно, это было простым совпадением, а может быть то, чему сейчас мы не придаем значения, в будущем станет важнее всего. Я не сомневаюсь, что люди начнут понимать не только смысл жизни и смерти, но и научатся разбираться в тех знаках, которые нам посылает Всевышний. Именно поэтому я так тщательно вам их передаю…

Он вам свои знамения являет
И шлет вам с неба все для ваших нужд
Но это увещание лишь те приемлют

Кто обращается к Нему.

Коран. Перевод смыслов и комментарий В. Пороховой. Сура «Прощающий», стих 13, с. 487.

Из-за того, что я не спала по ночам, я стала похожа на сомнамбулу. Двигаясь, как тень по двору и саду, я делала по наитию такие вещи, которым сама потом удивлялась. Дочки Амхада принесли мне ослабевшего птенца, на голове у него была незаживающая ранка. Я побоялась прижечь ее йодом или зеленкой, понимая, что от боли у него будет шок. Я подошла к огромной собаке, сидевшей у конуры на привязи, и подставила ей руки. Собака начала их лизать, потом мокрыми руками я провела по головке птенчика, стараясь, чтобы слюна попала прямо в ранку и прогладила каждое его перышко, мысленно придавая ему силы своей любовью. И о чудо! Он действительно приободрился и, как будто набравшись сил, вдруг взмыл прямо с моей ладони высоко-высоко в синее небо и улетел за черную вспаханную пашню, блестевшую под лучами весеннего солнца.

На следующий день мне стало совсем плохо, я вспомнила слова молодого ополченца, которого на днях привели в дом дочки Амхада. «Он почти, как ясновидящий», — уверенно сказали девочки. «Пусть он погадает, что будет с тобой, когда ты пойдешь в Москву с «платком Мира». Первые его слова были о том, что через два дня у меня «опустится» сердце, и я заболею. Тогда я не обратила на них внимания и не поверила, что это возможно, но сейчас ощущение, что оно у меня висит на тонкой ниточке, действительно появилось. И поэтому я двигалась очень осторожно, боясь, что сердце нечаянно «оборвется». У меня ничего не болело, но слабость все увеличивалась, опухло и отекло лицо, а глаза превратились в щелки. По ночам я по-прежнему не спала, а улетала куда-то далеко-далеко, и там узнавала, казалось бы, простейшие истины, которые для меня становились откровениями. Например, о том, как спутаны истинные понятия добра и зла. Почему-то добром часто называют имущество («у него много добра»), хотя на самом деле настоящее добро — это доброта, а не приобретение материальных вещей. Само слово «говорит» «добро-то», также, как слово красота «краса-та». И еще одно указание «зло-то». То есть золото или злато… так похожее цветом на яркий свет солнца. Но люди, завороженные этим золотистым обманчивым цветом, настоящей приманкой дьявола, гибнут точно так же, как сгорают мотыльки, слетаясь на ослепительный свет лампы. И, опять подсказка, золото — один из самых тяжелых элементов, а разве не самый тяжелый груз грехов

приходится нести из-за него?

Я отчаянно тосковала, искала Джохара, по ночам моя душа рвалась с безудержной силой к нему. «Где ты?» — спрашивала я его и слышала: «Я в шорохе листьев, я в тени деревьев…» Но помнила я, к моему величайшему огорчению, только один вопрос и один ответ, хотя меня не покидало ощущение, что я с ним подолгу разговариваю каждую ночь. «Я не мертвый, я живой», уверял он. Но наступал день, и опять начиналась тоска. Однажды во сне, обняв Деги и увидев смотрящего на нас сверху Джохара, я тихо сказала ему: «Он так на тебя похож…» И вдруг в его глазах я увидела мою тоску, но увеличенную десятикратно. «Какая боль! — задохнулся Джохар. — Ты не должна быть такой… Где твои железные нервы, где стальная выдержка?!» — Я поняла одно, ему еще тяжелее, чем мне, чем всем нам. То, что чувствуем «здесь» мы, — «там» увеличивается многократно, потому что они все видят и все знают. Его слова о нервах и выдержке, конечно, польстили моему самолюбию, оказывается, он «там» обо мне такого хорошего мнения, а я тут совсем раскисла. Теперь как только я начинала тосковать, передо мной вставали его глаза, наполненные такой безудержной болью, что мне становилось стыдно, я слишком его любила, чтобы причинять ему боль…

Глава 42

А война все не кончалась… Мне давно пора было уходить, федералы вот-вот должны были войти в Гехи-Чу. В последнюю ночь меня перевезли в другой дом. С сожалением я простилась со всем гостеприимным семейством Амхада. Что с ними теперь будет? Тепло их сердец согрело меня в самые тяжелые минуты моей жизни, на таких вот простых сельских тружениках и держится чеченская земля… Не мудрствуя лукаво, они пахали землю, сеяли кукурузу, держали по несколько коров и овец и кормились сами, помогая и соседям, и всем, кто зайдет к ним в дом. Одну из своих четырех коров Амхад зарезал и отвез нашим ополченцам, которые вот-вот должны были уйти в горы.

А вечером загорелась звезда, она светила своими длинными, острыми, как ресницы лучами, прямо мне в сердце. Звезда только еще всходила на синий небосклон, она находилась совсем низко от земли, прямо напротив нашего крыльца. Мне она казалась живой. Если души становятся звездами, это была она, «его» душа.

В четверг утром из Грозного приехала Зина Басаева, всю ночь я рассказывала ей обо всем, что случилось со мной за последние два года войны. Но сначала попросила ее помочь приготовить большую кастрюлю жижик-галныша и отнести нашим ребятам, оборонявшим это село… Среди них было много знакомых и родственников. Когда им еще доведется его попробовать? Завтра они уходили в горы. Зина и Зарган отнесли «сахъ» ополченцам с приветом от меня. Она привезла много новостей и привет от Лени, русского, который несколько лет жил в доме у племянника Джохара Адама и стал почти членом его семьи. Сейчас он принял мусульманство и взял себе новое имя — Лом-Али. Узнав, что я еще не уехала из села, Лом-Али просил поторопиться.

В пятницу рано утром, с трудом отыскав Висхана (он упорно не хотел уезжать), мы с Мусой и Мовсудом отправились в дорогу через Бамут. Выехали мы на грузовике, лес бомбили, поэтому приходилось часто останавливаться. В глубоких, заросших травой колеях стояла прозрачная вода, над нашими головами за высокими кронами деревьев весеннее небо утюжили бомбардировщики. Совсем рядом, справа, шел бой, не прекращалась частая перестрелка, прерываемая изредка глухими разрывами бомб. «Бессмертная крепость» Бамут не сдавалась.

Наша машина, раскачиваясь и буксуя, то застревая в жидкой грязи, то прячась под деревьями от самолетов, медленно продвигалась рядом с линией огня. Мы устали ее вытаскивать и, наконец, она наглухо застряла в огромной черной луже, прямо

посередине глухой лесной просеки. На помощь пришли наши ополченцы, среди которых я еще издалека увидела знакомые лица. С радостью мы обнялись. «Сейчас я эту вашу машину мигом вытащу!» — с уверенностью взяв руль, заявил Мурат Сардалов. «Не выходи»- предупредил он меня, когда я хотела выпрыгнуть из кабины. Остальные покинули кузов. Яростно взревел мотор. Машина, несколько раз дернувшись, вдруг быстро освободилась и лихо понеслась с такой огромной скоростью вперед, что налетела прямо на растущее на дороге раскидистое большое дерево. Кабина ударилась стеклом о его толстый ствол, как раз с той стороны, где сидела я. Резко покачнувшись, я ударилась лбом о стекло так же, как оно о дерево. Стекло треснуло, что-то зажурчало, машина задымилась, но, странно, мой лоб остался целым! «Бензобак потек», — услышала я голоса тех, кто с беспокойством наблюдал за нашими действиями. Испугавшись, что от искры взорвется еще и бак, я спрыгнула на землю.

Дальше мы шли уже пешком, целый день по зеленой траве, стрелами пробивающейся из земли среди опавших прошлогодних листьев. На берегу небольшого ручья с солнечными берегами, заросшими сплошным ковром цветущей белой черемши, сделали привал. Как дурманил нас ее душистый запах! Хотелось лечь в ее мягкую поросль и уже не вставать. Белые венчики цветов черемши качались раскрытыми зонтиками перед нашими глазами; то там, то здесь перелетали с цветка на цветок большие бархатные шмели. Жизнь, цветущая и прекрасная, продолжалась вне зависимости от войны, от смерти, собирающей свою жатву совсем рядом, за соседним лесом. Мы разломали свежий хлеб и, немного посолив его, съели вместе с сочными зелеными стеблями хрустящей черемши, запив прозрачной холодной водой из ключа. И пошли дальше по лесистым горам, покатыми волнами поднимавшими и опускавшими нас в зеленом беспредельном море. Как ты безбрежен, Бамут, и красив! Мы полюбили тебя пока шли через посты, встречающие и провожающие нас.

Под утро в синеющей мгле, вошли в село. Встретил нас Руслан Хайхороев — легендарный защитник и командир Бамута. Он оказался невысоким, широкоплечим мужчиной с широкой грудью. Вот эти богатырские плечи и грудь принимали на себя два тяжелых военных года нескончаемую артиллерийскую канонаду, разрывы сотен тяжелых авиационных глубинных бомб, повторяющиеся атаки безуспешно штурмующих, превосходящих в десятки, сотни, тысячи раз по численности войсковые части федералов. С непередаваемым глубоким, смешанным чувством грусти и восхищения я смотрела на него и вспоминала те дни, когда мы жили в Орехово…

Каждый вечер ровно в восемь часов начиналась неумолкающая всю ночь канонада. Мы засыпали и просыпались под ее грохот, который страшно было слышать даже со стороны. А каково приходилось им? Обняв меня, Руслан улыбался, когда я рассказывала, как мы молились за них… «Как вы выстояли?» — «И выстоим», — уверенно заявил Руслан. «Если тебе скажут, что Бамут взят, — не верь, плюнь тому человеку в лицо! Бамут не сдастся никогда! Джохар не зря назвал нас «Бессмертной крепостью». У меня две жены и три сына, — продолжал Руслан — Хочу еще сыновей. Когда меня не станет, они будут защищать Бамут. Он будет стоять вечно!» Его могучая сила и природная мощь поразили меня. Он сам казался плотью Бамута, одним из самых сильных и могучих деревьев — дубом, корнями держащим родную землю и не уступающим ни единой ее пяди!

На машинах нас отвезли в село в дом к сестре Джохара Базу. Как и все, она верила и не верила в гибель Джохара, и я не стала ее разубеждать. Но, кажется, больше всего ее убедила в его смерти моя скромная сельская одежда и особенно простые тапочки на ногах, которые я специально надела, чтобы легче было идти по горам. С сожалением она посмотрела на них и тяжело вздохнула. Мы ушли спать, но через полчаса, ровно в шесть часов, высоко в небе загудели самолеты. Казалось, они шли рядом, их было очень много. Куда же они летят? Послышались тяжелые глухие удары где-то далеко от нас. Проснувшись поздно утром, мы узнали, что разбомбили базу в горах, ту самую, где было так много наших знакомых, друзей и родственников. Позже мы узнали, что там погибли Лом-Али (русский Леня), Бислан, брат нашего Висхана, и еще двое ополченцев. Жижик-галныш, который вчера отнесли им, оказался последним в их жизни…

Дорога через Бамут, по которой мы только что прошли, была тоже разбита. Весь день мы еле передвигали ноги, с непривычки они стали, как столбы, и еще долго болели. Ночью, с выключенными фарами, то и дело рискуя свалиться, через горы, мы пересекли границу с Ингушетией и, наконец, оказались в ее столице городе Назрань. Нам очень повезло, что мы не нарвались на ингушских милиционеров, которые, оказывается, на соседней улице останавливали все проезжающие машины, проверяли документы. С утра мы начали искать квартиру, в которой можно было бы временно остановиться. Чтобы меня не узнали, я низко надвинула на лоб косынку, закрывая светлые волосы. Беженцев в городе было так много, что найти жилье оказалось очень трудным делом. Наконец поздно вечером нам сдали совершенно пустую, без всяких удобств квартиру, только с коврами на полу и телевизором в одной комнате. Но мы были рады и такому

пристанищу. В ожидании начала будущего путешествия с «платком Мира» в Москву, здесь я и начала, держа на коленях тетрадь, писать свою книгу, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, одолевавших меня.

Вскоре мы встретились, в первый раз после ранения, с Вахой Ибрагимовым, которого спасло от смерти только чудо, а, вернее, его несокрушимое сельское здоровье. Из Гехи-Чу его отвезли в Шалажи, уже почти не дышащего, чтобы «похоронить» родственникам. Но молодая девчонка-медсестра, рискнула попробовать его спасти, перелив кровь. Я вспомнила свой сон про старуху-смерть в лесу, которой было приготовлено четыре кожаных мешка. Вот почему три души улетело по ветру, а одна не успела. Ваха остался жив! Раньше красивый и полный сил, теперь он напоминал обгоревшего орла. Его густые, волнистые волосы опалились, один глаз запал и был полуприкрыт, слышал он тоже плохо. Увидев меня, Ваха заволновался: «Где Джохар?» «Неужели он все еще не знает, что Джохара нет с нами?» «Никто из нас не смог сказать ему всей горькой правды», — тихо сказала Мовлихан. Ваха пролежал без сознания в больнице именно те дни, когда по всем каналам телевидения только и говорили об этом… Я обняла его и, прижав опаленную голову к своей груди, тихо сказала: «Ваха, он погиб…» Ваха заплакал, как большой ребенок, не скрывая своих слез, но потом вдруг заговорил о том, что совершенно отчетливо слышал голос Джохара, сразу после взрыва, поэтому и был уверен в том, что он остался жив.

— Что он сказал? — спросила я.

— Я должен на время уйти, но потом я вернусь.

— Этого не может быть! Я ничего не слышала, кроме громкого плача Висхана. А как ты мог вообще что-либо слышать после взрыва, если был уже тяжело ранен и находился без сознания? — я была поражена.

— Нет, я слышал совершенно отчетливо его голос, звучащий в полной темноте!

— Но ведь было светло, только шесть часов вечера и солнце еще не село… Видимо, ты поэтому его и слышал, что был без сознания, вернее, слышала его твоя душа, вышедшая из тела, она только и могла услышать то, что не могли услышать мы…

Слова Вахи возродили у меня надежду. Разве раньше не убеждалась я многократно, как помогают души умерших тем, кого они любят?

Из Чечни приехали Зарган и Зина, они хотели сопровождать меня в Москву. Времени прошло уже много, но Вагап Тутаков, представитель Чеченской республики, который должен был обеспечить безопасный проезд, так и не появился. Позже мы

узнали, что он арестован в Москве. В милиции ему подложили гранату без запала, так же примитивно, как подкладывали другим пули или наркотики. Наученные горьким опытом, чеченцы перед выездом в Москву наглухо зашивали карманы. Ехать нам было не с кем. Ну, что ж, поедем одни — решили мы, но наши мужчины решительно возражали: «Они уничтожат вас на дороге к Москве». Слишком многим нужна война. Эти стервятники живут ее кровью. Против будет «вся партия войны»».

Глава 43

Мы решили вместе переправиться в Турцию и уже оттуда, с нейтральной территории, сделать соответствующее заявление. На следующий день на двух машинах мы уже ехали в столицу Кабардино-Балкарии город Нальчик. По обочинам дороги мелькали цветущие яблоневые сады, небольшие домики, зеленые луга. Отцветала дикая алыча, ее белые нежные лепестки, смешавшись с дорожной пылью, серо-белой метелью разлетались под колесами нашей машины. Красные маки, как капли горячей крови, пролитой на горных лугах, проносились мимо окон нашей машины, напоминая о тех, кого мы оставили в Чечне. Высокие горы, покрытые густым зеленым лесом, наконец, приблизились, засветилась белоснежная вершина Эльбруса, и мы приехали в курортный, благоухающий горной свежестью город Нальчик.

Нас встречал давний друг Джохара Джамал («Джамик» — ласково называл его Джохар). В ожидании очередного рейса на Стамбул гостеприимный Джамал вместе с другом повез нас посмотреть знаменитые водопады в горах. Но еще больше мне понравилась долина в огромном ущелье, куда на следующий день привез нас Джамал. Он очень хотел показать место, где когда-то жили его предки.

Воздух в долине был голубым. Огромные горы по сторонам ущелья хранили в своих фиолетовых впадинах развалины разрушенных башен и сожженных Россией восемнадцати сел. Странно было сидеть на блестящей молодой травке возле полуразрушенной мельницы и смотреть на черные пятна восемнадцати пожарищ, которые не смогло уничтожить время, сохранив, словно в назидании потомкам, следы варварства человека в этом зеленом, чудесном раю. Тихо журчал свою песню серебряный ручей, переливаясь под ярким весенним солнцем. Белели сломанные старые жернова. Ниже по склону полого спускался одичавший яблоневый сад с сучковатыми цветущими ветками. Людей не было, тишина и пустота. Не видно играющих детей, гарцующих на конях молодцов, неторопливых стариков. Никто не гнал коров на закате солнца. Какая неземная волшебная красота вокруг и какая грусть!

Друзья и родственники Джамала с утра зарезали для нас барашка, приготовив его по-балкарски, и шашлык с заключительным гаданием по бараньей лопатке. Это был настоящий ритуал, родившийся в горах, то, что еще сохранило время.

На следующий день мы должны были улетать. Муса Идигов

надел свой, прибереженный для торжественных случаев, черный костюм с белой рубашкой, который он всегда надевал перед поездками за границу с Джокером и настоятельно порекомендовал мне одеться так же: «В Стамбуле, в аэропорту нас будут встречать журналисты, начнут брать у тебя интервью, нужно и одеться соответствующе». «А если меня узнают?» «Здесь нам ничто не угрожает! — объяснил Муса. — Можешь быть спокойна». Я оделась просто, так, чтобы не привлекать к себе внимания. Но как только мы подъехали к аэропорту и в ожидании нашего рейса начали прогуливаться по дорожкам небольшого парка, стало понятно, что меня сразу узнали. Мужчины, сидящие на скамейках, мимо которых мы проходили, даже привставали, по чеченским обычаям отдавая дань уважения, стараясь делать это незаметно для окружающих, но заметно для меня.

В аэропорту Ваху Ибрагимова, Мусу и Висхана на досмотре пропустили первыми, потому что у них не было вещей, а мы с Зухрой отстали. И, тем не менее, все было бы нормально, если бы при проверке документов со мной был мой настоящий паспорт. Всех пропустили в другой зал, а меня попросили подождать, пока еще раз проверят документы. Зухру тоже оставили из-за досмотра кассет, на это ушла уйма времени. От наших ребят нас отделял только барьер. Мусик, устав ждать, сел в своем черном костюме на корточки, прислонившись к стене, и, глядя на нас с Зухрой большими печальными глазами, всем своим видом показывал, как ему без нас плохо. Висхан, улыбаясь, подошел к разделяющему барьеру и, как всегда, начал шутить, показывая, как легко можно его перепрыгнуть. Мы все были уверены, что это лишь временная задержка, хотя она почему-то подозрительно долго затягивалась. Неожиданно меня попросили пройти на беседу в отдельный кабинет. Там уже ожидали двое офицеров:

— Мы знаем, кто вы, бесполезно отказываться. У вас фальшивые паспорта, мы обязаны вас задержать.

— Ну, что ж, закон есть закон — ответила я.

— Мы знаем, кто вас сопровождает, их видно невооруженным взглядом. Есть ли у них оружие?

«Вот это вопрос серьезный, видимо, они собираются их задержать, но боятся только вооруженного сопротивления…»

Пока я думала, что ответить, они задали очередной вопрос:

— Могут ли они совершить терракт, если мы их арестуем?

«Если сейчас задержат наших мужчин, их ждет тюрьма или фильтрационный лагерь, пытки и смерть…»

— Я могу дать полную гарантию, что терракта не будет, если вы их доставите в Стамбул.

Все-таки они очень боялись возможности терракта. Под

усиленным конвоем все пассажиры были сопровождены к самолету, через какое-то время военные дали приказ отправлять самолет. Но Мусик в самый последний момент вышел из него, чтобы разделить мою судьбу… Все это время он очень переживал, что не смог уберечь Джохара, и когда увидел клонящиеся к земле красные маки он тихо сказал: «Я не закрыл Джохара от гибели своим телом, но если что-то еще случится, я умру вместе с тобой». Он сдержал свое слово, принеся себя в жертву.

В тот же день, когда самолет приземлился в Стамбуле, Ваха Ибрагимов сделал заявление в прессу о нашем незаконном задержании в аэропорту города Нальчика. К его заявлению тут же подключился с протестом Зелимхан Яндарбиев, а Шамиль Басаев многозначительно пообещал российскому правительству «прийти в Нальчик из Чечни», если нас немедленно не освободят. В Кабардино-Балкарии могли начаться волнения. Россией был нарушен закон кавказского гостеприимства, кроме того, по обычаям, на женщин и детей не распространялся даже закон кровной мести.

Тайно меня срочно посадили на самолет и под усиленной охраной привезли в небольшой курортный городок, похожий на Кисловодск. Мусу оставили в Нальчике. Маленький замок, куда меня поместили, со всех сторон был окружен каменной стеной, позади замка она плавно переходила в высокую зеленую гору. Его охраняло такое количество охранников с мобильными телефонами в руках, что я поняла: они верили, что Шамиль может прийти куда угодно! За два дня, которые я там провела, я познакомилась с обслуживающими местным персоналом, охранниками — все они были кавказцами и очень сожалели о гибели Джохара. Несколько раз приезжали офицеры ФСК, их интересовал только факт гибели Джохара. Ничего нового к тому, что уже было заявлено на пресс-конференции иностранным журналистам, я добавить не могла. Больше всего я переживала за Мусу и просила, чтобы нас с ним не разлучали. Мне пообещали отвезти его в Москву вместе со мной, а не в фильтрационный лагерь. Передали личный приказ Ельцина о моем освобождении, а Мусу в обещали обменять на кого-нибудь из российских военнопленных.

На следующий день нас с Мусой привезли в Москву. Его посадили в тюрьму на Лубянке, это было гораздо лучше фильтрационного лагеря, откуда он мог выйти только калекой или вообще исчезнуть без следа. Я собиралась выступить в Москве в телевизионной передаче «Взгляд», рассказать о «партии войны», о людях, по чьей вине мы так долго убиваем друг друга. Всем нам нужен был мир…

Я поделилась планами будущих выступлений с сопровождающими меня военными. Им тоже надоела война. Один из них, понизив голос, посоветовал мне перед выступлением обязательно запастись диктофоном. Я не поняла тогда тайного смысла его слов, которые подтвердились потом самым неожиданным образом. Они привезли меня в город Ивантеевку. У заросшей малиной калитки нашего старого дома встречал отец, он обнял меня и заплакал. Отец очень постарел за эти два года, сколько ночей не спал из-за нас. А у меня после всего, что я пережила, как будто окаменело сердце. До сих пор я до конца не могла поверить в произошедшее, иногда мне казалось, что все это кошмарный сон… вместе с нашей войной.

Я прошлась по запущенному саду. Вот старый орех — «дерево Джохара». Когда мы приехали к отцу из Сибири в очередной отпуск, он сажал молодые деревья, и каждый из нас выбрал себе по саженцу. Мне тогда больше всех понравился маленький кустик жасмина… Вот терраса с настенным акварельным панно, на котором я нарисовала Джохара, лихо скачущем на коне. Вечером пришли ивантеевские родственники, «посмотреть» на меня и послушать. Накрыли на стол, но… Какими пустыми и ничтожными казались мне их вполне естественные, повседневные заботы по сравнению с тем, что происходило в Ичкерии, в которой больше жизни я любила сейчас всех оставленных мною людей, до последнего голодного сельского мальчишки, собирающего под бомбами в лесу черемшу. Я как будто выпала из другого измерения, в котором, в вихре опережающих событий, молниеносно проносилась жизнь, и сама смерть производила тщательный отбор людей на прочность, словно Евангелиевских «зерен и плевел».

Включили программу «Время»: «Чеченские боевики сдали одиннадцать сел, в том числе Бамут…» — радостно вещал рыжеволосый диктор. И тут я вспомнила слова бамутского богатыря Руслана Хайхороева: «Если скажут, что сдали Бамут, не верь, плюнь тому человеку в лицо. Бессмертный Бамут будет стоять насмерть!» На следующий день я повторила его слова приехавшим к нам в дом журналистам, которые сначала мне не поверили, но через несколько дней моя информация подтвердилась. Через старого знакомого журналиста Ильяса Богатырева я договорилась о моем будущем выступлении в телевизионной передаче «Взгляд». Весь следующий день у нас с отцом ушел на поиски мастерской по изготовлению гранитных и мраморных памятников. Я давно хотела поставить на могилу маме небольшой мраморный камень или плиту с ее фотографией. Наконец, нашли как раз то, что нужно, придумали вместе с отцом

надпись и заказали. Памятник будет готов через неделю.

На следующее утро, в 12 часов, совершенно неожиданно приехала Липхан Базаева. С ней мы встретились во время бомбежки в селе Гехи-Чу, ровно за неделю до последнего покушения, и я вспомнила поразившие меня строчки:

Я срываю вереск, шелестит трава,
В этом мире мы не встретимся больше,
Ты должна понять, но встречу я буду ждать…

Мы обнялись, как сестры… Липхан очень торопилась: «Ровно в час надо быть в центре Москвы. Приехали женщины с Кубани подхватить «платок Мира», там будут представители от других организаций, и все ждут только тебя». «А откуда они узнали, где я живу?» — удивилась на мгновение я, но Липхан сказала: «Твой адрес дали в ФСК».

В одну минуту я собралась, и мы быстро поехали вместе с Липхан на черном микроавтобусе, который ждал нас у калитки дома. Через час мы уже подъезжали к огромному зданию в центре Москвы. Поднялись по высокой лестнице и вошли в большой зал, где за небольшими столиками сидели преимущественно молодые женщины. Нас провели и усадили за такой же столик, где уже сидели два чеченца — Дик Михайлович Альтамиров и незнакомый мне молодой парень. В президиуме поднялась высокая красивая полная женщина, Наталия Нарычева, и начала говорить. Как я узнала позже, она была спонсором и организатором всей предстоящей церемонии, рядом стояла юная девушка, потерявшая жениха на русско-чеченской войне. Не успев выйти замуж, она стала уже вдовой. Ее тонкое нежное лицо с большими серыми глазами, полными еле сдерживаемых непролитых слез, тронуло мое сердце. Сколько таких юных вдов сейчас плачет по всей Ичкерии и России? Сколько седых, уставших ждать, матерей больше никогда не увидят своих сыновей.

Вышла кубанская казачка с белым головным платком в руках и после небольшой вступительной речи передала платок мне с заверениями в самой искренней будущей дружбе между чеченским и кубанским народами. Все шло очень хорошо. С приветственным словом следующей выступала я. Главная цель — остановить затянувшуюся кровопролитную войну в Ичкерии, назвать имена ее виновников, раскрыть грязные методы и ложь «партии войны».

Меня окружили журналисты, направили софиты и объективы кинокамер. «Что вы думаете о предстоящих выборах российского

Президента?» И тут вместо тщательно продуманной речи я произнесла фразу, которая вдруг пришла мне в голову откуда-то изнутри (с правой стороны зала этого огромного здания из бетона и стекла?) причем, она была совершенно неожиданной. «Как ни странно, я начну свою речь с защиты Президента Бориса Николаевича Ельцина — ему, кроме позора, эта война ничего не принесла». Потом я говорила о «партии войны» и еще долго выступала, читая свои стихи.

Наши выступления закончились, всем присутствующим предложили угощение, которое стояло на накрытых столах. Я хотела поговорить с Липхан Базаевой, но ко мне подошел один из ранее сопровождавших меня офицеров ФСК и предложил немедленно с ним уехать. Я ответила: «Меня отвезут те, кто сюда привез». Он стоял на своем, был очень взволнован и сказал поразившие меня слова: «Не забывайте, что Муса находится у нас в тюрьме, и с ним всякое может случиться!» Машина ФСК сопровождала наш автобус весь обратный путь. Беспрестанно оглядываясь на их машину и прижимая губы к моему уху, Липхан прошептала: «Наши это не поймут». Я не поняла, о чем она говорит, и сказала, что нужно немедленно обменять Мусика на военнопленных, видимо, в тюрьме его пытают. Иначе зачем офицер ФСК мне это сказал?

На следующий день по всем телевизионным программам гремело: «Алла Дудаева, вдова первого Президента так называемой независимой Ичкерии, голосует за Ельцина». На весь экран показывали мое лицо, звучала злополучная фраза: «Как ни странно, я начну свою речь с защиты Президента Бориса Николаевича Ельцина». Я вспомнила, как мы поссорились с Джокером незадолго до его гибели, когда точно так же вырвали одну шутливую фразу из всей его длинной речи: «А что и на Европу пойдете?» — «И на Европу пойдем!» Ничего больше из моего выступления не показали. О «платке Мира и «партии войны» — ни слова! Из меня просто сделали предвыборную сенсацию президенту Ельцину! Как жаль, что я не прислушалась к совету и не запаслась заранее диктофоном.

Приехал курирующий меня военный из уголовного розыска. В ответ на мое возмущение и протесты он объяснил: «Ваше опровержение просто не пропустят, это бесполезно». Привезла кассету с мои выступлением очень расстроенная Наталия Нарычева, организатор движения «платок Мира». Ее точно так же «кинули», как и меня.

Как я могла на самом деле относиться к Президенту России? Все мы возлагали на него в свое время светлые надежды, считая его даже большим демократом, чем бывший президент СССР

Михаил Сергеевич Горбачев, особенно после кровопролития в Тбилиси и в Вильнюсе. На этой вере народа он и пришел к власти. Но кто заставил Ельцина обмануть народ, забыть все свои обещания и «сдать» демократию? В конце своего правления он стал уже полностью сломленным, спившимся человеком. Может быть, это давление на него оказывали те тайные силы, которые помогли ему прийти к власти и «освободили» Горбачева? Ельцин был жалок и смешон, и поэтому не вызывал у меня ненависти. Во второй раз россияне, конечно, его не изберут. Всеми силами души я ненавидела тех, кто предал чеченский и российский народ и обрек их на страшную участь убивать друг друга, тех, кто зарабатывал на этой крови деньги, сам отсиживаясь в тени.

Перед поездкой меня отвел в сторону Иса Идигов, председатель чеченского парламента, и сказал, что, возможно, у него состоятся переговоры о мире с председателем парламента России. Встреча была назначена на следующий месяц, в Татарстане, а еще через месяц — в Башкортостане. Иса свято верил в положительность результатов будущих парламентских переговоров. Но вопросы войны и мира решал Президент, что и стало главным козырем в его предвыборной кампании, так страстно российский народ желал окончания войны… И мне вспомнились давние телевизионные кадры в забытой Богом и людьми сибирской деревеньке. Приехавший из Москвы журналист спрашивал сидящую на скамеечке у покосившегося забора ветхую старушонку:

— Как живете, бабушка?

— Спасибо, потихоньку, сынок, на хлебушек хватает.

— А что бы вы хотели передать нашему правительству, может, хотите, чтобы увеличили пенсию?

Старушка подняла залучившееся морщинками доброе лицо:

— Ничего, потерпим. Лишь бы не было войны!

Даже в такой малости ей было отказано. Забирают сейчас из глухих, заброшенных деревенек выращенных с таким трудом самых бесхитростных и безотказных работяг и гонят их умирать.

Слова офицера ФСК про Мусу: «С ним всякое может случиться», — все еще звучали у меня в ушах… Ну, что же, подумаешь, реклама! Меня слишком хорошо знали в Чечне, чтобы поверить в такое. Главное сейчас — спасти Мусика и остановить войну. Я договорилась о его обмене, причем в начале они просили за него десять офицеров ФСК, пропавших в Чечне. Но у нас в плену был только один. Я написала письмо Зелимхану Яндарбиеву с просьбой «срочно обменять Мусу на десять офицеров, если таковых не имеется, в крайнем случае, на одного». Наше правительство приложило все усилия, чтобы как

можно быстрее произвести обмен. Позднее Муса рассказал, что кто-то из военных в Нальчике успел его предупредить, чтобы он даже не думал ни о чем секретном. «Вспоминай лучше детство, юность, любовь, — посоветовал неизвестный друг. — В соседней комнате «адская» машина считывает все твои мысли». Мусу поменяли на пленного священника, «отца» Сергия, офицера ФСБ.

Каждый день я старалась рассказать о том, что происходит в Ичкерии, нередко давая по три-четыре интервью в день. Эфэсбэшники, сидящие в машине на углу нашей улицы, совсем запутались в приезжающих и отъезжающих от нашего дома журналистах. Потом я выступила во «Взгляде» без опровержения «рекламного» заявления (Муса еще сидел в тюрьме). Мои слова: «Делу мира мешает «партия войны»», — впервые прозвучали с экрана и вызвали удивленные улыбки и реплики окружающих. Я попыталась объяснить: «Нельзя верить всему, что выливается на вас с экранов российского телевидения, где одна информация опровергает другую. Например, совсем недавно заявили, что Шамиль Басаев против переговоров о мире, но почему, в таком случае, в том же заявлении его родной младший брат Ширвани Басаев включен в члены комиссии, ведущей эти переговоры! Младший брат никогда без ведома старшего не принял бы участия в таком важном деле. И еще, обратите внимание, как только дело заходит о мире, сразу всплывает избитая фраза о том, что полевые чеченские командиры «никому не подчиняются» и «не захотят остановиться». Можно подумать, им так понравилось воевать и умирать! Где логика? Любой здравомыслящий человек способен разобраться в этой лжи, зачем принимать всех нас за круглых дураков?» «А что вы скажете по поводу недавнего взрыва бронетранспортера?» — спросил меня Александр Любимов, известный ведущий этой программы. Днем раньше на одной из главных улиц Грозного был взорван российский бронетранспортер. Погибло восемь военнослужащих. Кадры со свисающими с бронетранспортера, залитыми кровью телами, назидательно, крупным планом, демонстрировались всему миру с соответствующими комментариями: «Вот как чеченцы отвечают на предложенное гуманным российским правительством перемирие. Россия просто вынуждена продолжать войну!»

— Если «партия войны» преспокойно отправляет на смерть десятки и сотни тысяч людей, то что значат для нее какие-то восемь человек? Потом все окупится — ответила я.

— Как, своих?! — прозвучало, как вздох.

Что я могла сказать в ответ на негодующие возгласы собравшейся публики? Рассказать им, как российские вертолеты

бьют ракетами по своим танкам, поворачивающим назад, как их мальчишек поднимают в бой автоматными очередями контрактники, как их избивают и насилуют, какие дикие законы царят в российской, голодной и обворованной генералами, армии? Когда правда такая страшная, она кажется неправдоподобной… Многие из присутствующих все еще пребывают или хотят пребывать в уверенности: «Что не делается российским правительством — делается на благо народа».

А в действительности человеческая жизнь в России никогда не стоила и гроша! Последние мои слова снова были о «партии войны»: «Кстати, одним из самых заинтересованных членов «партии войны» является глава временного правительства Завгаев». Вконец проворовавшийся Доку Завгаев тогда еще был «в чести» и приглашал приехать Бориса Ельцина в Чеченскую республику с предвыборной кампанией и «полюбоваться» на национальные чеченские пляски и песни. Но грозный Шамиль Басаев предупреждал, что «не ручается за безопасность российского Президента!»

27 мая в Кремле проходили переговоры между руководством ЧРИ и России в рамках объявленной встречи Президентов ЧРИ Зелимхана Яндарбиева и России Бориса Ельцина в полном соответствии с требованиями Протокола о международной встрече в верхах. Почву для этой встречи в момент своей гибели готовил Джохар. Завгаеву это было, как «нож к горлу». Его «временное правительство» доживало последние дни. Бислан Гантемиров был к тому времени арестован за воровство, Руслан Лабазанов — убит, Доку Гапурович Завгаев метался, не зная, что предпринять. Дискуссия «ехать или нет» сейчас Президенту России в Чечню вызвала всеобщее оживление. Даже военные вступили в нее, утверждая, что «при современном вооружении Президента России могут уничтожить ракетным ударом даже за 20 километров». Было совершенно непонятно, на какое «современное» вооружение они намекали. Может, на российское? Для Чеченской республики убийство российского Президента, впервые официально начавшего мирные переговоры с ее законным правительством, было крайне нежелательно.

Я передала Ельцину через курирующего меня военного текст примерно такого содержания:

«Борис Николаевич!

Начав мирные переговоры с Чеченской республикой, Вы попали под нашу защиту. Вашим врагом сейчас являемся не мы, а «партия войны». Один из ее членов — Доку Завгаев, упорно приглашающий Вас посетить республику, сам, как узник, сидит в Грозненском аэропорту «Северный», боясь кровной мести

собственного народа. Почему он так настаивает на Вашем приезде? Наши переговоры, по сути, являются крахом его политической карьеры. Уничтожив Вас, он поможет прийти к власти партии коммунистов на предстоящих выборах и прервет наши переговоры в самом их начале. Недавнее заявление военных, боевые действия которых до сих пор продолжаются, не взирая на начало мирных переговоров, свидетельство того, каким способом «партия войны» готовится совершить Ваше убийство. Виноватым, как всегда, окажется чеченский народ. Давайте остановимся и прекратим уничтожать друг друга. Мир всегда лучше войны!»

Ельцин растерялся, бывшие друзья стали врагами, а враги пытаются спасти ему жизнь. На другой день, 28 мая, чеченскую делегацию для ведения мирных переговоров оставили в одной из подмосковных резиденций Кремля, как заложников, пока Ельцин на два часа летал в Чечню. Говорят, он ни на шаг не отходил от Завгаева…

В начале переговоров Зелимхан Яндарбиев заставил Президента России сесть за стол и беседовать «на равных». Завгаев был удален, как ему и следовало по рангу.

Мовсуд приехал утром. За две недели до выборов президента России Москва кишела всевозможными патрулями и милицией. В десять утра сопровождающие лица должна были отвезти меня для допроса в генеральную прокуратуру Москвы, на Петровку, 38, откуда предварительно пришла повестка. На допросе у следователя главные вопросы: где, когда получила, кто выдал фальшивый паспорт. Мне его передали еще в самом начале войны, кто и как этим вопросом занимался, я, естественно, не знала… Мовсуд настаивал, чтобы мы вместе немедленно уехали из Москвы, боясь очередной провокации во время выборов Президента. «Ты знаешь, на улицах Грозного развесят плакаты с твоим лицом и призывом: «Голосуйте за Ельцина!» Тебе они просто принесут избирательную урну, смонтируют кадры, а потом скажут, что ты действительно за него проголосовала! Таких, как ты, они сначала стараются завербовать, если не удается — дискредитировать, если и это не получается, — уничтожают. Первое у них не получилось, второе они уже попытались сделать, осталось только третье». Позднее я узнала, что как раз через два дня работники ФСК действительно собирались меня перевезти в санаторий «для отдыха», считая, что меня чрезмерно утомили многочисленные встречи.

Глава 44

Мовсуд заехал за мной к отцу. По дороге он позвонил нашей хорошей знакомой, журналисту из Финляндии, Хелене, она в то время работала в Москве. Они, кратко переговорив, договорились о встрече. В условленном месте Хелена встретила нас и провела в свою квартиру, где мы проговорили с ней почти до утра, и даже записали интервью, которое через несколько часов показали по Финскому телевидению. Рано утром, распрощавшись с ней, мы уехали и в половине шестого утра уже находились в поезде Москва — Киев. В соседнем купе сидели постоянно ругающиеся с проводником, вдребезги пьяные дебоширы. Это нас спасло во время проверки документов российскими пограничниками — в пылу разборок с пьяницами на нас с Мовсудом не хватило времени. Поезд тронулся, наши документы остались непроверенными, а у меня вместо паспорта была только справка.

Позади осталась Россия. После пересечения российской границы на украинской границе нам было значительно проще. Офицер пограничной службы отнесся к нам с полным пониманием и даже пожелал счастливого пути.

В Киеве нас встречали друзья, депутаты Верховной Рады. Они временно поселили нас в квартиру своих знакомых. Все украинцы сочувствовали освободительной борьбе и были нашими большими друзьями. На Украине происходило волнующее событие, с большим трудом утверждались желто-голубой национальный флаг и гимн республики. Против была вся партия коммунистов, состоящая преимущественно из русских жителей Украины. Они требовали оставить красный флаг и гимн Советского Союза. Это неудивительно, благодатная земля Украины была напичкана кагебэшниками больше всех других республик СССР. Западная Украина еще долго сопротивлялась после «добровольного» присоединения и была задавлена только «большой кровью». Вся Украина пристально следила за происходящими событиями, кто же победит? Два дня яростных утомительных прений закончились. Большинством голосов был принят национальный желто-голубой флаг. Майское, полное надежд, голубое утро началось с украинской песни «Реве и стогне Днипр широкий». Счастливая Украина облегченно вздохнула, ее дети подтвердили свое освобождение.

А в российских газетах, после первого сообщения в «Известиях» о моем внезапном исчезновении, поднялась паника. «Чеченские тайные спецслужбы» выкрали вдову Дудаева из-под носа у ФСК!!! Каждый день приносил новые версии и догадки.

Был объявлен розыск, газеты пестрели моими фотографиями. Спрашивали у моего отца, он ничего не знал. «Приехали чеченцы, она с ними уехала». Перед нашим отъездом договорились, что только тогда, когда мы будем в безопасности, дней через десять, он сможет открыться. Некоторые журналисты в своих статьях высказывали реальные опасения: «Кому мешала вдова Дудаева?» Все сходились на «партии войны». Из Дании сделал заявление представитель Чеченской республики и племянник Джохара Усман Ферзаули: «Возможно, она просто находится в одном из российских городов, у родственников…» В ответ возмущенный отец тут же заявил: «В российских городах у нас родственников нет, и никакого племянника Ферзаулина у Джохара никогда не было!» После этого случая мы еще долго шутливо называли Усмана «Ферзаулиным». Наконец, задним числом пришло известие о телевизионном интервью с финской журналисткой, запутавшее всех окончательно. Как могла «она» очутится в Финляндии, когда в этот же день давала показания в генпрокуратуре?

Каждый день Мовсуд приносил газеты с новыми статьями о нашем побеге. Украинские газеты занялись их перепечаткой, и мне пришлось засесть дома. Украинские друзья решили отправить нас в самое безопасное место — в одно из сел Западной Украины — и ранним утром на легковой машине отвезли в Прикарпатье. Я любовалась, глядя в окно на игрушечно-красивые домики среди зеленых невысоких гор. Почти возле каждого «пряничного» домика — такой же сказочный колодец или часовенка. Возле одного из таких домиков, рядом с овальным озером, нас встречал его хозяин Николай. Депутаты уехали, а Николай повез нас показывать «местные достопримечательности». Когда мы проезжали по одной из улиц ближнего села, внутри меня неожиданно тихо зазвучала песня. Ее нежный грустный мотив я слышала в далеком детстве: «Гуцулка Ксения… Я тебе расскажу о любви…» Я начала напевать эти слова, Николай посмотрел на меня. «Сейчас, мы как раз проезжаем мимо дома Ксении. Здесь гуцулы живут…» — сказал он. Деревянный большой дом Ксении стоял на холме, от дома к дороге вилась узкая тропинка.

— А где она сейчас? — спросила я Николая.

— В начале этого века уехала в Америку. Нет и влюбленного юноши, написавшего для нее песню. А старый дом все стоит, как будто их ждет. Осталась только песня…

Мы поехали дальше. Село, в котором жил Николай, находилось на берегу прозрачной речки. Чуть правее, на самой окраине села, возвышался одинокий большой крест. «Мы его

недавно поставили, — объяснил Николай. — Раньше не разрешали». Зеленые, поросшие густым сосновым лесом, невысокие горы расстилались до самого горизонта. «В этих лесах, — рассказал нам Николай, — погибли местные партизаны. Западная Украина сопротивлялась до семидесятых годов. А под крестом раньше был тайный «схрон» — грот — с выходом к реке, его пробил ручей. В этом «схроне» скрывался командир с женой и двадцатилетним ординарцем. Его жена родила в нем девочку, кормила грудью всего четыре дня, потом пришлось ее отдать в село. В земле ребенок не выжил бы. Добрые люди вырастили девочку, она вышла замуж за моего брата. А командира выдал предатель. Русские солдаты подогнали большую пушку и с противоположного берега, прямой наводкой, расстреляли «схрон». Он стал им братской могилой. Они все там лежат…» — закончил свой грустный рассказ Николай.

Я потрогала круглый веночек из цветов, сиротливо свисающий с креста, от прикосновения моих пальцев тонкие белые бумажные лепестки дрогнули и задрожали.

Ночью мне приснилось березовое кладбище на Ивантеевке. На могиле моей мамы устанавливали белый мраморный памятник. В изголовье могилы вырыли большую дыру для «ножки», чтобы памятник не упал. Цветным прозрачным облачком из нее вылетела мамина душа. «Ну, как? Не скучно вам там?» — поинтересовалась я. «Да уж привыкли, — отвечала мама. — Только два дня назад, живой, похоронили одну молодую женщину. Все кладбище слышало, как она под землей билась и кричала!»

Березы трепетали, каждым листочком отражая майское солнце… Я посмотрела на календарь, ранним утром в этот день должны были поставить памятник, о котором я совсем забыла. Может быть, действительно там кого-то так и похоронили, мама всегда говорила правду.

Вечером к нам пришли гости, брат Николая со своей женой. Сорокалетняя женщина уже ничем не напоминала маленькую, рожденную в «схроне» девочку, но она принесла показать нам единственное свое сокровище, два письма, написанные ее родителями. Какой же любовью и нежностью дышала каждая их строка! «Доню, моя доню, — писала ее мама. — Я ли тебя не кохала бы, я ли не голубила бы, если бы нас не разлучили…» А отец, мужественно прощаясь с дочкой, в своем письме пояснял: «Если мы погибнем, знай, за Свободу «ридны Украйны», не верь, чтобы ни говорили «злыдни людины»…

«Как были похожи украинские «бендеровцы» на наших чеченских «бандитов-террористов», на «лесных, зеленых братьев»

Прибалтики, азиатских басмачей и афганских душманов. Никто из этих «злодеев» никогда не покушался на Россию, каждый из них только защищал свою родную землю.

Мы жили в украинском селе Шишеры уже две недели, скучали и ловили в похожем на зеркало озерке маленьких карасей. Мовсуд сразу поймал 18 карасиков, а я только 7. Украинская красавица, жена Николая, Мария, научила меня готовить вкусные котлеты из сыроежек. Тем временем наши депутаты ломали головы, как нас переправить в Прибалтику без моего паспорта. Изнывающему от скуки Мовсуду ночью приснился Джохар. Он сидел с ним рядом на кровати, улыбаясь, хлопал его по плечу и говорил: «Ты не знаешь, как я тебя люблю». После этого сна Мовсуду стало легче переносить добровольное заточение.

Чтобы нас немного развеселить, в субботу Николай пригласил «на шашлыки» своего друга, живущего в соседнем селе… Мы познакомились, собрали хворост, развели в саду за домом Николая костер и… скоро запах шашлыка поплыл по цветущему саду. Потом Николай с другом выпили «украинской горилки». Мы отказались, что повергло их в крайнее удивление, оно возросло еще больше, когда Мовсуд пояснил:

— Мусульмане не пьют, даже те чеченцы, которые позволяли себе это раньше, теперь во время «джихада», священной войны с российскими оккупантами — перестали пить.

— Так вот почему вы побеждаете! Если уж вы перед «горилкой» устояли, то и перед всем российским войском точно выстоите!

Друг Николая принес из дома гитару, они обнялись и запели. Дымок от костра, поднимаясь все выше и выше, обволакивал темнеющие кроны деревьев и таял в ночном далеком небе. Языки пламени, рассыпаясь искрами, смешивались со звездами, которые вдруг опустились и оказались прямо над нашими головами. Как они пели! Пели не только их голоса, пело все вокруг нас. В такт, мерно покачиваясь, шелестела листва в саду, в которой жил и пел каждый отдельный листик, каждая травинка пела свою собственную таинственную песенку, которые все вместе сливались в один нежный и проникновенный, мощный, благодарный хор. Гимн жизни на земле, ее Создателю. Волшебная, незабываемая ночь! А из моих глаз, наконец-то, хлынули слезы.

Ночью мне приснился Джохар. Он был в камуфляжной форме и в черной маске, из которой ласково светились только его глаза. Он взял меня за руку и подвел к высокой лестнице, по которой мы вместе забрались на первое небо. Внезапно я оказалась

парящей над залом ожидания аэропорта и увидела на огромном экране телевизора свое лицо. Сидящие за круглым столиком трое мужчин заговорили обо мне: «Ей нельзя появляться в аэропортах. Сразу арестуют. Ее данные во всех компьютерах». Они еще долго что-то говорили о технических возможностях современной компьютерной техники, но многое я не поняла и поэтому не запомнила. В конце сна белая машина подъехала к моей кровати, за рулем сидела и управляла машиной моя мама. Ее роскошные длинные волосы волной рассыпались и закрыли всю машину, развеваясь на ветру.

Я проснулась от звонка в дверь. С радостной вестью приехали депутаты Верховной Рады. Какой-то генерал брался переправить нас с Мовсудом через границу в Польшу на самолете. Но когда я рассказала им только что увиденный сон, они призадумались и ни с чем уехали обратно в Киев. Сон был настолько прямого значения, что невозможно было его не понять.

Прошел уже месяц, как мы уехали из Москвы, давно пора было уезжать. И тут я вспомнила про белую машину и мамины волосы: «Нам нужно ехать только на машине». («длинные волосы» — это благополучная дорога). Мы попрощались с нашими новыми украинскими друзьями, а Николай отвез нас сначала в Киев, а потом и дальше. На бензозаправочной станции, пока машина заправлялась для дальнего пути, Мовсуд пошел прогуляться и вернулся с газетой. Мы были уже спокойны, статьи о моем таинственном исчезновении в российских СМИ прекратились. Но вдруг на первом листе мы увидели мою большую фотографию со «зловещей» тенью Джохара на заднем плане, вся следующая страница целиком посвящалась нашей семье. Это отец, не дождавшийся нашего звонка, решил, что после такого длительного срока мы, конечно же, находимся в безопасности, и дал огромное интервью. Кроме того, в газете были и наши семейные фотографии вместе с зятем Мовсудом. «Ну вот, теперь и ты засветился!» — пошутила. Огорченный Мовсуд только вздохнул: «Хоть бы вы платье переодели, другого, что ли, нет!» Боже, я и не заметила, что была сейчас одета точно так же, как на этой фотографии. Даже легкая шифоновая косынка на моей голове была та же! Пришлось быстро переодеться в машине и нацепить солнцезащитные очки.

По дороге к нам присоединилась еще одна машина с друзьями Николая, и через несколько часов мы уже подъезжали к глухому селу на границе с Белоруссией. Тепло распрощавшись с Николаем, мы вошли в густой, заросший ельником лес. Наши новые знакомые должны были пересечь пограничный пост и ждать нас на дороге за селом через 2 часа. Когда мы вошли в лес,

Мовсуд предложил обойти село стороной, сделав большой крюк: «Чтобы нас никто не увидел», — пояснил он. Мне густой лес внушал тревогу, в незнакомом месте всегда легко заблудиться. Нужно идти так, чтобы был виден ориентир, например, сельские домики. «Нет, так нас заметят местные жители!» — не сдавался Мовсуд. «А если углубимся в лес, сразу заблудимся!» — отвечала я. Мы с ним долго спорили, а лес все не кончался. Прошло уже два часа, а село мы еще не обошли. Может, это уже второе село? «Я сейчас спрошу», — сказал Мовсуд и, оставил меня на окраине, а пошел в село. Среди старых, бревенчатых хижин, в светло-сером костюме он издалека обращал на себя внимание и светился, как светофор. «Кто же так одевается, когда переходит границу! А еще меня заставил переодеться!» Очень быстро, с встревоженным лицом, он заспешил назад. «Чуть не натолкнулся на пограничный пост!» Густому, колючему малиннику, заросшему высокой крапивой не было конца и края… Мовсуду было хорошо в шерстяном костюме, а я в тонкой летней юбке еле продиралась через высокую крапиву и колючки. Видно, ему стало меня жаль, он снял носки и по-братски отдал мне. Рядом послышался лай собаки. Пришлось лечь прямо в крапиву. Совсем рядом защелкал кнутом пастух, пасущий коров. Подбежала собака, и я услышала, как она фыркает прямо над моей головой. Но собака почему-то, сразу убежала. Мы вздохнули с облегчением и устремились дальше. Через час и, потеряв надежду, увидели, наконец, впереди проезжую дорогу. Мовсуд вышел на трассу первым. Ожидая его, от волнения я не находила себе места. Вдруг машина, не дождавшись нас, уехала?! Наконец я увидела Мовсуда, он шел и оглядывался на дорогу, лицо было обеспокоенным. Сердце упало, кто-то его преследует! Может, мне опять спрятаться? Но, оказывается, Мовсуд сразу нашел машину и оглядывался, потому что потерял меня!

Наши новые друзья привезли нас в 10 часов на железнодорожный вокзал в Ждановичах и уехали. Поезд до Минска будет только в 2 часа ночи. Вокзал представлял собой крошечную комнату метров двадцать с маленьким окошком кассира и стоящими вдоль стен обшарпанными деревянными диванами. Он был полупустым, только несколько замызганных пьяниц ругались с милиционером. Мы с Мовсудом сели на один из диванов. Нас тут же начали удивленно разглядывать, мы совершено не вписывались в окружающую обстановку. Особенно внимательно нас рассматривал милиционер. Даже если он не узнал меня, Мовсуд, внешне очень похожий на Джохара, заставлял задуматься над тем, кто я такая. С его чисто кавказской внешностью, жгуче-черными густыми волосами и большими

карими глазами было огромным риском приезжать даже в Москву. Чтобы меня не узнали, я легла, отвернулась и «уснула». Четыре долгих часа мне пришлось лежать лицом к стене. Мой бок сначала онемел, потом затвердел и превратился в бесчувственное продолжение дивана. Горели расцарапанные малиной и обоженные крапивой ноги, но я терпеливо ждала, когда придет наш поезд.

В зал ожидания пришел молодой мужчина, увидев Мовсуда, он сел на диван, который стоял напротив, и уставился прямо на него. Мовсуд заволновался, потом нагнулся и прошептал: «Он меня узнал, вместе в армии служили. Если подойдет, скажи, что ты моя мать!» Но пока, игнорируя пристальные взгляды сослуживца, Мовсуд «скучал» столь усердно, что даже зевнул несколько раз.

Наконец наши муки закончились, в два часа появился поезд, мы быстро вышли на перрон и уехали. В купе оба свалились без сил. Ровно в семь часов утра поезд прибывал в Минск. Холодное, дождливое белорусское утро напоминало осень. Позвонили в Вильнюс родным. Там начались срочные поиски выхода из сложившейся ситуации, обещали прислать за нами машину и договорились, что мы будем ожидать ее на автовокзале. В столичных киосках, на самом видном месте тоже красовалась последняя газета с моей фотографией на пол-листа. Я натянула на лоб платок и, совсем закрыв светлые волосы, стала походить на белорусскую колхозницу. Жаль, у меня с собой корзины не было.

Милиции на вокзале было так много, что нам с Мовсудом пришлось расстаться. Кругами ходил он вокруг здания, время от времени заглядывая и убеждаясь, что я на месте, снова уходил. Дождь усиливался и превратился в ливень, зашел совсем мокрый Мовсуд и сел подальше от меня. За 12 часов ожидания мы с ним перечитали все журналы и газеты, купленные нами в соседнем киоске, и заодно закрываясь ими от любопытных взглядов. Вокзал был переполнен людьми, одни приходили, другие, дождавшись автобуса, уходили. Только мы с Мовсудом сидели уже так долго, что начали привлекать внимание милиции. Место встречи изменить было нельзя, снаружи не прекращался ливень и, самое плохое, в семь часов автовокзал закрывался. Куда мы пойдем? Наконец, когда мы уже совсем было отчаялись, в семь вечера за нами приехали. Оказывается, столько времени они искали проводника, это было совсем нелегким делом. Плавно покачиваясь, машина понесла нас к белорусской границе.

В одном из приграничных сел совсем молодой парнишка, почти подросток, давно ждал нас в условленном месте. Так же,

как и раньше, машина с нашими вещами должна была пересечь границу, а мы пойти через лес пешком. Что-то подсказало мне взять запасную обувь, и я положила в сумку, на всякий случай, простые матерчатые тапочки, в которых прошла весь Бамут.

Солнце уже садилось, высокий лес стоял перед нами темной безмолвной стеной. Без проводника пройти его было просто невозможно. В этом лесу, в отличие от украинского, на постах стояли пограничники. «Пограничники вооружены, — сразу предупредил проводник нас. — Если вас услышат — будут стрелять!» Этого оказалось достаточным. Как только раздавался какой-нибудь звук, мы падали на землю и замирали, а потом поднимались и быстро шли по команде проводника, как ночные тени.

Наконец, белорусская граница пройдена. Осталось пройти вторую, литовскую границу, которая являлась самым трудным участком пути, потому что большую ее часть составляло топкое болото. «После такого сильного ливня могут возникнуть непредвиденные трудности», — беспокоился наш проводник, но отступать было некуда, и мы снова пошли. Было уже совсем темно, грозовые тучи закрывали ночное небо, вверху под каплями дождя тихо шелестели деревья. Опять мы ложились в мокрую траву, вставали и снова шли, но уже гораздо медленнее и осторожней. На литовской границе были собаки! Нам повезло, шум дождя заглушал все звуки. Я уже не помню, как мы перешли это ужасное болото. Мы то и дело увязали по пояс и вытаскивали друг друга. Сил идти дальше не было. В литовском болоте остались мои туфли. Но мы все-таки выбрались на твердый берег, мокрые и грязные, и повалились в высокую траву. Проводник посмотрел на мои босые ноги: «Как ты теперь пойдешь?» И тут я вытащила из пакета «бамутские» тапочки. Мовсуд удивился:

— Ты знала, что будет болото?

— Нет, сама не знаю, почему я их положила.

На дороге нас ждала машина. Закончился долгий, полный опасностей, путь. К 12 часам мы были дома. Но когда открылась долгожданная дверь, и мы предстали перед собравшимися родными и друзьями, с нетерпением ожидающими нас, удивлению их не было предела. Зрелище мы являли поистине поразительное! Насквозь промокшая, ободранная, грязная одежда, лужи возле ног, измученные, покрасневшие лица, словно мы по-пластунски проползли все украинские, белорусские и литовские леса. Впрочем, так и было.

На следующий день водитель целый час отмывал свою машину после нас от липкой болотной грязи. А я вспомнила свой старый, почти забытый, совсем короткий сон. Ночью к Джохару

пришла мама и поставила возле моей кровати запыленные солдатские бутсы. Так оно и вышло! Я тоже была одним из простых солдат народной армии Дудаева.

Глава 45

Через несколько дней нам прислали из Финляндии последнее интервью Джохара. Мы поставили кассету. Джохар был в отличном настроении, сидя за столом, улыбался и шутил с журналистами. Что-то они у него спросили, в ответ он рассмеялся и произнес загадочную, странную фразу: «Это не удивительно, удивительно будет, когда мертвые начнут возвращаться!» Наши финские друзья, видимо, сделали монтаж, поставив эту фразу первой в начале интервью уже после гибели Джохара. Но то, что он ее действительно произнес, сомнения не вызывало.

Мовсуд принес мне книжку Елены Мир «Управляемые сны», точно так же, как ровно за год до начала русско-чеченской войны он передал мне «Бхагават-Гиту». Кроме всего прочего, я нашла в ней конкретные данные о психотропном оружии. И, в частности, интересную информацию о том, как легко любому из нас внушить нужную кому-либо фразу. «С 1981 года вся Московская область напичкана установками психотропного воздействия, — писалось в книге, — это тайное оружие XXI века». И горе тем, кто относится к нему легкомысленно. Когда во главе страны стоят безнравственные люди, управляемым, безвольным «зомби» становится весь народ. В Чечне оно не подействовало, потому что ежедневный, пятикратный, обязательный намаз по своей материальной сути являлся еще и перепрограммированием. Молитва помогает и на этом свете!

В конце лета Россией вновь было нарушено перемирие. Как и предполагалось, оно стало очередным рекламным трюком в предвыборной кампании Ельцина. Многострадальный чеченский народ уничтожался с новой силой оружием массового поражения, использование которого запрещено Женевскими соглашениями: тактическими ракетами «земля-земля», вакуумными бомбами, шариковыми и иголочными снарядами, установками для залповой стрельбы «Град», отравляющими веществами.

На экранах телевизоров снова появился искалеченный Салман Радуев с обещанием перенести войну на территорию России. Я не знала, что делать. Боль и возмущение переполняли все мое существо. До тех пор, пока они не поймут, что «зерна гнева», которыми так щедро засеивается чеченская земля, не проросли и не дали буйные всходы на их собственной земле, они будут продолжать убивать! Но возможен ли такой же ответный террор с нашей стороны? Моим глазам представилась ужасная картина… Имеем ли мы право карать так жестоко, даже в ответ на самое страшное зло? Мысленно я обратилась к Всевышнему,

умоляя дать мне ответ. В это время диктор на экране телевизора перечислял программу передач на завтра. И вдруг в моих ушах ясно прозвучали слова: «Сильный, умный и добрый человек никогда, даже мысленно, не пожелает зла другим людям, иначе кто его самого защитит от зла в этом огромном мире…»

Из Стамбула приехал Деги с Магометом. В нем произошла огромная перемена, он расстался со своим детством. Деги не спрашивал ни меня, ни Овлура, ни Дану о том, что случилось с отцом, и никогда не разговаривал на эту тему. Он понял все тогда, в тот самый миг, когда прощался с Джокером в Гехи-Чу…

А 6 августа, повторив один к одному «генеральную репетицию» марта 1995 года, объединенными усилиями всех фронтов: Гелаевского, Басаевского, Радуевского — под руководством главнокомандующего Зелимхана Яндарбиева и начальника штаба Аслана Масхадова, Грозный был взят и удерживался до тех пор, пока тысячи взятых в кольцо российских оккупантов не запросили пощады. Сбылись слова Джохара, когда, ободряя уставших от войны и разуверившихся в возможности победить огромную Россию, он говорил: «У России нет больше сил. Мы обязательно победим!» Но победили они еще раньше, в канун 31 декабря 1994 года, когда сотнями отдавали пленных солдат российским матерям, проявив великодушие, присущее только сильному.

На Дагестанской земле, в железнодорожном вагоне, как и предсказывал в 1995 году Джохар, осенью 1996 года был подписан известный Хасав-Юртовский мирный договор с Россией. Немало этому способствовала победа в информационной войне, одержанная чеченскими средствами массовой информации во главе с министром информации и печати Мовлади Удуговым. Очень помогли иностранные и российские корреспонденты, многие из них погибли. Честь и слава всем, отдавшим свои жизни за торжество правды и справедливости на Земле, — лучшие умирают первыми! А чеченский волк, обгоревший и значительно исхудавший, снова развевался на зеленом знамени над Джохаргала, столицей непокорной Ичкерии. Нарисованный во время войны художником-любителем, он теперь совсем не походил на прежнего царственного Акелу, но именно такого, с торчащими из боков ребрами, его еще больше любили. Ведь с ним вместе мы прошли через войну.

21 апреля 1997 года — первая годовщина трагедии в Гехи-Чу. В это время я находилась в Стамбуле. Наша делегация во главе с Хож-Ахмедом Нухаевым (первым вице-премьером и генеральным представителем Чеченской Республики Ичкерия) после молитвы и ритуального жертвоприношения выходила из мечети Ахмед

Султана, одной из самых древних мечетей Стамбула. На примыкающих к мечети улицах и площади нас встречало много людей. Некоторые из них, преимущественно бедняки, пришли получить мясо семи жертвенных животных, но гораздо большая часть — почтить память первого Президента Ичкерии. У входа делегацию сразу начали фотографировать и снимать иностранные журналисты. Турецкие женщины со слезами на глазах провожали нас, а ярко-голубое весеннее небо вдруг потемнело от стремительно летящих птиц. Несколько стай закружилось над нашими головами и расселось на деревьях прямой, как стрела, аллеи. Птицы сидели на ветках, как крупные серые яблоки, и их было так много, что они покрыли все деревья, мимо которых шла наша делегация. Ни на одно другое дерево, стоящее рядом с этой аллеей, не села ни одна птица. «Посмотрите, — обрадовалась я, — ну разве это не знак того, что наш саха и молитва дошли до Джохара?»

Видимо, не зря птиц называют вестниками. Ни одна из них не улетела до тех пор, пока мы не ушли… Может быть, это были просто перелетные птицы, а может произошло необыкновенное чудо, объяснение которому я до сих пор ищу и не могу найти.

Мы им знамения Свои представим
И в душах их и в отдаленных землях,
Пока не станет ясно им,
Что это — истина («Господня»)
Ужели недостаточно для них (узнать),
Что их Господь свидетельствует все, что суще?»

Коран. Перевод смыслов и комментарий Валерии Пороховой. Сура 41 «Разъяснены», стих 53, с. 501.

Через два года произошло еще одно странное событие, которое вполне можно было бы отнести к разряду удивительных и необъяснимых. До войны Джохар поручил Дане составить список вещей, которые потом хотел передать в музей. Теперь ей опять пришлось заниматься этим. Друг Магомеда Хачукаева принес документы Джохара, которые Магомед вынес из горящего Президентского дворца. Их поместили в той же комнате, где хранились личные вещи Джохара из Гехи-Чу, мы собирались сдать все это в государственное хранилище. Дана работала целый день. Поздно вечером, когда все было переписано и уже вынесено, оглядев пустую комнату в последний раз, Дана направилась к двери. За ее спиной раздался тихий шелест, она обернулась и увидела падающий ниоткуда бумажный листок. Очень

удивившись (комната была совершенно пустой), Дана подняла его и прочитала. Это был билет в Грозненский драматический театр имени Ханпаши Нурадилова на спектакль «Ушедший за саваном». Больше всего поражала дата спектакля — 21 апреля 1993 года. В этот же день, ровно через три года, было совершено последнее покушение на Джохара. Билета, разумеется, в списке не было.

В 6 часов вечера по местному времени ударила первая роковая ракета.

Спектакль «Ушедший за саваном» совпал по трагическому сценарию с сатанинским замыслом Кремля.

Убийство первого Президента Ичкерии и русско-чеченская война были подготовлены кремлевскими сценаристами и ложью подонков и трусов. И неспроста этот зловещий знак предательства и вероломное убийство Джохара оказались связанными одной датой. Ничто не бывает случайным в этом мире, как не случайно и пророческое название спектакля — «Ушедший за саваном». Идущие по праведному пути уходят от нас живыми, а не умирают. И все, что случилось с нами на этой войне, было только подтверждением Его милости.

В одном из своих последних вещих снов Джохар идет вверх, к свету, один против огромного потока спускающихся вниз, куда-то в темноту, под землю, безмолвных людей. Они, как слепые, натыкаются на него, отстраняются, но неуклонно продолжают свое движение. В их глазах нет ни теплоты, ни радости. Равнодушные к себе и другим, умершие еще при жизни, люди с мертвыми душами. Все мы когда-нибудь окажемся там, где сливаются два мира, где едиными становятся сон и явь. Но какими мы придем туда?

В солнечный майский день 1998 года за мной заехали наши ополченцы и повезли в горы показать базу Джохара недалеко от старого Ачхоя (Ашхой-Кутора). Эти места были мне знакомы, здесь мы жили во время войны в 1995 году, в селе Орехово. Все близлежащие села Юго-Западного фронта позднее были полностью уничтожены российской авиацией и сожжены. Вновь проезжая на уазике через разрушенное и опустевшее село Орехово, мы узнали заросшую крапивой и бурьяном улицу. На месте приютившего нас дома зияла большая черная воронка. Но рядом с ней среди обломков ровной стопкой стояли уже очищенные и аккуратно сложенные уцелевшие кирпичи. Дальше, за развалинами, чернел вскопанной землей участок с зеленым шелком молодой кукурузы. Из подвала низкого сарая, куда мы прятались во время бомбежек, показался наш старый знакомый, хозяин бывшего дома, с ножовкой в руках. Мы обнялись. «Вот,

потихоньку собираю, — показал он рукой на собранные кирпичи. — Хочу заново отстроить дом. Вся семья живет в городе, а я не могу…» «А есть еще кто-нибудь в селе?» — спросила его я. «Всего два или три человека…»

Простившись, мы поехали дальше по заросшей майской травой колее. Кое-где в ней поблескивали прозрачные лужицы стоячей дождевой воды. В горах нас окружил лес — свод высоких деревьев, качающихся в далекой небесной голубизне зелеными вершинами. Весенние птахи легко перепархивали с одной серебристой ветки на другую, звонко перекликаясь в их вышине. Могучие стволы деревьев окружали зеленую поляну, на которую мы наконец выехали. Обрывистый, крутой берег стремительно спускался к бегущему внизу узкому ручью. Поляну окружали выложенные из темно-серых камней невысокие стены. В центре стоял такой же, выложенный из камней, стол. «Под обрывом есть небольшая земляная ниша, куда мы прятались во время бомбежек — вот и вся секретная база нашего неуловимого Президента», — пояснили сопровождавшие меня бойцы. Зеленая трава и синие-синие цветы на пушистых, хрупких стебельках покрывали поляну изумрудным густым ковром. Под порывами легкого ветра, налетающего с серебристых вершин тополей, этот ковер, казалось, оживал, перекатываясь под нашими ногами бархатистыми, шелковыми волнами. Раскачивались посеченные снарядами ветки деревьев, в глубине рощи были видны завалившиеся темные стволы. Глубокая вечерняя прохлада поднималась от ручья, веяло лесной свежестью и тонким ароматом синих цветов. Об этих майских цветах, наверно, говорили когда-то далекие предки чеченцев.

На ветке высокого дерева, рядом с обрывом и ручьем, на кривой проволоке покачивался небольшой осколок зеркала. «Джохар, когда брился, смотрелся в него, — сказали мне ребята. — Это самое дорогое, что у нас от него осталось…»

Воротами «базы» служила большая чеченская башня, старательно сложенная из огромных серых камней. Кроме низкой стены из булыжника, окружающей поляну, была еще одна высокая стена, идущая по обе стороны от башни вверх в горы и вниз к ручью. Все это ребята построили из серого природного камня своими руками уже после войны. «Мы еще не успели доделать эту стену и выбить на ней имена всех, кто погиб в эту войну». Я внимательно посмотрела на тружеников и храбрых воинов. Сейчас они сидели рядком на стене, в полинявшей от времени, ставшей почти белесой, форме, как серые, нахохлившиеся в непогоду, грустные воробьи. «Вот самое дорогое, что оставил Джохар!», — подумала я тогда, глядя на них.

И опять передо мной предстал Джохар, он предупреждал. Причем так искренне и убежденно, что не верить ему было просто невозможно.

«Все, что делается вразрез с природой, оборачивается потом катастрофой. Наличие атомного оружия — это скорее беда, нежели преимущество. Ведь можно взорвать атомную электростанцию и добраться до любого смертоносного, даже самого тщательно запрятанного оружия. Нельзя безнаказанно погружать людей в бездну такого отчаяния, выходом из которого, может быть только сама смерть. Ничего не стоят хитроумная политика сильных мира сего и их военная мощь перед силой человеческого духа!»

«Если человечество не покончит с войной, то война покончит с человечеством» (Джон Кеннеди).

Но схватка со смертью продолжается…

Не осталось и следа от сиреневой аллеи на Катаяме, где назначали весной свидания и встречались влюбленные. Уничтожен и парк имени Кирова, в котором Джохар часами искал и никак не мог найти волшебную черную розу.

Нет больше вишневых деревьев на улице Шекспира, с усыхающими от жары вишнями, которыми когда-то так любили лакомиться мальчишки и воробьи. Под бомбами погибла и крохотная, как птичка, малышка, успевшая в своей жизни спеть только одну коротенькую песенку: «Нани хаза ю…»

От улицы Шекспира не осталось почти ничего…

О каждом из жителей разбитого и сожженного города можно было бы написать трагическую повесть.

Маленькая девочка Элинка, чей портрет я когда-то написала, три раза становилась беженкой. У нее умерла мать и без вести пропал отец. После смерти Бислана, во время второй русско-чеченской войны, погибли Висик и Аслан. У Басхана не осталось больше сыновей. 39 человек похоронил род Дудаевых, почти все они молодые ребята, среди которых были и совсем пацаны. У других родов потерь не меньше. Одни пали, сражаясь, другие погибли в фильтрационных лагерях.

> «Ценою своей жизни сегодня этот маленький народ один спасает огромную Россию от ломящегося в ее двери фашизма, противостоит превращению ее в «немытую Россию, страну рабов, страну господ».
>
> *(Юрий Вологжанинов, русский, доктор физико-математических наук, сын Ивана Вологжанинова, погибшего на войне с гитлеровским фашизмом 6 января 1942 года.*

Статья «Русский фашизм не пройдет»).

Их можно лишить крови или родной земли, но никто в мире не сможет лишить чеченцев права защиты своей Чести!

Сопротивление Чеченского народа — бесстрашной армии Джохара Дудаева — продолжается.

В долинах слез, в горах печали
Неслышно воины вставали,
И люди взоры поднимали,
Услышав крик «Аллаху Акбар!»
И подрывались бэтээры,
В Европе удивлялись пэры,
Джадд лордом «принимались меры»,
Но несся клич «Аллаху Акбар!»
В ущельях и на горных кручах
Врагов несчитанные тучи,
Но с гор срывается могучий,
Лавиной крик «Аллаху Акбар!»
Сметая горе и печали,
Гоня, как листья, вражьи стаи,
Шахиды из могил вставали
Под грозный клич «Аллаху Акбар!»

31.01.2002 год

Приложения

Отзывы о Джохаре, Очерки, статьи, стихи. Тайна смерти Джохара Дудаева

Касум Джиндемир, вашингтонский корреспондент газеты «Hurriyet», издаваемой в Турции, 4 июня 2001 года в статье «Страшные признания» написал: «Агент Секретного подслушивания «NSA» (Услуга телефонной связи) Вайне Мадсен (Wayne Madsen) дал разъяснение: «NSA» со своими спутниками регулярно давала правительству США информации о координатах местонахождения лидера чеченцев Дж. Дудаева»… «Все сведения о координатах, о специальном телефоне, подаренном Дудаеву премьер-министром Турции Н. Арбаканом, Президенту Б. Клинтону дала «NSA». В 1996 году, во время президентских выборов в России Б. Клинтон поддерживал Б. Ельцина. В то время в России Президентом был избран Б. Ельцин, а затем в США — Б. Клинтон. С целью взаимной поддержки Б. Клинтон передал Б. Ельцину все координаты Дж. Дудаева.

В связи с этим 16 марта 2001 года в турецкой интернет-газете www.yesil.org проведены исследования в статье «Анатомия одного покушения».

Подарки и российская любовь

Секретные сервисы России не могли внедриться в чеченскую национальную борьбу. Для России это стало огромной пролемой, ибо чеченцы были сильны и имели сильного лидера. Кроме того в Турции правящие партии «Рифак — Догру йол» (лидерами этих партий являлись Н. Арбакан и Т. Чиллер) поддерживали чеченское национальное сопротивление.

Поэтому с целью подавления чеченского национального сопротивления Россия вошла в контакт с турецкими офицерами с левыми коммунистическими взглядами, имеющими в молодости досье «Sovyet masasi» (Советский стол). Они начали собирать досье о символе чеченского национального сопротивления Дж. Дудаеве и его телефоне марки «NEC».

В то время премьер-министр Н. Арбакан готовил в подарок Дж. Дудаеву телефонную установку «Immarsat-M» марки «NEC», сборка ее деталей происходила в Турции. Российская разведка, наблюдающая за этим процессом, совместно с турецкими левыми

сторонниками и шпионом контрразведки Шанкалом Атасагьюном установили в телефоне специальный микродатчик, регулярно контролирующий телефон с расстояния 100 м. Кроме того было подготовлено досье обо всех контактных контурах телефона. Ш. Атасагьюн находился в контакте с руководителем ПКК телефона «Immarsat-M», Абдуллой Оджаланом, самым заядлым сепаратистом последних 25 лет, лидером коммунистического движения.

В центре «Singnet Super Computer», в регионе Маррлянд США была установлена круглосуточная система наблюдения телефона Дж. Дудаева. Обычно наблюдение и преследование телефонного сервиса «Immarsat-M» — дело очень непростое. Наблюдать за тем, где находятся владелец телефона и контактные телефонные волны, практически невозможно.

Управление «National Security Agency» США передавало в центр «CIA» ежедневные информации о местонахождении (географической точке) и телефонных разговорах Дж. Дудаева. Отсюда эти досье получала Турция. А турецкие «левые» офицеры передавали досье в российскую ФСБ. Ш. Атасагьюн был задействован в связях с Россией самым непосредственным образом. Он являлся активным участником российской операции против Дж. Дудаева 21 апреля 1996 года. Во время этой операции Дж. Дудаев часто менял свое местонахождение, что создавало дополнительные проблемы.

21 апреля вблизи села Гехи-Чу самолеты российской военной разведки нанесли ракетный удар и разбомбили точку, где находился Дж. Дудаев. Однако Россия не подтверждала эти сведения. Только российское агентство ТАСС разгласило информацию о смерти Дж. Дудаева в 30 километрах от Грозного.

Обо всем этом Ш. Атасагьюн вместе со своим помощником Миктадом Алпаем (агентурный код «siyah» — черный) признались на встрече с корреспондентами газет «Sabah», «Hurriyet», «Milliyet» и «Star», проведенной в одном из кафе города Анкара 28 ноября 2000 года.

Турецкие сторонники коммунизма продолжают на Кавказе и в Средней Азии осуществлять свои злые умыслы вместе с Россией.

Для справки:

1. Ракеты пущены 21 апреля 1996 г. в р-не Гихи-чу с приставкой «П» и предназначены исключительно для поражения источников излучения.

2. Что из себя представляет ракета: по осколкам и остаткам ракеты — обшивка целиком из титанового сплава, самонаводящаяся, со своим антенным устройством.

Принцип действия такой ракеты: самолетное оборудование в

режиме «Поиск» обнаруживает источник излучения в режиме «Круговой обзор», далее на индикаторе кругового обзора накладывает на цель (источник излучения) метку дальности и направления (определяется дальность до цели).

Далее из режима «Круговой обзор» переходит в режим «МПМ»; укрупняется цель; уточняются дальность, направление; постоянно цель выдерживается в перекрестии; на дальности 50–60 км происходит захват цели самолетным оборудованием, о чем извещает пилота устойчивое горение лампочки «захват произведен». Далее от самолетного оборудования цель передается на антенную систему ракеты. После захвата антенной системой ракеты загорается лампочка «Пуск разрешен». При устойчивом горении лампочки производится пуск ракеты. Антенная система ракеты направляет ракету на цель. По взрыву обеих пущенных ракет можно сделать вывод, что взрыватель — контактный. Первая ракета, попавшая прямо перед машиной, у которой стоял Президент взорвалась при контакте с землей, в результате ударная волна отбросила машину на 5–10 метров, оставив воронку примерно 2 м глубиной и диаметром 3–3,5 метра. Вторая ракета пущена ведомым самолетом; она взорвалась на расстоянии 50 метров от машины в стороне в воздухе, сконтактировав с деревьями. В результате ударная волна завалила несколько верхушек деревьев, осколки только «пропахали» землю, не оставив воронки.

Желтая пыль, покрывшая место взрыва, показывает, что ракеты были на твердом топливе (остатки несгоревшего топлива).

Среди осколков найдены куски соплового аппараты ракеты (стальные куски), провода, стыкующие ракетную систему с самолетным оборудованием, заводской номер ракеты, надпись над люком на русском языке.

По показаниям жителей, в момент связи Президента с Боровым вечером 21 апреля в республике были отключены все телефоны, электричество. Это еще раз доказывает, что покушение было спланировано высшими эшелонами власти России.

Витаутас Эйдукайтис

Апрель, 1997 г.

ДЖОХАР

Турпал ца ле!
Турпал дашм веха!
«Пхьаармат»

«Доведите дело до конца». Так прозвучал последний завет бессмертного сына Кавказа, заложившего основы для осуществления многовековых чаяний народов, терпящих имперский гнет. Главная цитадель этой империи — крепость Грозная — сгинет в небытие и получит имя твое — Джохар.

Именно ты бросил вызов империи зла, перед величием и мощью которой смирился весь мир, — Джохар.

Ты, словно вершины Кавказа, символизируешь терпение и выдержку на тернистом пути к свободе — Джохар.

Ты стал девизом войны во имя мира, ибо только война могла принести мир — Джохар.

Ты назвал себя «жертвой» в истории и, как нарт-орстхоевец Пхьармат, похитив огонь, отдал его людям — Джохар.

Ты следовал нахской поговорке: «Камень остался, вода ушла», и ты в сердцах навсегда остался — Джохар.

Ты появился словно ослепительный жовхар, дополнив плеяду звезд ислама, в бездонном небе Вселенной — Джохар.

Возвратись же с небес на белом сияющем скакуне с саблей турпала Али в руке — Джохар.

17 апреля 1997 год

Ахьмад Хьачароевский

Письмо чеченской женщины Ильясовой Кхокхи Алле Дудаевой

Алла, добрый день!

Каждой клеточкой своего существа, каждым своим нервом пережила я с вами боль 21 апреля 1996 года. Если б я до конца поверила, что Джохара нет, наверно, я попала бы в 11-ю палату.

Для меня свято все, что связано с именем Джохара. Никогда, ни на секунду я не усомнилась в том, что для него дело свободы нашего народа было главным. Ей в жертву было принесено все: личный покой и благополучие, покой семьи, жизнь близких и родных. Мне посчастливилось несколько раз общаться с ним во время войны. Эти минуты сделали меня лучше, чище. Я счастлива, что у нашего народа был именно такой лидер, счастлива и горжусь, что когда-то обняла его, один раз накрыла для него стол, один раз подала напиться, один раз мыла его солдатские ботинки и один раз составляла вместе с ним концовку одного документа.

Самое сильное чувство в человеке — это чувство Родины.

Джохар для меня — Родина. Родина, сияющая мыслью, одухотворенная идеей, олицетворяющая бесстрашие, мужество, беспредельную стойкость духа.

Спасибо, что не ушли в себя, что не забываете нашу Родину, что живете ее проблемами.

Верьте, что он вернется. Даже если вы сидели рядом с его телом и держали его мертвую руку. Воскреснет из мертвых (Аллах велик) хотя бы потому, что он был последней моей надеждой. А я — это сотни и тысячи, и не только чеченцев.

Такие личности, как Джохар, принадлежат миру.

Ильясова Кхокха

2 июля 1998 год

Джохар Дудаев: «Жизнь — Аллаху, честь — никому!»

Время внесет свои коррективы в попытку всенародного расследования факта гибели первого Президента Чеченской Республики Джохара Дудаева 21 апреля 1996 года. Расследование это, видимо, ведется отдельными лицами и соответствующими госструктурами Чечни. Сегодня можно точно сказать, что любые его результаты будут носить характер уточняющих данных — инициаторы убийства Джохара Дудаева были известны до роковой даты. Надо еще раз вспомнить, кто они и как все происходило…

В ходе войны на территории ЧРИ средства массовой информации России более десяти раз сообщали о гибели главнокомандующего чеченскими вооруженными силами…

Возросший авторитет Дудаева-военачальника, античеловеческая политика геноцида, проводимого Россией и ставшего известным всему миру, падший на дно позора облик Президента России — все это заставляло спецслужбы России действовать осторожно и цинично.

О гибели Джохара Дудаева много раз сообщалось не для чеченцев — «местная почта» работала молниеносно, а эффект был обратным тому, на что рассчитывали агрессоры… Многократные повторы сценария гибели Президента воюющей Чечни создавались исключительно для российского обывателя и равнодушной международной «общественности» — пилюля успокоения была взаимной…

За три месяца до гибели Джохара Дудаева Москва подключила косвенным образом к свершению этой преступной акции свои связи за рубежом. Был запущен механизм «золотого посредника» между чеченцами, причем на эту роль приглашались

главы стран, где существовали свои проблемы «сепаратизма»… Цель была в отторжении Джохара Дудаева от права представлять чеченский народ. Сценарий политического убийства осуществлялся одновременно с подготовкой специалистов Главного разведуправления Российской Федерации…

Здесь мы сделаем небольшой экскурс в недавнее прошлое. Известны несколько случаев, когда взрывы в довоенной Чечне были различного рода специалистами отнесены к категории «покушение на Президента Ичкерии Джохара Дудаева». Но у нас есть все основания полагать, что они носили «внутренний» характер и отражали борьбу исключительно чеченских политических групп за власть в республике. Безусловно, материально-техническая подпитка со стороны заинтересованных в смерти Джохара Дудаева российских спецслужб была. Однако интересно другое: высшее руководство в Кремле гласно к этому не призывало. Оно сделало это позже, почувствовав неизбежность проигрыша в античеченской войне…

(Человек военный, прекрасно знавший «кухню» военно-прикладных «аспектов» технологии шпионского мастерства, Джохар, конечно же, чувствовал, что за ним идет настоящая охота. Но его отношение к этому до войны было более чем спокойным. В мае 1994 года после известного взрыва на дороге, где проезжал президентский кортеж, мы наблюдали следующую картину: уверенные, что теперь Дудаева можно будет увидеть только в сопровождении толпы телохранителей, многие свидетели были поражены, наблюдая его прогулки вдоль набережной Сунжи в сопровождении лишь двух молодых охранников. Что-что, а бороться и умереть Джохар не боялся, во всяком случае, повода для сомнений в этом он никому не давал…)

Джохар Дудаев был одаренным военачальником, блестяще доказавшим это в ходе российско-чеченской войны. Его отличие от тех, кто представлял российскую сторону, было не в пользу последних. Политическое бесплодие демократа Ельцина, демонстрировавшего гражданскую трусость, не шло ни в какое сравнение с поведением Дудаева: Дудаев рисковал жизнью, выступал с заявлениями на весь мир, убеждал публично своих товарищей в скорой победе. Он никого не боялся. Не дрожал за свою жизнь.

Именно Борис Ельцин — отец преступного треугольника «Ерин — Грачев — Степашин», создатель секретного Указа о вводе войск в Чечню, автор байки о «38 снайперах» и прочего цинизма и бреда — заявил весной 1996 года, что Дудаева надо расстрелять. Приехав в Екатеринбург, один из главных

инициаторов массового убийства жителей Чечни — Борис Николаевич Ельцин на весь мир объявил, что Кремль выдал «лицензию» на убийство Джохара Дудаева. Не случайно первым из официальных лиц, фактически признавшим смерть Президента Чечни, а следовательно, знавших ее причину, стал Анатолий Куликов — новый фаворит «царя Бориса»…

О многом говорит и факт открещивания каждой из силовых структур России от этой подлой «победы» над военным противником. Видимо, не только боязнь мести со стороны представителей чеченского народа, но и неизбежность их сравнения с тем, кого они убили, заставила их отказаться от «славы исполнителей» ельцинского приказа. Как военные, как личности они боялись сесть с Дудаевым за стол переговоров — россияне обнаружили бы, что ими правят ничтожные и циничные подонки. Они проиграли живому Джохару Дудаеву безоговорочно, они таким же образом проиграли ему и погибшему. Ибо как воин он был выше. Он погиб так, как воевал, — без страха и упрека.

Я. Саитов

Газета «Кавказская Хроника» апрель 1997 г.

СЛОВО О ДЖОХАРЕ

Памяти великого сына чеченского народа,
первого Президента ЧРИ, генералиссимуса Д. Дудаева.

Пять лет минуло с того памятного дня, дня инаугурации нашего первого, всенародно избранного, Президента Джохара Дудаева. Пять лет — это лишь миг в истории государства, но это великий миг, вобравший в себя целую эпоху. У всех живо в памяти это поистине грандиозное событие в истории нашего народа и его независимого государства. В этот день практически весь чеченский народ с величайшим воодушевлением чествовал своего горячо любимого первого Президента. И это было воистину незабываемое зрелище. Ликующий и возбужденный народ высыпал на улицу, запрудил все улицы и площади так, что яблоку негде было упасть. Все от души поздравляли себя и друг и друга с этим знаменательным событием, демонстрировали решимость и готовность отстоять завоеванную Свободу и Независимость, защищать свою Родину и национальное независимое государство.

На площади Свободы полным ходом шел грандиозный

митинг, где ораторы, сменяя друг друга, говорили о великом смысле происходящего и призывали к единству и сплоченности во имя великой цели, а народ в едином порыве скандировал: «Нохчийчоь!», «Джохар!», «Маршо!». А в это время в республиканском драматическом театре проходила церемония принятия присяги первым Президентом Чеченской Республики Джохаром Дудаевым. Все находились в ожидании великого события. Ритуал проходил торжественно, с соблюдением национального церемониала. Было много зарубежных гостей из многих стран мира и бывшего СССР. Для освещения этого радостного события в республике были аккредитованы журналисты более 30 зарубежных стран. После принятия присяги первый Президент Чеченской Республики вышел к ликующему народу, площадь разразилась мощным приветствием и грандиозным салютом в честь Президента.

С этого незабываемого дня минуло пять лет. За это время мы прожили с вами небывалый взлет национального самосознания, радости побед и горечь утрат, беспрецедентную в истории человечества, жестокую, варварскую агрессивную войну великой, имперской, колониальной державы против маленького, но великого своим духом чеченского народа и его независимого государства. В результате этой чудовищной двухлетней войны убиты десятки тысяч наших мирных граждан, превращены в руины и пепелища наши города и села. Наш народ пережил и переживает великую трагедию, но дух его не сломлен. В этой жестокой схватке мы не только выстояли, но и победили, отстояв честь, достоинство, свободу и независимость нашей Родины — Чеченской Республики Ичкерия. И великая заслуга в этом беззаветно любимого народом и ненавистного нашим врагам и их пособникам великого сына чеченского народа Джохара Дудаева, который воплотил в себе лучшие национальные черты: приверженность свободе и независимости, высокий интеллект и мудрость, беспредельное мужество, великое терпение и самопожертвование во имя Свободы. Только такой человек в переломный момент истории своего народа мог возглавить национально-освободительное движение и государство, возникшее в результате победы этого движения. Народ говорит о нем, что его прислал нам Великий Аллах, и это истина, ибо по воле Всевышнего происходит все на этой грешной земле; каждая эпоха рождает своих лидеров, героев, и его появление закономерно, как восход солнца. Он ворвался в нашу жизнь, как комета, озарив все вокруг своим ярким светом, осветив единственно верный путь, путь Свободы и Независимости.

Только такой могучий человек, как Джохар, мог справиться с

тем колоссальным грузом, который на него навалился. Только человек с такими феноменальными способностями и выдающимися качествами мог противостоять всему тому, что мы с вами пережили за эти пять лет. Мы знаем, какие нечеловеческие усилия ему приходилось прилагать, чтобы вести корабль чеченской государственности по единственно верному курсу. В этом смысле Джохар — великий мученик, прошедший все муки ада, и вряд ли кто-либо другой на его месте мог бы все это выдержать. А выдерживал он все благодаря своим гениальным способностям, выдающемуся административному таланту, мощному интеллекту, целеустремленности, преданности делу, которому всецело посвятил свою жизнь, безграничной выдержке и самообладанию, великому терпению и вере в победу своего народа.

Какие только козни не чинились против Джохара и основанного им государства: все мыслимые и немыслимые блокады, диверсии, происки спецслужб, тайные интриги, идеологические диверсии, террористические акты, терминологическая война, распространение всевозможных нелепых слухов и сплетен о нем, его в буквальном смысле терроризировали. Но все это он выдержал с честью, говоря по этому поводу: «Собака лает, а караван идет».

У нас был достойный Президент. Но всегда ли мы были достойны своего Президента? С величайшим сожалением приходится констатировать, что нет. Мы обвиняли его в том, что он подобрал себе плохое окружение. Оно его подводит, дискредитирует, говорили мы. Да, это так, но откуда это окружение бралось? Они ведь приходили к нему из нашей же среды, по нашим же рекомендациям, и в первую голову те, кто ровным счетом ничего из себя не представлял, но создавал видимость своей значимости, льстил ему, клялся в своей приверженности, независимости, но обманывал и предавал его. А он в силу своей доверчивости и порядочности верил им. Они могли ввести его в заблуждение в чем угодно, но в вопросах свободы и независимости они были не в силах сбить его с толку и избранного пути. Да, он верил даже одиозному человеку до упора, но когда он окончательно убеждался в его предательстве, был беспощаден. Тому есть множество примеров.

Вопреки всем интригам, власть Дудаева, а, значит, народа, охранял сам народ, выходя каждый раз при необходимости на ее защиту, организуя митинги, возводя палаточные городки перед Президентским дворцом, защищая Президента и свою власть и с оружием в руках. Об этом свидетельствуют события прошедших пяти лет независимости: 31 марта 1992 года, 1993 год, 26 ноября

1994 года и русско-чеченская война 1994–1996 годов. К каким только невероятным измышлениям не прибегали наши враги и их прихлебатели в отношении нашего Президента! И в этом им активно помогали наши собственные обыватели.

Они говорили, что он грабит свой народ, что у него счет в швейцарском банке, а он жил в доме своего брата, вел скромный, спартанский образ жизни. Те же, кто его в этом больше всех обвиняли, обобрав свой народ, как липку, трусливо сбежали. Они говорили, что он в трудный момент сбежит, бросит свой народ на произвол судьбы, уйдет за границу, а он ушел в бессмертие за кровное дело своего народа. А где же те, кто об этом больше всех кликушествовал? Как говорится, одних уж нет, а те далеча. О Джохаре же и его соратниках народ слагает назмы и воспевает в них их подвиги. Они обвиняли его в том, что он летал на самолете по заграницам и ему обеспечивали воздушный коридор. Да, летал, и летал потому, что орел, а рожденный ползать, как известно, летать не может. Они упрекали его в том, что он хочет заставить нас есть лесные шишки и вязать шерстяные носки, а он говорил, что мы можем и должны полагаться только на самих себя. Его обвиняли в том, что он будто бы разделил нас на тайпы, вирды (секты), плоскостных и горных, друзей и врагов, дудаевцев и антидудаевцев. А он первый обратился к нам со словом «махкхой» (соотечественники) и выше всего ставил это понятие. Они обвиняли его даже в том, что он в 1992 году вывел с территории Чечни русские оккупационные войска, впервые в постсоветском пространстве. Если смог вывести, значит что-то не так, что-то есть подозрительное в этом, другие не смогли, а он смог. А он смог потому, что был настоящим мужчиной, хитроумным и могущественным, умел делать то, что не по силам его злопыхателям. Его обвиняли в том, что он здесь не жил, что он приезжий, что он не знает чеченцев, наш народ, нас с вами. Это еще один миф о нем. Как раз наоборот, он прекрасно знал нас, степень нашей деградации и, тем не менее, решительно возглавил национально-освободительное движение, ибо хорошо знал, что у нас нет иного пути, потому что дальше идти уже было некуда. Его обвиняли в резкости суждений и высказываний. Да, они были, потому что он был абсолютно бесстрашным человеком. Но эти высказывания были всегда к месту и в присущей ему корректной манере. Другое дело, что их вырывали их контекста, реальных конкретных условий и определенного времени, в которых они были сделаны. В своих высказываниях и работах он с беспощадной правдивостью обнажал суть руссизма как разновидности самого жестокого, гнусного, оголтелого, пещерного фашизма и несправедливость существующего

миропорядка. Они подвергали его остракизму за то, что он резко критиковал ООН. Теперь же все говорят о том же, ибо эта организация во главе с ее Генеральным секретарем дискредитировала себя. А что она подлежит радикальному реформированию, уже очевидно всем.

Они обвиняли его в том, что он не поставил каждому из нас золотой краник, из которого текло бы верблюжье молоко. А он имел в виду, что мы должны для этого отстоять свою независимость, укрепить свое государство, быть преданными своему государству гражданами и трудиться не покладая рук для его блага, а не грабить свой народ. Его обвиняли в том, что он не ищет компромиссов, а стремится к войне. Факты же свидетельствуют о прямо противоположном: имеется целая кипа документов и писем, написанных Джохаром и адресованных Б. Ельцину и другим руководителям России, где предлагается цивилизованное, мирное решение вопросов взаимоотношений между Чечней и Россией.

Его обвиняли в том, что он агент. И это правда, он действительно был и до конца дней своих остался агентом чеченского народа и его независимого государства. Его обвиняли в том, что он, якобы, говорил, что, дескать, если от чеченского народа останется 30 процентов, то и этого хватит. Но война показала со всей очевидностью, что подонков и предателей у нас достаточно, а они к нашему народу не имеют никакого отношения. Его обвиняли в том, что он окружил себя алимами, муллами и старейшинами, которые его предают. Но Иисуса Христа тоже предали старейшины. Те, кто предал нашего Президента, не боялись Всемогущего Аллаха, а боялись русских, это их деяние, и каждый определяет себе цену сам.

Его обвиняли в том, что он, якобы, говорил, что нам хватит трехклассного образования, а он между тем открыл президентский колледж, военный колледж, учредил Академию наук, членами-корреспондентами которой становились его недоброжелатели, коллаборационисты и даже откровенные враги чеченского народа. Они говорили, что он губит чеченский народ, а он открыл мемориал жертвам геноцида и всему миру показал, кто является истинным палачом чеченского народа и губит его и поныне. Они обвиняли его во всех смертных грехах, а он является основателем нашего современного государства, заложившим все его основы: атрибуты и символы государства, армию, гражданство, все структуры государственной власти и управления, чеченские паспорта, чеченские деньги, государственные награды, ордена и медали и т. д.

Его пытались перехитрить его недруги, мелкие завистники,

откровенные проходимцы и отщепенцы от народа, а перехитрил их всех он, ибо он стоял на пути Аллаха, а Аллах сказал, что самый хитрый — это Я. Его упрекали в том, что он называл русские танки спичечными коробками, но что это так — на примере доказали наши славные воины. Его обвиняли в том, что он недооценивает мощь русской армии и ее количественное превосходство. Но ведь сами русские продемонстрировали, а наши воины доказали: количество ничего не решает, если оно натыкается на непобедимый дух народа, отстаивающего Свободу. Его обвиняли в том, что он не подготовил должным образом чеченскую армию, но он все время говорил, что армия создается десятилетиями, что наша армия — это весь чеченский народ, каждый чеченец — генерал, а он — миллион первый.

Его обвиняли в том, что он возбудил уголовное дело против президента США Билла Клинтона, а это недопустимо, потому что это президент великой державы, но ведь Клинтон фактически санкционировал войну в Чечне, но только, по его мнению, проблему нужно было решить малой кровью.

Перечень того, в чем обвиняли нашего Президента, можно было бы продолжать до бесконечности, но и этого достаточно, чтобы убедиться, что он ни в чем не виноват. Означает ли это, что у нашего Президента не было ошибок, недостатков и упущений? Вовсе нет. В таком великом деле без них, к сожалению, не обойтись, но об этом будет судить Всемогущий Аллах и будущие поколения нашей Родины. Он же предупреждал нас, что если мы не будем мужчинами, если не будем едины и бдительны, нас ожидают великие бедствия, и это подтвердилось. Он говорил на Общенациональном съезде чеченского народа: «Мы приняли решение, путь предстоит тернистый, и мы должны его пройти с честью до конца, чего бы нам это не стоило».

Россия обвиняла его в том, что с ним невозможно договориться. Да, по вопросам предательства интересов народа, независимости и свободы с ним договориться было нельзя. И поэтому военно-политическое руководство России, совершившее тягчайшие преступления на нашей земле, объявило его преступником и ругало на чем свет стоит. Но в отношении этих временщиков хорошо сказал известный русский поэт Кондрат Рылеев: «Хула из уст твоих — достойных хвал венец».

Джохар любил повторять слова имама Шамиля: «Один человек может разрушить то, что создано усилиями тысяч людей. Что же может сделать один, если тысячи разрушают?» А еще он говорил часто, что трудно создать государство, но еще труднее создать чеченское государство. Он хорошо нас знал.

Джохар! Единственное, в чем мы можем тебя мягко

упрекнуть, так это в том, что ты не установил тот пресловутый режим, о котором все время говорили русские, их агенты и национал-предатели. Ты же был мягок в отношении с людьми, излишне доверчив, снисходителен к их слабостям, но беспредельно тверд в вопросах идейных, государственных, в вопросах чести и достоинства чеченского народа. Некоторые твои, так называемые, соратники предали тебя, но это только оттенило твое достоинство, честь и славу. Ты был снисходителен и терпелив. Ты говорил: наш народ болен. И это действительно так, потому что десятилетия колониального угнетения тлетворно повлияли на наш народ в виде комплекса неполноценности, вины перед колонизаторами и стереотипов мышления, внедренного колонизаторами. Вместе с тем ты говорил, что нет народа, подобного чеченскому.

Ты не уставал повторять, что заблудшие осознают свою вину, изменятся и искренне раскаются. Ты знал, что освобождающийся от колониальной зависимости народ должен быть консолидирован. И ты стремился к этому всеми своими силами.

Говорят, что ты пришел в этот мир слишком рано или слишком поздно. Неправда! Джохар! Ты пришел в этот мир своевременно, но слишком рано ушел из него, осиротив тем самым чеченский народ. Велика наша утрата, глубока наша скорбь, безмерно наше горе. Но ты оставил нам своих верных соратников: Зелимхана Яндарбиева, Аслана Масхадова, Шамиля Басаева, Сайд-Хасана Абумуслимова, Руслана Гелаева, Асламбека Исмаилова, Ахмеда Закаева, Долхана Хожаева, Асламбека Абдулхаджиева, Ваху Арсанова, Абу Мовсаева, Ахъяда Идигова и многих героев своего народа, которые с честью несут и будут нести подхваченное знамя Свободы.

Джохар! Ты намного опередил свое время, и нам еще предстоит по достоинству оценить твою феноменальную личность. Тебя беззаветно любит твой народ, потому что ты наиболее полно выражаешь его менталитет, его дух и вековые чаяния. Мы не жалели и не берегли тебя. Прости нас. Единственное, что мы можем сделать, не для тебя, а для себя, — это достойным образом увековечить память о тебе, хотя в этом нет необходимости: она будет вечной в памяти нашего народа, пока будет жить чеченский народ и человечество на планете Земля.

И тем не менее предлагаю:

1. Увековечить память Джохара, заложив новый город на месте, которое он обозначил при жизни, и назвать его Дуки.

2. Ввести в учебных заведениях республики обязательное изучение биографии и жизненного пути великого чеченца и

первого Президента Чеченской Республики Джохара Дудаева.

3. Создавать в школах организации его имени.

4. Объявить конкурс на создание памятника первому Президенту Джохару Дудаеву.

5. Назвать Национальную гвардию именем Джохара Дудаева.

6. Учредить премию имени Джохара Дудаева за выдающиеся заслуги перед Отечеством.

7. Учредить орден имени Джохара Дудаева.

8. Академию наук, основанную им, назвать именем Дудаева.

9. Создать фонд имени Дудаева.

10. Внести в календарь знаменательных дат день рождения Джохара Дудаева.

11. Создать музей Джохара Дудаева.

Дала къобалдойла Джовхаран гlазот! Дала декъалбойла вайн гlазотехь эгна болу турпала бlаьхой! Дала декъалдойла нохчийн къоман гlазот! Дала ирсе дахар лойла бухабисанчарна маьрша, йозаш йоццу нохчийн пачхьалкхехь! Аллахlу акбар!

Юнади Гелагаев.
Газета «Защитник Отечества»

апрель 1997 г.

ОН ПРОНЕССЯ, КАК МЕТЕОР

21 апреля — скорбная дата. Ровно год назад мир облетела страшная весть о гибели Джохара Дудаева. Но мало кто поверил этому сообщению. Россия десятки раз хоронила героя № 1 планеты Земля. Вот почему не верят этому и многие наши соотечественники.

Все версии о гибели Джохара Дудаева, в том числе и от взрыва специальной ракеты оптического наведения, страдают одним существенным недостатком. Никто не берет на себя ответственность за этот террористический акт: ни военно-воздушные силы Российской Федерации, ни пресловутые «Альфа» и «Омега», ни тем более Федеральная Служба Безопасности. Никто не рвет на себе тельняшку и не подставляет выгнутую дугой грудь для награды. Боятся.

Знают, что когда-нибудь за это политическое убийство придется отвечать. Десятки тысяч фанатично преданных Джохару людей собрались в день траура на южной окраине селения Гехи-Чу. Здесь и разыгралась эта страшная трагедия. Удивительно красивый уголок Чечни. Цветущие груша, алыча. Останки сожженной «Нивы». Огромный серый мраморный валун в память

о величайшем сыне Земли. Вот и все.

Но посмотришь на людей, заглянешь в их глаза, в которых теплятся Вера, Надежда, Любовь. И начинаешь совсем по-иному воспринимать Джохара и его эпоху. Нет, это не конец. Это только начало.

Хамид Гуно

Газета «Кавказская Хроника»

апрель 1997 г.

Джохару Дудаеву — рыцарю Чести и отваги

30.04.1996 г.

Продаю совесть, сравнительно недорого,
Она подходит квислингам, бонзам и рабам,
От ее мирной болтовни даже звон стоит в ушах…

Уезжаю в борющуюся Чечению… Надолго.

Бернардас Браздженис

В Грозном цветут белые и
Желтые акации
С верхушками и ветками,
От взрывов бомб обоженными,
И пулями изрешеченными стволами,
Напоминая времена,
Когда в вечернюю теплынь
Чеченцы пели лишь
О любви и о свободе.
А нынче за любовь и свободу
Чеченцы стреляют
И кровью своей ставят подпись —
За любовь и свободу
На руинах и свалках Грозного,
При развевающемся знамени
Российской демократии,
Под индульгенцию ООН и ОБСЕ,
При взрывах гранат,
Бросаемых героями Российской Федерации
С Золотой звездой в награду.

В Страсбурге цветут вишни,
Разноцветные деревья
С необломанными верхушками,
На чистых улицах сверкают лимузины
И не видно пьяных и вшивых
Российских солдат.
Десятилетние французские подростки
Коллекционируют духи,
Дают другим понюхать аромат
И собираются на экскурсию —
Запечатлеть себя на снимке
У европейского Дворца
Прав человека.
Десятилетние чеченские подростки
Коллекционируют патроны,
Они собирают российские патроны,
Они собирают качественные патроны
В надежде приобрести оружие
И пустить пулю
В черное сердце пришельца.
В сердце маленького чеченца
Набирается живительная сила
Для защиты чести и свободы.
Некоторым они дают потрогать патроны.
Первый Президент России
Борис Ельцин
Решил уничтожить
Свободу чеченцев и
Первого Президента Чечении
Джохара Дудаева.
Принял решение
С поддержки и согласия
Сорок второго Президента
Соединенных Штатов Америки
Билла Клинтона.
В живописном Страсбурге
Совет Европы выстроил
Роскошный и величественный
Дворец Прав человека
Для всей Европы,
За исключением чеченцев.
Впрочем, приспособили для здания
И кое-что чеченское:
Крышу укрепляли разодранными

В клочья телами чеченцев,
Металлические конструкции
Красили кровью чеченцев,
Окна чистили слезами
Чеченских матерей.
И никто не отрицает,
Что чеченцы находятся в Европе
С правом на уничтожение —
Внося такой вклад,
В таком статусе.
Президент Клинтон
Доставил для приятеля
На Ближний Восток
Разведывательную технику.
Президент Клинтон
Ссудил Президента Ельцина
Зеркальцем для поиска Джохара Дудаева.
Выполнил свое слово джентльмена: —
«С наименьшей кровью».
Остались еще жена Алла,
Сыновья Овлур и Деги,
Дочка Дана и
Трое маленьких внучат —
Резерв еще имеется.
Для всесильных мира сего
Живописно умирают чеченцы,
Полезно умирают чеченцы,
Законно умирают чеченцы —
Нарушители спокойствия в Европе.
Всесильные мира сего
Не вынесли чеченской гордости,
Не выдержали их наивной святости,
Подписали ордер на их раздавление.
В мире остается последний народ,
Сохранивший порядочность.
В мире был последним
Президент Джохар Дудаев,
Заявивший, что Ельцин, Клинтон,
Коль, Жак Ширак и Мейджор —
Лишь голые короли.
И как бунтовщик,
Как непослушный,
Как еретик
Их трибуналом был приговорен.

В мире погасла
Звезда первой величины,
Всесильные мира сего
Грязными и окровавленными
Руками притрагиваются
К божественной воле
И мудрости народов,
Порядку и совершенству.
Кнехты помогают держать им
Топоры и ножи.
Сытые всесильные долго спят
По утрам — их задерживает переваривание жертв.
Дон-Кихот встает в поход
Ранним утром.
Он знает свое дело —
«Тысячелетиями спотыкаются и падают
И снова встают россинанты».
Джохар Дудаев
Никого не боялся.
Его приучили повторять:
«До конца доведите начатое дело».
Эти слова его были последними
Перед тем как уйти на покой.
Рыцарь чести не умер.
В Чечении развевается единственное
Знамя свободы.
Здесь нет Дворца Прав человека.
В Страсбурге развеваются 39 знамен.
В нем — Дворец Прав человека.
Чеченский рыцарь свободы
Верхом на белом коне несется
Со своим знаменем к солнцу.
Верхом едет свободный и несгибаемый.
Sic transit gloria mundi —
Так приходит слава мирская.
Легенда шейха Мансура, Шамиля
И Джохара Дудаева
Парит над горами Кавказа,
Как стремление к свободе,
Как глашатай свободы.

Альгирдас Эндрюкайтис

Перевод с литовского

ДЖОХАР

Восстала нетерпенья дрожь,
И рвутся удила.
Нам ясен путь, нам нужен вождь,
Который — как стрела!
Нам нужен вождь, чей взгляд, как нож,
Вонзиться б в сердце смог,
Нам для Джихада нужен вождь,
Которым ликом — Бог!
Нам нужен вождь, как чистый дождь,
Скопилась мерзость в нас,
Нам для Джихада нужен вождь,
Который духом князь!
Тот страх не в силах превозмочь,
В ком голос предков смолк.
Нам для Джихада нужен вождь,
Который сердцем — волк!
И кружат зикры день за днем
На наших площадях,
Зеленым мечется огнем
Уже готовый стяг.
Уже готовый пьедестал
Вцепился в твой сапог.
— Восстань Джохар!
И ты — восстал!
И быть собою перестал,
И стал — и вождь, и волк.

Наталия Лефанова, русская жительница Грозного

СТИХИ И КАРТИНЫ

МОЛИТВА

Я жду тебя, любимый, днем и ночью,
Как сотни женщин, не смыкая глаз,
Шепчу, в который раз с тобой прощаясь,
Пусть это будет не в последний раз.
Пусть не в последний раз тебя я вижу,

Пусть я опять прижмусь к твоей груди,
Молюсь в отчаянье о встрече, расставаясь,
Уходишь снова на полеты ты.
Уходишь снова, так же, как и прежде,
Пространство сжать и вечность сохранить,
А для меня мгновенья, как столетья,
Как их прожить, как время мне убить?
Как мне убить в душе моей сомненья,
Зачем нужна мне эта синева?
В стальной скорлупке, капелька живая,
Ты мчишься в ней, любовь и жизнь моя.
Молюсь я крыльям, бакам и моторам,
Самой судьбе, внемли моим мольбам,
Не урони того, кто сердцу дорог,
Кого сверх звука ты проносишь там.
Он сам себе придумал этот жребий,
Будь милостивой, доброй, пощади!
Развей усталость, не дави на плечи,
С глаз пелену тумана подними.
Он должен быть спокойным, сильным, зорким,
Ведь летчик ошибается лишь раз…
А дома я сто тысяч вариантов
Перебираю, не смыкая глаз,
Не остудив прохладой ночи веки,
Разгоряченною рукой касаясь лба,
Я выбегу опять к тебе навстречу.
«Летал — как птичка!» — скажешь, вновь шутя.

1988

ИЧКЕРИЯ

Кто был на родине твоих отцов,
Прекрасней места не встречал ни разу,
В горах легло немало храбрецов…
За что и как? Тут не ответишь сразу.
Над конусом горы звезда дрожит,
За ней вершины гор скрываются в тумане,
Сплошной деревьев свод, но башня там стоит,
В молчанье вековом застыла перед нами.
В ней камни старые от пороха черны,
Костей, белеющих под лунным светом, груда,

Растеряны легенды старины,
Но помнят горцы ждать беду откуда…
Лежат здесь те, кто жизнь свою отдал,
За честь и веру гордого народа
Кто, умерев, опять свободным стал,
Но дорогой была эта свобода…
Россия! Твое имя сотни раз
Сопровождал проклятьями Кавказ,
От плача женщин и от стона гор
Дрожит вновь воздух и туманит взор.
Земле сожженной только недруг рад
И ненавистью полон каждый взгляд.
Никто не заикнется о правах —
Стоит держава на людских костях.
И не роса, а слезы на траве.
Кровавые ручьи текут в твоей стране.

март, 1996

РОССИЯ, 1996 год

Не лица, а лики теней и химеры,
Не ветер, а стены и правда в полмеры,
В полмеры любовь и в полмеры страна,
Звучащая, словно с надрывом струна,
И жизнь, словно сон, и проснуться бы рад,
Правдива лишь смерть и друзей горький мат
Над гробом твоим, спи спокойно, солдат!
Ты предан с рожденья бессильем отцов,
Ты сердце разбил о незыблемость снов,
Молчанье могилы — дыханье твое,
А девочка стала путаной давно.
Нет краски смущенья на юном лице,
Продажная маска на целой стране,
Кровавая каша времен и народов,
Убийц, жертв и судей, удобных законов,
И повар хмельной, не дождавшись утра,
Спалит вместе с кашей и кухню дотла…

1996

Голубые дали, синие леса,

Дальняя дорога — прямо в небеса.
Кровью снег струится, ближе все видней,
Но не Вы бредете по колено в ней,
Но не в Вашей крыше черная дыра
И не Ваши дети умерли вчера
И не Ваших братьев в восемнадцать лет
Бронетранспортеры волокли вослед
По дорогам этим, в кровяных следах
Не дошел до нормы геноцид в горах
Столько слез и крови на земле моей
Совесть всей Европы — искупайся в ней!

2001

Скажите смерти: — Нет! Скажите жизни: — Да!
Как страшный сон исчезнет жестокая война!
Две армии сольются, как две реки в одну!
И потекут на Север, освободив Чечню!
Освобождать Россию от паутины зла!
Скажите смерти: — Нет!
Скажите жизни: — Да!
Лишь общая победа нам видно суждена!
От света нашей правды растают ложь и мгла!
И счастливы мы будем только тогда, когда
Сто тысяч городов воскликнут с нами: — Да!
Да! Мирным городам! Садам цветущим! — Да!
Играющим в них детям! Невестам! Женам! — Да!
И людям всей планеты, живущим в мире! — Да!
Да! Жизни! Счастью! Солнцу! Любви! Свободе! — Да!

2000